

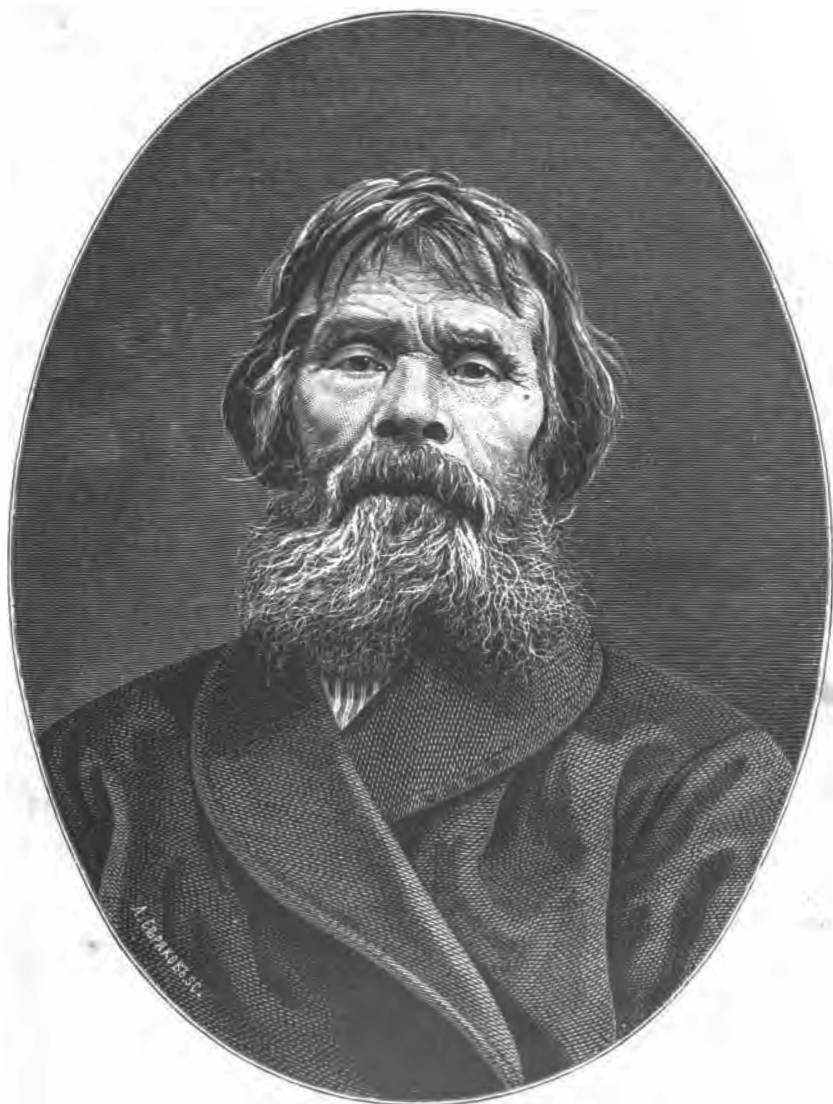
В. П. АВЕНАРИУСЪ.

Москва. Изданіе А. Д. Ступина.

Библиотека "Руниверс"

КНИГА БЫЛИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ
РЯБИНИНЪ.

КНИГА БЫЛИНЪ.

СВОДЪ ИЗБРАННЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

Составилъ В. П. Авенариусъ.

Съ портретомъ пѣвца былинь Рябинина, работы Л. А. Сѣрякова и рисунками
А. В. Прохорова, Н. Н. Каразина и В. В. Спасскаго.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

ПЕЧАТАННОЕ СО ВТОРОЮ БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЪ.

ОДОБРЕНО Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ учащимся.

ВНЕСЕНО въ каталогъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

РЕКОМЕНДОВАНО Учебнымъ Комитетомъ Собств. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи учебнымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, какъ классное пособіе, и для подарковъ.

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина.

1902.

Дозволено цензурою. Москва, 10 ноября 1901 г.

МОСКВА.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская улица, соб. домъ.
1902.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Введеніе къ былинамъ	ѸП

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

I. Вольга Всеславъевичъ (съ картинкой)	3
II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра	13
III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична	25
IV. Алеша Поповичъ (съ карт.)	30
V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ	40
VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ (съ карт.)	46
VII. Ставѣрь Годиновичъ и Василиса Микулична	54
VIII. Соловей Будиміровичъ (съ карт.)	67
IX. Испыленіе Ильи Муромца	78
X. Илья Муромецъ, черниговцы и Соловей разбойникъ (съ карт.)	85
XI. Микюла Селяниновичъ (съ карт.)	102
XII. Святогоръ	112
XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична	116
XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ (съ карт.)	121
XV. Илья Муромецъ и Идолище	127
XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ	135
XVII. Илья Муромецъ и Калинъ царь (съ карт.)	145
XVIII. Чурила Плѣнковичъ (съ карт.)	164
XIX. Дюкъ Степановичъ	173
XX. Добрыня Никитичъ въ отъздѣ (съ карт.)	196
XXI. Михайло Потыкъ	209
XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ (съ карт.)	218
XXIII. Три повзочки Ильи Муромца (съ карт.)	230
XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси	239

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

I. Молодость Василя Буслаева (съ карт.)	245
II. Смерть Василя Буслаева	259
III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ	267
IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ (съ карт.)	274

БЫЛИНЫ МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ и ПЕТРОВСКІЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ	285
II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ (съ карт.)	287
III. Ермакъ, покоритель Сибири	293
IV. Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ	298
V. Гряшка Отрельевъ и Марина Мнишекъ	299
VI. Смерть Стеньки Разина	303
VII. Азовъ	305
VIII. Плачь войска по Петрѣ	307

БЫЛИНЫ БЕЗЫМЕННЫЯ.

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ	311
II. Татарскій полонъ	315
III. О Горюшкѣ (съ карт.)	317
IV. „Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море...“	319
Примѣчаніе къ былинамъ	III
Алфавитный указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и не- обычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ	XXXI
Отзывъ печати о „Книгѣ былинъ“	XLII

ВВЕДЕНИЕ КЪ БЫЛИНАМЪ.

Младенецъ, едва перенявшій нѣсколько отрывочныхъ словъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ окружающаго міра, въ которомъ все для него ново, подъ вліяніемъ нянюшкиныхъ чудныхъ сказокъ и пѣсенокъ, начинаетъ безъ-умолку лепетать и щебетать, пока языкъ и слухъ его не разовьются до связанной рѣчи и музыкальныхъ звуковъ. Точно такъ же и всякая юная отрасль великой человѣческой семьи, выходя изъ первобытнаго состоянія и пробуждаясь къ духовной жизни, ощущаетъ безотчетную потребность—все свое фантастическое міросозерпаніе, всѣ выдающіеся случаи изъ жизни цѣлаго народа или главныхъ общественныхъ дѣятелей облечь въ замысловатый разсказъ, который, за отсутствіемъ или малою распространенностью письменности, и передается устно изъ поколѣнія въ поколѣніе, притомъ въ стихотворной и музыкальной формѣ, ласкающей слухъ и легко сохраняемой памятью. Никакое народное гульбище, никакое семейное торжество не можетъ обойтись безъ вдохновеннаго носителя народной поэзіи — безъ *рапсода* (греческое названіе *слагателей* эпическихъ пѣсенъ, принятое во всѣхъ литературахъ), который, подъ звуки безыскусственнаго струннаго инструмента, напѣваетъ про милую, славную старину. Благодаря своему метрическому складу, народное сказаніе даже въ теченіе столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ, совершенствуясь главнѣйше въ отдѣлѣхъ: умѣлый рапсода твердо запоминаетъ и дословно повторяетъ всякій разъ тѣ неожиданные обороты въ ходѣ повѣствованія, тѣ картинныя сравненія и звучные стихи, которые въ глазахъ его слушателей зажигаютъ восторженный огонь или на устахъ ихъ вызываютъ

довольную улыбку. Замѣчая, напротивъ, что слушатели начинаютъ зѣвать, разсѣянно поглядывать по сторонамъ, — смѣтливый разсказчикъ не преминетъ въ слѣдующій разъ сократить не въ мѣру разросшееся описаніе, навѣвающее скуку, при чемъ съ художническимъ чутьемъ наложитъ на всю картину, смотря по обстоятельствамъ, больше или темныхъ или свѣтлыхъ красокъ. Если при такомъ-то выраженіи, при такомъ-то стихѣ слушатели, недоумѣвая, переглядываются, морщатся или почесываютъ за ухомъ, онъ остережется вторично вызвать то же впечатлѣніе, и неудобопонятное выраженіе, неуклюжий стихъ, при новомъ пересказѣ, замѣняются другимъ выраженіемъ и стихомъ; если впечатлѣніе на этотъ разъ замѣтно благоприятнѣе, то новое выраженіе, новый стихъ и впредь идутъ въ дѣло; если нѣтъ, то они опять передѣлываются, пока не удовлетворятъ, наконецъ, и самого повѣствователя и его слушателей. Тѣмъ не менѣе *ядро* народнаго сказанія, т.-е. его основное содержаніе и наиболѣе удачныя обороты, сохраняется вѣками: въ вариантахъ эпическихъ пѣсень, записанныхъ, напр., въ наше время въ Нижегородской губерніи, дословно повторяются цѣлыя фразы вариантовъ тѣхъ же пѣсень, записанныхъ 100 лѣтъ назадъ въ Сибири и 200 лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Отрывочныя сказанія, одухотворенныя одною общою идеей, вращающіяся около одного главнаго событія, около одной первенствующей личности, мало-по-малу, какъ бы сами собою, сливаются въ одинъ сплошной разсказъ, который въ окончательномъ видѣ и обращается въ народную эпопею. Такимъ образомъ народная эпопея есть опозитивированная *исторія* народа, разсказанная имъ самимъ.

Русская эпическая пѣсня не выработалась до стройной эпопеи, остановившись на переходной ступени—отдѣльныхъ рапсодій, носящихъ у насъ названіе *былинъ* (разсказъ о *быломъ*), а также *старинъ* (разсказъ о *старинѣ*) или просто «пѣсень» *). Но по единству мѣста дѣйствія, времени и личностей былины могутъ быть раздѣлены на нѣсколько главныхъ группъ, или

*) Совершенно особнякомъ отъ нашего былевого творчества стоитъ народное произведеніе XII вѣка—„Слово о Полку Игоревѣ“, которое, разсказанное устами современника, хотя и отличается задушевною непосредственностью, образностью и нѣкоторымъ ритмическимъ складомъ, но описываетъ только частный эпизодъ изъ боевой жизни новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича и лишено основного условія пѣсни—болѣе или менѣе правильнаго стихотворнаго размѣра.

«цикловъ»: 1) древнѣйшій циклъ—о полумионическихъ герояхъ до - владимірской эпохи, такъ называемыхъ *старшихъ* богатыряхъ, 2) *кіевскій*, или *владиміровъ*, циклъ, 3) *новгородскій*, 4) *московско-петровскій* и 5) *казацкій*.

Былины о «старшихъ» богатыряхъ, относительно происхожденія которыхъ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей еще расходятся (см. прим. 3 въ концѣ книги), стоятъ по содержанію своему близко къ слѣдующему затѣмъ былевому кругу—о «младшихъ», владиміровыхъ богатыряхъ: одинъ изъ «старшихъ» богатырей, *Сулманъ*, даже прямо находится при князѣ Владимірѣ; двое, *Святогоръ* и *Самсонъ*, попадаютъ (въ двухъ разныхъ былинахъ) кіевскому богатырю Ильѣ Муромцу, который оказывается притомъ крестникомъ Самсона; двѣ дѣвочки четвертаго старшаго богатыря, *Микулы Селяниновича* (Василиса и Настасья Микуличны), состоятъ въ замужествѣ за двумя кіевскими богатырями (Ставромъ Годиновичемъ и Добрынею Никитичемъ). Такимъ образомъ былины о «старшихъ» богатыряхъ если нѣсколько и предшествуютъ «владимірову» циклу, то находятся съ нимъ въ непосредственной связи какъ лицами, такъ и мѣстомъ дѣйствія (въ древней кіевской Руси); поэтому онѣ могутъ быть разсматриваемы и какъ часть кіевского эпоса.

Кругъ былинъ, относящихся собственно къ *кіевскому* эпосу, изъ всѣхъ былевыхъ цикловъ наиболѣе обширенъ и замѣчательнѣе. Всѣ былины этого круга имѣютъ своимъ предметомъ «князя-солнышка», «ласковаго Владиміра стольно-кіевского», т.-е. *Владиміра Святого* (980—1014 гг.), съ его богатырскою дружиной. Князь-солнышко—центральное свѣтило, около котораго вращается его планетная система—богатыри и богатырицы, сверкающіе однако не только заимствуемымъ отъ центральнаго солнца свѣтомъ, но и своимъ собственнымъ внутреннимъ огнемъ, какъ свѣтились имъ въ древнѣйшую эпоху мірозданія и небесные спутники нашего дневного свѣтила, пока не остыли понемногу и не покрылись твердою корою, отсвѣчивающею только солнечный блескъ. Княжеская «гридня», подобно римскому форуму,—свѣтовой фокусъ общественной и государственной жизни, изъ котораго исходятъ и въ который возвращаются всѣ лучи ея: подъ звонъ «полуторапудовыхъ» чашъ, подъ звуки «яровчатыхъ» гуслей здѣсь сливки древне-кіевского общества щеголяютъ другъ передъ другомъ кто чѣмъ гораздъ, сватаются, интригуютъ, ссорятся, мирятся, замышляютъ богатырскіе вы-

ѣады противъ насильниковъ внутреннихъ и внѣшнихъ и отдыхаютъ на лаврахъ послѣ многолѣтняго стоянія на сторожевой «заставѣ».

Что Владиміръ Святой съ его богатырскою дружиной сдѣлался главнымъ центромъ нашего народнаго эпоса, объясняется тѣмъ, что царствованіе этого князя «краснымъ солнышкомъ» разсѣявшаго лежавшій дотолѣ надъ Русью мракъ язычества и кочевой неурядицы, было дѣйствительно самою свѣтлою эпохою до-татарскаго времени. Послѣ же долголѣтняго гнета азиатскихъ пришельцевъ, славный богатырскій вѣкъ «князя-солнышка» долженъ былъ представляться народу въ еще болѣе радужныхъ краскахъ, и даже подвиги героевъ позднѣйшихъ—Дмитрія Донскаго, Ермака—безсознательно приурочивались новѣйшими рапсодами все къ тому же «солнечному» вѣку.

Былины *новгородскаго* круга воспѣваютъ героевъ Новгорода начала XII вѣка, т.-е. того именно цвѣтущаго періода его, когда онъ служилъ центромъ торговаго движенія сѣверной Руси. Герои эти уже не богатыри въ полномъ смыслѣ слова, ратоборствующие за отчизну, за вѣру, «за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей»; это, вѣрнѣе, *удальцы*, совершающіе подвиги не для блага другихъ, а просто ради удалства или для личной своей пользы. Но удалство ихъ все же развертывается такъ широко, описывается такъ своеобразно и ярко, что возсоздаетъ передъ нами живую картину древнаго Новгорода и возбуждаетъ въ насъ невольное сочувствіе къ самимъ удалцамъ. Удальцы эти двоякаго рода: вольница и купцы. Въ «славномъ Великомъ Новѣ-городѣ», кромѣ русскаго и иноземнаго купечества, совершенно естественно стекался также массами всякій безпріютный людъ. Людъ этотъ, не имѣвшій иного достоянія, какъ развѣ свою кипучую молодость и беззавѣтную отвагу, помышлялъ лишь объ одномъ: гдѣ бы выказать свою удалъ и гдѣ бы поживиться на чужой счетъ. Нуженъ былъ только ловкій человекъ, чтобы сплотить эту вольницу около себя въ непреоборимо-сильную дружину. И вотъ является такой ловкій человекъ—*Василій Буслаевъ*, который, кромѣ удали и тѣлесной силы, обладаетъ еще и другими цѣнными качествами: денежными средствами, именитымъ родствомъ и недожиннымъ для того времени образованіемъ (умѣетъ читать, писать, пѣть по-церковному). Неудивительно, что ему съ его молодецкой дружиной удастся сдѣлаться грозю цѣлаго Новгорода, а затѣмъ попасть и въ

народную пѣсню. Рядомъ съ героемъ вольницы однако выдвигается своего рода богатырь и изъ совершенно противоположнаго лагеря — изъ богатаго, степеннаго купечества. И Василій Буслаевъ воюеть уже не мечомъ или копьемъ, какъ доблестные богатыри кіевскіе, а просто на просто дубиною (червлѣнымъ вязомъ) или осью телѣжною; *Садко* же, богатырь купеческій, борется хоть и не дубьёмъ, да рублемъ, выкупая весь Новгородъ. И у него, какъ у тѣхъ, своя богатырская дружина, но дружина эта — община торговая, необходимая ему, какъ охранная стража при его кочевомъ, небезопасномъ и полномъ приключеній образѣ жизни *торговаго юстя*. Былинъ о Васи́ліи Буслаевѣ и Садкѣ-купецѣ записано нѣсколько десятковъ; но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ 4 - мь отдѣльнымъ пѣснямъ: по двѣ на cadaго удалца. Кромѣ Васи́лія Буслаева и Садки-купца, въ новгородскихъ былинахъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ еще только *юсть Терентьище*; но былина о послѣднемъ — шуточная и описываетъ случай изъ будничной жизни новгородскихъ купцовъ.

Въ числѣ былинь изъ до-татарскаго періода, стоящихъ внѣ кіевскаго и новгородскаго круговъ, можно упомянуть здѣсь развѣ только про былинку о *Суровицѣ-Суздальцѣ* (родомъ изъ *Суздаля*, торгуетъ же по *Сурожскому*, или Азовскому, морю); но былина эта, описывающая борьбу Суровца-Суздальца съ татарскимъ царемъ Кумбаломъ или Курбаномъ Курбановичемъ, въ литературномъ отношеніи не имѣетъ интереса.

Татарщина, обрушившаяся на Русь въ началѣ XIII вѣка, такимъ тяжелымъ гнетомъ легла на грудь русскаго народа, что надолго, на цѣлые вѣка, заглушила въ ней вольную пѣсню. Только изъ удѣльнаго періода дошло до насъ нѣсколько слабыхъ попытокъ въ эпическомъ родѣ. Но эти такъ называемыя *княжескія* пѣсни, по своей малочисленности и разрозненности, едва ли могутъ почитаться даже особымъ цикломъ, а по содержанию и складу своему настолько безцвѣтны, что не останавливаютъ вниманія.

Только съ середины XVI вѣка народное творчество нашло себѣ опять въ лицѣ *Ивана Васильевича Грознаго* (1533—1584 гг.) героя, стоящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по уму и силѣ характера головою выше всѣхъ окружающихъ. Здѣсь описываемыя событія по большей части идутъ уже рядомъ съ историческими фактами, и потому былины этого круга, *московско-*

петровскія, какъ и примыкающія къ нимъ *казацкія*, могутъ быть названы также *историческими* пѣснями. Но пѣсни эти и по духу и по формѣ своей уже значительно разнятся отъ пѣсенъ древней Руси—кіевскихъ и новгородскихъ. Тамъ, при могучихъ фантастическихъ образахъ, разсказъ течетъ величаво-спокойно, разливаясь нерѣдко весьма широко и какъ бы даже щеголяя частыми повтореніями. Въ московскихъ былинахъ эта основная черта эпической поэзіи почти отсутствуетъ; здѣсь общій характеръ—краткость изложенія, быстрота и драматизмъ дѣйствія, а затѣмъ и задушевная, элегическая нота, которая чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ звучитъ громче. Въ то же время все чаще попадаются *книжныя* выраженія, повторяющія языкъ московскихъ лѣтописей.

Послѣ Грознаго сила былевой пѣсни опять ослабѣваетъ. Наиболѣе выдающіяся личности, наиболѣе памятные моменты допетровской Руси, правда, находятъ еще отголосокъ въ пѣснѣ: помнятъся въ ней царевичъ *Димитрій Уличскій* и *Борисъ Годуновъ*, *Гришка Отрепьевъ* и *Тушинскій воръ*, *Гришка Скопинъ*, *Василій Шуйскій* и *Прокотъ Ляпуновъ*, *Козьма Мининъ* и князь *Пожарскій*. Но истинно поэтическій элементъ проявляется уже только урывками.

Съ воцареніемъ *Петра I* народное вдохновеніе какъ бы на время окрыляется. Энергическій, строгій образъ великаго преобразователя, какъ и нѣкоторыя частности изъ его государственной и семейной жизни, живо воскрешаетъ въ памяти народной незабытаго еще вполне въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ Грознаго. Для прославленія взятія Азова оказывается уже готовый матеріалъ въ былинѣ о взятіи Казани; расправа со стрѣльцами напоминаетъ знакомую старую пѣсню о томъ, какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ «выводилъ измѣну изъ Москвы»; заключенная въ монастырь царица повторяетъ жалобу другой царственной схимницы; преданное войско плачетъ по умершемъ царѣ и тамъ, и здѣсь. Кромѣ указанныхъ темъ, «петровскія» пѣсни слагались и по поводу шведскихъ походовъ и волненія донцовъ, при чемъ дѣйствующими лицами являются *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, князя *Долгорукіе*, *Семенъ Палій* и *Иванъ Краснощекъ*, донцы *Флоръ Миняевичъ*, *Сенька Маноцкій* и *Некрасовъ*, *шведскій король*, *Мазепа*, *Шлиппенбахъ* и *Левенгауптъ*. Не говоря однако-жъ уже и о томъ, что о наиболѣе прославившихъ царствованіе Петра внутреннихъ ре-

формах народное творчество вполне умалчивает (единственный намек на государственныя мѣропріятія Петра встрѣчается въ пѣснѣ о *Ладожскомъ каналѣ*), и въ излюбленныхъ этимъ творчествомъ темахъ полетъ его еще ниже, чѣмъ въ пѣсняхъ о Грозномъ. Тѣ изъ «петровскихъ» былинь, гдѣ преобладаетъ элементъ элегическій и лирическій, придающій имъ извѣстную образность и звучность, составляютъ уже переходъ къ народнымъ пѣснямъ семейнымъ и разгульнымъ; другія же, передающія въ болѣе или менѣе сухихъ, отрывочныхъ чертахъ голые факты, отзываются простыми реляціями.

Со смертью Петра умолкаетъ навсегда и настоящая былевая пѣсня. Солдатскія пѣсни, слагавшіяся еще послѣ того и въ царствованіе Екатерины II, и въ 1812 году, и въ наше время, имѣютъ съ былевою поэзіей одно только общее: что приурочиваются къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ; но лишены уже всякаго литературнаго значенія.

Параллельно съ былинами *московско-петровскаго* цикла возникали былины *казацкія*, воспѣвающія героевъ *казачества*: *Ермака*, *Стеньку Разина* и другихъ. Судьба этихъ героев и въ самыхъ былинахъ находится въ такой тѣсной зависимости отъ царей московскихъ, что былины о нихъ составляютъ только необходимое дополненіе къ общей картинѣ былевой Москвы. И здѣсь чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе плавно и спокойно течетъ стихотворный рассказъ, прерываемый личными изліяніями пѣвца. Богатыри-казаки, покорившіе царство Сибирское, -мельчаютъ и обращаются въ разгульныхъ бродягъ, въ разбойничковъ-«затюремшичковъ»; стройная былина переходитъ въ простую удалую пѣсню.

Кромѣ перечисленныхъ разрядовъ былинь, можно различить еще одинъ: разрядъ былинь *безыменныхъ*, или *молодецкихъ*. Сложенныя въ свое время объ опредѣленномъ лицѣ, былины эти, благодаря своему преимущественно пѣвучему складу и лирическому характеру, не успѣли еще разложиться въ побывальщину или прозаическую сказку, но съ теченіемъ времени утратили уже имя воспѣваемаго лица, и потому не могутъ быть прямо отнесены къ тому или другому былевому кругу. Онѣ служатъ какъ бы послѣднюю ступенью отъ настоящихъ былинь къ обыкновеннымъ народнымъ пѣснямъ.

Первымъ собирателемъ нашихъ народныхъ былинь былъ англичанинъ *Ричардъ Джемсъ*, въ рукопись котораго, начинаю-

щуюся съ 1619 года со «ста двадцать седьмага года осьмой тысячи», вошли одѣ былины московскія. Только въ началѣ слѣдующаго XVII вѣка *Киршею Даниловымъ* (вѣроятно, казакъ сибирскій) были записаны и наиболѣ известныя былины кievскія и новгородскія, которыя такимъ образомъ по *рукописному* своему возрасту на сто лѣтъ моложе московскихъ. Въ печати же рукопись Кирши, подъ названіемъ «Древнія Россійскія Стихотворенія», появилась впервые всего въ 1804 году. Кромѣ этого изданія, до второй четверти настоящаго столѣтія, былины, именно московскія, печатались, также съ рукописей, только въ пѣсенникахъ Чулкова, Трутовскаго, Новикова, Соликова и др.; съ этого времени начинается прилежное записываніе былинъ *съ устъ народа* нѣсколькими ревностными собирателями народной старины, преимущественно тремя: *П. В. Киртвевскимъ* (10 томовъ «Пѣсень», изд. съ 1860—1874 г.), *П. Н. Рыбниковымъ* (4 тома «Пѣсень», изд. съ 1861—1867 г.) и *А. Ѳ. Гильбердиномъ* (1 томъ «Онежскихъ былинъ» въ 1336 стран. мелкой печати, изд. въ 1873 г.).

Однако и до послѣдняго времени для большинства нашего читающаго общества эти чисто-народныя произведенія оставались недоступными какъ потому, что они разбѣяны по множеству дорого-стоящихъ книгъ въ нѣсколькихъ десяткахъ вариантовъ, такъ и потому, что едва ли хотъ одинъ изъ записанныхъ вариантовъ, сколько бы онъ ни превосходилъ другіе варианты той же былины интересными подробностями или поэтическими красотами, можетъ произвести вполнѣ цѣльное впечатлѣніе, имѣя всегда нѣсколько испорченныхъ стиховъ, явныя недомолвки или несогласныя съ требованіями современнаго изящнаго вкуса и нравственности выраженія и частности.

Первыя «попытки соединенія разныхъ вариантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ» принадлежать графу Л. Н. Толстому, составившему сводъ 4-хъ былинъ о «старшихъ» богатыряхъ (Вольгъ, Микулъ, Сухманъ и Святогоръ). Опытъ въ томъ же родѣ сдѣланъ былъ В. П. Острогорскимъ въ его былевомъ разсказѣ «Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ».

Наша задача была—дать русскимъ читателямъ, и въ особенности русскому юношеству, возможность въ одной, не слишкомъ объемистой книгѣ, близко ознакомиться съ лучшими перлами русской народной эпической поэзіи. Съ этою цѣлью сли-

чивъ, по стихамъ, всѣ извѣстные варианты избранныхъ былинь, выбравъ лучшіе, по нашему мнѣнію, стихи, устранивъ или смягчивъ все слишкомъ грубое и сгладивъ шероховатости стихосложенія, затруднявшія плавное теченіе стиховъ, мы составили возможно полный сводъ каждой былины, при чемъ не пренебрегли, конечно, ни былинами съ полуразрушеннымъ стихомъ или такъ называемыми *побывальщинами*, ни прозаическими *богатырскими сказками*, представляющими только послѣднюю стадію разложенія былинь. Расположивъ затѣмъ былины въ хронологическомъ порядкѣ, мы въ отношеніи кievскихъ былинь, представляющихъ какъ бы разрозненные части цѣлой народной эпопеи, позволили себѣ, для большей занимательности разсказа, послѣдовать примѣру нѣмца Зимрока и финляндца Ленрота, которые, въ новѣйшее время, разрозненные отрывки древне-германской «Пѣсни объ Амелунгахъ» и финской «Калевалы» сгруппировали въ связныя поэмы: не касаясь существа былинь, мы связали ихъ въ возможно-послѣдовательную хронику, стоявшія же отдѣльно отъ владимірова круга былины о «старшихъ» богатыряхъ вложили въ уста славнаго «загусельщика» — Добрыни Никитича, какъ то часто встрѣчается и въ другихъ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ.

Имѣвшійся у насъ въ распоряженіи матеріалъ для свода избранныхъ былинь прочихъ былевыхъ цикловъ по *количеству* хотя еще богаче матеріала, послужившаго намъ для возстановленія древне-кievской эпопеи, но по *качеству* своему онъ значительно уступаетъ послѣднему, почему, при строгомъ выборѣ, всѣ остальные разряды былинь дали въ общей сложности едва третью часть того, что далъ одинъ древне-кievской эпосъ. Сводъ былинь о новгородскихъ удалцахъ приведенъ нами вполнѣ *). Зато изъ слѣдующихъ разрядовъ: московскаго, петровскаго и казацкаго, а также изъ былинь безыменныхъ, мы выбрали только такіе образцы, которые имѣютъ дѣйствительное литературное достоинство и притомъ, разумѣется, по содержанію своему вообще соотвѣтствуютъ настоящему изданію, предназначенному для большинства читающаго общества, въ томъ числѣ и для юношества. Въ виду той связи, которая существуетъ

*) Шуточная новгородская былина о *гостѣ Терентьищѣ*, удобная только для спеціального изданія, помѣщена нами въ „Исторической Библіотекѣ“ 1878 года, № 3.

между героями казачества съ царями московскими, мы сочли нужнымъ былины казакія помѣстить хронологически среди былинь московскихъ, вслѣдъ за которыми расположили былины петровскія, какъ составляющія прямое ихъ продолженіе.

Что касается былевыхъ анахронизмовъ, то мелкіе позднѣйшіе наросты (какъ - то: огнестрѣльное оружіе въ древнемъ Кіевѣ, подзорныя трубки, постоянный эпитетъ Ильи Муромца «казакъ» и т. п.) нами, по возможности, устранены; крупныхъ, органически сросшихся со всѣмъ былевымъ эпосомъ (какъ, напр., валовое наименованіе всѣхъ внѣшнихъ враговъ кievлянъ «татаровьями») мы не считали себя въ правѣ тронуть, чтобы ненарокомъ не посягнуть на самобытное ядро разсказа. Значеніе важнѣйшихъ изъ такихъ анахронизмовъ, какъ и вообще всѣхъ встрѣчающихся въ былинахъ фактовъ, личностей и предметовъ, требующихъ поясненія, указано въ приложенныхъ въ концѣ книги *Примѣчаніяхъ*, гдѣ помѣщены нами и нѣкоторыя, заслуживающіе вниманія, варианты былевыхъ стиховъ. Для сохраненія самобытнаго характера былинь мы равнымъ образомъ удержали значительное число вышедшихъ уже изъ употребленія или малоизвѣстныхъ народныхъ словъ, *Алфавитный указатель* которымъ также приложенъ.

Относительно стихосложенія былинь находимъ неизлишнимъ объяснить слѣдующее:

Первоначальный размѣръ большей части былинь—правильный хорейскій: 4, 5 или 6 хореевъ, изъ которыхъ послѣдній, чрезъ прибавленіе короткаго слога, обращенъ въ дактиль; напр.:

„Въ стольномъ | было | горо | дѣ во | Кіевѣ“.

Этотъ размѣръ, соблюдаемый лучшими рапсодами довольно строго, принятъ нами въ большей части былинь. Рѣдкія отступленія допущены нами только въ тѣхъ случаяхъ, когда и у рапсодовъ, для большей выразительности, послѣдняя стопа растянута еще на одинъ лишній слогъ, на которомъ слышится полуудареніе, какъ въ слѣдующемъ ироническомъ возгласѣ богатыри Настасьи Микуличны:

„Я-то думала, комарники покусываютъ,
Анъ то русскіе богатыри пощѣлкиваютъ.“

Изъ сколькихъ бы стопъ ни состоялъ хорейскій стихъ, привычный слухъ различаетъ всегда ни болѣе, ни менѣе какъ

три ударенія, изъ которыхъ послѣднее упадаетъ на длинный слогъ послѣдней стопы:

„Въ стóльномъ было гóродѣ во Кієви
Да у ласковаго князя у Владіміра
Было пированьице почѣстенъ пиръ
На многихъ князей, на бóяровъ“.

(Или:

„На многихъ князей, на бóяровъ“.)

Особенно важно имѣть въ виду это правило при чтеніи такихъ стиховъ, гдѣ конецъ послѣдней стопы составляетъ отдѣльное слово, имѣющее въ прозаической рѣчи свое особое удареніе, противоположное стихотворному; напр., должно читать «во чистóмъ полѣ», «ни однóй птѣчки», а не «во чѣстомъ полѣ», «ни одной птѣчки». Чтобы при выговариваніи словъ, требующихъ необычнаго ударенія, не встрѣчалось недоразумѣнія, нами надъ подлежащими слогами поставленъ знакъ ударенія.

У бóльшей части народныхъ пѣвцовъ, впрочемъ, правильный хорейскій размѣръ утратился: неизмѣннымъ остается только условіе, чтобы въ стихѣ были *три* ударенія; изъ слоговъ же, неизмѣющихся ударенія, можетъ быть выпущено, по надобности, сколько угодно, лишь бы между двумя слогами съ удареніемъ оставался одинъ безъ ударенія. Такъ образовался особый размѣръ, полухорейскій, полудактилическій *) (хорошо извѣстный всякому читателю по знаменитой лермонтовской «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова», очевидно, навѣянной на чуткаго поэта «Древними Стихотвореніями» Кириши Данилова):

„Закатилось красное солнышко,
Закатилось за гóрушки высокія,
За моря глубокія, широкія,
Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѣ небу“.

Нерѣдко первое удареніе въ стихѣ бываетъ и не на третьемъ слогѣ, а на второмъ или первомъ:

„Дружина моя добрая, хорóбрая,
Тридцать молодцевъ безъ єдинаго!“

*) Подъ *дактилемъ* (—) мы разумѣемъ здѣсь вообще стопу изъ одного длиннаго и двухъ короткихъ слоговъ, такъ какъ и *амфибрахій* (—), и *анапестъ* (—) обращаются въ дактиль, если въ началѣ стиха выпустить одинъ или два слога.

Точно такъ же къ концу стиха нерѣдко прибавляются лишніе слоги, изъ которыхъ въ такомъ случаѣ послѣдній получаетъ нѣкоторое удареніе, сообщающее стиху особенную размашистую упругость:

„Я какъ ржи напашу да въ скірды слою,
 Въ скірды слою, съ поля выволочу,
 Съ поля выволочу, дома вымолочу,
 Драни надеру да пива накурю,
 Пива накурю да гостей наберу.—
 Стануть гости пить, стануть кѹшати,
 Стануть здравствовать меня да похвалявати:
 — Ай ты здравствуешь, Микѹла Селянинновичъ?“

Только въ 6-мъ и въ 8-мъ стихахъ сохранено здѣсь обыкновенное дактилическое окончаніе (— — —). Такимъ полухореическимъ, полудактилическимъ размѣромъ изложены у насъ всего пять былинъ кіевскихъ, а именно: три о «старшихъ» богатыряхъ (№№ 1, 11 и 12) и первая и послѣдняя объ Ильѣ Муромцѣ (№№ 9 и 23). Не говоря уже о томъ, что возстановить въ этихъ былинахъ, безъ ущерба для ихъ содержанія, правильный хореическій стихъ, которымъ онѣ вѣроятно также были нѣкогда сложены, представлялось бы очень затруднительнымъ, такъ какъ не имѣется налицо ни одного варианта ихъ такого стихосложенія, — по нашему мнѣнію, неровный, своевольный хореически-дактилическій размѣръ даже соответствуетъ какъ стихійному характеру старшихъ богатырей и появляющихся въ первой былинѣ объ Ильѣ каликъ перехожихъ, такъ и нетвердымъ шагамъ муромскаго героя, сейчасъ послѣ исцѣленія его отъ тридцатилѣтняго паралича и при закатѣ его дней, когда онъ по-старчески при всякомъ случаѣ сѣдой головой покачивается.

Третій размѣръ, весьма схожій съ предыдущимъ, отличается отъ него только обиліемъ во многихъ стихахъ дактилическихъ стопъ:

„Высота ли—высота поднебесная!
 Глубота—глубота океанъ-море!“

Или:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Пленковича“.

Благодаря дактилямъ, стихъ дѣлается игривымъ, какъ бы рѣзво скачущимъ. Этимъ размѣромъ поются всѣми рапсодами и

изложены и у насъ двѣ веселыя былины объ удалыхъ молодцахъ кїевскихъ: Соловьѣ Будиміровичѣ (№ 8) и Чурилѣ Плѣнковичѣ (№ 18). Къ этому же размѣру приближается и былина московская о Гришкѣ Отрепьевѣ (№ 5).

Былины лирическаго характера принимаютъ любимый размѣръ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ вслѣдствіе двойного соединенія дактиля съ анапестомъ въ стихѣ остается всего два ударенія (— — — | — — —), и стихъ пріобрѣтаетъ особенную пѣвучесть:

„Ужъ какъ палъ туманъ на синѣ море“.

Этимъ складомъ (съ неизбѣжными въ народной пѣснѣ отступленіями) поются четыре изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ былинъ: былина о «царевичѣ Димитріѣ и Борисѣ Годуновѣ», послѣдняя петровская («Плачь войска») и двѣ безыменныя: «Татарскій полонъ» и «Ужъ какъ палъ туманъ».

Съ замѣною второй половины двойного стиха дактилемъ стихъ укорачивается еще на два слога (— — — | — —) и даетъ столь же звучный, довольно рѣдкій размѣръ, которымъ изложена у насъ одна былина («О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ»):

„Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца“.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ стихосложеніи, рѣзко отличающемся отъ обыкновеннаго былеваго стиха амфибрахическимъ окончаніемъ (— —), вмѣсто дактилическаго (— — —):

„Подымалась полтавская баталья“.

Образцы этого размѣра, свойственнаго главнѣйше «солдатскимъ» пѣснямъ, можно видѣть въ прим. 132.

Что касается прибаутокъ къ былинамъ, этихъ вызывающихъ ригурнелей въ началѣ или концѣ ихъ, то, не стѣсняясь размѣромъ самой былины, онѣ или принимаютъ лихой дактилическій складъ:

„Нашему хозяйну честь бы была!“

или раскидываются широкимъ хореическимъ стихомъ, съ хореическимъ же окончаніемъ:

„Охъ, вы, роци, роци зеленія! липушки цвѣтныя!“

или коротко обрываются:

„Здуинай-най-най?
Болѣ пѣть впередъ не знай“.

Гомеровскія пѣсни въ древней Греціи пѣлись, какъ извѣстно, речитативомъ. Напѣвы нашихъ народныхъ рапсодовъ также очень просты и не ушли далеко отъ речитатива. У каждаго пѣвца для десятковъ былинъ одинъ, два, много три разныхъ напѣва; но ускореніемъ или замедленіемъ пѣнія, возвышеніемъ или пониженіемъ голоса чрезвычайно разнообразится напѣвъ, такъ что тотъ же немногосложный мотивъ на нѣсколькихъ нотахъ въ одной былинѣ звучитъ грозно-торжественно, въ другой—протяжно-уныло, въ третьей—весело-игриво. «Въ Ставрѣ», какъ выразился пѣвецъ Рябининъ, «надо пѣть толще, а въ Потыкѣ—тоньше».

Какое впечатлѣніе производитъ это пѣніе въ безыскусственной сельской обстановкѣ на всякаго свѣжаго человѣка, лучше всего можно видѣть изъ описанія г. Рыбникова предпринятой имъ въ маѣ 1860 года поѣздки въ Заонежѣ, гдѣ ему въ первый разъ удалось услышать настоящаго *сказителя*, какъ называютъ себя тамошніе рапсоды. Приводимъ здѣсь описаніе это собственными словами собирателя:

«Знакомые мои отговаривали меня всячески отъ поѣздки водою: по ихъ словамъ, озеро Онежское очень бурное, переменные вѣтры совершенно неожиданны, а въ разныхъ мѣстахъ разсѣяно множество мелей и подводныхъ камней. Но хозяинъ соймы (лодки) понравился мнѣ своимъ привѣтливимъ обращеніемъ и словоохотливостью, и я скоро уговорилъ его перевести меня въ Пудожгорскій приходъ. Въ свѣтлую и холодную весеннюю ночь мы простились съ «баженнымъ» (мылымъ) городкомъ и поѣхали къ Ивановскимъ островамъ. Поднялся «стрѣтный» вѣтеръ. Чѣмъ дальше мы подвигались впередъ, тѣмъ сильнѣе онъ разыгрывался, и только къ утру, часовъ черезъ шесть самой утомительной работы, измученные гребцы пристали къ Шуй - Наволоку—пустынному, болотистому и лѣсистому острову, въ 12 верстахъ отъ Петрозаводска. На островѣ стоитъ закопченная «фатера»—домикъ, куда въ меженную и осеннюю пору, при затишьѣ, противномъ вѣтрѣ и бурѣ, проѣзжіе укрываются на ночь. Около пристани было много лодокъ изъ Заонежья, и «фатера» народомъ полнымъ-полна. Правду сказать, она была че-

резчурь смраднa и грязнa, и хоть было очень холодно, но не похотѣлось мнѣ ввойти въ нее на отдыхъ. Я улегся на мѣшкѣ около тощаго костра, заварилъ себѣ чаю въ кастрюлѣ, выпилъ и поѣлъ изъ дорожнаго запаса, и, пригрѣвшись у огонька, незамѣтно заснулъ. Меня разбудили странные звуки: до того много я слыхивалъ и пѣсенъ, и стиховъ духовныхъ, а такого напѣва не слыхалъ. Живой, причудливый и веселый, порой онъ становился быстрѣе, порой обрывался и ладомъ своимъ напоминалъ что-то стародавнее, забытое нашимъ поколѣніемъ. Долго не хотѣлось проснуться и вслушаться въ отдѣльные слова пѣсни: такъ радостно было оставаться во власти совершенно новаго впечатлѣнія. Сквозь дрему я разсмотрѣлъ, что шагахъ въ трехъ отъ меня сидятъ нѣсколько крестьянъ, а поетъ-то сѣдатель старикъ съ окладистою, бѣлою бородою, быстрыми глазами и добродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Присосѣдившись на корточкахъ у потухшаго огня, онъ оборачивался то къ одному сосѣду, то къ другому, и пѣлъ свою пѣсню, перерывая ее иногда усмѣшкою. Кончилъ пѣвецъ и началъ пѣть другую пѣсню: тутъ я разобралъ, что поется былина о Садкѣ-купцѣ, богатомъ гостѣ. Разумѣется, я сейчасъ же былъ на ногахъ, уговорилъ крестьянина повторить пропѣтое и записалъ съ его словъ. Сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ еще чего-нибудь. Мой новый знакомецъ, Леонтій Богдановичъ, изъ деревни Серѣдки, Кижской волости, пообѣщавъ мнѣ сказать много былинъ: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Цотыка сына Ивановича, про удалаго Василья Буслаевича, про Хотенушку Блудовича, про сорокъ каликъ съ каликою, про Святогора богатыря, да зналъ-то онъ варианты неполные и какъ-то не досказывалъ словъ. Впрочемъ, на первый разъ и записывалось какъ-то неохотно, а больше слушалось. Много я впоследствии слыхалъ рѣдкихъ былинъ, помню древніе превосходные напѣвы; пѣли ихъ пѣвцы съ отличнымъ голосомъ и мастерскою дикціею, а по правдѣ скажу, не чувствовалъ уже никогда того свѣжаго впечатлѣнія, которое произвели плохіе варианты былинъ, пропѣтые разбитымъ голосомъ старика Леонтія на Шуй-Наволокъ».

Хотя былины поются въ настоящее время и «каликami», пѣвцами по ремеслу, спеціальность которыхъ—«духовные» стихи, но настоящими носителями и рачителями народнаго эпоса являются «сказители», не промышляющіе своимъ пѣніемъ, а за-

нимающіеся имъ, какъ истинные художники, изъ любви къ искусству. Они обыкновенно—зажиточные крестьяне: по мѣткому замѣчанію другого собирателя былинъ, Гильфердинга, «былины, повидимому, укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяють природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни». Лучшимъ изъ живущихъ сказителей почитается вышеупомянутый старикъ-крестьянинъ деревни Середки, Кижской волости, Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Трофимъ Григорьевичъ *Рябининъ* (портретъ котораго прилагается къ нашей книгѣ) — ученикъ двухъ извѣстнѣйшихъ олонецкихъ пѣвцовъ начала нынѣшняго столѣтія: Ильи Елустафьева и дяди Рябинина—Игнатія Андреевыхъ. Кромѣ крестьянъ, хорошіе рапсоды встрѣчаются и между нѣкоторыми переходными и ремесленниками, именно между занимающимися портнымъ и сапожнымъ мастерствами. Замѣчательно однако, что самая незначительная часть пѣвцовъ грамотна: какъ слѣпой, прозрѣвъ, теряетъ прежнюю тонкость осязанія, такъ и человѣкъ грамотный не въ состояніи уже удержатъ въ памяти пространныхъ стихотворныхъ рапсодій въ нѣсколько сотъ стиховъ.

Первымъ гонителемъ свободнаго народнаго творчества было варварство, вторымъ—цивилизанія. Былевая пѣсня наша, пѣвавшаяся когда-то «загусельщиками» и «каликами переходными», вездѣ, гдѣ она слушалась охотно: и на княжескихъ пирахъ, и на семейныхъ торжествахъ горожанъ и крестьянъ, и всенародно—на рынкахъ и базарахъ, съ татарскимъ погромомъ по неволѣ смолкла на мѣстѣ своего зарожденія и искала спасенія въ дали, на сѣверѣ и на востокѣ, гдѣ ей можно было еще вольно раздаваться. Но на смѣну татарамъ явились тутъ просвѣщеніе и грамотность и, съ каждымъ шагомъ впередъ, отгѣсняли стародавнюю пѣсню все далѣе. Лучшіе образцы историческихъ былевыхъ пѣсенъ сохранились до насъ благодаря лишь тому счастливому обстоятельству, что были записаны благовременно, за сотни лѣтъ назадъ. Былины же древне-кѣвскія и древне-новгородскія должны были быть отыскиваемы новѣйшими собирателями на отдаленнѣйшихъ окраинахъ, въ губерніяхъ Олонецкой, Архангельской, Пермской и сибирскихъ, въ селеніяхъ, лежащихъ среди лѣсовъ и болотъ, въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, отъ торговой и заводской дѣятельности, преимущественно между раскольниками, крѣпко держащимися старины. Но и тамъ на-

чинаетъ поемногу вымирать поколѣніе истыхъ пѣвцовъ. Какъ слышалъ г. Рыбниковъ въ Пудожѣ отъ старожилонъ, еще не такъ давно, въ началѣ настоящаго столѣтія, у мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій собирались вечеринки «съ сказителями»; но теперь сказители «вышли изъ моды» и находятъ себѣ внимательныхъ слушателей только въ деревняхъ. Даже на сельской Шунгской ярмаркѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, калики, распѣвавшіе на погостѣ, кромѣ духовныхъ стиховъ, и былевья пѣсни, исчезли съ 50-хъ годовъ, но не столько вслѣдствіе равнодушія слушателей, сколько «ради порядка», по настоянію земской полиціи. Этотъ протонародный «продуктъ» постигла общая участь всякаго мало требуемаго товара: съ уменьшеніемъ спроса, уменьшилось и его производство: лучшіе пѣвцы—старики съ семью-восемью десятками за плечами; молодое поколѣніе, зараженное промышленнымъ духомъ новаго времени, слушаетъ ихъ пѣсню однимъ ухомъ и перенимаетъ ее туго. Недалеко то время, когда передъ пронзительнымъ свистомъ локомотива и фабрикъ окончательно замолкнетъ задушевная пѣсня о сѣдой старинѣ.

Тѣмъ бѣльшее значеніе поэтому приобрѣтають записанные нашими почтенными собирателями еще «съ голоса» послѣднихъ пѣвцовъ обрывки русскаго народнаго эпоса. Поэтому же надѣмся, будетъ не излишенъ и настоящій, возможно-полный, систематическій сводъ лучшихъ изъ этихъ обрывковъ, своего рода антологія нашей народной эпической поэзіи.

БЫЛИНЫ КІЕВСКІЯ.

Добрыня Никитичъ.

Илья Муромецъ.

Алеша Поповичъ.

„БОГАТЫРИ“, съ картинъ В. М. Васнецова.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Вольга Всеславьевичъ.

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пѣва было:
Самъ бы испилъ да и намъ бы поднёсь.
Станемъ мы, ребята, сказывати,
А вы, люди добрые, послушайте,
Что про старое время, про доселѣшнее.
Изъ-за лѣсу было изъ-за темнаго,
Изъ-подъ чуднаго креста съ-подъ Леванидова, ⁽¹⁾
Изъ-подъ бѣлаго горяча камня Латыря—⁽²⁾
Туть повышла, повышла, повѣбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка Волга-рѣка,
Мѣстомъ шла она ровно три тысячи версть,
А и много же въ себя она рѣкъ побрала,
Да побольше того вѣдь ручьевъ пожрала,
Широкò-далекò подъ Казань прошла,
Шире, далѣй того да подъ Астрахань;
Здѣсь пускала устьё ровно семьдесятъ версть,
Выпадала во морюшко Хвалынское.
Да все это, братцы, не старинушка,
Все-то это, братцы, прибауточка,
А теперь старинамъ у насъ зачѣнь поидеть.

* *
* *

Какъ не красно солнце въ небѣ разгоралось—
Какъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У Владиміра у князя солнышка

Заводилось пиrowаньце—почѣстень пиръ,
Собирались всѣ князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри, (3)
Да и поленіцы ли удаляя. (4)

А живеть во городѣ во Кіевѣ
У своей любезной рѣдной матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровны,
Добрыи молодець, боярскій сынъ,
Что по имени Добрынюшка Никитичъ младъ. (5)
Какъ садила его матушка за грамоту,
Какъ учила уму-разуму да вѣжеству,
Какъ возрѣстила до полнога до возраста,—
Сталь Добрынюшка въ чисто поле поѣзживать,
На почѣстень пиръ къ Владиміру похаживать,
На пиру да во гусѣлышки поигрывать.

А и будетъ день во половинѣ дня,
Княженецкій столъ да во полу-столѣ,
За столомъ всѣ пьяны-веселы,
Самъ Владиміръ свѣтель-радошень,—
Во столовую во гридню княженецкую
Входитъ тутъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
Крестъ кладеть да по писаному,
И поклонъ ведеть да по учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны.
Солнышку Владиміру въ особину.
Проводили молодца тутъ во большій уголъ,
Во большой угѣлъ, во мѣсто бѣльшее,
За столы садили за дубовые,
За тѣ явства за сахарныя,
За тѣ питья за медвяныя.

Не золотая трубочка вострубила,
Не серебряная сапѣвочка возыграла—
Воспрогѣворилъ самъ батюшка Владиміръ князь,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Наливайте-ка вы чару зеленѣ вина,
Наливайте чару пива пьянаго,
Наливайте чару меду сладкаго,
Слейте всѣ три чары во единую,
Подносите чару добру молодцу,

Молоду Добрынюшкѣ Никитичу“.

Слушались князя слуги вѣрные,
 Наливали чару зеленà вина,
 Наливали чару пива пьянаго,
 Наливали чару меду сладкаго,
 Слили всѣ три чары во единую:
 Стала мѣрой чара въ полтора ведра,
 Стала вѣсомъ чара въ полтора пуда;
 Подносили молоду Добрынюшкѣ.
 Принималъ ее Добрыня единойъ рукою,
 Выпивалъ ее Никитичъ единымъ духомъ,
 Самъ Владиміра на томъ поздравствовалъ.

И спрѣговорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А бери-ка ты гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрни-ка во струнки золочѣныя
 По уныльному сыграй намъ, по умильному,
 Во другой сыграй да по веселому“.

Какъ беретъ Добрыня во бѣлыя руки
 Тѣ звончатыя гусѣлышки ярѣвчаты,
 Поподѣрнетъ да во струнки золочѣныя,
 Заиграетъ стихъ Еврейскій по уныльному,
 По уныльному да по умильному,—
 Во пиру всѣ призадумались,
 Призадумались да позаслушались.
 Заигралъ Добрыня по веселому,
 Игрище завелъ отъ Ерусалима,
 Игрище другое отъ Царя-града,
 Третіе отъ стольна града Кіева—
 Во пиру привелъ всѣхъ на весельице.
 Какъ Владиміру игра та показалася,
 Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, лихой игрокъ Добрынюшка!
 Распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бояровъ,
 Звесели могучіихъ богатырей:
 Заведи старынку стародавнюю
 Про того про старшаго богатыря,
 Про удалаго Вольгѹ Всеславьича“. (6)

Какъ повелъ опять Добрыня по гусѣлышкамъ,
 Заигралъ напѣвки святорусскія,

Заводиль старінку стародавнюю
 Про удалаго Вольгѹ Всеславьича:

* * *

„Закатилось красное солнышко,
 Закатилось за горушки высокія,
 За моря глубокія, широкія,
 Разсаждались часты звѣзды по свѣтлѹ небу—
 Нарождался на матушкѣ святой Руси
 Молодой богатырь Вольга Всеславьевичъ.
 Только будетъ Вольгѣ полтора часа,
 Говоритъ Вольга, будто громъ гремитъ:
 „—А и гої еси, сударыня матушка,
 Молодая Марѣа Всеславьевна!
 Ты не пѣленай во пѣлену червчатую,
 Не поясай въ поясыя шелковѣе—
 Пеленай меня, сударыня матушка,
 Въ крѣпкія латы булатныя,
 А на буйну голову клади златъ шеломъ,
 Въ праву руку—пѣлицу свинцовую,
 Чтобы вѣсомъ была пѣлица въ триста пудъ.—
 „Росъ-подросъ Вольга до пяти годковъ,
 Какъ пошѣлъ Вольга по сырѹ землѣ—
 Мать-сыра земля всколѣбалася,
 По темнѣмъ лѣсамъ звѣри разбѣжались,
 По подоблачю птицы разлетались,
 По синю морю рыбы разметались.
 И пошѣлъ Вольга Всеславьевичъ
 Обучаться всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
 Обучался первой хитрости-мудрости—
 Обертываться яснымъ соколомъ;
 Обучался другой хитрости-мудрости—
 Обертываться сѣрымъ волкомъ;
 Обучался третьей хитрости-мудрости—
 Обертываться туромъ—золотые рога.
 Да задался отъ семи годовъ,
 Обучался до двѣнадцати.
 Сталь дружину себѣ набирать Вольга,
 Дружинушку добрую, хорѣбрую,

Набиралъ дружину три года:
Самому Вольгѣ пятнадцать лѣтъ,
И всей его дружинѣ по пятнадцати.
Тридцать мѳлодцевъ набралъ безъ одинаго,
Становилса самъ тридцатыимъ.

„И възгѳворить Вольгѳа таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хорѳбрая.
Тридцать мѳлодцевъ безъ одинаго!
Слушайте-ка братца бѳльшаго,
Дѳлайте-ка дѳло повелѳное:
Отъ моей отъ славы богатырскія
Звѳри ушли во темны лѳса,
Птицы ушли подъ ѳблака,
Рыбы ушли во синѳ море,
Во синѳ море, въ глубоки станы:
Вейте-ка тенѳта шелковья,
Становите-ка ихъ во темномъ лѳсу,
Во темномъ лѳсу, по сырой землѳ,
И ловите въ нихъ и куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѳрей и черныхъ соболей.—

„Они слушали братца бѳльшаго,
Дѳлали дѳло повелѳное:
Вили тенета шелковья,
Становили ихъ во темномъ лѳсу,
Во темномъ лѳсу, по сырой землѳ,
Ловили три дня и три ночи—
Не могли добыть ни одного звѳрка.
Обернулся Вольгѳа лютымъ звѳремъ,
Поскачилъ въ темный лѳсъ, по сырой землѳ,
Загонялъ въ тенета куницъ и лисицъ,
Всякихъ дикихъ звѳрей и черныхъ соболей;
Ни медвѳдю, ни волку спуску нѳтъ;
Да и мелкимъ звѳрюшкомъ не брѳзгивалъ:
Забиралъ поскакучихъ заюшекъ,
Бралъ и малыхъ горностаюшекъ.
И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
Обувалъ-одѳвалъ добрыхъ мѳлодцевъ,
И носили они шубы соболиныя,
Перемѳнныя шубы-то—барсовыя.

„И възгѳворить Вольгѳа таковы слова:

„—Дружинушка моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вейте-ка сѣти шелковья,
 Становите-ка ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 И ловите въ нихъ гусей-лѣбедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.—

„Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Вили сѣточки шелковья,
 Становили ихъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу, на самый верхъ,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной птички.
 Обернулся Вольга яснымъ соколомъ,
 Полетѣлъ Вольга по подоблачю,
 Заворачивалъ въ сѣти гусей-лѣбедей,
 Сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ.
 И поилъ-кормилъ онъ дружинушку,
 Всѣ-то явства у него отборныя,
 Перемѣнныя явства—сахарныя.

„И возвортитъ Вольга таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
 Слушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
 Звѣри-птицы въ лѣсахъ всѣ помыловлены;
 Вы берегите-ка топоры дроворубныя,
 Стройте-ка суденышко дубовое,
 Ладьте-ка тоневя шелковыя,
 Поплавочки кладите чиста золота,
 Выѣзжайте на синѣ море,
 И ловите рыбу-сѣмжину, бѣлужину,
 Дорогую рыбу осѣтринку,
 Да и щученьку, малую плотиченьку.—

„Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣное:
 Брали топоры дроворубныя,
 Строили суденышко дубовое,

Обернутся Волга яснымъ соколомъ,
Полесть Волгѣ по подобачью,

Заворачивать въ сѣти гусей-лебедей,
Сърыхъ утокъ и малыхъ пташечекъ.

Ладили тоневя шелковы,
 Выѣзжали на синё море,
 Ловили три дня и три ночи—
 Не могли добыть ни одной рыбки.
 Обернулся Вольга рыбой-щучиной,
 Опустился Вольга во синё море,
 Изъ глубокихъ станѡвъ рыбъ повыпугаль,
 Заворачиваль рыбу-сѣмжинку, бѣлужинку,
 Дорогую рыбку осётринку,
 Бралъ и щученьку, малую плотиченьку...

„Какъ прошла тутъ слава великая
 Ко стольному граду Киеву,
 Что индейскій царь (?) снаряжается,
 Стольный Киевъ градъ ваять похваляется,
 Божьи церкви разорить, на дымъ пустить.

„И возгѡворитъ Вольга таковы слова:

„—Дружина моя добрая, хорѡбрая!
 А и есть ли удалый добрый молодецъ,
 Чтѡ сходилъ бы во царство индейское,
 Про царя Салтыка Ставрुльевича
 Да про думу его тайную провѣдати,
 Думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
 Таго мѡлодца я буду жаловать
 За его за услугу великую.—

„Тутъ всѣ мѡлодцы добрые, хорѡбрые—
 Большой туляется за средняго,
 Среднїй туляется за мѣньшаго,
 А отъ мѣньшаго и отвѣту нѣтъ.
 Какъ бы листь со травой пристилается,
 Вся дружина его приклоняется:

„—Ужъ какого ли удала добра мѡлодца
 Нѣтъ опрѣчь тебя, Вольгѣ Всеславьича!—

„—Такъ ужъ видно жѣ Вольгѣ самому пойти!—

„Обернулся туромъ—золотые рога,
 Первый скокъ за цѣлу версту скочиль,
 А другой-то скокъ не могли найти.
 Добѣжалъ до царства индейскаго,
 Обернулся малой птицей-пташицей,
 Садился на царское окошечко,
 И слушалъ рѣчи тайныя.

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ
Со своею царицей Азвяковной:

„—Ай же ты, жена возлюбленная,
Молодая царица Азвяковна!

Знаешь ли мою царскую выдумку?—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ай же царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:
Какъ мнѣ знать твою царскую выдумку?—

„Говорить царь Салтыкъ Ставрुльевичъ:

„—Я задумалъ ѣхать на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ,
А тебѣ, царица Азвяковна,
Подарю дорогую шубоньку.—

„Говорить царица Азвяковна:

„—Ночью спалось—во снѣ мнѣ видѣлось:
Съ-подъ восточной съ-подъ сторонушки
Налетѣла мала птица-пташица,
А съ-подъ западной съ-подъ сторонушки
Налетѣла птица черной воронъ;
Во чистомъ полѣ онѣ слеталися,
Межъ собою бились подиралися;
Малая-то птица-пташица
Черна ворона повѣклевала,
По перышку его повѣщипала,
На вѣтеръ всего повѣпустила.
Малая птица-пташица—

Молодой богатырь Вольга Всеславъевичъ,
Черный воронъ царь—Салтыкъ Ставрुльевичъ.—

„Какъ тѣ рѣчи царю не слюбилися:
Какъ ударить онѣ царицу по бѣлѣ лицу,
Повернется—и въ другой-то разъ,
Кинетъ царицу о кирпичать полъ,
Кинетъ ее и въ другой-то разъ:

„—А поѣду же я на святую Русь,
Завоюю девять городовъ на Руси,
Подарю города девяти сынамъ,
Самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ!—

„Воспрѣговорить Вольга Всеславъевичъ:

„—Ай ты, царь Салтыкъ Ставрुльевичъ!
 Не бывать тебѣ на святой Руси,
 Не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ!—

„Обернулся Вольга сѣрымъ волкомъ,
 Поскочилъ Вольга на конюшенъ дворъ,
 Добрыхъ коней всѣхъ поперебралъ
 Глотки у всѣхъ поперебралъ;
 Обернулся малымъ горностаюшкой,
 Побѣжалъ по подваламъ, по погребамъ,
 У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
 У калѣныхъ стрѣлъ желѣзца повѣнималъ,
 Сабли острыя повыщербилъ,
 Палицы булатныя дугой согнулъ.
 Обернулся тогда яснымъ соколомъ,
 Высоко взвился по подоблачю,
 Полетѣлъ далече во чисто поле,
 Ко дружинишкѣ доброй, хороброей,
 Разбудилъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ:

„—Гой, дружина моя добрая, хоробрая!
 Не время теперъ спать, порѣ вставать!
 Мы пойдете-ка къ царству индейскому!—

„И пошли они къ царству индейскому,
 Подошли къ стѣнѣ бѣлокаменной;
 Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
 Ворѣты въ стѣнѣ желѣзныя,
 Крюки-засовы всѣ мѣдныя,
 Стоять караулы денны-нощны,
 Стоитъ подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
 Мудренныя вырѣзы вырѣзаны,
 А и только въ вырѣзъ мурашу пройти.
 Закручинились молодцы, запечалились:

„—Потерять, знать, даромъ буйны голѣвы!
 А и какъ намъ будетъ стѣну пройти?—

„Молодой Вольга догадливъ былъ:
 Самъ себя обернулъ мурашикомъ
 И всѣхъ добрыхъ молодцевъ мурашками—
 Прошли они стѣну бѣлокаменну,
 На ту сторону, въ царство индейское,
 Обернулъ опять добрыми молодцами
 Со всею со сбруею ратною,

Говорить имъ самъ, приказъ даетъ:

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
Вы ходите-ка по царству индейскому,
Вы рубите-ка и стараго и малаго,
Не оставьте въ царствѣ на сѣмена;
Оставьте только женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.—

„А и ходять они по царству индейскому,
А и рубятъ и стараго и малаго,
А и только оставляють женскій полъ,
Красныхъ дѣвушекъ-душечекъ по выбору
Немного-немало—семь тысячей.

„—Дружина моя добрая, хоробрая!
А станемъ-ка теперь полонѹ дѣлить.—

—Что было на дѣлежѣ дорого,
Что было на дѣлежѣ дешево?
Добры кѹни были по семи рублей,
Сабли остря по пяти рублей,
Тяжки палицы булатныя по трѣ рубля.
А то было дешево—женскій полъ:
Старушечки были по полушечкѣ,
Молодѹшечки по двѣ полушечки,
Красны дѣвушки-душечки по денежкѣ.

„То старина, то и дѣянье!
Сипему морю на утѣшенье,
Старымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенѣманье,
А веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючѣй во бесѣдушкѣ смиренной,
Непиваючи медъ, зеленѹ вино;
А и гдѣ мы пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Государю-свѣту, красну солнышку,
Нашему хозяину ласковому!“

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра.

Хорошо Добрыняшка Никитичъ младъ
Во гусѣлышки играетъ во ярѡвчаты,
Хорошо поеть старынку стародавнюю
Про удалаго Вольгѹ Всеславьича
Со его дружиной доброю, хорѡброю.
На пиру всѣ приутихли, приумолкнули,
Приумолкнули да призаслушались.
Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
Старый тутъ Бермята (8) сынъ Васильевичъ,
Говорить самъ таковыя слова:

„А слыхалъ еще я отъ старѣхъ людей,
Что того Салтыка-то Ставрुльича,
Ухвата, Вольгѹ ударилъ о кирпичать поль,
Во крохи расшибъ да самъ царемъ насѣлъ,
Взялъ себѣ царицею Азвяковну,
А его дружина добрая, хорѡбрая
На тѣхъ красныхъ дѣвушкахъ переженилася“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ распотѣшился,
Повскочилъ со мѣста княженецкаго,
По столовой гриднѣ запохаживаль,
Частую бородку запоглаживаль,
Бѣлыми руками заразвѣживаль,
Желтыми кудрями запотрѣживаль,
Пословечно сударь выговариваль:

„Гой же вы, мои князья да бѡяре,
Сильные, могучіе богатыри!

Всѣ-то вы во Кіевѣ поженены,
 Всѣ-то дѣвушки-бойрушки повываны,
 Только я, Владиміръ, не женатъ живу,
 Не женатъ живу да холостымъ слыву.
 Вы не знаете ли, братцы, красной дѣвицы,
 Красной дѣвицы—мнѣ, князю, супротивницы:
 Чтобы станикомъ была ровнѣшенька,
 Ростомъ, какъ и самъ я, высокѣшенька,
 Очи были бѣ ясна сокола,
 Брови были бѣ чѣрна соболя,
 Тѣло было бѣ снѣгу бѣлаго,
 Красотой красна и мнѣ умомъ сверстна;
 Было бѣ съ кѣмъ мнѣ думушку подумати,
 Было бѣ съ кѣмъ словечко перемолвити,
 Во пиру-бесѣдушкѣ кѣмъ похвалитися,
 А и было бы кому вамъ поклонитися,
 Было бы кому вамъ честь воздать“.

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Бласлови-ка, государь, мнѣ слово вымолвить.
 Знаю я тебѣ княгиню—красну дѣвицу,
 Красну дѣвицу да супротивницу:
 Какъ во той землѣ во хоробрѣй Литвѣ,
 У того у короля литовскаго (°)
 Есть двѣ дочери любимыя на выданьѣ;
 Большая-то дочь Настасья королевична
 Не пойдетъ къ тебѣ княгинею-царицею:
 Вздѣтъ въ полѣ сильной поленицею;
 Меньшая же дочь Апраксыя королевична ()
 Въ теремѣ сидитъ все, во золотомъ верху,
 Что за тридевятью ли замочками
 Да за тридевятью сторождѣчками:
 Красно солнышко ее не запечеть,
 Вуйны вѣтрушки ее не обвѣютъ,
 Многи люди не увидятъ, не обзѣрятся.
 А и ростомъ-то она высокая,
 А и станомъ становитая,
 Красотою красовитая:
 Черны брови—соболя заморскаго,
 Мены очи—сокола пролѣтнаго,

Личушкомъ бѣла какъ зимній снѣгъ,
Да и въ грамотѣ-то поучёная:
Будеть съ кѣмъ тебѣ свой вѣкъ корѣтати,
Будеть намъ кому и честь воздать“.

Какъ то слово князю по душѣ пришло,
Больно солнышку словечко полюбилось,
И возгѣворить онъ таковыя слова:

„Ай же вы, мои князья да бѣяре,
Ай же вы, могучіе богатыри!
А кого же мнѣ послать посвататься
За меня, за князя за Владиміра,
У того у короля литовскаго
На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ?“

Всѣ за столикомъ сидятъ, умолкнули,
Приумолкнули да приутихнули,
Приутихнули да затулялися:
Большіе туляются за среднихъ,
Средніе туляются за меньшихъ,
А отъ меньшей тулицы-то и отвѣту нѣтъ.

Возстаетъ опять Бермята сынъ Васильевичъ:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
Бласлови еще мнѣ слово молвити.
Ты пошли-ка сватомъ добра мѣлодца,
Тихаго Дунаюшку Иванова: (11)
Тихій-то Дунай вѣдь во послахъ бываль,
Много множество чужихъ земель видаль,
Тихій-то Дунай и говорить гораздъ —
Ужъ кому, какъ не ему бы, и посвататься“.

Не изъ большаго тутъ мѣста, не изъ меньшаго,
Изъ того ли мѣста да изъ средняго,
Изъ-за стѣлья изъ-за бѣлодѣбова
Возстаетъ удалый добрый мѣлодецъ,
Тихій тотъ Дунай Ивановичъ,
Понизѣнько князю поклоняется:

„Гой еси ты, государь нашъ батюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кѣвскій!
Бласлови и мнѣ словечко молвити,
Безъ казнѣнія, безъ дальней высылки!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!

Хочешь говорить, такъ говори теперь“.

„Жиль я, государь, во хоробрѣй Литвѣ
 Девять лѣтъ у короля литовскаго:
 Трѣ года у короля я кѣноухаль,
 Трѣ года у короля я стольничаль,
 Трѣ года у короля я клюшничаль,
 А и вѣрно слово говорилъ тебѣ
 Старый человекъ Бермята сынъ Васильевичъ.
 Есть двѣ дочери у короля литовскаго,
 Обѣ дочери—пригожія, хорошія.
 Много ѣзживаль я по инымъ землямъ,
 Много видываль я королевишень,
 Много видываль и изъ ума пыталъ:
 Та красна лицомъ—да не сверстна умомъ,
 Та сверстна умомъ—да не красна лицомъ.
 Не нахаживаль я эдакой красавицы,
 И не видываль я эдакой пригожицы,
 Какъ та младша дочка королевская,
 Молода Апраксыя королевична:
 Ходить—словно бѣлая лебѣдушка,
 Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
 А и въ грамотѣ-то больно гѣраздо.
 Было бы тебѣ съ кѣмъ жить да быть,
 Было бы кого назвать намъ матушкой,
 Величать намъ государыней!“

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Ты умѣль ее теперичко повѣхвастать,
 Такъ умѣй-ка ты ее оттолъ и вывести.
 Ты возьми съ тобою силы сорокъ тысячей,
 Ты возьми казны да десять тысячей,
 Поѣзжай во ту во хоробрѣ Литву,
 О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ
 На прекрасной на Апраксѣ королевичнѣ“.

Скоро бралъ Владиміръ чарочку хрустальную,
 Дорогого хрустала восточнаго,
 Со краями позлачѣнными,
 Наливаль во чару зеленѣ вина,
 Да не малую стопу, а полтора ведра,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подносить тихому Дунаюшкѣ;

Скоро браль Дунаюшка Ивановичъ
 Чарочку отъ князя во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Подавалъ назадъ Владиміру,
 Понизѣнькѣ князю поклоняется:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 А не надобно мнѣ силы княженецкія,
 И не надобно мнѣ золотой казны:
 Да не биться же мнѣ тамъ, не ратиться;
 Дай-ка только мнѣ товарища любимаго,
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Роду онъ, Добрынюшка, хорошаго,
 Да умѣеть онъ съ людьми и рѣчь вести;
 Соизволь еще сходить намъ на конюшенъ дворъ,
 Выбрать двухъ жеребчиковъ неѣзжанныхъ,
 Выбрать два сѣдлышка недѣржаныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Самъ пиши-ка ярлыки да скорописчаты
 О томъ добромъ дѣлѣ да о свѣтовствѣ“.

Браль омятъ Владиміръ чару во бѣлы ручки,
 Наливалъ во чару зеленà вина,
 Разводилъ медами да стоялыми,
 И подносить молоду Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 А пожалуй-ка къ Дунаю во товарищи;
 Да идите съ нимъ вы на конюшенъ дворъ,
 Да берите тамъ всего, что надобно“.

Скоро всталъ Добрыня на рѣзвы ножки,
 Скоро браль отъ князя чару во бѣлы ручки,
 Принималъ одною ручкою,
 Выпивалъ однимъ душкомъ,
 Понизѣнькѣ князю кланялся;
 Скоро шли они съ палаты бѣлокаменной,
 Выходили на конюшенъ дворъ,
 Брали двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ,
 Брали два сѣдлышка недѣржаныхъ,
 Да еще двѣ плѣточки нехлыстанныхъ,
 Сами обкольчужились, облатились,
 Приняли еще отъ князя солнышка

Ярлыки тѣ скорописчаты,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали;
 А и видѣли ихъ на коней-то сядучи,
 Да не видѣли ихъ на коняхъ поѣдучи:
 Будто ясны соколы воспорхнули,
 По пути-дорожкѣ только пыль пошла.

Какъ поѣхали они тутъ изъ земли въ землю,
 Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
 Приѣзжали скоро въ хоробрѣ Литву,
 Ко тому ли королю литовскому,
 Заѣзжали на широкій королевскій дворъ,
 Становились противъ самыхъ окошечекъ,
 Соскочили со добрыхъ коней.
 Говоритъ Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты побудь-ка тутъ, покарауль коней,
 Подъ окошечкомъ косящатымъ похаживай,
 За собой добрыхъ коней поваживай,
 Во палаты королевскія поглядывай,
 Поспѣвай на выруку, какъ позову тебя“.

Самъ проходитъ во палаты королевскіе;
 Знаетъ онъ порядки королевскіе:
 Что не надо ни креститься, ни молитвиться,—
 Бьетъ челомъ лишь королю онъ, поклоняется:

„Здравствуй, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!“
 На Дуная тутъ король оглянется:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
 А и жилъ ты у меня вѣдь цѣлыхъ девять лѣтъ:
 Трѣ года ли жилъ во конюхахъ,
 Трѣ года ли жилъ во стольникахъ,
 Трѣ года ли жилъ во клѣшникахъ,
 Жиль-служиль мнѣ вѣрой-правдою.
 За твои услуги молодецкія
 Посажу тебя теперъ за бѣльшій столъ,
 Посажу за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее,
 Ъшь-ка дѣ-сыта да пей-ка дѣ-люби“.

Посадилъ за бѣльшій столъ, во мѣсто бѣльшее
 Тихаго Дунаюшку Иванова,
 Самъ Дуная сталъ выспрашивать, вывѣдывать:
 „А скажи, Дунай, скажи-ка, не утай себя

За какимъ ты дѣломъ къ намъ пожаловалъ?

Насъ ли повидать, себя казать,

Аль по старому пожить да мнѣ служить?"

„Гой ты, батюшка, король ты хоробрѣй Литвы!

Я не васъ пріѣхалъ повидать, себя казать,

Не по старому пожить, тебѣ служить,

Я прибылъ о добромъ дѣлѣ къ вамъ—о свѣтовствѣ

На твоей на дочери Апраксіи

За Владимира за князя солнышка“.

Положилъ онъ ярлыки тутъ на дубовый столъ;

А король въ сердцахъ ихъ мечеть о кирпичать полъ,

Чѣрны кудри рветъ себѣ на головѣ,

Говорить самъ таковыя слова:

„Глупый князь Владиміръ стольно-киевскій!

Меньшую-то дочку сватаеть,

Большую во дѣвкахъ засадилъ!

Коль Апраксю за кого просватаю,

Такъ просватаю во Золоту Орду,

За того собаку царя Калина.

Самого тебя, Дунаюшка Ивановичъ,

Кабы прежде не служилъ мнѣ вѣрой-правдою,

За твои за рѣчи неумильныя

Посадилъ бы въ погребѣ глубокіе,

Позадвинулъ бы дощечками желѣзными,

Позасыпалъ бы песками рудожѣлтыми,

Пропитомствовалъ бы хлѣбушкомъ-водицею;

Погостилъ бы у меня ты въ хоробрѣй Литвѣ,

Ума-разума въ головку понабрался бы“.

Какъ тутъ тихому Дунаю за бѣду пало,

Повскочилъ Дунаюшка да на рѣзвѣ ножки,

Поднялъ ручку выше головы,

Кулакомъ ударилъ по столу—

Столъ дубовый порастрѣскался,

Питья на столѣ порасплескалися,

Вся посуда на столѣ разсыпалась.

Какъ забѣгаль тутъ король по застолью,

Куньей шубкой укрывается:

„Ахти, братцы! вотъ такъ на бѣду попалъ,

Ахти, братцы! на великую.

Какъ съ бѣдой, не знаю, развязатися?“

Со двора ли тутъ бѣгцы бѣгутъ, гонцы гонять:
 „Ай ты батюшка, король нашъ хоробрѣй Литвы!
 Ъшь ты, пьешь да утѣшаешься,
 А невзгоды надъ собой не вѣдаешь:
 На твоємъ дворѣ на королевскомъ
 Добрый мѣлодецъ невѣдомый уродствуешь:
 Во лѣвѣй рукѣ два повода шелковныхъ—
 Держить двухъ коней да богатырскихъ,
 Во правѣй рукѣ дубинка сорочинская,
 Чебурацкаго свинцу налита въ сорокъ пудъ.
 Яснымъ сѣколомъ онъ по двору полѣтываетъ,
 Чернымъ вѣрономъ онъ по двору попархиваетъ,
 Изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ,
 На всѣ стороны дубинкою помахиваетъ,
 Крупной силы побилъ сорокъ тысячей,
 Мелкой силушки—и смѣты нѣтъ.
 Неужто намъ изъ-за дѣвки всѣмъ погнунти?“

А король-то бѣгаетъ по застолу,
 Куньей шубкой укрывается:
 „Ай же, тихій ты Дунаюшка Ивановичъ!
 Ужъ попомни-ка ты стару хлѣбъ да соль,
 Поуйми-ка своего товарища,
 Видно, дочушка Самѣмъ вамъ Богомъ сѣжена.
 Ужъ вы, служки, пняюшки да мамушки!
 Вы бѣгите-ка во теремъ ко златымъ верхамъ,
 Отомкните трѣдевать замочиковъ,
 Трѣдевать да сторождчиковъ,
 Къ молодой Апраксѣ королевичнѣ,
 Поумойте дѣвицу бѣлѣхонько,
 Сокрутите хорошохонько,
 Проводите на широкій дворъ,
 Посадите на добра коня,
 Отпустите на святую Русь,
 Во замужество за князя за Владиміра“.

Выходилъ Дунай тутъ на крутой крылець,
 Унималъ любимаго товарища:
 „Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Полно же тебѣ теперь уродствовать,
 А и есть намъ, видно, помочь Божія“.
 Проходилъ самъ ко златымъ верхамъ,

Трйдевятъ замочиковъ отщёлкивалъ,
 Дверцы со крюковъ выставливалъ—
 Королевскія палаты запаталися.
 А сидитъ во теремѣ, въ златомъ верху
 Молода Апраксыя королевична.
 Во однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
 Русая коса-то пораспущена.
 Какъ увидѣла Дунаюшку Иванова,
 Испужалась бѣлая лебѣдушка,
 Бросилась какъ угорѣлая.
 Воспрогдворилъ Дунаюшка Ивановичъ:

- „Ай же ты, Апраксыя королевична!
 А идешь ли ты за князя за Владиміра?“

Говоритъ Апраксыя королевична:

„Ай ты, славный богатырь Дунай Ивановичъ!
 Трй года я Богу вѣдь молилася,
 Чтобъ попасть замужъ за князя за Владиміра“.

Какъ пришли тутъ нянюшки да мамушки,
 Поумыли-убѣлили красну дѣвицу,
 Напушили личико ей бѣлое,
 Сокрутили хорошоховько,
 Проводили на широкій дворъ.
 Бралъ ее Дунай за бѣлыя ручки,
 На добра коня садилъ да къ головѣ хребтомъ,
 Самъ Дунаюшка садился къ головѣ лицомъ.
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
 Да по славному раздолю по чисту полю.

Какъ настигла во раздолѣ во чистомъ полѣ,
 Во пути-дороженькѣ ихъ ночка темная,
 Пораздѣрнули палатку полотняную,
 Заходили во палатку опочивъ держать;
 Въ ноженки поставили добрыхъ коней,
 Въ головы ли копя долгомѣрныя,
 По правдой рукѣ ли сабли острия,
 По лѣвой рукѣ ли палицы тяжелыя.
 А и спать они да высыпаются,
 Темну ночку сномъ коротають.
 Темной ночкой ничего не видѣли,
 Ничего не видѣли, да много слышали,
 Слышали погоню богатырскую,

Услыхали пѣсвиць по-змѣиному,
Услыхали пѣкрикъ по-звѣриному.
Говорить Дунаюшка Ивановичь:

„Гой же ты, Добрынюшка Никитичъ младь!
Вѣдь за нами есть погоня богатырская.
Поѣзжай-ка со Апраксѣй королевичной
На святую Русь, во стальной Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Отвези ему поклоны, челомъ-бѣтьице,
Да подай ему невѣсту во бѣлы ручки.
Самъ я здѣсь останусь, во чистомъ полѣ,
Со богатыремъ побиться да поратиться“.

И садили красну дѣвицу да на добра коня,
На добра коня да къ головѣ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головѣ лицомъ,
Распростился и поѣхалъ съ красной дѣвицей
На святую Русь, на стальной Кіевъ градъ.
Тихій же Дунаюшка Ивановичъ
Не съ упадкою, а со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою
Ѣдетъ ко богатырю на стрѣтушку.

Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися —
Сѣхалися два могучіихъ богатыря,
Попытать ли богатырскихъ плечъ,
Поиспробовать отваги молодецкія;
Сдѣлали разъѣздъ въ чистомъ полѣ,
Сѣхалися въ одно мѣсто,
Пріударили во палицы булатныя,
Словно громъ грянулъ въ поднёбесьи —
Палицы въ рукахъ ихъ приломилися.
Какъ разъѣхалися опять въ чистомъ полѣ,
Сѣхалися во одно мѣсто,
Пріударили во сабли остры —
Остры сабли притупилися.
Въ третій разъ разъѣхалися въ чистомъ полѣ,
Сѣхалися во одно мѣсто,
Пріударили во копыя долгомѣрныя —
Вышибъ тихій тутъ Дунай Ивановичъ
Изъ сѣдла лихого супротивничка,
Со добра коня сронилъ да на сырѣ землю.

Самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ,
Не казнилъ удала супротивника,
Только ко сырѣй землѣ копьемъ прижалъ,
Въ бѣлу грудь тупымъ концомъ уперъ:

„Ты скажись-ка мнѣ, удалый добрый молодець,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца да коей матери?“

Добрый молодець ему отвѣтъ держить:

„Ай же, тихій ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
Что же ты меня не опозналъ?

Во одной дороженькѣ со мною ѣзживаль,
Во одной бесѣдушкѣ со мною сиживаль,
Со одной и чарочки со мною кушиваль.
Жиль у насъ вѣдь ровно девять лѣтъ:
Трѣ года ли жилъ во конюхахъ,
Трѣ года ли жилъ во стольникахъ,
Трѣ года ли жилъ во клюшникахъ“.

„Ай же ты, Настасья королевична!
А почтѣ ты ѣздишь по чисту полю,
Поленицею удалою полякуешь?“

„А почтѣ вы, святорусскіе богатыри,
Увезли сестрицу мнѣ любимую?
А поляковать я ѣзжу во чистѣ поле—
Поискать себѣ да супротивника:
А и кто меня побьетъ въ чистѣмъ полѣ,
За того мнѣ и замужъ идти!“

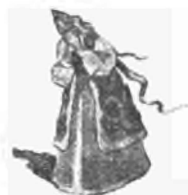
Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Во семи земляхъ служилъ я, во семи ордахъ,
Не сумѣлъ себѣ я выжить красной дѣвицы,
А теперъ я во чистѣмъ полѣ
Супротивницу нашель себѣ, обручницу.
Ай ты, молода Настасья королевична!
Собирайся-ка со мною въ путь-дороженьку,
Скидывай-ка златъ шеломъ со буйной гѣловы,
Скидывай-ка латы со кольчугою.
Обряжайся по-дѣвичьему
Во простую епанѣчку бѣлую,
Да поѣдемъ-ка со мной во стольный Кіевъ градъ.
Къ ласковому князю ко Владимиру,
Сходимъ вмѣстѣ въ церковь Божию,

Примемъ вмѣстѣ по золоту вѣнцу“.

Обряжалася Настасья по-дѣвичьему,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Прибыли во стольный Кіевъ градъ,
 Подѣзжали къ матушкѣ ко церкви Божіей;
 А Владиміръ князь съ Апраксей королевичной
 Въ церковь Божію ужъ ко вѣнцу идетъ.
 На церковномъ на крыльцѣ сестрицы встрѣтились,
 Встрѣтились сестрицы, поздоровкались,
 Вмѣстѣ ли крестились и молитвились,
 Вмѣстѣ ли пошли теперь и въ церковь Божію,
 Вмѣстѣ приняли и по золоту вѣнцу,
 Положили заповѣдь великую:
 Съ мужевьями жить да быть, да вѣкъ коротати.
 Завели тутъ свадебку, почестень пиръ,
 Пированьице на весь крещеный людъ,
 Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Дунай Ивановичъ и Настасья коро-
левична (12).

Въ стольномъ было городѣ во Киевѣ
Ласковый Владиміръ князь вѣнчается
Со прекрасной со Апраксѣей королевичной,
Тихій ли Дунаюшка Ивановичъ
Съ бѣльшею сестрицею вѣнчается,
Съ молодой Настасѣей королевичной.
Какъ пошли со церкви Божіей,
Приходили во палаты бѣлокаменны,—
Заводили тутъ почѣстенъ пиръ,
Пированьице на весь крещѣный людъ,
Не на мало, не на много—на двѣнадцать дѣнь.
Всѣ-то за столы посажены,
Всѣмъ-то яства, питица налажены;
Всхоже солнышко идетъ ко западу,
Бѣлый день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пиръ идетъ ко вѣселу;
Въ пѣль-сыта всѣ наждаются,
Въ пѣль-пьяна всѣ напиваются,
Всѣ промежь собою порасхвастались:
Сильный хвастаетъ великой силушкой,
Голый шапъ—одѣжой цвѣтною,
А богатый—золотой казной;
Кто гораздъ бороться руюпашкою,

Кто гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
 Кто гораздъ поѣздить на добромъ конѣ;
 Умный хвалится отцомъ да матерью,
 А безумный—молодой женой.

Какъ выходитъ тутъ Дунаюшка Ивановичъ
 Изъ-за тѣхъ изъ-за столовъ дубовныхъ,
 Изъ-за тѣхъ скамеечекъ окольныхъ,
 Отъ своей семеюшки любимыя,
 Молодой Настасьи королевичны;
 Сталь Дунай по горенкѣ похаживать,
 Пословечно выговаривать:

„А и нѣту мѡлодца во Кіевѣ
 Противъ тихаго Дунаюшки Иванова:
 Отъ того отъ короля Литовскаго
 Вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди,
 Самъ себя женилъ и друга подарилъ“.

Говорить ему Настасья королевична:

„Ай же ты, Дунаюшка Ивановичъ!
 Не пустымъ ли ты, Дунай, расхвастался?
 Хоть не долго здѣсь, во Кіевѣ, я побыла.
 Много я во Кіевѣ повѣзнала:
 Нѣту силой мѡлодцевъ, ухваткою
 Супротивъ Самсона да Самойлова,
 Нѣтъ поѣздой мѡлодцевъ, посадкою
 Супротивъ Михайла Пѡтыка Иванова,
 Уговоромъ мѡлодцевъ, смиренницею
 Противъ молода Добрынюшки Никитича,
 Красотою мѡлодцевъ, угожествомъ
 Противъ князя солнышка Владиміра,—
 А на выстрѣль нѣту изъ туга лука
 Супротивъ Настасьи королевичны:
 На твою головку молодецкую
 Покладу своѣ колечико серебряно,
 Понаставлю свой булатный ножъ,
 Отойду сама да на пятьсотъ шаговъ,
 Три раза калѣну стрѣлочку повѣстрѣлю,
 Пропущу сквозь то колечико серебряно,
 По тому по острію ножѣвому,
 Чтобъ разсѣклась стрѣлочка калѣная
 На двѣ равныхъ половиночки,

Объ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатилися бы на двѣ стороны,
Не сронили бы колечика съ головушки“.

Какъ тутъ тихому Дунаю ко стыду пришло,
Говорить Дунаюшка Ивановичъ:

„Ай же ты, Настасья королевична!

А мы выйдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Востроты другъ у друга отвѣдаемъ,
Кто стрѣлять гораздѣй изъ туга лука“.

Выходилъ Дунай съ ней во чисто поле,
Полагалъ колечико серебряно
На свою ли на головку молодецкую,
Понаставилъ свой булатный ножъ;
Отошла Настасья королевична

Отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ.
Брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый,
Налагала стрѣлочку калѣную:

Натянула за ухо тетивочку,
И спущала стрѣлочку калѣную:
Пропустила сквозь колечико серебряно,

По тому по острію ножѣвому;
Расколосась стрѣлочка колѣная
На двѣ равныхъ половиночки,
Объ вѣсомъ и на взглядъ равны,
Покатились на двѣ стороны,

Не сронили съ головы колечика.

Три раза Настасья королевична

Пропустила стрѣлочку калѣную

Во колечико серебряно,

По тому по острію ножѣвому,

Да не сшибла съ головы колечика.

Говорить Дунай ей таковы слова:

„Ай же ты, Настасья королевична!

Становись-ка супротивъ меня“.

Полагалъ колечико серебряно

Ей на буйную головушку,

Понаставилъ свой булатный ножъ,

Отошелъ самъ на пятьсотъ шаговъ.

Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,

Другой разъ стрѣлилъ—не дѣстрѣлилъ.

Третій разъ стрѣлилиъ—попасть не могъ.

Какъ у тихаго Дунаюшки Иванова

Разгорѣлося тутъ ретивѡ сердце,

Ретивѡ сердце да молодецкое;

Сталъ онъ стрѣлочкой помахивать,

Самъ ли стрѣлочкѣ да выговаривать:

„Ай же ты, стрѣла любимая!

Ужь пади-ка ты не на воду, не на землю,

Попади-ка ты Настасѣ да во бѣлу грудь“.

Восполѡдилася княгинюшка Апраксія,

Стала тихаго Дуная уговаривать:

„А и гой еси ты, мой любимый зятюшка,

Молодой Дунай да сынъ Ивановичъ!

То была лишь шуточка пошучена“.

Возмолилася ему и молодѡ жена,

Кланялася въ землю, убивалася,

Горючьмй слезами уливалася:

„Гой еси ты, мой любезный ладушка,

Молодой Дунаюшка Ивановичъ!

Ты прости, прости меня во женской глупости!

Ты оставь-ка шутку до другого дня;

Ты теперь, Дунаюшка, хмельнѣшенекъ,

Ты теперь, Дунаюшка, пьянѣшенекъ,

Угодишь и въ-правду въ молодѡ жену,

Сдѣлаешь головку безповинную“.

Стали всѣ князья да бояре,

Сильные могучіе богатыри

Тихаго Дуная уговаривать.

Озадѡрился Дунай, не слушаетъ,

Налагаетъ стрѣлочку калѣную;

Спѣла у тугѡ лука тетивочка,

Угодила стрѣлочка калѣная

Молодой Настасѣ да во бѣлу грудь,

Пала молодѡ Настасѣ на сырѡ землю,

Облилася кровію горючею;

Тутъ Настасѣ и славу поють.

Подошелъ Дунаюшка Ивановичъ,

Запечалился Дунаюшка, расшлакался,

Говорить самъ таковѣ слова:

„Гдѣ головкой пала лебедьбѣлая,

Тамъ пади головкой и ясень соколъ!“

Вынималъ изъ ноженъ саблю острую,
Становиль въ сырѹ землю тупымъ концомъ,
Падаль самъ на саблю ретивымъ сердцомъ;
Тутъ и тихому Дунаюшкѣ славу поють.

Гдѣ головкой пала лебедь бѣлая,
Тамъ отъ крови отъ ея напрасныя
Протекала быстрая Настасья-рѣченька;
А гдѣ палъ головкою ясень соколъ,
Тамъ отъ крови отъ Дунаевой
Протекла славная Дунай-рѣчка;
На двѣ струйки рѣчки расходилися,
Во одно мѣсто опять сходилися,
Выросло тутъ два деревца кипарисныхъ
Во одно мѣсто верхушки совивалися,
Вѣточки со вѣточками соплеталися:
Малы дѣти идутъ—набалуются,
Молодые идутъ—надивуются,
Стары люди идутъ—поплачутся.

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Алеша Поповичъ (13).

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города,
Не ясень соколъ съ соколикомъ вылѣтываль—
Выѣзжали два могучихъ богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ, (14)
Съ нимъ молоденькій Екимъ Ивановичъ.
Вздили богатыри плечо въ плечо,
Стремя въ стремя богатырское;
Вздили гуляли по чисту полю,
Не наѣзживали ничего въ чистомъ полѣ,
Не видали птицы перелѣтныя,
Не видали звѣря порыскучаго;
Только и наѣхали въ чистомъ полѣ
Три дороженьки широкія,
Промеждѣ дороженекъ горючъ камень лежитъ,
А на камнѣ подписи подписаны.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, братецъ мой, Екимъ Ивановичъ!
Человѣкъ ты поученный въ грамотѣ:
Посмотри на камнѣ подписи.
Что на камнѣ-то подписано?“
Соскочилъ Екимъ съ добра коня,

Посмотрѣлъ на камнѣ подписи,
А на камнѣ три дороженьки расписаны:
„Первая дороженька на Муромѣ градѣ,
Третья ли ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Говорить Екимъ Ивановичъ:

„Ай ты, братецъ мой, Алешенька Поповичъ младъ!
Ты какой дорожкой изволишь путь держать?“

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Лучше ѣхать намъ ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Повернули добры молодцы добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши до славной до Сафать-рѣки, ⁽¹⁵⁾

Становились на лугахъ зеленыхъ,

Покормить своихъ добрыхъ коней,

Разставляли два бѣлыхъ шатра.

И Алеша поизволилъ опочивъ держать

Мало время позамѣшкавши,

Молодой Екимъ добрыхъ коней

Въ зеленъ лугъ пустилъ стреноживши,

Самъ въ шатерь ложился опочивъ держать.

Какъ прошла та ночь осенняя,

Ото сна Алеша пробуждается,

Возстаетъ рано ранѣшенько,

Утренней зарею умывается,

Бѣлою ширинкой утирается,

Ко востоку Богу молится.

Молодой Екимъ Ивановичъ

По добрыхъ коней сходилъ скорѣшенько,

Попойть сводилъ ихъ на Сафать-рѣку,

Приказалъ Алеша тутъ сѣдлатъ добрыхъ коней.

Осѣдлавши онъ, Екимъ, добрыхъ коней,

Снаряжались ко городу ко Кіеву.

Приходилъ къ нимъ тутъ калика переходя: ⁽¹⁶⁾

Лапотки на немъ семи шелковъ,

Подковыренныя чистымъ сѣребромъ,

Передокъ низанъ краснымъ золотомъ,

Шуба соболиная да долгополая,

Шляца сорочинская да земли греческой,

Шелепуга подорожная
 Чебурацкаго свинцу налита въ тридцать пудъ.
 Говорить калика перехожая:
 „Ой вы гой еси, удалы добры мѡлодцы!
 Видѣль я за славной за Сафать-рѣвкой
 Молода Тугарина Змѣевича: (17)
 Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
 Промежъ плечь-то у него коса сажень,
 Промежъ глазъ-то каленá стрѣла,
 Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый звѣрь,
 Изъ хайльица-то огонь пышетъ,
 Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить“.

Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!
 Дай свое мнѣ платьице каличье,
 Самъ возьми мое да богатырское,
 Дай мнѣ лапотки семи шелковъ,
 Подковыренныя чистымъ сѣребромъ,
 Передокъ увизанъ краснымъ золотомъ,
 Шубку соболиную да долгополую,
 Шляпу сорочинскую да земли греческой,
 Шелепугу подорожную
 Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ“.

Не отказывалъ калика перехожая,
 Далъ ему свое онъ платьице каличье,
 Надѣвалъ самъ платье богатырское.
 Наряжается Алешенька каликою,
 Взялъ съ собою шелепугу подорожную
 Чебурацкаго свинцу налиту въ тридцать пудъ,
 Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,
 И пошелъ за славную Сафать-рѣвку.

Какъ завидѣль тутъ Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ
 Отъ далй Алешеньку Поповича,
 Заревѣль, собака, зычнымъ голосомъ,
 Инъ продрогнула дубравушка зелѣная,
 Младъ Алеша еле живъ идетъ.
 Говорить ему Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ:

„Ай ты гой еси, калика перехожая!
 Не слыхалъ ли ты да не видалъ ли гдѣ
 Про младá Алешу про Поповича?“

“Ай ты кой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвчъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчицѣ:

Не слыжать мнѣ отъ далѣй-го, что ты говоришь.”
Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣвчъ младъ.

Я-бъ Алешу закололъ копьемъ,
Закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ“.

Говорить Алешенька каликою:

„Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ!
Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу:
Не слыхать мнѣ отъ далѣй-то что ты говоришь“.

Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ.
Какъ сверстался младъ Алеша со Тугариномъ,
Шелепугою его по головѣ хлестнулъ,
Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ,
Повалилъ собаку на сырѹ землю,
Самъ вскочилъ ему на черну грудь...
А и взмолится Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ:

„Гой еси, калика переходяя!

Ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ?
Если ты Алеша—побратаемся“.

Втѣпоры Алешенька врагу не вѣрвань,
Отрубилъ ему онъ буйну голову,
Поснималъ съ него онъ платье цвѣтное,
Платье цвѣтное да на сто тысячей,
Самого въ торокѣ вязалъ,
Одѣвался въ платье цвѣтное,
На коня его садился, на люта звѣря,
И поѣхалъ ко своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Какъ увидѣли его Екимъ съ каликою,
Испужались, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко Ростову городу.
Настигаетъ ихъ Алешенька Поповичъ младъ.
Какъ обернется Екимъ Ивановичъ,
Показался онъ ему Тугариномъ,
И выдѣргивалъ онъ боевую палицу,
Палицу булатную во тридцать пудъ,
И бросалъ ее назадъ себя—
Угодилъ Алешѣ въ груди бѣлыя,
Сшибъ Алешу изъ черкаскаго сѣдлышка,
И упалъ онъ на сырѹ землю.
Соскочилъ Екимъ тутъ со добра коня,
Сѣлъ ему на груди бѣлыя,
Ладить ихъ пороть ему чингалищемъ—
И увидѣлъ золотъ чуденъ крестъ на немъ,

Самъ заплакаль, говорить каличищу:

„По грѣхамъ мнѣ, видно, учинилося,
Что убилъ я брата своего родимаго!“

Стали оба тутъ его трясти, качать,
Подали ему питья заморскаго,
И пришелъ онъ отъ того ко живности.
Помѣнялися они съ каликой платицею:
Надѣвалъ калика платице каличее,
Надѣвалъ Алеша богатырское,
А Тугарина-то платье цвѣтное
Положили въ тороки къ себѣ.
Сами сѣли на добрыхъ коней,
И поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
Какъ заѣхали на княженецкій дворъ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали ко столбамъ дубовымъ
И пошли во гридни свѣтлыя.
А у ласковаго князя у Владиміра
Со его княгиней со Апраксіей
Поразставлены столы дубовые,
И идетъ хорошъ почѣстенъ пиръ.
Какъ вошли во гридни свѣтлыя,
Молятся святому Спасу образу,
Бьютъ челомъ на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Говорить имъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой еси вы, добры молодцы!

А и какъ же васъ зовутъ по имени,
Величаютъ по изотчеству?
Вамъ по имени бы можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Я изъ славнаго Ростова, красна города,
Сынъ Леонтя, стараго попа соборнаго,
А зовутъ Алешю Поповичемъ.
Повстрѣчалъ путемъ Тугарина Змѣевича,
Голову срубилъ чудовищу,
Въ торокахъ его привезъ къ тебѣ“.

Какъ возрадуется тутъ Владиміръ князь,
Говоритъ Алешѣ таковыя слова:

„Гой еси Алешенька Поповичъ младъ!
А садись-ка ты да по отечеству
Во большое мѣсто, во большій уголъ,
Во другое мѣсто богатырское—
Во скамью дубову супротѣвъ меня,
Въ третье мѣсто—куда самъ захошь“.

Не садился младъ Алеша во большій уголъ,
Не садился во скамью дубовую,
Сѣлъ онъ со товарищами на палатный брусъ.
Воскричалъ Владиміръ князь тутъ громкимъ голосомъ:

„Гой еси вы, слуги вѣрные!
Вы идите-ка да на широкій дворъ
За чудовищемъ Тугариномъ Змѣвичемъ,
Вы берите-ка со торокѣвъ его,
Принесите предъ лицо мое“.

И идутъ двѣнадцать добрыхъ молодцевъ,
Принесли Тугарина Змѣвича
На доскѣ изъ красна золота,
Посадили во большій уголъ,
Рядомъ со княгиней со Апраксіей. (18)

Были же тутъ повара догадливы:
Приносили яствушекъ сахарныхъ,
Приносили бѣлую лебѣдушку.
Стали ѣсть всѣ, прохлажатися
А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно ѣсть:

По ковригѣ цѣлой за щеку мечѣтъ,
Проглотилъ за разъ всю лебедь бѣлую,
Закусилъ еще ковригой монастырскою.
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Какъ у моего у государя батюшки,
У Леонтя у попа Ростовскаго,
Было псище старое, сѣдатое,
Еле по подстолію таскалося;
Какъ хватило псище кость великую,
Гдѣ хватило, тамъ и подавилося;
Подавиться и Тугарину Змѣвичу
Отъ меня Алеша отъ Поповича“.
Почернѣлъ Тугаринъ, какъ осення ночь,

Прояснѣлъ Алеша, какъ свѣтѣлъ мѣсяць.
 Были поварѣ опять догадливы:
 Приносили зелена вина,
 Приносили питьецовъ медвяныхъ,
 Питьецевъ медвяныхъ, заморскіихъ.
 Стали пить всѣ, прохлажатися;
 А Тугаринъ сынъ Змѣвичъ младъ нечестно пѣть:
 Въ разъ охлѣстываетъ чары цѣлныя,
 Каждая-то чара въ полтара ведра.
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Какъ у моего родителя у батюшки,
 У Леонтя у попа Ростовскаго,
 Было старое корѣвище,
 Еле по двору таскалося,
 На поварню къ поварамъ забилоса,
 Браги прѣсной цѣлнй чанъ охлестнуло,
 Гдѣ охлестнуло—и треснуло;
 Треснуть и Тугарину Змѣвичу
 Отъ меня Алеша отъ Поповича“.

Потемнѣлъ Тугаринъ, какъ осення ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ во Алешу во Поповича;
 Да Алешенька на то повѣртокъ былъ,
 И не могъ Тугаринъ угодить въ него.
 А стоялъ у печки у муравленой
 Молодой Екимъ Ивановичъ,
 На лету чингалище подхватывалъ,
 Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай ты, братецъ мой Алешенька Поповичъ младъ!
 Самъ изволишь ли бросать въ него, аль мнѣ велишь?“

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Самъ не брошу и тебѣ бросать не дамъ.

Зѣутро ужѣ съ нимъ перевѣдаюсь:
 Бьюся съ нимъ я о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не о тысячѣ—
 Бьюся о своей о буйной головѣ“.

Втѣпоры князя и бѣяре
 Повскочили на рѣзвы ноги,
 Всѣ поруки держать за Тугарина:
 Какъ по сту рублей князя кладутъ,

По пятидесяти бѡяре,
А крестьяне по пяти рублей.
Гости ли торговые случилися:
Подъ Тугарина Змѣевича
Подписали корабли свои,
Что стояли на быстромъ Днѣпрѣ
Со товарами заморскими.
За Алешу за Поповича подписывалъ
Иао всѣхъ владыка лишь черниговскій.

Взвился тутъ Тугаринъ и съ палатъ ушелъ,
На добра коня сѡдился, на люта звѣря;
Поднялся на крыльяхъ его добрый конь,
Полетѣлъ высоко, близъ подъ облакомъ.
Со товарищами и Алеша вонъ пошелъ;
На добрыхъ коней сѡдился,
И поѣхали ко славной ко Сафать-рѣкъ;
Поразставили бѣлы шатры,
Отпустили коней въ зеленѣ луга,
Сами стали опочивъ держать.

Тутъ Алеша цѣлу ночь не спалъ—
Цѣлу ночь стоитъ на востокъ лицомъ,
Со слезами Богу молится:

„Дай-ка, Господи, мнѣ тучу грозную,
Тучу грозную со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило бы коня крылатаго
У Тугарина Змѣевича,
Опустился бы Тугаринъ на сырѣ землю,
Было бы мнѣ съ нимъ посѣхаться“.

По тому ли по Алешину моленію,
По Господнему да по велѣнію
Наставала туча грозная,
Туча грозная со градомъ-дождичкомъ,
Подмочило крылья у коня крылатаго,
Палъ Тугаринъ на сырѣ землю.
Прибѣгаетъ тутъ Екимъ Ивановичъ,
Ко Алешѣ съ радостною вѣсточкой,
Что Тугаринъ ѣдетъ по сырѣ землѣ.
Скоро младъ Алеша снаряжается,
Взялъ съ собою палицу тяжелую,
Взялъ еще въ запасъ чингалище булатное,

И садился на добра коня,
 Ёдетъ ко Тугарину на стрѣтушку.
 А Тугаринъ ёдетъ на добромъ конѣ,
 На добромъ конѣ да по сырой землѣ,
 Увидалъ Алешеньку Поповича,
 Заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Хошь ли, я тебя огнемъ спалю?
 Хошь ли, я тебя конемъ стопчу?
 Хошь ли, я тебя копьемъ убью?“

Замахнулся онъ чингалищемъ булатнымъ,
 Чтобы снать съ Алеши буйну голову;
 А Алеша былъ востѣръ собой:
 Завернулся за ту гриву лошадиную;
 Промახнулося чингалище булатное
 И ушло въ сырѣ землю до чѣрна.
 Говорить Алешенька Тугарину
 Изъ-за гривы лошадиныя:

„Гой же ты, Тугаринъ сынъ Змѣевичъ младъ!
 Бился ты со мною о великъ закладъ:
 Биться-драться одинъ-на-одинъ,
 А вѣдь за тобою силы смѣты нѣтъ
 На меня на Алешу на Поповича“.

Какъ оглянется Тугаринъ тутъ назадъ себя,
 Младъ Алеша былъ востѣръ собой:
 Вывернулся изъ-за гривы лошадиныя,
 Да ударить палицей тяжелою
 Въ буйну голову Тугарина Змѣевича—
 Своротилося главйще на правѣ страну,
 Туловйще да на лѣвую.

Соскочилъ Алеша со добра коня,
 Бралъ чингалище булатное,
 Проколотъ собакѣ уши въ гѣловѣ,
 Да главйща-то не можетъ на плечо поднять,
 Жалкимъ голосомъ кричить товарищамъ:

„Гой еси, мои вы вѣрные товарищи!
 Подсобите-ка главйще на плечо поднять“.

Подѣвжали вѣрные товарищи
 Помогли главйще на плечо поднять.
 И несетъ его Алеша ко добру коню,

Привязаль кудёрушками желтыми
 Какъ стремянамъ ко лошадинымъ
 И повезъ ко городу ко Кіеву.

Какъ пріѣхали они во Кіевъ градъ,
 Какъ заѣхали на княженецкій дворъ
 Бросилъ онъ середь двора чудовище.
 Увидалъ ихъ ласковый Владиміръ князь,
 Выходилъ къ нимъ на краснѣ крыльцо,
 Проводилъ ихъ въ гридни свѣтлыя,
 За убраные столы сажаль,
 Самъ Алешѣ приговариваль:

„Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Ужъ живи-ка ты теперь у насъ во Кіевѣ,
 Послужи-ка мнѣ, князю Владиміру;
 До-люби тебя пожалую“.

Такъ про молода Алешу старину поють,
 Морю синему на тишину,
 Добрымъ людямъ на послушанье.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Первый бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горынчищемъ.

Среди ли было лѣта краснаго
Во жары ли непомѣрные Петровскіе,
Захотѣлося Добрынюшкѣ Никитичу
Во студѣной быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское.
Приходилъ Добрыня къ рѣдной матушкѣ,
Ко честной вдовѣ Афимьѣ Александровнѣ,
Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
Ужъ ты дай-ка мнѣ прощеньице,
Дай прощеньице-благословеньице
Съѣздити ко той славной ко Пучай-рѣкѣ: ⁽¹⁹⁾
Мнѣ охота во студѣной, быстрой рѣченькѣ
Окупати тѣло богатырское“.

Говорить Добрынь рѣдна матушка,
Та честна вдова многоразумная:

Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты не ѣзди-ка купаться во Пучай-рѣкѣ;
Та Пучай-рѣка свирѣпая, сердитая:
Изъ-за первой струйки какъ огонь съчѣтъ,
Изъ-за средней струйки искры сыплются,

Изъ-за третей струйки дымъ столбомъ валить,
Дымъ столбомъ валить да съ жаромъ-пламенемъ“.

Не послушался Добрыня рѣдной матушки,
Выходилъ онъ изъ столовой горенки
Да во славныя палаты бѣлокаменны,
Одѣвалъ одѣжицу дорожную,
Накрывался шляпой земли греческой,
Заходилъ въ широкъ конюшенъ дворъ
И уздалъ, сѣдлалъ добра коня;
Бралъ копье съ собою долгомѣрное,
Тугой лукъ да каленъ стрѣлы,
Саблю острую да палицу тяжелую—
Не для драки бралъ, для кроволитица,
Для потѣхи бралъ для молодецкя.
Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
Какъ сѣзжалъ да съ широка двора
Съ молодымъ слугою, съ малымъ паробкомъ—
Плеткою добра коня понуживалъ,
Палицей булатною поигрывалъ,
Долгомѣрнымъ копьемъ да поворачивалъ.
Какъ поѣхалъ по чисту полю да ко Пучай-рѣкѣ,
Какъ проѣзжалъ часъ-другой по красну солнышку—
Богатырское-то тѣло разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося,
Приправлялъ коня онъ къ быстрой рѣченькѣ,
Соскочилъ скоренько со добра коня,
Бросилъ поводъ малу паробку:

„Ай же ты, дѣтинка, малый паробокъ!
Подержи-ка мнѣ, покарауль коня“.

Снялъ съ головки шляпу земли греческой,
Разболакивалъ одѣжицу дорожную,
Штаники со спусками да чѣрны чѣботы,
Скидывалъ рубашку миткальную,
Да спустился во студѣну, быстру рѣченьку.
Заходилъ за стрѣчку за первую,
Заходилъ за стрѣчку за среднюю,
Говорить самъ таковы слова:

„Мнѣ, Добрынѣ, говорила матушка,
Мнѣ, Никитичу, наказывала рѣдная:
— Не купайся ты, Добрыня, во Пучай-рѣкѣ;

Та Пучай-рѣка свирѣлая, сердитая.—
 Анъ Пучай-то рѣченька кротка, смирна,
 Будто лужица дождѣвая“.

Не успѣлъ Добрыня слово смолвити
 Вѣтра нѣтъ, а тучи нанесло,
 Тучи нѣтъ, а будто дождь дождить,
 И дождя-то нѣтъ, а громъ гремитъ,
 Громъ гремитъ, да свищеть молнія.
 Ни отколь на молода Добрынюшку
 Налетѣло змѣище Горынчище
 Лютая змѣя о трехъ о головахъ,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
 Говорить ему змѣя проклятая:

„А вѣдь стары люди-то пророчили,
 Что убиту быть мнѣ, змѣищу Горынчищу,
 Молодымъ Добрынею Никитичемъ,
 А теперь Добрыня самъ въ моихъ рукахъ,
 Захочу теперь—Добрыню я огнемъ сожгу;
 Захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру,
 Захочу теперь—Добрыню въ хоботѣ возьму,
 Въ хоботѣ возьму, да во полонъ снесу“.

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, змѣя проклятая!
 Ты поспѣй-ка захватить Добрынюшку,
 Въ тѣ пору Добрынюшкой и хвастайся,
 А теперь Добрыня не въ твоихъ рукахъ“.

Плавать онъ, Добрыня-то, гораздъ вѣдь былъ:
 Какъ у тамошняго бережка ныркомъ нырнулъ,
 Такъ у здѣшняго повынырнулъ;
 Вышелъ по желтѣ песку да на крутой берѣгъ.
 Въ тѣ пору-то паробокъ былъ торопокъ:
 Вонъ угналъ коня Добрынина,
 Взялъ съ собой копье Добрынино,
 Тугой лукъ и калены стрѣлы,
 Саблю острую и палицу тяжелую—
 Нечѣмъ-то ему съ змѣею попротивиться.
 А она опять летитъ проклятая,
 Сыплетъ искрами горячими,
 Жжетъ ему да тѣло бѣлое.
 Приужахнулося сердце богатырское!

Поглядѣль Добрынюшка по бѣрежку—
 Не случилось ничему лежать на бѣрежкѣ,
 Нѣчего-то взять ему въ бѣлы ручки.
 Вспомнилась Добрынѣ рѣдна матушка:
 „Не велѣла мнѣ, Добрынѣ, рѣдная
 Во Пучай-рѣкѣ купатися;
 А теперъ приходитъ мнѣ кончинушка!“

Поглядѣль въ послѣдній разъ по бѣрежку—
 Увидаль тутъ шляпоньку на бѣрежкѣ,
 Шляпоньку свою да земли греческой.
 Скоро браль онъ шляпоньку въ бѣлы ручки,
 Насыпаль въ нее песочку желтаго,
 Желтаго песочку цѣлыхъ три пуда,
 Да со всей досадушкой великою
 Какъ ударить шляпонькой поганую—
 Изъ двѣнадцати ей поотшибъ три хобота,
 Повалиль змѣю съ размаху на сырѹ землю,
 На сырѹ землю да во ковыль-траву,
 Повскочилъ на груди ей колѣнками,
 Отшибить ей хочеть остальные хоботы.
 Какъ возмѣлится змѣя Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка!
 Не убей меня ты за напраслину,
 А спусти летать да по бѣлѹ свѣту:
 Буду я тебѣ сестрою меньшею,
 Будешь ты мнѣ братцемъ бѣльшимъ. (20)
 И положимъ мы съ тобою заповѣдь,
 Заповѣдь велику, нерушимую:
 Не ѣзжать тебѣ, Добрынюшкѣ, въ чисто поле,
 Не топтать моихъ дѣтенышей-змѣенышей;
 Не летать и мнѣ, змѣѣ, къ вамъ на святую Русь,
 Не носить въ полонъ народу христіанскаго“.

Поддался Добрынюшка на рѣчь лукавую,
 Положилъ съ змѣею заповѣдь великую
 И спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую.
 Поднялся вверхъ змѣя подъ облака,
 Полетѣла прямо да на Кіевъ градъ;
 Пролетая черезъ Кіевъ градъ,
 Увидала князеву плѣмянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну, (21)

Чтò повышла съ мамками да съ няньками
 Погулять во зеленомъ саду,—
 Припадала лютая къ сырой землѣ
 Ухватила князеву племянницу
 Въ хобота свои змѣинны,
 Унесла съ собой на гору Сорочинскую, (22)
 Въ пещерушки свои змѣинныя.

Въ ту пору Добрыниъ малый паробокъ
 Подбѣгалъ опять къ нему, ко добру мѡлодцу,
 Подавалъ одежицу дорожную,
 Подводилъ коня да богатырскаго.
 Только сѣлъ Добрыня на добра коня—
 Какъ не тѣни темныя затѣмнили,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летить по воздуху змѣя проклятая,
 Въ хоботахъ несетъ да князеву племянницу.
 Тутъ молоденькій Добрыня закручинился,
 Закручинился Добрыня, запечалился.
 Въ Кіевъ градъ Добрыня поворотъ держалъ,
 Пріѣзжалъ на свой широкій дворъ,
 Проходилъ въ палату бѣлокаменну,
 Во столу горенку ко рѡдной матушкѣ,
 Да садился на брусѡву лавочку,
 До самѡй земли повѣсилъ буйну голову,
 Ни словечкомъ не промолвился.

Подходила ко Добрынѣ рѡдна матушка,
 Стала старая его выпрашивать,
 Стала старая вывѣдывать:

„Ты объ чемъ, Добрынюшка, кручинишься?
 Ты объ чемъ, мой свѣтъ, печалишься?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Не объ чемъ я не кручнюся,
 Не объ чемъ я не печалюся:
 Только дай-ка, матушка, прощеньице,
 Дай прощеньице-благословеньице
 Мнѣ сходить ко князю ко Владиміру:
 У него, у князя у Владиміра,
 Зачался почестенъ пиръ да на двѣнадцать дѣнь
 На многѣхъ князей его, на бѣяровъ,
 Да на всѣхъ могучѣхъ богатырей“ .

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка:
 „Ай ты, свѣтъ мой, душенька! Добрынюшка
 Не ходи-ка ты ко князю на почѣстенъ пиръ,
 А живи-ка во своемъ дому, у матушки,
 Хлѣба-соли ѣшь-ка до-сыта,
 Зелена вина пей до-пьяна,
 Золотой казны держи по надобью“.

Не послушался Добрыня матушки,
 Снаряжался, отправлялся на почѣстенъ пиръ
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Какъ на этомъ старина кончается,
 А другая начинается.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Второй бой Добрыни со змѣемъ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ младъ
На почѣстень пиръ ко князю ко Владиміру,
Какъ проходитъ въ гридню княженецкую,
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы скатерти шелковыя,
Понакладаны уѣдушки сахарныя,
Поразставлены напитки медвяныя, —
Крестъ кладезь онъ по-писаному,
И поклонъ ведетъ да по-учёному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большой уголь,
Во большой уголь, во мѣсто большее.

Какъ тутъ ласковый Владимір князь
По столовой гриднѣ запохаживаль,
На своихъ богатырей посматриваль,
Пословечно, сударь, выговариваль:

„Ай вы, сильные, могучіе богатыри!
Хоть идетъ у насъ почѣстень пиръ на-весель,
Самому-то мнѣ, Владиміру, не весело:
Унесла змѣя проклятая Горынчице
У меня любимую племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Вы подумайте-ка, братцы, посовѣтуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ

Отыскать, добыть любимую племянницу?“

То услышавши, могучіе богатыри
Большіе туляются за средніхъ,
Средніе хоронятся за меньшихъ,
А отъ меньшихъ по чину и отвѣту нѣтъ.
Какъ выходитъ тутъ изъ-за стола съ-за средняго
Молодой Алешенька Леонтьевичъ:

„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кѣвскій!
Былъ вчерась я во чистомъ полѣ,
Видѣлъ у Пучай-рѣки Добрынюшку:
Съ змѣищемъ Горынчищемъ онъ дрался-ратился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ бѣльшимъ,
Нарекалася сама сестрою мѣньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку:
Онъ тебѣ любимую племянницу
Безъ боѣ, безъ драки-кроволитьица
У названой у сестры своей повѣспросить“.

И возгворилъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гѣру Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молоду Забавушку Путятичну.
Не добудешь мнѣ племянницы—
Прикажу тебѣ, Добрынѣ, голову рубить“.

Опустилъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ во столъ дубовый очи ясныя,
Ни словечка на тѣ рѣчи не отвѣтствовалъ.
Онъ вставалъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Отдавалъ великое почтеніе
Князю за весѣло пированьице,
И пошелъ къ своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ.
Какъ пришелъ въ столовую во горенку
Ко своей ко рѣдной матушкѣ,
Говоритъ ему тутъ рѣдна матушка,
Та честна вдова Афимья Александровна:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,

Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты объ чемъ, про что такъ пригорюнился,
 Пригорюнился да закручинился?
 Мѣсто ли въ пиру было не по чину,
 Чарой ли въ пиру тебя поббнесли,
 Али пьяница-дуракъ поосмѣялъ въ глаза?“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ.

„Мѣсто-то въ пиру мнѣ было по чину,
 Чарою въ пиру меня не обнесли,
 Пьяница-дуракъ не осмѣялъ въ глаза;
 А накинულъ на меня Владиміръ князь
 Служебку не малую, великую—
 Съѣздить на ту гору Сорочинскую,
 Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
 Отыскать ему, добыть племянницу,
 Молоду Забаву дочь Путятичну“.

Говорить Добрынѣ рѣдна матушка:

„Ты ложись-ка спать поранѣй съ вечера,
 Мудренѣе утро будетъ вечера:
 Встанешь утрушкомъ отъ молодецка сна,
 Заходи въ конюшеньку стоялую,
 Выводи бурка съ конюшеньки,
 Дѣдова коня матѣраго,
 А стоить бурка пятнадцать лѣтъ,
 По колѣна ноженьки въ назѣмъ зарощены,
 Дверь по поясу въ назѣмъ ушла“.

И ложился спать Добрыня съ вечера,
 Утрушкомъ вставалъ ранѣшенько,
 Умывался водушкой бѣлѣшенько,
 Утирался полотѣнышкомъ сушохонокъ,
 Подкрутился хорошохонокъ,
 Выходилъ къ конюшенькѣ стоялоей,
 Изъ назема дверь повытащилъ,
 Дѣдову коню матѣрому
 Изъ назема ноженьки повыдернулъ.
 Выводилъ за удицу тесьмяную
 На широкій дворъ добра коня,
 Сталъ добра коня засѣдлывать, улаживать:
 Полагалъ сперва подпотничекъ,
 На подпотничекъ клалъ потничекъ,

Сверху потничка еще да войлочекъ,
А на войлочекъ черкасское сѣдлышко—
Что сѣдлышко-то изукрашено:
Цѣнными шелками пообшйвано,
Да червоннымъ золотомъ обшвано.
Сталь подтягивать тутъ подпруги шелковоньки,
Втягиваетъ въ нихъ шпеньки булатные,
Полагаетъ пряжки красна золота:
Шелкъ не порвется, булатъ не подтрется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Добрый молодецъ въ сѣдлѣ не старѣетъ.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ,
Клатъ еще тринадцатый для крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ.
Добра молодца въ чистомъ полѣ не выронилъ.

Какъ садился тутъ Добрыня на добра коня,
Какъ сѣзжалъ да съ широка двора,
Провожала его рѣдна матушка,
Подавала на повѣздѣ плѣточку,
Плѣточку семи шелковъ да разныхъ,
Говорила, слезы утираючи:

„Гой еси ты, свѣтъ мой, чадо милое,
Ты возьми-ка плѣточку семи шелковъ:
Какъ приѣдешь на ту гору Сорочинскую,
Какъ начнешь змѣенышей поталпывать,
Да не станеть бурушко поскакивать,—
Ты хлыщи бурка промежь ушей,
Промежь ногъ хлыщи да промежь заднихъ:
Станеть у тебя бурка поскакивать,
Прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать,
Всѣхъ притопчетъ до одинаго“.

Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки,
Откатилось яблочко отъ яблоньки,
Отѣзжаетъ сынъ отъ рѣдной матушки
Въ чужедальнюю сторонушку.
День уходитъ за день будто дождь дождить,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ.
Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,
Ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу;
Вѣхалъ на ту гору Сорочинскую,

Сталь топтать поганихъ змѣнышей.
 Подточили тутъ змѣныши
 У добра коня копытушки,
 И не можетъ добрый конь поскакивать,
 Сталь онъ подъ Добрынюшкой припадывать.
 Вспомнилъ тутъ Добрынюшка наказъ родительскій,
 Выдернулъ онъ плетку изъ-за пояса,
 Плеточку семи шелковъ да разныхъ,
 Сталь хлыстать бурка промѣжь ушей,
 Промежь ногъ хлыстать да промежь заднихъ:
 Сталь бурку да приговаривать:

„Ай ты, бурушко, скачи-поскакивай,
 Прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивай“.

Сталь тутъ бурушко скакать-поскакивать,
 По верстѣ да по другой помахивать,
 По колѣнушки въ сырѣ землю погрязывать,
 Изъ сырой земли копытушки выхватывать,
 По сѣнной копнѣ земелюшки вывертывать,
 За три выстрѣла да камешки откидывать;
 Сталь онъ прочь отъ ногъ змѣнышей отряхивать,
 Притопталъ всѣхъ до одинаго.

И сходилъ Добрыня со добра коня,
 Облачался во доспѣхи крѣпкіе,
 Бралъ во праву руку саблю острую,
 Полагалъ подъ лѣвую подъ пазушку
 Палицу тяжелую булатную,
 На бѣлы груди копье да долгомѣрное,
 Кладъ подъ поясъ шелепугу подорожную,
 Съ ней и плеточку семи шелковъ—
 И пошелъ къ пещерушкамъ змѣинымъ.

Какъ не тѣни темныя затѣмнѣли,
 Какъ не тучи черныя попадали—
 Какъ летитъ сама змѣя Горынчище,
 Во когтяхъ несетъ да тѣло мертвое.
 Увидала молода Добрынюшку—
 Опустила тѣло мертвое

На сырѣ землю, на муравѣ траву,
 Подлетѣла къ молодѣ Добрынюшкѣ:

„Ай же ты, молоденькій Добрынюшка,
 Ты зачѣмъ нарушилъ нашу заповѣдь!

Притопталъ монахъ дѣтенышей-змѣенышей?“

Отвѣчаетъ ей молоденькій Добрынюшка:

„Ай же ты, змѣя проклятая!

Я-ль нарушилъ нашу заповѣдь,

Али ты, змѣя, ее нарушила?

Ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,

Унесла у насъ Забаву дочь Путятичну?

Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Путятичну

Безъ бою, безъ драки-кроволитица“.

Не хотѣла отдавать змѣя

Безъ бою, безъ драки-кроволитица,

Заводила съ нимъ великій, кроволитный бой.

Бились-рѣтились они тутъ двое сутокекъ,

А не можетъ одолѣть змѣю Добрынюшка,

Начала змѣя его покидывать,

Начала его побрасывать.

Вспомнилъ онъ опять про плеточку,

Плеточку семи шелковъ да разныхъ,

Бралъ во праву руку плеточку,

Лѣвою поймалъ змѣю поганую,

Преклонилъ ее къ сырѣй землѣ,

Билъ той плеточкой шелкѣвою,

Укротилъ акы скотинушку.

Отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы,

Распиналъ ее да по чисту полю,

Разрубилъ на мелки частички.

И пошла съ востока внизъ до запада

Вкругъ Добрыни кровь змѣиная;

Простоялъ въ крови Добрыня трое сутокекъ—

Не пожрала крови той сырѣ земля.

Бралъ опять Добрыня плеточку шелкѣвую,

Билъ той плеточкой сырѣ землю,

Самъ землѣ да приговаривалъ:

„Разступись-ка, мать сырѣ земля

На четыре разступись на четверти,

Всю пожри-ка кровь змѣиную“.

Разступилась мать сырѣ земля

На четыре да на четверти,

Всю пожрала кровь змѣиную.

И сошелъ Добрынюшка Никитичъ младъ

Ко пещерушкамъ змѣинымъ.
 Какъ затворено тамъ мѣдными затворами,
 Подперто желѣзными подпорами—
 Не пройти въ пещерушки змѣиныя.
 Онъ желѣзныя подпоры прочь откидываль,
 Мѣдные затворы вонъ отдвигиваль,
 Проходилъ въ пещерушки змѣиныя.
 А сидить тамъ полонѣвъ-то много множество:
 Съ сорока земель царей, царевичей,
 Съ сорока ли королей да королевичей,
 А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
 И спроговорилъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же вы, цари, царевичи,
 Короли да королевичи,
 Ты, простая силушка несмѣтная!
 Выходите-ка на Божью волюшку,
 Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ“.

Стали выходить они на Божью волюшку,
 И пошелъ у нихъ великій шумъ.
 Не видать одной Забавушки Путятичны.
 Проходилъ Добрыня всѣ пещерушки,
 Приходилъ къ послѣдней ко двѣнадцатой—
 Только тутъ нашель Забавушку Путятичну,
 Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
 Со стѣны снималь онъ красну дѣвушку,
 Бралъ ее за бѣлы ручушки,
 Выводилъ съ пещерушекъ змѣиныхъ,
 Говорилъ ей таковы слова:

„Ай же ты, Забава дочь Путятична!
 Для тебя я ѣздилъ-страствовалъ,
 Для тебя съ змѣею бился-ратился.
 Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ,
 Къ твоему ко дядюшкѣ любимому,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

И садился тутъ Добрыня на добра коня,
 И садилъ съ собою красну дѣвушку,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Говорить Добрынѣ красна дѣвушка,
 Молода Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, Забава дочь Пуятична!
Для тебя я вздиль-странствовалъ,

Для тебя съ змѣю бился-рагился.
Мы побѣдъ-ка теперь во Кіевъ градъ...“

„За твою за выслугу великую
 Назвала бы я тебя, Добрыню, батюшкой—
 Называть мнѣ такъ Добрыню не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы братцемъ да родимымъ—
 Называть тебя и братцемъ не можно;
 За твою за выслугу великую
 Назвала бы другомъ да любимымъ—
 Самъ Добрыня не возьметъ замужъ меня!“

Отвѣчаетъ ей Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ахъ ты, молода Забавушка Путятична!
 Ты изъ роду княженецкаго,
 Я изъ роду изъ боярскаго—
 Не чета тебѣ, княжнѣ, боярскій сынъ“.
 И повезъ ее во стольный Кіевъ градъ;
 А Владиміръ князь ужъ на крыльцѣ стоитъ,
 Съ почестью его встрѣчаетъ, съ благодарностью.
 Какъ сошелъ Добрыня тутъ съ добра коня,
 Опускалъ онъ наземъ красну дѣвушку,
 Подводилъ племянницу къ Владиміру,
 Подавалъ ему во бѣлы ручушки.
 И дарилъ его Владиміръ золотой казной,
 И дарилъ его онъ платьемъ цвѣтнымъ,
 Поклонялся до самой земли:

„А спасибо же тебѣ, Добрынюшкѣ!
 Сослужилъ ты службу мнѣ великую,
 Отыскалъ ты мнѣ любимую племянницу.
 Никого не могъ найти я въ цѣломъ Кіевѣ,
 Изъ всѣхъ могучихъ изъ богатырей
 Одного тебя нашель, Добрынюшку!“

Прибѣгала тутъ и матушка Добрынина;
 Во слезахъ брала его въ бѣлы ручки,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 И пошелъ тутъ пиръ у нихъ да пированьице,
 Что для молодца Добрынюшки Никитича,
 Для другой—Забавушки Путятичны.

Такъ про молодца Добрынюшку Никитича
 Славу славятъ, старину поютъ,
 Морю синему ли на утѣшенье,
 А вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

Ставеръ Годиновичъ и Василиса Микулична. (23)

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ
Да у ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице, почѣстенъ пиръ
На многѣхъ князей, на бояровъ,
На всѣхъ гостюшекъ столовнѣхъ,
На всѣхъ людюшекъ торговнѣхъ,
На всѣхъ званныхъ-браныхъ, приходящихъ.
На пиру всѣ наѣдалися,
На честномъ всѣ напивалися,
Чѣмъ-нибудъ всѣ похвалялися:
Кто хвалился славнымъ отечествомъ,
Кто удалымъ молодечествомъ,
Иной хвастался добрымъ конемъ,
А другой ли шелковымъ портомъ,
Изо всѣхъ гостей Ставеръ Годиновичъ, (24)
Молодой торговый гость черниговскій, (25)
Лишь одинъ сидитъ, не ѣсть, не пьетъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Да ничѣмъ-то молодець не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ князь по горенкѣ,
Самъ Ставрѹ да воспрогворить:
„Ахъ ты, молодой Ставеръ да сынъ Годиновичъ!
Что же ты сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
Бѣлой лебеди моей не рушаешь,
Да ничѣмъ-то, молодець, не хвастаешь?
Али нечѣмъ вамъ, черниговцамъ, похвастати?“

Отвѣчаетъ молодой Ставерь Годиновичъ:

„Нечѣмъ мнѣ, Ставрѣ, предъ вами здѣсь похвастати!

Мнѣ похвастать—не похвастать отцомъ-матушкой:

Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужь нѣтъ.

Мнѣ похвастать—не похвастать золотой казной:

Золота казна торговая не тощится,

Малы денежки торговыя не дѣржатся.

Мнѣ похвастать—не похвастать цвѣтнымъ платьицемъ:

Цвѣтны платьица мои не носятся:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—портныхъ все мастеровъ,

Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;

День держу кафтанчикъ, подержу другой,

Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать крѣпкимъ чѡботомъ:

Чѡботы мои не держатся:

У меня есть тридцать мѡлодцевъ,

Тридцать мѡлодцевъ—сапожныхъ мастеровъ,

Шьютъ мнѣ чѡботы все снова-на-ново;

День держу ихъ, проношу другой,

Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

Мнѣ похвастать—не похвастать и добрымъ конемъ:

Добры кѡни у меня не ѣзятся:

У меня кобылочки всѣ златошерстныя,

Все дають жеребчиковъ хорошеенькихъ;

Чтѡ получше-то жеребчики—тѡ ѣзжу самъ,

Чтѡ похуже—тѡ сгоню на рыночекъ,

Вамъ же, князьямъ-боярамъ, повѣйпродамъ,

А возьму съ васъ цѣну полную.

А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.

Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,

Василисой дочерью Микучичной? (*6)

Какъ во лбу-то у нея свѣтѣль мѣсяць,

По косицамъ—звѣзды частыя,

Бровушки чернѣе черна соболя,

Очушки яснѣе ясна сокола;

Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить:
А тебя, Владиміра, съ ума сведеть“.

На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
И спроговорить Владиміръ таковы слова:

„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!

Вы берите-ка Ставрѣ Гоудинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачѣные,
Отведите-ка во погреба холодныя
За его хвастки да за великія,
За его рѣчи за неучливья,
Посадите на овесъ да на воду ⁽²⁷⁾
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка тамъ Ставѣръ да объумѣтся,
Пусть-ка тамъ да образумится.

Поглядимъ-ка, какъ Ставрѣва молодѣ жена
Муженькѣ изъ погребовъ повѣручить,
Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продасть да выкупить,
А меня, Владиміра, съ ума сведеть“.

Взяли слуги вѣрные Ставрѣ Гоудинова.

За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злачѣные,
Отвели во погреба глубокія,
Позадвинули дощечками желѣзными,
Позащѣлкнули замѣчками булатными,
Пропитомство клали овсецѣ съ водой.
Посылалъ Владиміръ князь грозна посла ⁽²⁸⁾
Ко Ставрѣ Гоудиновичу во Черниговъ градъ,
Чтобы дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять.

Въ тѣ пору Ставрѣвой молодой женѣ,
Василисѣ дочери Микуличнѣ,
Перепадала вѣсточка нерадостна,
Что ея любимый мужъ Ставѣръ Гоудиновичъ
Солнышкомъ Владиміромъ во Кіевъ
Посажѣнъ въ полѣнъ во погреба холодныя
Не на много, не на мало—ровно на шесть лѣтъ.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Деньгами мнѣ выкупать Ставрѣ—не выкупить,

Силою мнѣ выручать Ставра—не выручить.
Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
Да своей догадочкою женскою“.

Шла тутъ Василиса дочь Микулична
По своей палатѣ бѣлокаменной,
Воскричала Василиса во всю голову,
Во всю голову кричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же вы, мои служанки вѣрныя!
Вы бѣгите-ка ко мнѣ скорѣшенько,
Вы рубите-ка мнѣ косы русыя,
Вы несите-ка мнѣ платица посыльныя
Да сѣдлайте-ка коня мнѣ богатырскаго!“

Подбѣгали вѣрныя служаночки,
Подрубили по-мужскій ей русы косыньки,
Приносили ей одежицы посыльныя,
Засѣдлали ей коня да богатырскаго.
Накрутилась Василиса въ платя цвѣтныя,
Назвалась посломъ со Золотой Орды,
Что грознымъ посломъ Василиемъ Микуличемъ,
Набрала дружинишки хоробрыя,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ борцовъ,
Сорокъ мѣлодцевъ—все молодыхъ стрѣльцовъ,
И поѣхала посломъ ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Половину ли дороженьки проѣхали,
А навстрѣчу имъ изъ Кіева грозѣнь посоль:
Сѣѣхались послы тутъ, поздоровались;
Какъ великіе послы послуются,
Ручка обѣ ручку они цѣлуются.

Сталь изъ Кіева посоль выспрашивать:

„Ай и гой же вы, удалы добры мѣлодцы!
Вы куда поѣхали, куда васъ Богъ несѣтъ?“

Говорятъ ему, послу, да таковы слова:

„Мы изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Отъ грозна царя собаки Калина,
А поѣхали ко городу ко Кіеву,
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Взять всѣ дани-выходы-невѣплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи“.

Какъ изъ Кіева посоль-то позадумался,
Позадумался, въ отвѣтъ прогдворилъ:

„Самъ я де изъ Кіева грозѣнь посоль,
Бду ко Ставрѹ Годѣнову въ Черниговъ градъ,
Дворъ его тамъ запечатати,
Молоду жену его во Кіевъ взять“.

Говорять ему удалы добры молодцы:

„Прежде былъ у насъ тамъ постоянный дворъ;
Нынѣ заѣзжали—никого въ дому:
Молода жена Ставрѡва убиралася
Въ дальнюю землю, во Золотѹ Орду“.

Скоро кіевскій посоль тутъ поворотъ держаль,
Прѣѣзжалъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку,
Разказалъ ему, Владиміру, тихохонько,
Что изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды,
Бдетъ къ Кіеву немилостивъ посланничекъ
Отъ грозна царя собаки Калина.
А и больно тутъ Владиміръ запечалился;
Покидалися всѣ, пометалися;
Улицы метуть, да ставятъ ельничекъ; (29)
Передъ воротами ждуть посланничка
Отъ грозна царя собаки Калина.

А грозѣнь посоль Васильюшка Микуличъ сынъ,
Не доѣдучи до города до Кіева,
Пораздѣрнулъ во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
Оставляя дружину у бѣла шатра,
Бдетъ самъ во Кіевъ градъ ко князю солнышку.
Прѣѣзжалъ посоль во княженецкій дворъ,
Поскакалъ посоль да со добра коня,
Во сырѹ землю копые тупымъ концомъ,
А шелковый поводъ на злачѣнный гвоздь,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шель во палаты бѣлокаменны,
По ступенцамъ ставится тихошенько,
По сѣнямъ идетъ да полегошенько,
Входитъ въ грѣдню княженецкую,
Крестить очи по-писаному,
И ведетъ поклоны по-учѣному,
Клонится на всѣ четыре стороны,
Кланя солнышку съ княгиню въ особину,

Наипаче же той князевой племянницѣ,
Молодой Забавушкѣ Путятичнѣ.

Говорить грозну послу Владиміръ князь:

„Здравствуешь, посоль ты съ Золотой Орды!
Ты садись-ка съ нами за дубовый столъ,
Отдохни съ широкой со дороженьки“.

Говорить въ отвѣтъ ему грозѣнь посоль:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
Недосугъ сидѣть послу, разсиживать,
Насъ, пословъ, за то не жалуютъ.
Какъ послалъ меня собака Калинъ царь
Взять съ тебя всѣ дани-выходы-невыплаты
За немного, за немало—за двѣнадцать лѣтъ,
Что за всякій годъ да по три тысячи;
Какъ я самъ, посоль Василій да Микуличъ сынъ,
Взять себѣ хочу въ супружество
Молоду твою любимую племянницу,
Что по имени Забаву дочь Путятичну“.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай ты, молодой Васильюшка Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей подумаю“.

Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:

„Ай же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь ли за того грозна посла,
За млада Василія Микулича?“

Говорить ему племянница тихохонько:

„Ай же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперь затѣяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси“.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай же ты, любезная племянница!
Какъ же не отдать мнѣ за грозна посла,
За грозна посла собаки царя Калина?“

„А не быть же то грозну послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всѣ по-женскому:

Какъ по улочкѣ идетъ—что уточка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ почастѣнечко;

Какъ на лавочкѣ сидить—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
 Съ поволокою глаза повѣживаетъ.
 Рѣчь со прѣвизгомъ у ней по-женскому,
 Бѣдра крутеньки у ней по-женскому,
 Ручки бѣленьки у ней по-женскому,
 А и пальчики-то тоненьки по-женскому,
 Даже дужки отъ колець не вышли всѣ.
 Двое-надвое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, посла да попровѣдую:

Буде онъ не мѡлодець, а женщина,
 Не пойдетъ онъ по-мужскій боротися“.

Взялъ-повыбралъ князь семь молодцовъ-борцовъ,
 Пять братовъ Причтѣнковъ, двухъ Хапиловыхъ, (**)
 Выводилъ ихъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ Василю Микуличу,
 Говорилъ самъ таковѣ слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!

Не угодно ль со борцами да потѣшиться,
 На широкомъ на дворѣ да поборотися!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„А и некому же у меня боротися:

Во чистѡмъ полѣ борцы мои оставлены;

Самому мнѣ развѣ потвѣдати?

Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгиваль,

Шуточки съ ребятками пошучиваль“.

И выходитъ ко борцамъ онъ на широкій дворъ;

Среди двора они становятся,

На борьбу на рукопашку сходятся.

Молодой Васильюшка Микуличъ сынъ

Какъ возьметъ во лѣву руку трехъ борцовъ,

Какъ возьметъ во праву руку трехъ другихъ борцовъ,

Столкнетъ ихъ вмѣстѣ да раскинетъ врозь,

А седьмого-то смахнетъ въ серѣдочку—

На землѣ лежатъ всѣ семь борцовъ, не могутъ встать.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ.

„Глупая забава, неразумная!

Дологъ волосъ у тебя, умъ коротокъ:

Женщиною назвала богатыря:

Экаго посла здѣсь и не видано!—

Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:

„Ай же ты, мой государь-свѣтъ дядюшка!
А не быть же то грозну послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по-женскому“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Я пойду, еще посла провѣдую:
Буде онъ не молодець, а женщина,
Не пойдетъ стрѣлять онъ изъ туга лука.“

Выводилъ онъ тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Славныхъ все, могучихъ богатырей,
Приходилъ къ Василию Микуличу:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
Не угодно ль со стрѣльцами да потѣшиться,
Изъ туга лука стрѣлять да за цѣлу версту!“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Во чистомъ полѣ стрѣльцы мои оставлены;
Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
Я вѣдь сызмала по улочкѣ побѣгиваль,
Изъ туга лука съ ребятами пострѣливалъ“.

Выходили тутъ двѣнадцать молодцовъ-стрѣльцовъ,
Изъ туга лука стрѣляютъ по сырѹ дубу,
Попадаютъ за цѣлу версту во сырой дубъ:
Отъ ихъ стрѣлочекъ калѣнныхъ,
Отъ стрѣльбы ихъ богатырскія
Только сырой дубъ шатается,
Будто отъ погоды сильныя.

Говорить посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
Богатырскихъ вапихъ мнѣ луковъ не надобно.
Прикажи-ка мнѣ мой малый лукъ подать,
Волокитное лучёнышко, завозное“.

Какъ тутъ кинулись удалы добры молодцы:
Подъ одинъ ли рогъ несутъ пять мѳлодцевъ,
Подъ другой другіе пять несутъ,
Тридцать мѳлодцевъ колчанъ калѣнныхъ стрѣлъ тащатъ.

Говорить посолъ Васильюшка Владиміру:

„Ужъ потѣшу-ка тебя я, князя солнышка!“
Какъ беретъ во рученьку во лѣвую
Стрѣлочку калѣную булатную,
Вытягаетъ тугой лукъ да за ухо:

Спѣла шёлкова тетівка у туга лука,
 Взвыла да пошла стрѣла калёная—
 Всѣ тутъ сильныя, могучіе богатыри
 Бросилися будто угорѣлыя,
 Князь Владиміръ окарачь напѣлзался;
 Хлѣстнетъ стрѣлка по сырѹ дубу,
 Изломала дубъ во чѣренья ножѣвныя.

Говорить посольъ Василій таковы слова:

„Какъ ни жаль сыра дуба мнѣ, кряковѣстаго,
 Болѣ жаль мнѣ стрѣлочки калёныя:
 Не найти мнѣ стрѣлки во чистѹмъ полѣ“.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ,
 Говорить себѣ да таковѹ слово:

„Развѣ самъ посла я попровѣдую“.

Приказалъ принесть дощечку шахматну,
 Понаставить золоты тавлѣички,
 Говорилъ послу да таковы слова:

„Молодой Василій ты Микуличъ сынъ!
 Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться,
 Поиграть во шахматы заморскіе?“

Отвѣчаетъ младъ Васильюшка Микуличъ сынъ!

„Игроки мои въ чистѹмъ полѣ оставлены;
 Самому мнѣ развѣ поотвѣдати?
 Я вѣдь сызмала тавлейками постѹпывалъ,
 Всѣхъ ребятѹкъ въ шашки-шахматы обыгрывалъ“.

„Ай же ты, лихой игрокъ Васильюшка!

Ты поставь-ка на дощечку дани-выходы,
 Самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ градъ“.

Стали тутъ тавлейками застѹпывать,
 Стали по доскѣ ходить-гулять.
 Въ первый разъ посоль ступѣнь ступилъ—
 Ко Владиміру не дѹступилъ;
 Во другой ступилъ—призѹступилъ,
 Въ третій разъ ступилъ—игру повѣнигралъ,
 Шахъ и матъ, да и тавлейки подѣ доску:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Проигралъ ты мнѣ твой стольный Кіевъ градъ“.
 Говорить ему Владиміръ князь:

„Ты изволь меня, посоль, взять головой съ женою!“

И прогѹворить посоль да таковы слова:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева:
Ты отдай-ка за меня замужъ племянницу
Молоду Забавушку Путятичну“.

На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василя Микулича:

„А и гой же ты, Васильюшка Микуличъ сынъ!
Хоть сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку“.

Зачали они справляти свадебку,
Заводили столованьице—почестень пиръ.
Пиръ идетъ у нихъ уже по третій день,
А сегодня имъ идти ко церкви Божіей.
Закручинился посолъ тутъ, запечалился.
Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Что же, молодой Васильюшка, не вѣсель ты?
Что же буйную головушку повѣсилъ ты?“

Отвѣчаетъ молодой Васильюшка:

Что-то мнѣ на разумѣ не весело;
Либо померъ дома рѣдный батюшка,
Либо матушка велѣла долго жить.
Нѣтъ ли у тебя веселыхъ загусельщиковъ,
Поиграть въ гусельшки ярѣвчаты,
Спѣть про новы времена, про нынѣшни,
Да про стары времена, доселѣшни?“

Доставалъ Владиміръ загусельщиковъ—
Все играютъ да не весело,
Не могли развеселить посла.
Говоритъ посолъ Васильюшка Микуличъ сынъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Нѣтъ ли у тебя здѣсь затюрѣмщиковъ,
Что умѣли бы играть въ гусельшки?“

Выпускалъ Владиміръ затюрѣмщиковъ,
Стали тѣ играть въ гусельшки—
Всѣ играютъ да не весело.
Говоритъ опять посолъ Васильюшка:

„А и гдѣ же здѣсь живетъ, во Кіевѣ,
Молодой торговый гость черниговскій,
Что по имени Ставеръ да сынъ Годиновичъ?“

Про него идетъ молва великая,
 Что куда гораздъ играть въ гусёлышки,
 Пѣть про новыя времена, про нынѣшни,
 Да про стары времена, доселѣшни“.

Говорить себѣ Владиміръ князь:

„Мнѣ какъ выпустить Ставра, такъ не видать Ставра,
 А не выпустить Ставра, такъ разгнѣвить посла“,

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,
 Посылаетъ за Ставромъ Годиновымъ.
 Выводили съ погребовъ Ставра Годинова,
 Приводили на почѣстенъ пирь.

Поскочилъ посоль туть на рѣзвыя ноги,
 Посадилъ Ставра да супротивъ себя,
 Супротивъ себя въ скамью дубовую.

Сталь Ставѣрь гусёлышки налаживать,
 Сталь ко стрункѣ струночку натягивать:

Первую наладилъ съ града Кіева,
 А другу наладилъ изъ Чернигова,
 Третію наладилъ изъ Царя-града;

Сыгрыши повелъ великіе,

Величаетъ князя со княгинею,

А пригѣвки пригѣваетъ съ-за синя моря.

Всѣ князья да бояре сидятъ, дивуются,

Всѣ богатыри молчатъ, заслушались,

А послу вздремнулось, захотѣлось спать.

Говорить посоль Ставрѣ да таковы слова:

„Здравствуешь ты, развесѣлый мѡлодецъ,

Молодой Ставѣрь да сынъ Годиновичъ!

Ты меня никакъ ни опозналъ?“

Говорить въ отвѣтъ Ставѣрь Годиновичъ:

„Не откуда жъ мнѣ и знать тебя“.

Говорить посоль да таковы слова:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Мнѣ твоихъ не надо даней-выходовъ,

Ты пожалуй-ка меня веселымъ мѡлодцемъ,

Молодымъ Ставромъ Годиновымъ“.

Говорить себѣ Владиміръ князь:

„Какъ отдать Ставра, такъ не видать Ставра,

Не отдать Ставра, такъ разгнѣвить посла“.

Да не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла,

Отдавалъ Ставра послу съ рукъ на руки.

Говорить посолъ да таковы слова:

„Ай ты, молодой Ставеръ Годиновичъ!
Мы поѣдемъ-ка съ тобою во чисто поле,
Посмотрѣть дружинишку хоробрую“.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Прѣзжали ко дружинишкѣ хороброей.
Шелъ посолъ Василій во бѣлой шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія:

„Здравствуешь, Ставеръ Годиновичъ:
А теперь-то ты меня не знаешь ли?“

Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновичъ;

„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса дочь Микулична!“

„А за что же ты, Ставеръ Годиновичъ,
Засаженъ былъ княземъ въ погреба холодные?“

„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бояровъ продашь да выкунишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь.“

А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Въ свою сторону уѣдемъ, во Черниговъ градъ“.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;
Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.
Князья-бояре-то проданы, выкуплены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведенъ“.

Воротилися во стольный Кіевъ градъ,
Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говорила Василиса дочь Микулична:

„Ай ты, солнышко Владиміръ князь!
Я, грозенъ посолъ, Ставрава молодѣ жена,
Василиса дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.“

Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говорить Забава дочь Путятична:

„Ай же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицы за женщину!“

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій

Со стыда повѣсилъ буйну голову;
 Ясны очи утопилъ въ кирпичать полъ,
 Самъ прогѣворилъ да таковы слова:
 „Благодарствуешь, Ставѣрь да сынъ Годиновичъ,
 Зналъ похвастать молодой женой!
 Всѣхъ сумѣла здѣсь она продать да выкупить,
 А меня, Владиміра, съ ума свести.
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка вѣкъ во Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй и по вѣку безпошлинно“.
 Какъ тутъ стали отъѣзжать изъ Кіева
 Въ свою сторону да во Черниговъ градъ
 Молодой Ставѣрь Годиновичъ
 Съ молодою Василисою Микуличной,
 Выходили провожать ихъ князь съ княгинею.
 Тутъ ли про Ставра и старину поютъ,
 Морю синему на тишину,
 Всѣмъ вамъ, добрымъ людемъ, на послушанье.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Соловей Будиміровичъ.

Высота-ли—высота поднебесная!
Глубота—глубота океанъ-море!
Широкò раздолье—по всей землѣ!
Глубокѣ—темны омуты Днѣпровскіе!

* *
*

Изь-подъ дуба было, дуба сѣраго,
Изь-подъ вяза, вяза съ-подъ червлѣнаго,
Изь-подъ кустышка да съ-подъ ракитова,
Съ-подъ березыньки да съ-подъ кудрявья,
Изь-подъ камешка да изъ-подъ бѣлаго
Выходила, выбѣгала мать Днѣпра-рѣка,
Пала устьемъ въ море, море Черное.
Изь-за моря, моря Чернаго
Съ-за того лукоморья зелѣнаго,
Ото славна города отъ Веденца,
По той матушкѣ да по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Какъ не чѣрны тученьки затучили,
Какъ ни сѣни облачки задѣргали—
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей да все червлѣнныхъ:
А одинъ корабликъ напередъ бѣжить,
Напередъ бѣжить да какъ соколъ летить.
Хорошо корабли изукрашены,
Хорошо корабли изнаряжены,

А соколъ-корабликъ получше всѣхъ:
 Высокѣшенько головушка приподнята,
 Носъ-орма сведены по-туриному,
 Широки бока по-звѣриному—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто очей было вставлено
 По драгѣму камню по яхонту,
 Вмѣсто бровей было вращено
 По заморскому черному соболу,
 Вмѣсто усовъ было воткнуто
 Два булатные острые ножичка,
 Вмѣсто ушей было вдѣргано
 Два горностаюшка зимніе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Вмѣсто гривы было прибivano
 Двѣ лисицы бурнастыя заморскія,
 Вмѣсто хвоста повѣшано
 Два медвѣдя бѣлые заморскіе—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Тонки парусы были дорогой камки,
 Дорогой камѣчки хрущатя,
 Толсты снасти-канаты семи шелковъ,
 Остры якори были булатные,
 А колечки у якорей серебряныя,
 Еще лапочки были золоченныя—
 Хорошо нашъ корабликъ изукрашенъ всѣмъ!
 Среди того сокола-кораблика
 Чердачѣкъ стоитъ зеленъ муравленый
 Потолокъ подѣрнуть рытымъ бархатомъ,
 Стѣны крыты-обиты чернымъ соболемъ,
 Изнавѣшаны лисицами-куницами,
 Дорогими соболями заморскими.
 Въ чердакѣ—бесѣдочки сидѣльныя,
 На бесѣдочкахъ сидитъ купавъ молодець
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ, (81)
 Со своей государыней со матушкой,
 Съ молодой Ульяной Васильевной,
 А вокругъ сидитъ его дружинишка,
 До трехъ сотъ молодцовъ переборныхъ;
 У всѣхъ платье одѣто скурлатъ—сукна,

Кушаками подпоясаны шёлковыми,
 На головкахъ шляпочки пуховыя,
 — А ножкахъ сапожки зелёнъ сафьянъ,
 На сапожкахъ пряжечки серебряныя,
 А подбиты гвоздочками золочеными.
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
 Во гусёлышки играетъ во яровчатныя,
 Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
 Наигрышь по голосу налаживаетъ,
 По звончатымъ струночкамъ похаживаетъ,
 Игры-сыгрыши ведеть отъ Царя-града,
 А другіе ведеть отъ Ерусалима,
 И всѣ малые припѣвки съ-за синя моря,
 Съ-за синя моря Веденецкаго,
 Съ-за того лукоморья зелёнаго;
 Звеселяетъ родитель-матушку,
 Молодую Ульяну Васильевну,
 Спотѣшаетъ дружину хоробрюю.

Какъ встаетъ тутъ Соловей со бесѣдушки,
 По кораблику по сѣколу похаживаетъ,
 Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
 Говоритъ самъ таковыя слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
 Дѣлайте-ка дѣло повѣленное:
 Подымайте всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгайте ко славному ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

Они слушали братца бѣльшаго,
 Дѣлали дѣло повелѣнное:
 Подымали всѣ парусы хрущатые,
 Побѣгали ко славному ко Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру.

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
 И вы всѣ, цѣловальники любимые!
 Вы берите-ка щупалы желѣзныя,
 Щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
 Щупайте-ка во славномъ во синѣмъ морѣ,

Мѣряйте людья подводныя,
Чтобы намъ, молодцамъ, проѣхати“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Брали щупалы желѣзныя, долгомѣрныя,
Щупали во славномъ во синѣмъ морѣ,
Людья подводныя проѣхали.

Говорить молодой Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Возставайте-ка на реи на верхнія,
Поглядите-ка на славный на Кіевъ градъ?
Далекѡ ли стоитъ славный Кіевъ градъ?
Поглядите пристань корабельную,
Чтобы намъ, молодцамъ, попасть туда“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Возставали на реи на верхнія,
Говорять саміи таковы слова:
„Ай ты, младъ Соловей сынъ Будиміровичъ!
Не далекѡ стоитъ славный Кіевъ градъ,
И видать ужъ пристань корабельную“.

Скоро ѣхали-проѣхали подъ Кіевъ градъ,
Забѣгали во пристань корабельную,
Остры якори метали во Днѣпру-рѣку.

Говорить опять Соловеюшко:
„Гой вы, братцы, гости-корабельщики,
И вы всѣ, цѣловальники любимые!
Вы мечите-ка три сходеньки на круть бережокъ:
Перву сходеньку мечите золоченую,
Другу сходеньку мечите серебряную,
Третью сходеньку мечите повдланую:
Да берите-ка подарочковъ умильныхъ;
Дорогихъ соболѣй, куницъ да лисицъ,
А п матушки камѡчки заморскія:
Что заморскія камѡчки узорчатыя“.

Они дѣлали дѣло повелѣное:
Пометали три сходеньки на круть бережокъ,
Брали тѣ подарочки умильные,
Самъ беретъ онъ гусѣлышки яровчаты
Да идетъ по сходеньки золоченой,
Его матушка идетъ по серебряной,

Помагали три схошеньки на кругъ бережокъ,
Брали тѣ поларочки умильные,

Самъ берегъ онъ гусельшки яровчаты...
И пошегъ на славный княженецкій дворъ.

А хорóбрая дружина по повóлжаной,
 И пошелъ онъ на славный княженецкiй дворъ;
 Входитъ прямо въ гридню свѣтлую,
 Крестъ кладеть да по-писаному,
 И поклоны ведеть по-учѣному,
 На всѣ три на четыре стороны,
 Князю солнышку Владимiру въ особину,
 Подаетъ ему подарочки умильные:
 Дорогихъ соболѣй, куницъ да лисицъ,
 А ту матушку камóчку узорчатую
 Молодой княгинюшкѣ Апраксiи,
 Говорить самъ таковы слова:

„Принимайте худые подарочки,
 А на златѣ-серебрѣ не погнѣваться“. (22)

Князю солнышку дары полюбилися,
 А княгинюшкѣ наипаче того,
 Развернула камóчку—дивуется,
 На плечахъ головушка качается:
 Что камочка-то двуличнева,
 Въ красномъ золотѣ не сдгнется,
 Въ чистомъ сѣребрѣ не сломится,
 Жемчугóмъ кругóмъ изнасажена;
 Да не дорого столько злато-сѣребро,
 Сколько дóроги узоры заморскiе:
 Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
 Всѣ-то мудрости Ерусóлима,
 А все замыслы Соловья Будимiрова. (23)

Воспрогóворить княгиня Апраксiя:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кiевскiй!
 Ты умѣй-ка честить добра мóлодца,
 Ты умѣй-ка его и пожаловати“.

Воспрогóворить князь стольно-кiевскiй:

„Гой ты, душечка, удалый добрый молодець!
 Ты не царь ли какой, не царевичъ ли,
 Не король ли какой, королевичъ ли?
 За твои за подарочки умильные
 Какъ тебя честить, чѣмъ жаловати?
 Города ль тебѣ надо съ пригорóдками,
 Али сѣла тебѣ надо со присѣлками,
 Али надо безсчетной золотой казны?“

Отвѣчаетъ Соловей Будиміровичъ:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій!
 Какъ не царь я, не царевичъ я,
 Не король, не королевичъ я,
 Какъ торговый я гость съ-за синя моря,
 Ото славнаго города отъ Вѣденца,
 Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ.
 И не надо городовъ мнѣ съ пригородками,
 И не надо мнѣ сѣль со присѣлками,
 И не надо безсчетной золотой казны—
 У меня и своей ести дѣ-люби“.

„Гой еси ты, Соловей сынъ Будиміровичъ!
 Такъ зачѣмъ же ты побывалъ сюда?
 Не торгѣмъ ли торговать на съѣздъ ко мнѣ,
 Аль пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить?“

Отвѣтъ держитъ младъ Соловеушко:

„Не торгѣмъ торговать на съѣздъ къ тебѣ,
 Я пріѣхалъ такъ, на житьѣ пожить
 За твоей за лаской княжеенецкою.
 Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить:
 Ты позволь мнѣ мѣстечка малѣшечко,
 Гдѣ построить, поставить бы три тѣрема“.

Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:

„А ты стройся-ка на горкѣ конной,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ“. (34)

„Какъ ужъ горька-то конная мнѣ нѣ люба,
 Гдѣ жонки да бабы пироги пекутъ,
 Гдѣ малые ребятки калачи продають,
 Калачи продають, барышничаютъ.
 Ужъ ты дай-ка мѣстечко мнѣ подлѣ себя,
 У своей, государь, племянницы,
 Молодой Забавы Путятичны,
 Во ея, государь, зеленѣмъ саду,
 Въ вишеньѣ да въ орѣшеньѣ“.

И возгѣворитъ Владиміръ таковѣ слово:

„За твои за подарки великіе,
 За твои за рѣчи учливья,
 Ты бери себѣ мѣсто, гдѣ прилюбится,

Въ зеленѣмъ хотъ саду во Забавинѣмъ,
Въ вишенѣ да въ орѣшенѣмъ“.

„Благодарствуешь, князь стольно-кіевскій,
На твоей почесткѣ княженецкою“.

Скоро тутъ Соловей поворотъ держаль,
Приходилъ ко дружинущкѣ хороброей,
Воспрогѣворилъ да таковы слова:

„Гой вы, братцы, дружинущка хоробрая!
Вы послушайте-ка братца бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Скидывайте кафтаны скурлатъ-сукна,
Надѣвайте кожѣнцы рабочіе,
Разувайте сапожки зеленѣ-сафѣянѣ,
Обувайте лапотцы липовые,
Берите топорики булатные,
Подите во Забавинѣ во зеленѣный садѣ,
Поставьте мнѣ въ вишенѣ, въ орѣшенѣ
Къ утру-свѣту три терема златоверхнїихъ,
Что верхї бы со верхами совивѣлися,
Совивѣлися да соплетѣлися,
Молодая Забава Путятїчна
На верхї бы на тѣ оглядѣлася,
Намѣ самимъ бы съ утра туда жить пойти“.

Они слушали братца бѣльшаго,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Скидывѣли кафтанцы скурлатъ-сукна,
Надѣвали кожѣнцы рабочіе,
Разували сапожки зеленѣ-сафѣянѣ,
Обували лапотцы липовые,
Брали топорики булатные,
Скоро шли во Забавинѣ зеленѣный садѣ;
Со позднѣ вечера до полѣночи
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
А къ полѣночи поспѣли три терема,
Что верхї-то со верхами совивѣются,
Совивѣются да соплетѣются,
Въ теремахъ трое сѣничекъ снарядныхъ:
Первы сѣнички—рѣшѣтчатѣя,
Други сѣнички—стекольчатѣя,
Третьи сѣнички—красна золота;

А вокругъ поставленъ булатный тынь,
 По серёдочкѣ—гостинный дворъ;
 Къ утру-свѣту туда и жить пошли.

Зазвонили рано къ заутренѣ,
 Ото сна Забава пробуждалася,
 Поглядѣла во окошечко косящатое,
 Во хорошій свой, во зелёный садъ,
 Въ вишенье да въ орѣшенье—
 Счудовалася Забава, сдивовалася:
 Во хорошемъ ея, во зелёномъ саду
 Что стоятъ три терема златоверхіе,
 Во-четвёртыхъ стоитъ гостинный дворъ.
 Говорила Забава дочь Путятична:

„Что за чудо теперь мнѣ счудѣлося?
 За ночь пиво-вино воспрокурѣлося?
 Ай вы, нянюшки мои да мамушки,
 Ай вы, красныя сѣнныя дѣвушки!
 Вы подите-ка, поглядите-ка:
 Какъ вѣчоръ-то стоялъ мой зелёный садъ,
 Какъ стоялъ онъ вѣчоръ пустымъ-пусто,
 А теперечко стоитъ густымъ-густо:
 Три построено въ немъ терема златоверхіихъ,
 Во-четвёртыхъ построень гостинный дворъ“.

Отвѣчаютъ ей нянюшки, мамушки,
 Ея красныя сѣнныя дѣвушки:
 „Ай ты, матушка Забавушка Путятична!
 Ты изволь-ка сама сходить, посмотриѣть:
 Твое счастье къ тебѣ вѣдь на дворъ пришло“.

Скоро тутъ Забава наряжается:
 Обувала башмачкѣ на босѹ ногу,
 Надѣвала накидничекъ на одно плечо,
 Подвязалася платочкомъ шёлковымъ,
 Брала за руку любезную подручницу,
 По крылечику спущалась полегѣшенько,
 По дорожкѣ бѣжала поскорѣшенько,
 Во хорошій свой, во зелёный садъ,
 Въ вишенье да въ орѣшенье.
 Какъ у перваго терема послушала,
 У тѣхъ сѣничекъ у рѣшѣтчатыхъ—
 Въ тоемъ теремѣ ли стучить-бренчить,

Стучить-бренчить, щелчить-молчить: (38)
 Тутъ лежитъ Соловьѣва золотà казна,
 Золотà казна безсчетная.
 У другого терема послушала,
 У тѣхъ сѣничекъ у стекольчатыхъ—
 Въ этомъ теремѣ шопоткомъ говорятъ:
 Тутъ старушечка Богу молится,
 За любимое чадо умаливаетъ,
 За младаго Соловья Будимірова.
 Какъ у третьяго терема послушала,
 У тѣхъ сѣничекъ у золоченыхъ—
 Въ этомъ теремѣ во гудкѣ гудятъ,
 Во гусѣлки играютъ-наигрываютъ,
 Пляшутъ, скачутъ, поютъ, прикокѣиваютъ:
 Соловьѣва тутъ дружинушка хоробрая,
 А и самъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
 Говоритъ Забава дочь Путятична:
 „Ай же ты, любезная подручница!
 А зайдемъ-ка мы во теремъ съ тобой“.
 Заходили они въ сѣни золоченныя,
 Отворяли во теремъ двери на-пятау—
 А и больно тутъ Забава испужалася,
 Чудо въ теремѣ ей показалося:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ,
 Зори на небѣ—зори и въ теремѣ,
 А и вся красота поднебесная.
 Въ одномъ ли углу говорятъ-гуторятъ,
 Во другомъ ли поютъ, во гудки гудятъ,
 Во гусѣлки играютъ во звончатя,
 На серѣдкѣ идутъ смѣхи, скокъ да плясъ,
 А и всякія утѣхи несказанныя.
 Испужалася Забава, перепалася,
 Подломились ея ноженъки рѣзвыя.
 Молодой Соловейко догадливъ былъ,
 Побросалъ гусѣлки звончатя,
 Подхватилъ красну дѣвицу за бѣлы ручки,
 Становилъ ее на рѣзвы ножки,
 Поклонился, дѣвицу поздравствовалъ:

„А и здравствуешь, Забавушка Путятична,
Молодая княженецкая племянница!“
Поклонилася Забава понизёшенько,
Говорила сама да поскорёшенько:

„Ай ты, душечка, заѣзжій добрый мѡлодець!
Ты ли, мѡлодець, холость, нежѣненъ есть,
Да и я, красна дѣвица, на вѣданьѣ“. (88)

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:

„Всѣмъ ты, дѣвица, мнѣ въ любовь пришла,
Тѣмъ лишь, дѣвица, мнѣ не прелюбилася,
Что сама себя, дѣвица, просватала“.

Какъ тутъ дѣвица прослезилася,
Со дѣвичьяго стыда со великаго,
Поскорёшенько поворѡтъ держитъ,
Поворотъ держитъ, домой бѣжитъ.

А самъ душечка Соловей сынъ Будиміровичъ
Во сердцахъ-то на то не осѣрдился,
Какъ идетъ онъ поскорёшенько,
Поскорёшенько идетъ, скорѣмъ-скоро
Къ князю солнышку большимъ сватомъ,
Князю солнышку низко кланяется,
Говоритъ самъ таковы слова:

„Гой еси ты, князь стольно-кіевскій,
Какъ зашелъ я къ тебѣ докладъ держать;
Бласлови мнѣ, князь, слово вымолвить“.

Говоритъ ему князь стольно-кіевскій:

„Гой еси ты, младъ Соловеюшко!
А какой ты зашелъ мнѣ докладъ держать?“

„Я такой-то зашелъ докладъ держать—
Что о добромъ дѣлѣ, о свѡтовствѣ.
Есть любимая у тебя племянница,
А нельзя ль за меня ее замужъ отдать?“

Какъ тутъ правили они рукобѣтнице,
Какъ просваталъ князь стольно-кіевскій
Ту любимую свою племянницу
За младѡ Соловья да Будимірова,
Какъ пошелъ у нихъ почѣстенъ пиръ,
А честнымъ пиркомъ и за свадебку.
Приходилъ тутъ душечка добрый мѡлодець,
Соловеюшко сынъ Будиміровичъ,

Бралъ ее, красну дѣвицу, за бѣлы ручки,
И пошли они съ дѣвицей въ церковь Божию,
Золотыми перстнями обручались,
Золотыми вѣнцами повѣнчались.

Какъ завѣяла-пошла тутъ повѣтеръ
По той славной по Днѣпрѣ-рѣкѣ,
Молодой Соловей сынъ Будиміровичъ
Скоро съ княземъ солнышкомъ прощается,
На соколѣ-корабликѣ свой собирается
Съ молодой Забавушкой Путятичной,
Со своей со рѣдной матушкой,
Со своей дружинишкой хорѣброей,
Самъ по соколу-кораблику похаживаетъ,
Желтыми кудѣрками потряхиваетъ,
Говоритъ да таковѣ слова:

„Гой еси вы, гости-корабельщики,
И вы всѣ цѣловальники любимые!
Вы послушайте-ка брата бѣльшаго,
Дѣлайте-ка дѣло повелѣное:
Вы снимайте сходеньки со бережка,
Подымайте якоря булатные,
Распускайте паруса хрущатые,
Поѣзжайте за славно синѣ море
Ко тому лукоморью зелѣному,
Да во славную землю Веденецкую“.

Они сдѣлали дѣло повелѣное:
Брали сходеньки со бережка,
Поднимали якоря булатные,
Распускали паруса хрущатые;
Выбѣгаютъ-выгребаютъ тридцать кораблей,
Впереди всѣхъ бѣжить соколѣ-корабль
По той матушкѣ по Днѣпрѣ-рѣкѣ
Да ко славному ко синѣ морю.

* * *

Глубокѣ—темны омуты Днѣпровскіе!
Широко раздолье—по всей землѣ!
Глубота—глубота океанъ-море!
Высота—высота поднебесная!..

БЫЛИНА ДЕВЯТАЯ.

Исцѣленіе Ильи Муромца.

Ой вы, люди мои, люди добрые,
Люди добрые, сосѣди ближніе!
Вы прійдите-ка посидѣть ко мнѣ,
Вы скажите-ка мнѣ про старое,
Про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца.

* *
* *

Въ старину было въ стародавнюю,
Когда князь Владиміръ вѣнецъ держалъ,
Во томъ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Карачаровѣ, (27)
Жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ;
У того крестьянина изо всѣхъ дѣтей
Было дѣтище одно любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протѣрѣ.
День и ночь онъ Богу молится,
Восполдшится только, опомнится,
Какъ слышитъ вѣсти отъ странниковъ
Про того Соловья разбойника,

Что́ дорóгу залегъ на Кіевъ градъ;
Станетъ спрашивать о немъ, вьвѣдывать.

„Что тебѣ до разбойника, дитятко?“

Говоритъ государь его батюшка.

Ничего онъ на то не отвѣтствуетъ,

Самому же все и во снѣ и въявь

Соловей разбойникъ представляется—

И молиться окаянный не даетъ ему!

Приходило время лѣтнее,

Время страдное, дни сѣнокосные,

Уходилъ государь его батюшка

Со родителемъ его со матушкой, ⁽²⁸⁾

Да со всѣмъ семействомъ любимымъ

На работушку на ту крестьянскую,

Очищать отъ дубья-колоды пожню,—

Оставался дома одинъ Илья.

Идутъ мимо тутъ старцы незнакомые,

Нища братія, калики переходіе, ⁽²⁹⁾

Становились подъ окошечко косяцато,

Говорили Ильѣ таковы слова:

„Ай же ты, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

Возставай-ка на рѣзвыя ноги,

Отворяй-ка ворота широкія,

Впускай-ка каликъ во храмину;

Подавай-ка каликамъ напитися“.

Отвѣтъ держитъ каликамъ Илья Муромецъ:

„Ай же вы, калики переходіе!

Радъ бы васъ впустить во храмину,

Радъ бы вамъ подать напитися,

Да вотъ сиднемъ сижу ужъ тридцать лѣтъ,

Тридцать лѣтъ не имѣю ни рукъ, ни ногъ“.

Говорятъ калики переходіе:

„Ай же ты, Илья, возставай-ка самъ!

Илья Муромецъ сидитъ, силу пробуетъ:

Тронетъ правую ногу—поднимается,

Тронетъ лѣвую—и та поднимается.

Возставалъ Илья на рѣзвыя ноги,

Отворялъ ворота широкія,

Впускалъ каликъ во храмину;

Взялъ тогда братію въ полтора ведра,

Опускался въ подвалы глубокіе,
 Наливалъ братѣну пивомъ крѣпкимъ.
 Подносилъ каликамъ переходжимъ.
 Отпивали калики переходжіе,
 Подавалу назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка, Илья, ты послѣ насъ“.
 Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ,
 Испивалъ братѣну за единый духъ—
 Только пиво то и видѣли.
 У Илюши сердце разгорѣлося,
 Тѣло бѣлое да распотѣлося.
 И возгѣворятъ калики переходжіе:
 „Что теперъ ты чуешь въ себѣ, Илья?“
 Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
 „Чую здравіе въ себѣ великое“.
 Говорятъ калики переходжіе:
 „А подай-ка ты намъ еще испить“.
 Взялъ Илья братѣну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,
 Наливалъ братѣну пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносилъ каликамъ переходжимъ.
 Отпивали калики переходжіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:
 „А испей-ка еще ты послѣ насъ“.
 Испивалъ онъ братѣну за единый духъ—
 Только пиво то и видѣли.
 И возгѣворятъ калики переходжіе:
 „Что теперъ ты чуешь въ себѣ, Илья?“
 „Слышу силушку въ себѣ великую:
 Кабы столбъ былъ отъ земли до небушка,
 Во столбу утверждено золотѣ кольцо—
 За кольцо бы взялъ, перевернулъ землю“.
 Говорятъ калики промежъ себя:
 „Много силушки дано Ильѣ!
 Не снесетъ его мать сырѣ земля.
 Надо будетъ поубавить ему силушки“.
 Говорятъ калики Ильѣ Муромцу:
 „А подай-ка ты намъ еще испить“.
 Взялъ Илья братѣну больше прежняго,
 Опускался въ подвалы ниже прежняго,

Наливаль братѣну пивомъ крѣпче прежняго,
 Подносиль каликамъ переходжимъ.
 Отпивали калики переходжіе,
 Подавали назадъ Ильѣ Муромцу:

„А испей-ка еще ты послѣ насъ“.

Испиваль онъ братѣну за единый духъ —
 Только пиво то и видѣли.

И возгворятъ калики переходжіе:

„Много-ль чуешь еще въ себѣ силушки?“

„Да убавилось будто на половинушку“.

„А и будетъ съ тебя этой силушки.“

Будешь ты, Илья, великъ богатырь,
 На бою тебѣ смерть не написана;
 Ты постой-ка за вѣру христіанскую,
 Бейся-рѣтися съ силой невѣрною,
 Со богатырями сильными, могучими
 Да со всею поленицею удалою;
 Не ходи только драться-рѣтиться
 Со могучимъ Святогоромъ-богатыремъ:
 Черезъ силу носить его земля;
 Не бейся и съ родомъ Микулинымъ:
 Его любить матушка сыра земля;
 Не ходи еще на Вольгѹ Всеславича:
 Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью.
 А теперь доставай-ка себѣ коня,
 Коня добраго, коня богатырскаго,
 Выходи во раздолье чисто поле:
 Какъ услышишь заржучись жеребчика,—
 Чтò запросить крестьянинъ за жеребчика,
 Хотъ запросить цѣлыхъ пятьсотъ рублей,—
 Ты давай за него пятьсотъ рублей,
 Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлоярой пшеной его откармливай,
 Ключевой водой его отпаивай,
 А пройдетъ тому времени три мѣсяца—
 Ты по трѣ ночи въ саду его поваживай,
 Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывай, ⁽⁴⁰⁾
 Подводи ко тыну ко высокому:
 Станетъ конь тутъ поигрывать, поплясывать,
 Головою повертывать, потряхивать,

Въ лошадинья ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынъ взадъ-впередъ перескакивать—
 Ты сѣдлай тогда добра коня,
 Полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
 Поѣзжай на немъ во чисто поле,
 Повезеть онъ тебя по святой Руси,
 И богатыремъ сильнымъ, святорусскимъ
 Ты по всей святой Руси прославишься“.

Тутъ калики ушли, потерялися.

И пошелъ Илья ко родителямъ,
 За три подприща отъ дому на займище,
 На работушку на ту крестьянскую,
 Отъ дубья-колодыя очистить палъ.
 Отъ работы отъ той поумаявшись,
 Его родные отдыхаютъ—спятъ.
 Взялъ Илья топоръ во бѣлы ручки,
 Началъ чистить пожнию-займище:
 Все добье-колодые повырубилъ,
 Во глубокую рѣку повыгрузилъ,
 Развалилъ все займище великое
 И топоръ по корень въ пень воткнулъ—
 Не начистили семействомъ всѣмъ въ три дня,
 Сколько онъ начистилъ въ три часа.
 Какъ возстали со сна родители,
 Удивлялись они, испужалися:

„Что за чудо такое подѣялось?

Кто сработалъ за насъ работушку?“

Подходилъ къ нимъ Илья Муромецъ,
 Рассказалъ про каликъ переходящихъ,
 Какъ поилъ онъ ихъ пивомъ крѣпкимъ,
 Какъ давали и они ему испить,
 Какъ почуялъ онъ здравіе великое,
 Получилъ великую силушку.

И пошелъ Илья во чисто поле,
 Услыхалъ заржучисъ жеребчика.
 Какъ ведетъ мужикъ жеребчика,
 Жеребчика косматаго, шелудиваго. (41)
 Не рядился Илья, купилъ жеребчика,
 Становилъ его въ срубъ на три мѣсяца,
 Бѣлояровой пшеной его откармливалъ,

Ключевой водой его отпаиваль;
 А прошло времени тому три мѣсяца—
 Сталь по трѣ ночи въ саду его поваживать,
 Въ трехъ росахъ его во утреннихъ выкатывать,
 Подводишь ко тыну ко высокому;
 Сталь жеребчикъ поигрывать, поплясывать,
 Головою повертывать, потряхивать,
 Въ лошадинныя ноздри пофыркивать,
 Черезъ тынь взадъ-впередъ перескакивать.
 Осѣдлалъ, зауздаль его Илья,
 Полагаль на него доспѣхи крѣпкіе,
 Говориль самъ таковыя слова:

„Ай ты, славный мой, богатырскій конь!
 Послужи-ка мнѣ вѣрою-правдою!“

Обкольчужился Илья, облатился,
 Сталь пытать мечи булатные;
 Какъ сожметъ въ кулакѣ рукоять меча—
 Сокрушится рукоять, рассыплется;
 Кинуль бабамъ мечи онъ лучину драть,
 Самъ беретъ три полосы булатныя,
 Въ каждой полосѣ-то по трѣ пуда,
 Три стрѣлы изъ полосъ себѣ выковаль,
 Закаляль во утробѣ мать-сырой земли,
 Положилъ ихъ во глубокомъ колчанѣ,
 Положилъ во налучникъ свой тѣгой лукъ,
 Бралъ съ собой копье долгомѣрное,
 Бралъ еще и палицу булатную.

Какъ не сырой дубъ къ землѣ клонится,
 Не листочки по землѣ разстилаются—
 Разстиляется сынъ передъ батюшкой,
 Себѣ просить благословеньица
 Да на вѣки нерушимое:

„Гой еси ты, родимый, милый батюшка!
 Ужь ты дай-ка мнѣ благословеньице:
 Я поѣду во славный стольный Кіевъ градъ,
 Заложиться за князя за Владиміра,
 Послужить ему вѣрою-правдою,
 Постоять за вѣру христіанскую“.

Говорить старый Иванъ Тимошеевичъ:

„Гой ты, свѣтъ мой, чадо порождѣное!

Я на добрыя дѣла благословлю тебя,
 На худыя дѣла благословенья нѣтъ.
 Какъ поѣдешь ты путемъ-дорогою,
 Не помысли зломъ на татарина,
 Не убей въ чистомъ полѣ христiянина“.

Поклонился Ильѣ отцу до земли,
 Заходилъ еще за Оку-рѣку
 Ко тому Миколѣ Заручѣвскому,
 Отслужилъ обѣдню запрестольную,
 Становилъ свѣчу въ двадцать-пять рублей,
 Посулилъ впередъ въ пятьдесятъ рублей,
 Самъ давалъ завѣты великіе:

„Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа,
 Межъ обѣдней ранней и утреней,
 Пospѣвать ко столу княженецкому,
 Ко обѣду тому воскресенскому,
 Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
 Не натягивать туга лука,
 Не накладывать каленой стрѣлы,
 Не кровавить копья долгомѣрнаго,
 Не кровавить и палицы булатныя,

На прощанье еще въ ладонку
 Взялъ земельки родной малу гореточку,
 На прощанье пустилъ по Окѣ-рѣкѣ
 Оржаного хлѣбушка корочку,
 Самъ Окѣ-рѣкѣ приговаривалъ:

„А спасибо-жь тебѣ, матушка Ока-рѣка,
 Что поила, кормила Илью Муромца“.

Еще видѣли—сѣлъ на коня Ильѣ,
 А не видѣли—куда поѣздку далъ.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

БЫЛИНА ДЕСЯТАЯ.

Илья Муромецъ, Черниговцы и Соловей разбойникъ.

Охъ вы, рощи, рощи зеленія! липушки цвѣтныя!
Вы, кусточки молодые! вы, орѣшники густые!
Разрослись вы, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, 'коло Камы, 'коло Дона рѣки!
Обтекають эти рѣки славны русски города,
Протекаетъ рѣка Волга 'коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ то, всплываютъ красны лодочки на ней:
Красны лодочки краснѣютъ, черны шляпоньки чернѣютъ,
Черны шляпоньки чернѣютъ на гребцахъ-молодцахъ,
На самомъ-то на старпомъ-то черна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ-воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалятъ-величаютъ все удала молодца!
Все удала молодца Илью Муромца!

* *
*

Какъ изъ славна города изъ Мурома,
Изъ того села изъ Карачарова
Начиналася поѣздка богатырская:
Выѣзжалъ удалый добрый молодецъ
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Онъ стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты рѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдней раннею и утреней,

Поспѣвать къ обѣду княжецецкому,
Путь держать дорожкой прямоѣзжею,
Рукъ дорожкой не кровавити.

Какъ первый ускокъ свой богатырскій конь
Даль во полпути отъ Мурома—
Съ-подъ копыть его ударилъ ключъ живой;
У ключа Ильюша сырой дубъ срубилъ,
Надъ ключомъ часовню устанавливалъ,
На часовнѣ имечко свое подписывалъ:

„Ѣхалъ святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ“.

О сю пору льется родничокъ живой,
О сю пору же стоитъ надъ нимъ часовенька; (42)
А въ ночь къ ключу студѣному
Ходить звѣрь-медвѣдь воды испить,
Понабраться силы богатырскія.

Какъ другимъ ускокомъ богатырскій конь
Перенесъ Ильюшу черезъ Муромъ градъ;
А за третімъ ускокомъ Илья Муромецъ
Подѣзжалъ ко городу Чернигову. (43)

У того ли города Чернигова
Силы ратища стоятъ чернымъ черно,
Нагнано что чѣрна ворона.
Подступили подъ Черниговъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.
Богатырско сердце неуѣмчиво, разгѣрчиво:
Что веселый огонѣчекъ разыграется,
Что морозъ палящій разгорается.

Говорить себѣ Ильюша таково слово:

„Не хотѣлось бы отцу быть супротивникомъ,
Не хотѣлось бы и заповѣдь переступить;
Да хотъ всякій заповѣди кладывалъ,
А не всякій заповѣди сдерживалъ“.

Подѣзжаетъ онъ къ силушкѣ великой
Да не хочеть натянуть свой тѣгой лукъ,
Палицу, копье свое кровавити—
Сырой дубъ беретъ онъ въ три обдѣмени,
Изъ земли повѣвернулъ, повѣдернулъ
Со камѣнями да со кореньями,
Сталъ сырѣмъ дубомъ по силушкѣ погуливать,

Силушку добрымъ конемъ потаптывать;
Гдѣ махнетъ—тамъ силы улицы,
Отмахнется—части площади;
Добивается до трехъ царевичей,
Говорить имъ таковыя слова:

„Охъ, вы гой еси, мои царевичи!
Во полонъ ли мнѣ васъ, братцы, взять,
Али буйны головы съ васъ снять?
Какъ въ полонъ васъ взять—дѣвать васъ нѣкуда:
У меня дороженьки заѣзжія,
У меня хлѣба завозные;
А какъ головы снять—царски сѣмена сгубить.
Разѣвжайтесь-ка вы по своимъ ордамъ,
По своимъ ордамъ да по своимъ мѣстамъ;
Да чините, разносите такову славу,
Что святая Русь да не пуста стоитъ,
Есть еще на матушкѣ святой Руси
Сильные, могучіе богатыри“.

Заѣзжалъ онъ тутъ во славный во Черниговъ градъ,
Подѣзжалъ ко церкви Божіей,
Ко тому Ивану ко Великому:
А во церкви Божьей люди Богу молятся,
Каются да приобщаются,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются.
Заходилъ Илья во славный Божій храмъ,
Крестъ кладетъ да по-писаному,
И поклонъ ведеть да по-учѣному:
Поклоняется святому Спасу образу,
Во-другихъ святыхъ Божьей матери,
Во-третьихъ всему міру христіанскому:

„Ужъ вы здравствуйте-ка, мужичкѣ черниговцы!
Вы объ чемъ тутъ каетесь да приобщаетесь,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаетесь?“

Отвѣчаютъ мужичкѣ черниговцы:

„Мы объ томъ тутъ каемся да приобщаемся,
Съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаемся,—
Обступили нашъ Черниговъ три царевича,
Наступаютъ силой трижды сорокъ тысячей“.

Говорить имъ Илья Муромецъ:

„Вы идите-ка на стѣну городовую,

Посмотрите во чисто поле
 На ту силу трижды сорокъ тысячей".
 Шли черниговцы на стѣну городѡвую,
 Со стѣны смотрѣли во чисто поле
 На ту силу трижды сорокъ тысячей:
 Гдѣ стояла сила во чистомъ полѣ,
 Тамъ стоятъ одни знамѣна, да не русскія,
 Много множество знамѣнъ, какъ во темномъ лѣсу,
 Во темномъ лѣсу сухого дерева;
 А народу тамъ прибито да привалено,
 Будто градомъ нива выбита, присѣчена.
 Бьютъ челомъ Ильѣ черниговцы низкомъ-низко:
 „Гой же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
 Ты коей земли, коей орды,
 Коего отца да коей матушки,
 Какъ тебя, удалый, именѣмъ зовутъ?
 Ты иди-ка къ намъ въ Черниговъ воеводоу,
 Ты суди суды надъ нами правильно,
 Будемъ всѣ тебя мы слушати".
 Говоритъ въ отвѣтъ имъ Илья Муромецъ:
 „Не дай Господи съ холопа дѣлать барина,
 Съ барина холопа, съ палача попа,
 Воеводу дѣлати съ богатыря!
 Я изъ той земли, изъ той орды,
 Изъ того изъ города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
 Не хочу ийти къ вамъ воеводоу!
 Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
 Прямоѣзжую во стольный Кіевъ градъ".
 Не хотятъ пускать его черниговцы,
 Насыпаютъ чашу красна золота,
 Насыпаютъ чашу чиста сѣребра,
 Насыпаютъ третью скатна жемчугу,
 Всѣ ему подносятъ во подарочекъ.
 Не беретъ Илья ихъ злата-сѣребра,
 Не беретъ ихъ скатна жемчугу,
 Проситъ указать дорожку прямоѣзжую.
 Говорятъ ему черниговцы:

„Ай же ты, удалый добрый молодець:
 Прямоѣзжая дорожка заколодѣла,
 Заколодѣла дорожка, замуравѣла;
 Какъ по той пути-дороженькѣ
 Тридцать лѣтъ никто пѣхотою не хаживаль,
 На добромъ конѣ никто не ѣзживаль.
 А стоять тамъ три заставушки великія:
 Первая застава ⁽⁴⁴⁾—во лѣсахъ во Брынскіихъ
 Грязь топучая, корба зыбучая;
 А другая—у березы у покляшья,
 У той славной рѣчки у Смородиной, ⁽⁴⁵⁾
 У того креста у Леванидова,
 Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семѣ сукахъ,
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ; ⁽⁴⁶⁾
 Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
 Закричитъ, собака, по-звѣриному—
 Отъ того отъ пѣсвисту солѡвьяго,
 Отъ того отъ пошипу змѣинаго,
 Отъ того отъ покрику звѣринаго
 Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
 А что есть людей—то всѣ мертвы лежать.
 Третья ли заставушка великая—
 Домъ стоитъ у Соловья разбойника
 На семи дубахъ да на семи верстахъ;
 Какъ живетъ тамъ молода жена Солѡвьева
 Со тремя со дочерьми родимыми—
 Мимо не пройти ни конному, ни пѣшему.
 Прямоѣзжей-то дорожкой будетъ триста версть,
 А окольною дорожкой цѣла тысяча“.

Пораздумался удалый Илья Муромецъ;
 „А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
 Вхати дорожкойю окольною;
 Ужъ поѣду-ка дорогой прямоѣзжею“.

Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли—
 Какъ поѣхаль тутъ удалый добрый молодець
 Не окольною дорожкой, прямоѣзжею;—
 Бралъ во ручку плѣточку шелковеньку,

Биль коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Вынуждалъ скакать всей силушкой великою;
 Осержался добрый богатырскій конь,
 Со горы на гору перескакивалъ,
 Со холма да на холмъ перемахивалъ,
 Мелки рѣченьки, озѣрки промежь ногъ спускалъ.
 И привезъ его онъ во лѣса во Брынскіе,
 Ко той первой ко заставушкѣ—
 Ко грязи топучеей, корбѣ зыбучеей;
 Развалились мостики калиновы,
 А и ѣхати имъ больше нѣкуда.
 Соскочилъ удалый со добра коня,
 Лѣвою рукой ведетъ коня на поводѣ,
 Правую рукой дубѣ-колѣдье рветъ,
 Про себя моститъ мосточки дубовые.
 Сѣлъ опять удалый на добра коня,
 Проѣзжаетъ ровно тридцать верстъ,
 Подѣзжаетъ ко другой заставушкѣ—
 Ко березѣ ко покляпоей,
 Ко той славной рѣчкѣ ко Смородиной,
 Ко тому кресту ко Леванидову,—
 Услыхалъ тутъ Соловьино гнѣадышко.
 Скоро онъ срываетъ маковъ листь,
 Затыкаетъ уши въ головѣ,
 Ъдетъ прямо къ Соловьину гнѣздышку.
 Не доѣхалъ до гнѣада онъ за три поприща,
 Отъ далі услышалъ добра мѣлодца
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„А какой невѣжа проѣзжаетъ тутъ
 Мимо моего гнѣада да Соловьинаго?“

Какъ засвищеть онъ по-соловьиному,
 Зашипить да по-змѣиному,
 Закричитъ да по-звѣриному—
 Мать сыра земля продрогнула:—
 Всѣ-то травушки-муравы улетѣлися,
 Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпѣлися,
 Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклонилися,
 Добрый конь Ильюшинъ на колѣна палъ;
 На конѣ сидитъ Ильюша не сворѣхнется,
 На головушкѣ кудѣрышки не стрѣхнутся.

Бралъ опять онъ плёточку шелковеньку,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ахъ ты, волчья сыть, медвѣжья выть!
 Не ходилъ ты развѣ, конь мой, по лѣсу,
 Не слыхалъ ты пѣсвисту соловьяго,
 Не слыхалъ ты пѣшипу змѣйнаго,
 Не слыхалъ ты пѣкрику звѣринаго
 Не видалъ ударовъ богатырскихъ?
 Ты вставай-ка на рѣзвѣ ноги,
 Подвози-ка подъ гнѣздо подъ Соловьиное,
 Подъ того подъ Соловья разбойника!“

Пуще прежняго пустился добрый конь
 Подъ гнѣздо подъ Соловьиное.
 Удивляется разбойникъ, буйну голову
 Изъ гнѣзда изъ своего повѣсунулъ.
 Какъ нарушилъ тутъ Илья завѣты крѣпкіе:
 Вынулъ изъ налучника свой тѣгой лукъ,
 Натянулъ тетивочку шелковеньку,
 Наложилъ стрѣлу калѣную,
 Самъ стрѣлѣ да приговаривалъ:

„Ты лети-ка, стрѣлка, да не въ темный лѣсъ,
 Ты лети-ка, стрѣлка, не въ чисто поле,
 Ты пади-ка Соловью во правый глазъ,
 Вылетай-ка во лѣво ухо!“

Полетѣла стрѣлочка калѣная,
 Пала Соловью разбойнику во правый глазъ,
 Вылетала во лѣво ухо;
 Не убила до смерти разбойника,
 Поразила только, повалила съ ногъ,
 Покатился со гнѣзда онъ, что овсяный снопъ;
 Подхватилъ его Ильюша на бѣлыя руки,
 Налагалъ съ тетивочки шелковенькой
 Петельку ему на буйну голову,
 Пристягнулъ той петелькой ко стремени,
 И повезъ съ собою по чисту полю.
 Сталъ тутъ добрый конь его поскакивать,
 Соловеюшко у стремени поплясывать.

И подѣхалъ онъ ко третьей ко заставушкѣ—
 Ко тому ко дому Соловьиному;

А стоить онъ на семи дубахъ,
 На семи дубахъ да на семи верстахъ.
 Около двора идетъ желѣзный тынъ,
 А на всякой тѣчинкѣ по маковкѣ,
 По головушкѣ по богатырскойей.
 Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева
 Акулина дочь Дудентьевна,
 Какъ живутъ съ ней дѣтушки родимыя:
 Старшая—Невея Соловьевична,
 Средняя—Ненила Соловьевична
 И меньшайя—Пелька Соловьевична.
 Какъ глядятъ тѣ дѣтушки Соловьевы
 Во окошечко косящато,
 Сами говорятъ да таковы слова:

„Ай ты, наша матушка-родителекъ,
 Акулина дочь Дудентьевна!
 Ёдетъ государь нашъ батюшка
 Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ онъ мужичищу-деревенщину
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженьки, а внизъ головушка“.

Прибѣгала Акулина дочь Дудентьевна,
 По поясъ въ окошечко бросалася,
 Закричала жалкимъ голосомъ:

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
 Неразумныя вы дѣтушки!
 Ёдетъ мужичище-деревенщина,
 На добромъ конѣ сидитъ, на богатырскомъ,
 А везетъ-то государя-батюшку
 У булатнаго у стремени прикована,
 Кверху ноженьки, а внизъ головушка.
 Вы бѣгите-ка скорѣе на широкій дворъ,
 Поднимите подворотеньку чугунную,
 Да убейте на проѣздѣ въ воротахъ его,
 Выручите батюшку желаннаго!“

Побѣжали эти дочушки Соловьевы,
 Впереди всѣхъ Пелька Соловьевична:
 Поднимала Пелька подворотеньку,
 Подворотеньку во девяносто пудъ,

„Ай же, глупыя вы дѣтушки,
Перазумныя вы дѣтушки!

Ѣдетъ мужичище-деревенщина,
А везеть-то государя-батюшку...“

Ладила ударить Илью въ буйну голову.
Да была его ухватка богатырская,
Осадилъ Илья назадъ добра коня,
Пролетѣла мимо подворотенька.
Пнулъ еще ногою дѣвку подъ спину—
Улетѣла дѣвка за широкій дворъ,
Нажилà себѣ увѣчье вѣковѣчное. (47)

Закричалъ тутъ дѣткамъ во всю голову
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ:

„Ай же глупыя вы дѣтушки,
Неразумныя вы дѣтушки!
Подворотней ли убить вамъ мѡлодца,
Коли самъ я свистомъ не сразилъ его?
Вы зовите мѡлодца въ гостѣбище,
Вы дарите мѡлодца подарками,
Выкупайте батюшку желаннаго“.

Стали звать онѣ Илью въ гостѣбище,
Выносили цѣнныя подарочки,
Золотой казны даютъ ему три тысящи—
Не беретъ Илюшенька трехъ тысящей;
Обѣщаютъ тридцать тысящей—
Не беретъ и тридцати онѣ тысящей:

„Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно,
И не выдамъ вамъ я батюшки-разбойника;
Я свезу его во Кіевъ градъ,
На вино пропью да на калачъ проѣмъ“.

„Ай же ты, удалый добрый мѡлодецъ!
Ты бери съ насъ злата-сѣребра,
Ты бери съ насъ скатна жемчугу,
Сколько сможетъ увезти твой добрый конь,
Сколько самъ снесешь на плечахъ богатырскіихъ;
Только намъ оставь кормильца-батюшку,
Хоть не ради прокормленьица,
Хоть бы ради поглядѣньица“.

Говорить Илья имъ таковы слова:

„Ай вы, малы дѣтушки Соловьевы!
Не оставляю и на поглядѣньице.
Поѣзжайте-ка за мною на прощеньице:
Покладите все имѣніе-богачество,
Всю несчѣтну золоту казну

На телѣги на ордѣнскія,
 Да катите къ славну стольну Кіеву,
 Къ ласковому князю ко Владиміру:
 Можегь, тамъ вамъ и отдамъ кормильца-батюшку“.

Самъ поѣхаль къ славну стольну Кіеву,
 Поспѣваль къ обѣденькѣ ко позднейей.
 Входитъ онъ во славный Божій храмъ,
 Крестъ кладѣтъ да по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-учѣному,
 Всѣмъ святымъ иконамъ поклоняется:

„Не исполниль я завѣта Божьяго,
 Окровавиль руки въ челоуѣчью кровь:
 Надо бы служить во храмъ Богу молебень“.

Отстоявши позднюю обѣденьку,
 Ёдетъ ко палатамъ княженецкімъ,
 Пріѣзжалъ на княженецкій дворъ,
 Привязаль коня ко столбику точѣному,
 Ко тому колечку золочѣному,
 Дверь въ палаты на-пяту размахиваль,
 Заходилъ во гридню княженецкую,
 Кладъ тутъ крестъ да по-писаному,
 Вель поклоны по-учѣному,
 На четыре на сторонки низко кланялся,
 Князю солнышку съ княгинею въ особину,
 Всѣмъ еще князьямъ его да подколѣннымъ.
 Говоритъ ему Владиміръ стольно-кіевскій:

„Здравствуешь, удалый добрый молодець!
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажись, зовуть по имени,
 Нарекають по отечеству?“

Отвѣчаетъ добрый молодець:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
 Я изъ славна города изъ Мурома,
 Изъ того села изъ Карачарова,
 Святорусскій богатырь, крестьянскій сынъ,
 Илья Муромецъ да сынъ Ивановичь!“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты Илья Муромецъ Ивановичь!
 А давно ль ты выѣхаль изъ Мурома,
 А какой дорожкой ѣхаль ты во Кіевъ градъ?“

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Я стоялъ заутреню во Муромѣ,
Положилъ завѣты крѣпкіе:
Въ Кіевъ градъ проѣхать въ полтора часа
Межъ обѣдной ранней и заутреней,
Поспѣвать къ обѣду княженецкому.
Да дорожкой дѣло призамѣшкалось:
Ѣхаль я дорожкой прямоѣзжею,
Мимо славна города Чернигова,
Ѣхаль ли еще лѣсами Брынскими,
Мимо той березыньки покляпья,
Мимо славной рѣченьки Смородиной,
Мимо славнаго креста да Леванидова;
Лишь поспѣлъ къ обѣденькѣ ко позднеей“.

Какъ сидѣлъ Алеша тутъ Поповскій сынъ,
Говоритъ Алешенька Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко Владиміръ князь!
Во глазахъ дѣтина замирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужъ ему ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
У того у города Чернигова
Силы нагнано чернѣмъ-черно:
Сѣру заюшкѣ въ три года вкругъ не обскакать,
Ясну соколу въ три года да не облетѣть.
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая,
Грязь топучая, корба зыбучая;
А у той березы у покляпья,
У той славной рѣчки у Смородиной,
У того креста у Леванидова
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семь сукахъ,
Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ;
Какъ засвищеть оцъ по-соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному,
Закричитъ, собака, по-звѣриному—
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыщаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей, то всѣ мертвы лежать“.

Говоритъ удалый Илья Муромецъ:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ:
Выбилъ я ему, злодѣю, правый глазъ,
Приковаль его ко стремячку булатному“.

Какъ тутъ солнышко Владиміръ столько-кіевскій
Возставаль скорѣнько на рѣзвѣ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Соболю шапочку да на одно ушко,
Выходилъ съ княгиней на широкой дворъ
Посмотрѣть на Соловья разбойника;
Какъ тутъ пометались всѣ князья да бояре,
Покидались всѣ могучіе богатыри:
Богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Богатырь Суханъ Домантьевичъ,
Богатырь Добрынюшка Никитичъ младъ,
Богатырь Алешенька Поповскій сынъ,
Съ ними семь братовъ Сбродовичей,
Два еще братъ Хапилова,
Да еще ли мужики Залѣшане—
Выбѣгали всѣ за княземъ на широкой дворъ,
Подбѣгали къ Соловью разбойнику.
А разбойничекъ висить у стремена,
Травянымъ мѣшкомъ висить, согнутъ корчагою,
Лѣвымъ глазомъ-то глядитъ на Кіевъ градъ,
Правымъ глазомъ, что подстрѣленъ, на Черниговъ градъ.

Говорить ему Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Засвищи-ка ты по-соловьиному,
Зашипи-ка по-змѣиному,
Закричи-ка по-звѣриному.
Пусть потѣшатся мои князья да бояре,
Пусть услышатъ всѣ могучіе богатыри“.
Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Не у васъ сегодня хлѣба кушаю,
Такъ не васъ сегодня и послушаю!
Я сегодня кушалъ у Ильи у Муромца,
Одного Илюшу и послушаю“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
„Ай ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты разбойнику

Засвистать по-соловьиному,
 Зашипѣть да по-змѣиному,
 Закричать да по-звѣриному“.

Говорить удалый Илья Муромецъ:

„Ужъ ты гой еси, нашъ батюшка Владиміръ князь!
 Не во гнѣвъ бы вамъ съ княгиней показалось:
 Я тебя ли, батюшку, возьму подъ пазушку,
 Подъ другой прикрою матушку княгинюшку.
 Ай ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
 Ужъ потѣшь-ка князя батюшку,
 Засвищи-ка да полѹ-свистомъ,
 Зашипни-ка да полѹ-шипомъ,
 Закричи-ка да полѹ-крикомъ“.

Отвѣчаетъ Соловей Рахмановичъ:

„Ай ты, славный Илья Муромецъ!
 Какъ не ходить у меня уста сахарныя,
 Запеклись горячей кровью, запечатаны:
 Ты стрѣлилъ меня во правый глазъ,
 Выходила стрѣлка во лѣвѹ ухо.
 Прикажи-ка князю солнышку
 Чару мнѣ налить да зеленѹ вина,
 Какъ повыпью зеленѹ вина,
 Тутъ мои кровавы раны поразбѣдутся,
 Тутъ мои уста сахарны порасходятся,
 Засвищу я вамъ тогда по-соловьиному,
 Зашиплю вамъ по-змѣиному,
 Закричу вамъ по-звѣриному“.

Говорить Илья князю Владиміру:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Ты поди-ка въ горенку столовую,
 Наливай-ка чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводи ее медами да стоялыми,
 Подноси да Соловью разбойнику“.

Скоро князь Владиміръ стольно-кѣвскій
 Шель во горенку столовую,
 Налилъ чару зеленѹ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медами да стоялыми,
 Подносилъ собакѣ Соловью разбойнику.

Принялъ чару Соловей одной рукой,
 Выпилъ чару за единый вздохъ,
 Да отъ той отъ чары ли собаку хмель зашибъ,—
 Не послушался наказа онъ Ильюшина:
 Засвисталъ во весь во соловьиный свистъ,
 Зашипѣлъ во весь змѣиный шипъ,
 Закричалъ во весь звѣриный крикъ.
 Отъ того отъ пѣсвиста солдѣваго,
 Отъ того отъ пѣшипу змѣинаго,
 Отъ того отъ пѣкрику звѣринаго
 Маковки на теремахъ покрѣвились,
 Стеклышки въ оконницахъ полѣпались,
 Со двора всѣ кѣни разбѣжались,
 Всѣ князя со бѣярами пали зѣмертво,
 Всѣ могучіе богѣтыри припадали,
 Окаракой пѣ двору распѣзались,
 Самъ Владиміръ князь съ княгинею
 Еле живъ стоитъ, шатается,
 У Ильи подъ пазушкою укрывается:
 „Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Ты уйми-ка Соловья разбойника,
 Чтобы не свисталъ по-соловьиному,
 Князей-бѣяровъ оставилъ мнѣ на сѣмена!“
 Какъ катятъ тутъ дѣтушки Солдѣевы
 На широкій княженецкій дворъ
 Много-множество телѣгъ ордѣнскихъ.
 На имѣніе-богачество Солдѣево
 Солнышко Владиміръ князь обзѣрился.
 Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
 „Ай ты, солнышко Владиміръ князі!
 Не тобой они приказаны,
 Не тобой же и назадъ отпустятся!—
 Гой вы, малы дѣтушки Солдѣевы!
 Вы катите-ка опять назадъ къ себѣ
 Все свое имѣніе-богачество,
 Всю несчѣтну золоту казну:
 Не видать ужъ вамъ кормильца-батюшки;
 Вамъ не надо пѣ міру скитатися,
 Будетъ чѣмъ до смерти пропитатися,
 Обойдется и безъ кормильца-батюшки“ .

Покатили дѣтушки Солдѣевы
Все имѣніе-богачество—заплакали.

Говорить Илья разбойнику:

„Ай ты Соловей разбойникъ сынъ Рахмановичъ!
Я велѣлъ тебѣ свистать полу-свистомъ:
Ты почто свисталь во весь во соловьиный свистъ?“

Какъ отдернетъ онъ разбойника отъ стремени,
Выводилъ за ручки во чисто поле,
Ко сырѣ дубу привязываль,
Тѣгой лукъ разрывчатый натягиваль,
Стрѣлочку калѣную накладываль
И стрѣлилъ ему во бѣлу грудь,
Раздробилъ злодѣю бѣлу грудь,
Говорилъ самъ таковыя слова:

„Полно же тебѣ свистать по-соловьиному,
Полно же тебѣ шипѣть да по-змѣиному,
Полно же тебѣ кричать да по-звѣриному,
Полно же тебѣ слезить отцовъ и матерей,
Полно же тебѣ вдовить молѣдушекъ,
Полно же тебѣ сирѣтать малыхъ дѣтушекъ!“

И спрогѣворилъ Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имечко по-новому:
Будь ты первый богатырь во Кіевѣ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кіевѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ до вѣку!“

И пошли они къ обѣду княженецкому.

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Гой еси ты, первый богатырь нашъ кѣвскій,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Первое мѣсто—въ рядѣ со мной садись,
Друго мѣсто—въ рядѣ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь.“

Заходилъ Илья съ окѣнничка,
Пожаль всѣхъ князей да бояровъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей:
Очутился противъ самага Владиміра.

Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
 Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
 Кинулъ во Илью во Муромца;
 На лету поймалъ Илья булатный ножъ,
 Да воткнулъ его въ дубовый столъ.

Говорить Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 Держимъ всѣ мы на тебя надѣжу крѣпкую:
 Ужъ прими-ка ты меня, Добрынюшку,
 А со мной и моего ли братца мѣньшаго,
 Смѣлаго Алешеньку Поповича,
 Во свои во братья во крестовые;
 Будешь ты, Илья, намъ братцемъ бѣльшимъ,
 Я, Добрыня, буду братцемъ среднимъ,
 А Алеша—братцемъ меньшимъ“.

Говорить ему Алешенька Поповичъ младъ:

„Во своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка,
 Во своемъ ли, братецъ мой, во разумѣ?
 Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
 Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
 А ему никто не знаетъ роду-племени,
 Принесло его ни вѣсть откуда,
 Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Муромъ,
 Да чудить у насъ во Кіевѣ, уродствуеть“.

Быль тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
 Говорить Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:

„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
 Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
 На Алешку больно ты не гнѣвайся:
 Роду онъ поповскаго, захлыщева,
 И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянь,
 Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
 Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
 Самъ доселѣ слылъ ты старшимъ богатыремъ,
 А теперъ кого въ племянники пожаловалъ,
 Надъ собою наибольшимъ кого призналъ?
 Деревеньщину, засельщину!

Говорить Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатыя,
Пѣть про времена про стародавнія.
Вынимай-ка гусельцы звончатыя,
Поналадь-ка струнки золочёныя,
Выбирай-ка сыгрыши хорóшеньки,
Спой Алешѣ на послушанье старинушку
Про того про деревенскаго богатыря,
Про Микулу Селянинова“. (48)

Вынималъ Добрыня гусельцы звончатыя,
Сталь шелкóвья тетивочи потягивать,
Золочёны струночки подлаживать,
Учалъ по тѣмъ струночкамъ похаживать,
Учалъ-почалъ голосомъ поваживать;
Выигрышъ беретъ со матушки святой Руси—
Про того Микулу Селянинова,
А напѣвки все свои, Добрынины.

БЫЛИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Микула Селяниновичъ.

„Ой вы, люди мои, люди добрые!
Я скажу вамъ старину стародавнюю:
„Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Народился младъ Вольгѣ Всеславьевичъ.
Сталь Вольгѣ ростѣть-матерѣть,
Обучался Вольгѣ многимъ мудростямъ:
Щукой-рыбою ходить во синіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подѣ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыихъ поляхъ.
Уходили всѣ рыбушки въ глубокия страны,
Улетали всѣ птичюшки за оболока
Убѣгали всѣ звѣрюшки во тѣмные лѣса.
Сталь онъ, Вольгѣ, ростѣть-матерѣть,
Подбиралъ себѣ дружиниушку хордбрую,
Свѣрстныхъ себѣ волосомъ да голосомъ,
Рѣчью, пословицей, походкою,
Всей поступочкою молодецкою,
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ-то Вольгѣ былъ во тридцатыхъ.
„Какъ не стали мужики тутъ со двухъ городовъ:
Съ славна Гурчевца да со Орѣховца,
Деней-пошлинѣ платитъ во Кіевъ градъ,—

Молодой Вольга Всеславьевичъ
Со дружинишкой хоробрю справляется;
За получкой къ городамъ тѣмъ снаряжается!
Все берутъ они жеребчиковъ молоденькихъ,
Все молоденькихъ берутъ да темнокарихъ.
„Вотъ поѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Выѣжали во раздольице чисто поле,
Услыхали во чистомъ полѣ оратая:
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣдутъ мѡлодцы впередъ до оратая,
Ѣдутъ день они съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Другой день они ѣдутъ до оратая,
Другой день съ утра до вечера,
А не могутъ до оратая доѣхати.
Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
А омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Третій день они ѣдутъ до оратая,
Третій день идетъ ко полудню—
Только тутъ оратая наѣхали.
Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
На кобылушку свою погукиваетъ,
Съ края въ край бороздки помѣтываетъ,
Въ край уѣдетъ—и другого не видать,
Изъ земли дубья-колоды вывѣртываетъ,
А великіе каменья всѣ въ борозду валить;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ жѣмчугомъ по плѣчамъ разсыпаются.
У оратая кобылка-то солѡвая,
На кобылкѣ гужики шелковныя,
Хвостъ-отъ до земли растилается,
Грива колесомъ завивается.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста сѣребра,

На омѣшикахъ присошекъ красна золота,
 „Говорить Вольга таковы слова:
 „—Богъ тебѣ помочь, оратаюшко?
 Что орать ли, пахать да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки помѣтывати!—
 „Говорить оратай таковы слова:
 „—Да поди-ка ты, Вольга Всеславьевичъ!
 Надо Божью помочь намъ крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки помѣтывати.
 Самъ далече-ль ѣдешь, куда путь держишь
 Со своею со дружинушкой хоробрю?—
 „Говорить Вольга таковы слова:
 „—Вду съ града Кіева ко двумъ городамъ:
 Къ славну Гурчевцу да ко Орѣховцу:
 Не хотятъ мужики даней-пошлинъ платить.—
 „—Ай ты, младъ Вольга Всеславьевичъ!
 Въ томъ Гурчевцѣ да во Орѣховцѣ
 Мужики-то живутъ все разбойники:
 Я недавно былъ тамъ—третьёго дни,
 Закупилъ себѣ соли цѣлыхъ трѣ мѣха,
 А и въ каждомъ мѣху было по сту пудъ,
 Положилъ на кобылку на соловую,
 На кобылку на солову *Обнеси-Голова*,
 Самъ я, млодець, садился—ровно сорокъ пудъ,
 И поѣхалъ по Гурчевцу-Орѣховцу.
 Какъ тутъ стали мужики меня захватывать,
 Тѣ разбойники гурчевцы-орѣховцы,
 Стали грѣшей подорожныхъ съ меня просить.
 Сталъ я грѣшей подорожныхъ мужикамъ дѣлить;
 Да чѣмъ меньше грѣшей стало ставиться,
 Тѣмъ просителей все больше стало ставиться.
 А я былъ съ шалыгой подорожною,
 Сталъ дѣлить имъ грѣшей подорожныхъ:
 Да кой стоя стоялъ, тотъ и сидя сидитъ,
 А кой сидя сидѣлъ, тотъ и лёжа лежитъ—
 Положилъ ихъ, разбойниковъ, до тысячи.—
 „—Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Поѣзжай-ка ты со мною во товарищахъ.—
 „Собрался съ нимъ оратай во товарищахъ,
 Съ сошки гужики шелковеньки повѣстегнулъ,

Сошку съ земельки повърнуль,
Изъ омѣшковъ земельку повъртнуль,

Подхватилъ да махнуль въ ракитовъ кустъ —
Удегѣла сошка подъ оболока....

Да кобылку солдовеньку повывернулъ,
Самъ садился на кобылку солдовеньку;
Всѣ посѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

„Говорить оратай таковы слова:

„—Ай же ты, Вольга Всеславьевичъ!
А оставилъ я вѣдь сошку въ бородочкѣ;
Да не для-рати прохожаго-проѣзжаго:
Маломожный наѣдетъ—не управится;
А богатый наѣдетъ—не позарится,
Не наѣхалъ бы на сошку свой братъ мужикъ:
Онъ какъ сошку съ земельки то повѣдёрнетъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнетъ,
Да изъ сошки омѣшики повѣколнетъ—
Нечѣмъ будетъ самому мнѣ крестьянствовать.

Ужъ пошли-ка ты дружинушку хоробрю,
Чтобы сошку съ земельки повѣдёрнули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за рахитовъ кустъ.—

Посылаетъ Вольга Всеславьевичъ

Со своей со дружинушки хоробрю
Трехъ самолучшихъ добрыхъ мѣлодцевъ,
Чтобы сошку съ земельки повѣдёрнули,
Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнули,
Бросили бы сошку за рахитовъ кустъ.

Ѣдутъ къ сошкѣ три могучихъ мѣлодца,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
А не могутъ сошки съ земли поднять.

Посылаетъ Вольга десять мѣлодцевъ—
Ѣдутъ къ сошкѣ цѣлымъ десяточкомъ,
За рогачъ они сошку вокругъ вертѣтъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя.

Посылаетъ всю дружинушку хоробрю,
Тридцать мѣлодцевъ безъ единаго—
Ѣдутъ къ сошкѣ всѣ тридцать безъ единаго,
За рогачъ берутъ сошку, вокругъ вертѣтъ,
Отъ земельки сошки все поднять нельзя.

Говорить оратай таковы слова:

„—Ай ты, младъ Вольга, княженецкій сынъ!
Не дружинушка у тебя хоробрю,
А немудрая у тебя одна хлѣбоясть.—

„Самъ подѣхалъ къ сошкѣ оратаюшко,
 За рогачъ бралъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повѣдёрнулъ,
 Изъ омѣшиковъ земельку повѣтряхнулъ,
 Подхватилъ да махнулъ въ ракитовъ кустъ—
 Улетѣла сошка подъ оболока,
 Пала сошка на земь за ракитовъ кустъ,
 Во сырѹ землю до рогача ушла. (49)
 Сѣли на коней опять, поѣхали.

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко! ●

Мы поѣдемъ-ка съ тобой въ запуски.—

„У оратая кобылка ступкомъ идетъ,

У Вольги-то конь побѣгиваетъ;

У оратая кобылка рысью идетъ,

У Вольги-то поскакиваетъ;

У оратая кобылка грудью пошла,

А Вольгинъ-то конь и гнаться не могъ.

Сталъ Вольгѣ оратаю покрикивати,

Сталъ Вольгѣ колпакомъ помахивати:

„—Стой-ка ты, постой, оратаюшко!

Кабы эта кобылка конёмъ была,

За коня бы я далъ пятьсотъ рублей.—

„Говорить въ отвѣтъ оратаюшко:

„Глупый ты, Вольгѣ, неразумный Вольгѣ!—

И кобылку взялъ жеребёночкомъ,

Одиолѣткомъ-жеребёночкомъ съ-подъ-матушки,

Далъ за жеребёночка пятьсотъ рублей,

А теперь цѣна кобылкѣ цѣла тысяча.

Кабы эта кобылка да конёмъ была,

Этому коню бы смѣты не было.—

„Говорить Вольгѣ Всеславьевичъ:

„—Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Какъ тебя, скажись-ка, именёмъ зовуть,

Какъ величаютъ по отечеству?—

„Ай, ты, младъ Вольгѣ Всеславьевичъ!

И какъ ржи напашу да въ скірды сложу,

Въ скірды сложу, съ поля вѣволочу,

Съ поля вѣволочу, дома вѣволочу,

Драни надеру да пива накурю,

Пива накурю да гостей заберу,—
 Стануть гости пить, стануть кушати,
 Стануть здравствовать меня да похваливати:
 „Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!“ —
 „Вхали впередь добры мѡлодцы,
 Подъѣзжали подь Гурчевець Орѣховець,
 Да наѣхали на драку, на великій бой. (50)
 Мужики-то эти гурчевцы-орѣховцы
 Отъ далѣ узнали добрыхъ мѡлодцевъ,
 А и были же злодѣи тутъ догадливы:
 На той рѣченькѣ ли да на быстрой
 Понадѣлали мосточиковъ поддѣльныхъ.
 Молодой Вольга самъ догадливъ былъ:
 Посылалъ на мосточки впередь себя
 Эту силушку—дружинушку хоробрюю.
 Какъ зашла эта силушка великая
 Да на тѣ на мосточки поддѣльные,
 Подломилися мосточки поддѣльные,
 Стала сила въ рѣченькѣ тонуть да гинуть.
 Какъ тутъ младъ Вольга со Микулушкой
 Поразсѣрдилися да поразгнѣвалися,
 Приправляли за рѣченьку добрыхъ коней,
 Однимъ скокомъ скочили на тотъ бережокъ,
 Стали-почали злодѣевъ чествовати,
 Чествовати да жаловати,
 Оплетыми ихъ дѡ-люби нахлыстывати:
 „—А и вотъ же вамъ, ребята, за дурачество!—
 „Какъ клянутся тугъ ребята, заклинаются:
 „—Трое проклять будетъ на вѣку изъ насъ,
 Кто еще съ такими мѡлодцами свяжется,
 Заведеть съ вами драку, великій бой!—
 „Стали вокругъ ихъ ходить, оглядывати,
 Промежду собою да приговаривати:
 „—А вѣдь этотъ-то ребята, и третьѣго дни былъ,
 И третьѣго дни былъ, насъ, мужиковъ, побилъ!
 „Собиралися ребята, извинилися,
 Понизѣнько мѡлодцамъ поклонялися:
 „—Ужъ вы гой еси, удѡлы мѡлодцы;
 Получайте-ка всѣ дани съ насъ, невыплаты.—
 „Бралъ Вольга съ нихъ дани-невыплаты,

Со Микулой скоро поворотъ держаль,
 Поворотъ держаль во стольный Кіевъ градъ.
 Тѣмъ поѣздка эта и рѣшилася.

„А и то старина, то и дѣянье!“

* *
 * *

Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
 Положилъ на лавку гусельцы звончатыя,
 Воспроговорилъ Владиміръ стольно кіевскій:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!

Пилъ допрѣжь ты чарочку заздравную,
 А теперь повыпей-ка забавную,
 Во-первѣхъ за то, что распотѣшилъ насъ,
 Во-другихъ за то, что ко стыду привелъ
 Смѣлаго Алешеньку Поповича:
 Во скамѣ сидитъ Алешка, не сворѣхнется,
 Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ.“

Наливаль Добрыня чару зеленѣ вина,
 Да не малую стопу—во полтора ведра,
 Разводилъ ее медкомъ стоялымъ,
 Возымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару за единыйъ вздохъ.

Говоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ

А не тѣмъ лишь та поѣздка кончилася:
 Какъ Вольга во Кіевъ градъ ворѣчался,
 Тутъ Микула, слышно, зазывалъ Вольгу
 Въ домъ свой во гостѣбище почѣстное.
 Какъ пріѣхали къ посельицу Микулину,
 Выводили въ стрѣту имъ три дѣвицы,
 Славныя три дочери Микулины,
 Поленицы молодыя все, удалыя,
 Всѣ въ родителя и силою, и мудростью:
 Старша—Василиса дочь Микулична,
 Средняя—Марія дочь Микулична
 И меньша—Настасья дочь Микулична,
 Принимали гостя съ честию-почестию...“
 Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!

Полениць удалыхъ и забыль какъ разъ!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу мѡлебень,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за патять молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми же грошѣми подорожными—
Шелепугой подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что поумнѣе, старшая,
Василиса дочь Микулична,
За Ставра Годинова замуужъ пошла,
Во Черниговѣ за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуеть;
Всѣхъ сумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владимѣра-то князя и съ ума свела;
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сѣстры у нея еще на вѣданьѣ,
Обѣ поленицы же удалыя,
Во раздольицѣ чистомъ полѣ полякують;
Вы сѣдлайте-ка скорѣи добрыхъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ большимъ,
Съ первымъ ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чисто поле,
Во чистомъ полѣ порыскайте, покликайте—
Можетъ, выкличите полениць удалыхъ;
Тутъ побить ихъ во бою вамъ, добрымъ мѡлодцамъ,
Уже дѣло не великое—последнее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того вѣдь и замуужъ идетъ.
Прямо въ церковь Божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ ли и за свадебку!
Только бѣде, какъ Ставра Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!“
Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:
„Старому жениться—не ко младости,
Вѣкъ съ бабой бабиться—не къ радости.
Да не биться мнѣ и съ родомъ со Микулинымъ:
Любить мать сыра земля его.
А случить нелегкая посяхаться .

Съ поленицею удалой во чистомъ полѣ—
 Изъ сѣдла собью дѣвчину на сырѹ землю,
 Коли взмолится—спущу во живности,
 Заупрамится—предамъ и смерти скороей.
 Да не дай мнѣ, Боже, биться съ бабою,
 Дай мнѣ поединщиковъ-богатырей,
 Супротивъ меня могучихъ супротивниковъ!
 Тутъ какъ самъ Господь положить на душу:
 Либо силушки другъ у друга отвѣдаемъ,
 Либо же крестами побратаемъ“.

А Алеша все не унимается,
 Говорить Ильѣ, самъ усмѣхается:

„Коль наѣдетъ мужика Микулушка,
 Своего же брата гурчевца-орѣховца—
 Силушку надъ мужикомъ извѣдаетъ,
 Нахлыстаетъ шелепугой до-люби;
 А наѣдетъ сильнаго богатыря,
 Такъ вѣрнѣ побрататься съ нимъ“.

Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же, смѣлый ты Алешенька Поповичъ младъ!
 Любо всякому могучему богатырю
 По чистѹ полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладывать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ,
 За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
 Да не честь же, не хвала богатырю,
 Для радѣ утѣхи молодецкія,
 Пролить безвинну человѣчью кровь,
 Обездоливать семейку богатырскую,
 Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
 А мужикъ Микула Селяниновичъ
 И не тянется за славой за богатырскою:
 Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
 Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
 Напасаеъ хлѣбушка на всю святую Русь—
 И на насъ съ тобой, могучіихъ богатырей;
 Всю земную тягу, во поту лицу,
 Носить онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,

А земную тягу на плечахъ носить
Не подь силу и сильнѣйшему богатырю.
Ты чего, насмѣшникъ, усмѣхаешься?
Знать, забылъ про сумочку Микулину?
Не длинна старинка, да тяжка, вѣска,
Какъ та мала сумочка Микулина.
Ужъ сыграю-ка еще старинку чудную
Всѣмъ вамъ, добрымъ людямъ, на потѣшенье,
А тебѣ, Алешѣ, на утѣшенье“.

Бралъ опять онъ гусельцы звончатыя,
Заводилъ старинку чудную
Про ту малу сумочку Микулину.

БЫЛИНА
ДВѢНАДЦАТАЯ.

Святогоръ.

„На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ ⁽⁸¹⁾ сидѣлъ,
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
Не носила его мать сыра земля.
Захотѣлося разъ богатырю
Погулять во раздольицѣ чистомъ полѣ—
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ въ путь-дороженьку.
Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго изъ виду вонъ,
На бѣлыя руки опять подхватываетъ:
„—Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небеси кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!—
„Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра мѣлодца пѣхотою идучи;
За плечами у добра мѣлодца

Была малая сумочка перемётная.
 Какъ припустить скакать онъ добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Добрый мѡлодецъ идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихою вольготою—
 Добрый мѡлодецъ впередъ не наступываетъ.

„И окликнулъ Святогоръ добра мѡлодца:

„—Гой еси ты, прохожій добрый мѡлодецъ!
 Ты постой-ка, постой немножечко.
 Какъ скакать припущу добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Ты идешь впередъ пѣхотою,
 Не нагнать тебя коню богатырскому;
 Какъ поѣду тихою вольготою—
 Ты идешь, впередъ не наступываешь.—

„Обождаль его прохожій добрый мѡлодецъ,
 Полагаль со плечъ со могучихъ
 Наземъ малую сумочку переметную.
 Говорить Святогоръ добру мѡлодцу:

— А скажи-ка мнѣ, добрый мѡлодецъ,
 У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?

„Отвѣчаетъ ему добрый мѡлодецъ:

„— Ай же, славный ты великанъ-богатырь!
 Попытайся-ка взять мою ношицу
 На свои на плечи на могучія,
 Побѣжать съ ней по раздольицу чисту полю.—

„Опущался славный великанъ-богатырь
 Со добра коня къ малой сумочкѣ,
 Принимался за малую сумочку;
 Принимался сперва однимъ перстомъ—
 Эта малая сумочка переметная
 На сырѡй землѣ не сворѡхнется.
 Принимался тогда одной рукой—
 Эта сумочка все не сворѡхнется.
 Ухватилъ обѣими ручками—
 Все-то съ мѣста она не сворѡхнется.
 Принимался всею силою великою,
 Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
 Къ этой малой сумочкѣ переметной,

Захватилъ всею силою великою—
 Во сырѹ землю угрязнулъ по колѣночки,
 По бѣлѹ лицу не слѣзы—кровь течеть.
 Уходилося сердце молодецкое,
 Только малый духъ подпустить успѣлъ
 Подъ ту малую сумочку переметную,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„—Не вадымаль такой ноши я ътъ роду!
 Много силы во мнѣ, а не подѣ силу.

Чтѣ во сумочкѣ твоей понакладано?

Кто ты самъ есть, удалый добрый молодець,
 Какъ зовуть тебя именемъ, отечествомъ?—

„Отвѣчаетъ удалый добрый молодець:

„—Въ моей малой сумочкѣ переметной
 Вся земная тяга понагружена,
 А я самъ—Микула Селяниновичъ“.

* * *

На скамью кладеть Добрынюшка гусѣлышки,
 Говорить самъ таковѣ слова:

„Гдѣ угрязнулъ Святогоръ въ сырѹ землю,
 Тутъ, какъ бають, онъ и встать не могъ,
 Тутъ былѣ ему и представленіе:

Наказаль Господь за похвальбу великую!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„А неправильно же бають такъ.

Ко Святымъ Горамъ онъ поворотъ держаль,
 И понынѣ на Святыхъ Горахъ живеть,
 Да не смѣеть долу опущатися,
 Развѣзжаетъ лишъ по щелейкамъ по каменнымъ“.

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Гой ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Кто же правъ изъ нихъ, кто облыгаетъ насъ:
 Старый ли Бермята сынъ Васильевичъ
 Или молодой Добрынюшка?

Не пошлешь ли ты кого къ Святымъ Горамъ
 Правду-истину извѣдати,
 Святогора попровѣдати?

Ужъ пошли-ка перваго богатыря,

Стараго удала Илью Муромца:
Тутъ они, какъ Богъ положить на душу,
Либо силушки другъ у друга отвѣдаютъ,
Либо же крестами побратаются“.

Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвы ноги,
Выходилъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Воспрогдворилъ да таковы слова:

„Гой еси ты, батюшка Владиміръ князь!
Вѣрно слово молвилъ младъ Алешенька:
Соизволь мнѣ съѣздить ко Святымъ Горамъ;
Не довлѣетъ сильному богатырю
На покоѣ дома жить, животь кормить“.

Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Поѣзжай же ко Святымъ Горамъ,
Да бери себѣ въ товарищи любимые
Изо всѣхъ богатырей здѣсь самолучшаго“.

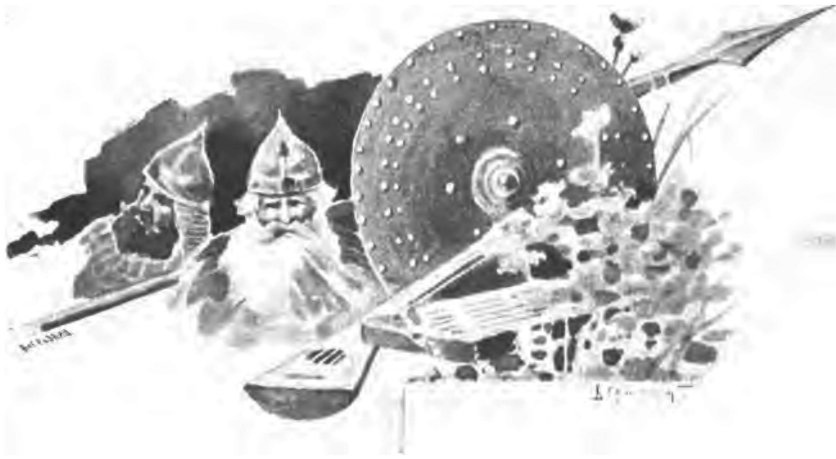
Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Снаряжайся-ка во путь-дороженьку,
Поѣзжай со мною во товарищахъ:
На лугахъ на тѣхъ на Леванидовыхъ,
У креста того у Леванидова,
Мы съ тобою побратаемся,
Золочеными крестами помѣняемся,
Да отъ рѣзтани, два братица названыхъ,
Учинимъ поѣздку богатырскую“.

Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:

„По пути-то только, братцы, не забыть бы вамъ
Понавѣдаться къ попамъ соборнымъ,
Заказать впередъ двѣ службы свадебны,
Чтобы послѣ дѣло не замѣшчалось,
Какъ съ чиста поля вернѣтесъ съ поленицами,
Со Микуличнами ко злату вѣнцу“.

Ничего на рѣчь ту старый не отвѣтствовалъ,
Выходилъ съ Добрынею изъ гридни вонъ.
Съ пиру всѣ домой тутъ убираются.
Тѣмъ и пиръ, и старина кончаются.

БЫЛИНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ и Настасья Микулична.

Какъ не солнышко надъ градомъ Кіевомъ
Восходило выше облака ходячаго,
Не Двѣпра-рѣка изъ береговъ крутыхъ
Выступала, разливалася—
Выходили-выступали старъ и младъ
Посмотрѣть на ту поѣздку богатырскую:
Снаряжались въ поле, собиралися
Два моугчихъ русскіихъ богатыря:
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
Да матѣрый, старый Илья Муромецъ.
Что ясѣнь соколъ удалъ Добрынюшка:
Погубиль-побиль онъ змѣище Горынчище;
Илья Муромецъ того удалѣ:
Погубиль-побиль онъ Соловья разбойника;
А и нѣтъ обоимъ равныхъ на сушѣ,
Нѣтъ обоимъ супротивниковъ и на морѣ.
Какъ подъѣхали къ лугамъ ко Леванидовымъ,
Ко тому кресту ко Леванидову,
На коняхъ тутъ трѣ раза обнялися,
Трѣ раза поцѣловалися,
Золочѣными крестами побраталися,

Стали звать другъ дружку братьями крестовыми.

И поѣхали могучіе богатыри,
 Два крестовыхъ братца да названнихъ,
 По чисту полю дорожкой пробойною;
 Ъздыть вмѣстѣ по чисту полю,
 Ъздыть черезъ горушки высокія,
 Ъздыть черезъ рѣчушки глубокія,
 Ъздыть по лѣсамъ непроходимымъ;
 День проѣздили, другой и третій день,
 А и нѣтъ имъ супротивника въ чистомъ полѣ,
 Нѣтъ поборника по берегамъ крутымъ,
 Нѣтъ повольника да во темныхъ лѣсахъ.

Наѣзжаютъ тутъ они бродучій слѣдъ,
 Ископытъ да лошадиную:

Взя земля изрыта, проворочена,
 Полны рытвины-колодцы ключевой воды.

Говоритъ Добрынь старый Илья Муромецъ:

„Молодой ты братецъ мой Добрынюшка!

Видно, ископытъ-то богатырская.

Да охота хотъ съ богатыремъ посѣѣхаться,

Не охота въ сторону сворачивать:

Путь мой все впередъ лежитъ, къ Святымъ Горамъ.

Поѣзжай-ка ты одинъ вослѣдъ богатырю,

А во Кіевѣ ужъ со тобою свидимся“.

Распростилися богатыри, разѣѣхались:

Старый ѣдетъ далѣ ко Святымъ Горамъ,

Младъ Добрыня—ископытю лошадиную.

Ѣдетъ день Добрынюшка, другой и третій день,

Нагоняетъ во чистомъ полѣ богатыря.

А сидитъ богатырь на добромъ конѣ,

А сидитъ еще да въ платьяхъ женскихъ.

Говоритъ себѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„То вѣдъ не богатырь на конѣ сидитъ,

А сидитъ дѣвѣйца, либо женщина,—

Поленица, знать, удалая!“

Разѣѣзжается Добрыня на богатыря;

Какъ ударилъ палицей булатною

Поленицу въ буйну голову—

Усидѣла поленица, не сворѣхнется,

И назадъ-то на Добрыню не оглянется.

На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь Добрыня отъ богатыря.
 А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
 Сырой дубъ въ объемъ во человѣческой.
 Наѣзжалъ Добрынюшка на сырой дубъ,
 Испытати силу богатырскую;
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ,
 Самъ прогдворилъ да таковы слова:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.

Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Нагоняетъ поленицу онъ удалую;
 Какъ ударилъ поленицу въ буйну голову—
 Усидѣла поленица, не сворохнется,
 И назадъ-то на Добрыню не оглянется.
 На конѣ своемъ Добрыня приужахнется,
 Отъѣзжаетъ прочь отъ поленицы отъ удалыя:

„Смѣлость у Добрынюшки попрежнему!
 Видно, сила у Добрыни не попрежнему!“

А стоитъ въ чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,
 Сырой дубъ да въ два объема человѣческихъ.
 Наѣзжалъ опять Добрынюшка на сырой дубъ,
 Какъ ударилъ палицей во сырой дубъ—
 Расщепилъ весь сырой дубъ по ластиньямъ:

„Видно, сила у Добрынюшки попрежнему,
 Видно, смѣлость у Добрыни не попрежнему“.

Разгонялъ Добрынюшка добра коня,
 Наѣзжалъ на поленицу въ третій разъ,
 Да ударилъ поленицу въ буйну голову.
 На конѣ тутъ поленица сворохнулася,
 На Добрыню поленица оглянулася,
 Говоритъ сама да таковы слова:

„Я-то думала, комарики покусывають,
 Ань то русскіе богатыри пощелкивають!“

И хватила за желты кудри Добрынюшку,
 Сдѣрнула Добрынюшку съ коня долой,
 И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.
 Какъ повезъ ихъ было ея добрый конь
 По раздольицу да по чисту полю,

Говорить ей добрый конь, провѣщился:

„Ай же ты, хозяйюшка любимая,
Молода Настасья дочь Микулична!
Не могу везти я двухъ богатырей:
Силой-то богатырь супротѣвъ тебя,
Смѣлостью богатырь да вдвоёмъ тебя“.

Вынимала тутъ Настасья дочь Микулична
Изъ мѣшка изъ кожанца богатыря,
Говорить сама да таковы слова:

„Если старъ богатырь—голову срублю,
Если младъ богатырь—во полонъ возьму,
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ“.

Какъ взглянула на младѣ Добрынюшку,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:

„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“

Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:

„Ай же, поленица ты удалая!

Ты почему узнала молода Добрынюшку?

Самъ тебя не знаю, не видалъ досель“.

„А бывала я во стольномъ Кіевѣ,

Тамъ видала молода Добрынюшку,

А Добрыня нѣгдѣ увидать меня.

Дочка я Микулы Селяяинова,

Молода Настасья дочь Микулична,

А поѣхала во чисто поле полѣковать,

Поискать себѣ да супротивничка.

Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,

Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—

Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;

Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,

Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

„Ахъ ты, молода Настасья дочь Микулична!

Ты спусти меня, Добрыню, да во живности,

Сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую

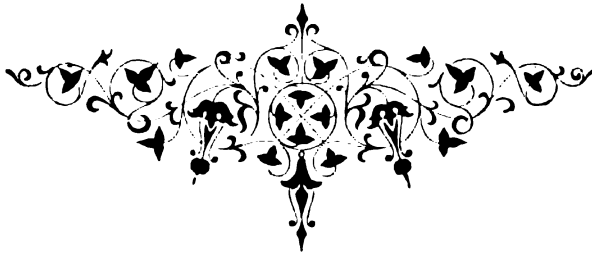
И приму съ тобой да по злату вѣнцу“.

Сдѣлали тутъ заповѣдь великую,

И поѣхали ко стольну граду Кіеву.

Какъ пріѣхали во стольный Кіевъ градъ,

Билъ челомъ Добрыня рѣдной матушкѣ,
Той честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ.
Выпросилъ прощеньце-благословеньце,
Заводилъ почестень пиръ на всѣхъ богатырей,
На своихъ на братьицевъ названыхъ,
Не позвалъ на пиръ лишъ братца мѣньшого,
Пересмѣшника Алешеньку Поповича,
Принималъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ съ Настасьей вѣкъ коротати.
Тутъ ли имъ и счастье и вѣнецъ,
И старинушкѣ моей конецъ.

БЫЛИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Святогорь. ⁽⁵²⁾

Ой ты гой еси, лихой охотничекъ,
Старый богатырь Ильюша Муромецъ!
Полеваль онъ, старый, во чистомъ полѣ,
Люта звѣря на копьѣ ловилъ,
Соболѣй-куницъ да на низокъ низаль.

Подвѣзжаетъ старый ко Святымъ Горамъ,
Вѣхаль старый на Святы Горы,
Услыхаль тутъ превеликій шумъ:
Всколыбалась мать сыра земля,
Запатались темны лѣсушки,
Замутились быстры рѣченьки,
Выливались изъ береговъ крутыхъ.
Видитъ старый: на добромъ конѣ
Ѣдетъ шагомъ богатырь-гора,
Ростомъ выше дерева стоячаго,
Головою въ небо упирается,
Ѣдетъ, самъ подремливаешь сѣдючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
Богатырь да на конѣ заснулъ?
Могъ бы выспаться и во бѣломъ шатрѣ.
Знать, не рускій богатырь-то, а невѣрный есть“.
Разгорѣлось у Ильюши ретиво сердце,
И наганиваль коня онъ со чиста поля,
Со чиста поля да во первой наконь,
Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
По плечамъ могучимъ богатыря,

Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Что за чудо?—говоритъ Илья:—
 Какъ доселѣ отъ руки Ильюшиной
 На конѣ никто да усидѣть не могъ.
 Дай-ка, поразѣдусь во второй законъ“.

И наганивалъ коня онъ со чиста поля,
 Со чиста поля, да во второй законъ,
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко
 По плечамъ могучимъ богатыря,
 Думаль, что богатыря съ конемъ убилъ.
 Богатырь впередъ все ѣдетъ, не оглянется,
 Ёдетъ, самъ подремливаетъ сѣдючи.

„Видно, худо все еще его ударилъ я!
 Дай-ка, поразѣдусь во третій законъ“.
 И наганивалъ коня онъ во третій законъ,
 Палицей ударилъ крѣпко-накрѣпко,
 Крѣпко-накрѣпко да плотно-наплотно
 По плечамъ могучимъ богатыря.
 Пробудился тутъ богатырь ото крѣпка сна,
 Самъ прогворилъ да таковы слова:

„До-больна кусаютъ мухи русскія“.

Взялъ, расправилъ руку богатырскую,
 Захватилъ удала русскаго богатыря,
 Положилъ съ конемъ въ глубокъ карманъ,
 И поѣхалъ самъ путемъ-дороженькой.
 Двое сутокекъ ихъ возитъ добрый конь,
 А на третьи у коня у богатырскаго
 Стали рѣзвы ножки подгибаться,
 Сталь могучій конь да спотыкается,
 По колѣна во сырѹ землю угрязывать.
 Бралъ богатырь плеточку шелковую,
 Билъ коня да по тучнымъ бедрамъ,
 Самъ коню да приговаривалъ:

„Ай ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
 Ты чего идешь да спотыкаешься?
 Аль невзгоду надо мною вѣдаешь?“

Отвѣчаетъ добрый, богатырскій конь,
 Человѣчьимъ голосомъ провѣщился:

„Какъ же мнѣ не спотыкаться?
 Все возилъ я одного богатыря,
 А теперь вожу ужъ трети суточки
 Двухъ могучихъ сильныхъ богатырей,
 Третьяго—коня да богатырскаго“.

Вынималъ Илью богатырь изъ кармана вонъ
 Со конемъ со богатырскимъ,
 Сталъ Илью выпрашивать, вывѣдывать:

„Кто ты есть такой, удалый добрый молодецъ?“
 Говоритъ ему удалый добрый молодецъ:

„Я—богатырь святорусскій съ столына Кіева,
 Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
 А поѣхалъ посмотрѣть, узнать
 Святогора славнаго богатыря.“

Не съѣзжаетъ онъ на матушку сыру землю,
 Не является къ намъ русскимъ богатырямъ“.

„Ай же ты, удалый, старый Илья Муромецъ!
 Самъ вѣдь Святогоръ-богатырь предъ тобою есть.
 Я съѣзжалъ бы къ вамъ на матушку сыру землю,
 Да не носить мать сыра земля меня,
 Не дано мнѣ ѣздить на святую Русь, .

Ѣздить можно мнѣ лишь по горамъ высокимъ
 Да по щелейкамъ по толстымъ.

Мы съ тобой поѣздимъ-ка по щелейкамъ,
 Мы поѣздимъ-ка да по Святымъ Горамъ.
 По крестовому по братовству я бѣльшій братъ,
 Будешь ты, Илья, мнѣ мѣньшій братъ“.

Тутъ они крестами помѣнялися,
 Братьями крестовыми назвалися,
 Стали вмѣстѣ разъѣзжать по щелейкамъ,
 Разъѣзжать-гулять да по Святымъ Горамъ.
 И наѣхали они на чудо-чудное,
 Чудо-чудное, да диво-дивное:
 Осередь пути великій гробъ стоитъ, .
 Краснымъ золотомъ обложенъ весь, повѣложенъ,
 А на крышкѣ подпись да подписана:
 „На кого состроень сей великій гробъ,
 На того онъ и поладится“.

Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:
 „Ты послушай-ка, мой мѣньшій братъ,

Ты ложись-ка первый во великій гробъ:

Не поладится ли на тебя, Илью?“

Опускался старый со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Не по немъ—широкъ и дологъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Не твое тутъ мѣсто, не тебѣ и спать.

Дай-ка я прилягу: не по мнѣ ли онъ?“

Опускался самъ богатырь со добра коня

И ложился во великій гробъ:

Какъ по немъ состроенъ былъ великій гробъ.

Говорить богатырь таковы слова:

„На меня состроенъ сей великій гробъ;

Хорошо здѣсь во гробу-то жить!

Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Ты возьми-ка да закрой меня

Тою крышкою дубовою, гробовою“.

Отвѣчаетъ братцу Ильѣ Муромецъ:

„Не закрою я тебя, мой большій братъ,

Тою крышкою дубовою гробовою.

Шутку шутишь ты не малую:

Во живыхъ собрался хоронить себя“.

Какъ беретъ тутъ самъ богатырь, накрывается

Тою крышкою дубовою, гробовою—

А та крышечка изволомъ Божиимъ

Сораслась со гробомъ во одно мѣсто.

И воззвалъ изъ гроба Святогоръ къ Ильѣ:

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,

Какъ ни бьюся, какъ ни силюся,

Не могу я крышки надъ собой поднять!

Ты берись-ка за тѣ доски за дубовыя,

Открывай-ка по одной доскѣ“.

Брался старый за тѣ доски за дубовыя,

Оторвать не можетъ никакой доски:

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,

Не могу открыть я никакой доски“.

„Такъ бери-ка ты мой славный, богатырскій мечъ,

Разруби-ка крышку острымъ мечомъ“.

Брался старый за тотъ славный Святогоровъ мечъ,

Сталь рубить по крышкѣ по гробовой, | А куда ударить богатырскій мечъ—
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются, | Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Со сырѣи земли не могъ меча поднять.

„Ты послушай-ка, мой большій братъ,
Не могу меча я и съ земли поднять“.

„Ты послушай-ка, мой меньшій братъ,
Наклонись ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя я духомъ богатырскимъ“.

Наклонился онъ ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припадалъ ко малой щёлочкѣ:

Дунуль Святогоръ на стараго
Тѣмъ могучимъ духомъ богатырскимъ,
И почувялъ старый, какъ въ немъ силушки
Втрое противъ прежняго прибавилось;
Приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ,
Сталь рубить по крышкѣ по гробѣвоей,
Отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

Воззывалъ богатырь Святогоръ опять:

„Душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ!
Ты руби-ка вдоль по крышкѣ по гробѣвоей“.

Рубить старый вдоль по крышкѣ по гробѣвоей,
Отъ ударовъ искры сыплются,
А куда ударить богатырскій мечъ—
Тамъ желѣзный обручъ ставится.

„Задыхаюсь я, мой меньшій братъ!
Наклонись ко крышкѣ ко гробѣвоей,
Припади ко малой щёлочкѣ:

Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскимъ,
Передамъ тебѣ всю силу богатырскую“.

Отвѣчаетъ братцу Илья Муромецъ:

„Будетъ силушки съ меня, мой большій братъ.
Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
И меня носить не станетъ мать сыра земля“.

Говоритъ богатырь Святогоръ Ильѣ:

„Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
Что послѣдняго наказа не послушался:
Мертвымъ духомъ бы я на тебя дохнулъ,
Мертвымъ самъ бы ты у гроба легъ.
А теперъ прощай, мой меньшій братъ!

Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судиль.
 Богатырскій мечъ возьми себѣ,
 А добра коня оставь хозяину,
 Привяжи ко гробу богатырскому:
 Никому не сладить съ нимъ, oprичъ меня“.

И прошли изъ ясныхъ очушекъ
 Слѣзы у него горячія,
 И сложилъ онъ руки богатырскія
 На бѣлы груди на богатырскія,
 И принялъ себѣ онъ смерть великую,
 И пошелъ изъ гроба мертвый духъ.
 Тутъ простился старый со богатыремъ,
 Святогорова добра коня
 Привязалъ ко гробу богатырскому,
 Опоясалъ славный Святогоровъ мечъ (53)
 И поѣхалъ во раздольице чисто поле.
 Тутъ ли Святогору и славу поють.

БЫЛИНА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Идолище.

Не тычинушка въ чистомъ полѣ шатается—
На добромъ конѣ несется-подвигается
Матерой, удалый добрый молодецъ,
Старый Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ищеть—не отыщеть супротивника;
А идетъ навстрѣчу добру молодцу
Старая калика перехожая;
Не идетъ каличище—шатается,
Костылемъ-клюкою подпирается,
Подъ каликой мать-земля да подгибается.
Волосомъ бѣла калика, бородой сѣда,
Гува на каличищѣ во тридцать пудъ,
Шляпа на каличищѣ во девять пудъ,
А клюка горбатая въ косу сажень,
Вѣсомъ-то сама во сорокъ пудъ.
Увидалъ Илья великое каличище,
Разгорѣлось сердце богатырское,
Напушался на калику онъ съ чиста поля
Поствѣдать силы богатырскія.

Говоритъ ему калика перехожая:

„А не честь же, не хвала богатырю
Напушаться на калику перехожую.
Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Не узналъ ты, видно, старое каличище?
Я вѣдь сильное, могучее Иваниче:
Въ Муромѣ учились вмѣстѣ грамотѣ“.

Говоритъ каликѣ Илья Муромецъ:

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
Ты отколь идешь, куда бредешь,
Свой каличій путь куда держишь?“

„Я иду отъ стольнаго отъ Кіева,
А бреду на Ерусѡлимъ градъ,
Господу ли Богу помолитися,
Во Ердани ли во рѣченькѣ купатися,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушитися,
Ко Господнему ко гробу приложитися.

„Ты скажи-ка мнѣ, могучее Иванище,
Все ль у насъ во Кіевѣ по-старому,
Все ль у насъ во стольномъ попрежнему?“

„Свѣтъ ты, государь мой Илья Муромецъ!
Какъ во Кіевѣ-то не по-старому,
Какъ во стольномъ-то не попрежнему:

Какъ наѣхало Идѡлице великое
Со своею силушкой поганою, ⁽⁵⁴⁾

Кіевъ градъ на много верстъ обставило,
А у князя солнышка Владиміра

Не случилось дома сильныхъ богатырей:

Во чистѡ поле разѣхались поляковать;

Были двое лишь: Алеша сынъ Леонтьевичъ

Да еще молоденькій Добрынюшка—

Хоть и смѣлъ Алешка, не удалъ вѣдь онъ:

Не посмѣлъ Алешка ѣхать во чистѡ поле

Супротивъ той силушки поганяя,

Супротивъ Идѡлица великаго; ⁽⁵⁵⁾

А Добрыня—какъ вернулся со чистѡ поля

Съ поленицею Настасьєю Микуличной,

Да какъ принялъ съ нею по злату вѣнцу—

Ничего онъ на бѣломъ свѣтѣ не вѣдаетъ,

Съ молодой женою вѣкъ корѣтаетъ.

Какъ же тутъ не убояться князю солнышку?

Выходилъ онъ ко Идѡлицу великому,

Выходилъ со низкими поклонами,

Со подарочками драгоцѣнными,

Звалъ къ себѣ въ палаты бѣлокаменны,

Хлѣбца-соли у себя покушати

Да калачиковъ крупитчатыхъ порушати.

И зашло Идѣлище великое
 Въ княженецкія палаты бѣлокаменны
 И садилось за столы дубовые,
 Ко княгинѣ ко Апраксіи лицомъ сидить,
 Къ самому ко князю солнышку хребтомъ сидить,
 По быку по цѣлому да выти ѣсть,
 По котлу по цѣлому да пива пьеть.
 Самъ сидить, надъ княземъ похваляется:

— Какъ святые образа-то всѣ поклоты,
 Во черной грязи да всѣ потоптаны,
 Во церквахъ во Божьихъ кони кормятся...—“

„Что же ты, могучее Иванище,
 Не очистилъ града Кіева,
 Не убилъ поганого Идѣлища?“

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Вѣкъ такого вора я не видываль,
 Слыхомъ про такого вора да не слыхиваль:
 Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
 Въ ширину сажень печатная;
 Межь глазами пядя мѣрная,
 Межь ноздрями каленя стрѣла,
 Головище что лоханище,
 А глазища что пивныя чашища.
 Устрашился я Идѣлища великаго,
 Не посмѣлъ идти я на поганое.“

„Ай ты, сильное, могучее Иванище!
 Силы у тебя есть въ два меня,
 Смѣлости-удачи нѣтъ и въ полъ-меня.
 Разболакивай-ка гуню стариковскую,
 Радувай-ка лапотки-обтѣпточки,
 Подавай-ка шляпоньку пуховую,
 Ключку-волжанку горбатую во сорокъ пудъ;
 Сокручусь каликой перехожею:
 Не узнало бы Идѣлище поганое
 Добра молодца да Илью Муромца.“

Пораздумалось могучее Иванище,
 Пораздумалось да порасплакалось:

„Ахъ ты, свѣтъ мой, государь да Илья Муромецъ!
 Какъ не ты просилъ бы платицевъ каличиныхъ,
 Да не отдалъ бы я платицевъ каличиныхъ:

Вплетенò въ мои во лапотки-обтопточки
 По драгòму камню самоцвѣтному,
 Да не для-радї красы-басы угожества,
 Ради темныхъ ноченекъ осеннихъ;
 Съ чести не отдать тебѣ — ты нѣ съ чести возьмешь,
 Нѣ съ чести возьмешь, еще и бокъ набьешь“.

Разболакивалъ онъ гуню стариковскую,
 Разувалъ онъ лапотки-обтопточки,
 Скидывалъ онъ шляпоньку пуховую,
 Ключку-волжанку горбатую въ землѣ воткнулъ—
 И ушла клюка до самой до кокобочки.
 Сокрутился Илья Муромецъ каликою,
 Говорить самъ таковы слова:

„Надѣвай-ка на себя, Иванище,
 Платице мое ты богатырское,
 Обувай-ка башмачки мои сафьянные,
 Да садись-ка на коня на богатырскаго.
 На улòвномъ на мѣстечкѣ обождешь меня.
 Какъ раздѣлаюсь съ поганимъ—отыщу тебя“.
 И сжалъ его онъ на добра коня,
 Во двѣнадцать во сѣдлышекъ засѣдывалъ,
 Во двѣнадцать во подпружковъ да подтягивалъ.
 Какъ поѣхалъ по чисту полю Иванище,
 Безъ ума несется на конѣ, безъ памяти,
 Радъ бы выпасть изъ сѣдла—да нѣ можно.
 А Илья со матушки сырой земли
 Ключку-волжанку горбатую повѣдёрнулъ,
 Сталъ съ горы да на гору поскакивать,
 Сталъ съ холма да на холмъ перепрыдывать.
 Скоро скажется, да тихо сдѣтается...
 Приходилъ Илья во стольный Кіевъ градъ,
 Подходилъ къ палатамъ княженецкіимъ,
 Становился подъ окошечко косящато,
 Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Сотвори-ка ты каликѣ переходжеей
 Милостыню золоту гривну
 Для-радї Христа Царя небеснаго,
 Ради пресвятыя Богородицы!“

Отъ того ли да отъ крику богатырскаго

Бѣлокаменны палаты запаталися,
Изъ оконницъ стеклышки посыпались,
На столахъ напитки расплескалися,
За столомъ князья да бояре припадали,
У Идолища сердечко приужахнулось;
Бросилось поганое по плѣчь въ окно,
Говорить само князю Владиміру:

„Голосастые калики на Руси у васъ!
Позови-ка ты калику во высѣкъ терѣмъ“.

Выходилъ Владиміръ на крыльцо переднее,
Говорилъ каликѣ перехожеей:

„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемѣтная!
Ты поди-ка во высѣкъ терѣмъ“.

Проходилъ калика во высѣкъ терѣмъ,
На крыльцо зашелъ—крыльцо заскрипнуло,
По мостамъ идетъ—мосты погнулися,
Заходилъ во гридню во столовую,
Клалъ тутъ крестъ да по-писаному,
Вель поклоны по-учѣному,
Князя со княгинею поздравствовалъ,
Одному Идолищу челомъ не билъ.
Говорить Идолище поганое:

„Ай же ты, калика перехожая,
Перехожая сума ты перемѣтная!
Ты по платицамъ идешь хотъ старчищемъ,
По походочкѣ ты добрый мѣлодецъ:
По шагамъ твоимъ весь терѣмъ ходунѣмъ ходить.
Ты коей земли, старикъ, коей орды?“

„Я, старикъ, изъ славнаго изъ Муромъ,
А хожу каликой по святой Руси“.

„Если ты изъ славнаго изъ Муромъ,
Если ходишь по святой Руси,
То видалъ и Илью Муромца богатыря.
Ну, каковъ собой, великъ ли ростомъ онъ?“
Говорить калика перехожая:

„Не огромный богатырь нашъ Илья Муромецъ;
Хошь узнатъ его, такъ на меня гляди:
Ладятся у насъ съ нимъ платья цвѣтныя,
Возрастомъ да волосомъ онъ ровня мнѣ“.

„А помногу ль ёсть вашъ Илья Муромецъ,
А помногу ль пьеть онъ зеленà вина?“

„Ёсть и пьеть Илья во славу Божію,
Съёсть калачикъ—по другомъ душа горить,
Скушаетъ другой—и сытъ съ того.
Выпьеть чарку—по другой душа горить,
Скушаетъ другую—и доволенъ съ той“.

„Что же онъ за богатырь такой!
Былъ бы адёсь вашъ Илья Муромецъ,
На ладонь бы посадилъ его, другой прижалъ,
Межъ ладонями мокро бы лишь повёжалось;
Взялъ бы да и дунулъ во чисто поле!
Я какъ стану хлѣба-выти ёсть—
Съёмъ по три печй печенныхъ,
Да во щажъ схлабаю по быку по русскому,
Закушу лебѣдушкою бѣлю;
Пить какъ стану зеленà вина—
Выпью духомъ три ведра да мѣрныхъ“.

Говорить калика переходя:

„И у князя нашего Владиміра
Было старое кобѣлище-обѣдище,
Много ёло—только треснуло,
Было старое коровище-обжорище,
Много пило—только лопнуло.
Тоже будетъ и тебѣ, поганому“.
Таковò слово ему за гнѣвъ пало,
Со стола схватило нѣжище-кинжалище
Да бросаетъ во калику переходя,
Во матѣраго Илью во Муромца.
Былъ же тутъ Илья на ножки повертокъ,
Скоро онъ отъ ножика отскакивалъ,
Клюшкой ножикъ отъ себя отваживалъ,
Пролетѣло мимо нѣжище-кинжалище,
Угодило въ дверь дубовую;
Выскочила дверь да съ ободвериной,
Улетѣла во чисто поле,
Тамъ двѣнадцать ли татаровея поганыхъ
Замертво убила, остальныхъ поранила.
Проклинають тутъ татаровья Идѣлище:
„Будь ты трое прѣклято, поганое!“

А Илья стоитъ да усмѣхается:

„Мнѣ родитель-батюшка наказываль:
Ты скорѣй долги свои уплачивай,
Лучше во другой тебѣ повѣрять, дитятко“.

Какъ захватить шляпу стариковскую,
Да махнетъ въ Идолище великое—
Попадалъ ему во буйну голову,
Повалилося поганое, захамкало.

Говорить Ильюша таковы слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити палаты княженецкія,
Выведу его я на крылѣчко“.

Бралъ Идолище онъ за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ съ палать да на крылѣчко,
Говорилъ самъ таковы слова:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити крылечко княженецкое,
Выведу его я на широкій дворъ“.

Выводилъ его онъ на широкій дворъ:

„А не честь же, не хвала мнѣ молодецкая
Окровавити да княженецкій дворъ,
Выведу его я во чисто поле“.

Выводилъ его онъ во чисто поле,
Захватилъ поганого тутъ за ноги,
Началъ имъ по силушкѣ помахивать,
Самъ, помахивая, приговаривать:

„Сторонитесь, люди православные!

Не попасть бы вамъ подъ махи подъ татарскіе,
Какъ оружье-то мнѣ, братцы, по плечу пришло“.

Бьетъ поганыхъ онъ, охаживаетъ трѣ часа,
Не оставитъ окаянныхъ и на сѣмена.

Внималъ тутъ славный Святогоровъ мечъ,
По плечъ голову срубилъ Идолищу. (56)

Подходилъ Владиміръ, низко кланялся:

„Гой ты, батюшка нашъ, старый Илья Муромецъ!
Чѣмъ тебя пожаловать, учествовать,
Что очистилъ отъ невѣрныхъ Кіевъ градъ,
Что избавилъ насъ отъ плона великаго?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Что мнѣ надобно, каликѣ перехожеей?
 На приходѣ гостя не учествовалъ,
 На походѣ гостя не учествуешь“.

Подходилъ тутъ и Алешенька Поповичъ младъ,
 Говорилъ Ильѣ да таковыя слова:

„Ай ты, старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
 У кого ты отнялъ богатырскій мечъ?
 Гдѣ набрался силы, чтобъ съ земли поднять?“

Разказалъ Илья, какъ Святогоръ, кончаючись,
 Завѣщалъ ему свой богатырскій мечъ,
 Какъ могучимъ духомъ на него дохнулъ,
 Какъ съ того въ немъ силы втрое прѣбыло,
 И приподнялъ онъ съ земли великій мечъ.
 Поклонился и Алешенька тутъ старому.

„Исполать тебѣ, могучему богатырю!
 Ты прости-ка мнѣ, забудь тѣ рѣчи глупыя!
 Ты прими-ка и меня теперь, Алешеньку,
 Во свои во братья во крестовые!“

Принялъ старый смѣлаго Алешеньку
 Во свои во братья во крестовые,
 Самъ назадъ во чисто поле ворочался
 Къ сильному, могучему Иванищу.
 На Иванищѣ-то платьѣ попритаскано,
 Попритаскано да попритѣрзано
 Отъ добра коня отъ богатырскаго.
 Снялъ Илья Иванище съ добра коня,
 Разболакиваетъ гуню стариковскую,
 Разуваетъ лапотки-обтопточки,
 Надѣваетъ платьѣ богатырское,
 Самъ садится на добра коня,
 Со каличищемъ Иванищемъ прощается:

„А теперь прощай, могучее Иванище!
 Впредь, смотри, ты больше такъ не дѣлай-ка,
 Выручай крещѣнныхъ отъ поганныхъ“.

Только и живо было Идолище,
 Только и брало-то Кіевъ градъ,
 А вся честь и слава Ильѣ Муромцу.

БЫЛИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ ⁽³⁷⁾.

Бѣдитъ старый во чистомъ полѣ,
Бѣдитъ старый много времени.
Цвѣтно платье у него поистаскалося,
Золотѣ казна поиздержалася.
Говоритъ себѣ Илейко таково слово:

„Побываль-го я теперь во всѣхъ литвахъ,
Побываль теперь во всѣхъ ордахъ,
Не бываль давно въ одномъ во Кіевѣ;
Я поѣду-ка во Кіевъ, попровѣдаю,
Что такое дѣется во Кіевѣ?“

Пріѣзжалъ Илейко въ столичный Кіевъ градъ;
У Владиміра у князя пиръ навѣселъ,
За столомъ сидитъ до тридцати боярченковъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей.
Входитъ старый въ гридню княженецкую,
Ставится у ободверины,
Крестъ кладеть да по-писаному,
И поклонъ ведеть да по-ученому,
Князю солнышку съ княгинею въ особину:

„Здравствуешь, Владиміръ стольно-кіевскій!
Поишь, кормишь ли заѣзжихъ добрыхъ мѡлодцевъ?
Я къ тебѣ служить заѣхаль вѣрой-правдою.
Не боюсь татаръ я въ полѣ тысячи,
Не боюсь и другой тысячи,

Не пойду въ побѣгъ отъ третьей тысячи;
 Да не надобно во помощь мнѣ
 Тридцати воронъ со воронятами“.

Не узналъ его Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ты отколь, удалый, родомъ-племенемъ?
 Именемъ какъ величать тебя,
 Отцомъ-батюшкою чествовать?“

„Я—Никита Заолѣшанинъ!“

„Ай же ты, Никита Заолѣшанинъ!
 Ты садись-ка съ нами хлѣба кушати;
 Есть еще мѣстечко тамъ, на нижнемъ кѣнечкѣ,
 Ты садись-ка тамъ по край стола, по край скамьи:
 Всѣ другіе мѣстечки у меня позаняты“.

Повели Илейку слуги подъ руки,
 Повели ко нижню кѣнечку,
 Усадили тамъ по край стола, по край скамьи.
 Говорить Илейко таковѣ слово:

„Ужъ ты гой еси, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Не по чину мѣсто, не по силѣ честь:
 Самъ ты, князь, сидишь съ воронами,
 А меня ты садишь съ воронятами!“

Какъ хотѣлъ тутъ онъ поладиться, поправиться—
 Поломалъ кругомъ скамьи дубовья,
 Пѣгнулъ свай всѣ желѣзныя,
 Поприжалъ гостей всѣхъ во большѣй уголь.

А Владиміру то дѣло не слюбилося:
 Возставалъ онъ на рѣзвѣ ноги,
 Потемнѣлъ самъ, что осення ночь,
 Да вскричалъ, взревѣлъ, что лютый звѣрь:

„Что же ты, Никита Заолѣшанинъ,
 Помѣшалъ мнѣ всѣ мѣста учѣныя,
 Пѣгнулъ свай всѣ желѣзныя:
 У меня вѣдь промежъ каждаго богатыря
 Свай были кладены желѣзныя,
 Чтобъ они въ пиру да напивалися,
 Напивалися да не столкалися.
 Ай вы, русскіе могучіе богатыри!
 Слыхано ли, чтобы васъ, богатырей,
 Кто назвалъ ворѣнами да воронятами?
 Выходите-ка вы, трое самолучшіе,

Вы берите-ка Никиту подъ руки,
Выкиньте изъ гридни вонъ на улицу!“
Выходили самолучшихъ три богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Почали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь Владиміръ, позабавиться,
Подавай еще мнѣ трехъ богатырей!“

Выходили три другихъ богатыря,
Начали Никитушку подѣргивать,
Почали Никитушку поталкивать;
А Никитушка стоитъ—не шатнется,
На головушкѣ колпакъ не тряхнется:

„Коли хочешь, князь, потѣшиться,
Посылай еще хоть трехъ богатырей!“

Выходили третьи три богатыря—
Ничего съ Никитой не подѣлали.
Говорить Никита таково слово:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
Знать, тебѣ охота попотѣшиться?
Ты теперь изволь-ка на меня глядѣть:
Глядячи, пройдетъ охота тѣшиться“.

Сталь тутъ самъ Никита тѣшиться,
Сталь богатырей поталкивать,
Учалъ сильныхъ, могучіихъ попинывать:
Всѣ богатыри по гридня порасползались,
Ни одинъ на ноженъки не можетъ встать.

Выходилъ изъ гридни вонъ Никитушка,
Дверьми хлопнулъ—вышибъ ободверины,
Воротами хлопнулъ—вонъ верёюшки,
А точёныя перильца пріосѣпались.
Князь Владиміръ за печь позадвинулся,
Соболиной шубкой призакинулся:

„Ой, тихонько, братцы, не вордохнетесь:
Не услышалъ бы Никита Заолѣшанинъ!
Какъ услышитъ онъ—воротится, убьетъ насъ всѣхъ,
Не оставитъ стараго, ни малаго,
Не оставитъ мнѣ, Владиміру, на сѣмена“.

А Илейко, какъ повышелъ на широкій дворъ,

Тугой лукъ разрывчатый натягиваль,
Каленую стрѣлочку накладываль,
Самъ стрѣлтѣ да приговариваль:

„Ты лети-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхімъ,
Поснимай-ка золочѣны маковки!“

Пали наземь золочѣны маковки,
Закричалъ Илья да во всю голову:

„Гой вы, голи, гдлюшки кабацкіе,
Доброхоты княженецкіе!

Собирайтесь-ка на княженецкій дворъ,
Обирайте золочѣны маковки,
Да несите во царѣвъ кабакъ,
Пейте зеленà вина тамъ дѣсыта“.

Прибѣгали гдлюшки кабацкіе,
Доброхоты эти княженецкіе,
Обирали золочѣны маковки:

„Ай же ты, нашъ батюшка, отецъ родной!“

Шли съ Илейкой во царѣвъ кабакъ,
Пропивали золочѣны маковки,
Пропивали съ нимъ да заоднѣшенько.
А и стали тутъ сумлѣтися:

„Что-то будетъ намъ отъ князя солнышка,
Что-то отъ Владиміра достанется:
Пропиваемъ мы его всѣ маковки!“

Говорить Илья имъ таковы слова:

„Пейте, голи вы мои, да не сумлѣйтесь:
Я заўтра буду въ Кіевѣ князѣмъ княжить,
А вы, голи, будете надъ всѣми набольши!“

Стали пить, не стали болѣе сумлѣтися,
Стали Господа молить за добра молодца.

А на томъ пиру на княженецкомъ
Доносили солнышку Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Какъ Никитушка-то Заолѣшанинъ
Со твоихъ со кровель златоверхіихъ
Золочѣны маковки повѣстрѣляль,
Созваль всѣхъ гдлей кабацкіихъ,
Прошилъ съ ними золочѣны маковки“.

Какъ сидѣлъ при томъ пиру-бесѣдушкѣ
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,

Говорить Добрынюшка Владиміру:

„Князь ты нашъ Владиміръ, красно солнышко!
То вѣдь не Никита Заолѣшанинъ,
То мой братъ крестовый Илья Муромецъ“.
Сталь тутъ князь Владиміръ думу думати
Со боярченками именитыми,
Со богатырями сильными, могучими,
Какъ ему съ Ильей да помирится:

„Думайте-ка, братцы, думу-думушку,
Думайте-ка, братцы, думу крѣпкую,
Думайте-ка думу, не продумайте:
Ужъ кого бы намъ да за Ильей послать,
Во почѣстенъ пирь Илью позвать?
Самому-то мнѣ пойти не хочется,
А Апраксию послать—къ лицу нейдѣтъ“.

Стали всѣ тутъ думу думати:

„Ужъ кого бы намъ послать Илью позвать?
А пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Вѣдь они съ Илейкой братъица крестовые,
Братъица крестовые, названые,
И его Илья, бывало, слушаетъ“.

Шель Владиміръ по столовой горенкѣ,
Становилса супротѣвъ Добрынюшки,
Говорить Добрынѣ таковы слова:

„Ты, молоденькій Добрыня! ужъ сходи-ка ты
Къ старому Ильѣ ко Муромцу,
Бей челомъ Илейкѣ, низко кланяйся,
Поклонися до половъ кирпичныхъ,
Что до самой матушки сырѣй земли,
Говори Илейкѣ таковы слова:
— Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
Со княгиней стольной со Апраксией,
Какъ послалъ просить тебя да на почѣстенъ пирь;
Не узналъ тебя онъ, добра молодца,
Потому садилъ за столъ на нижнемъ конечкѣ;
А теперъ онъ просить со усердіемъ,
Со усердіемъ, со радостью великою,
Не велѣлъ на старо гнѣваться“.

И пошелъ молоденькій Добрынюшка,
Улицей идетъ, а самъ-то думаетъ:

„Не по смерть ли я иду по скорую?
 Да коли мнѣ не послушать князя солнышка,
 Мнѣ отъ князя солнышка не сдѣбровать!“

И идетъ онъ во царѣвъ кабакъ,
 И приходитъ во царѣвъ кабакъ;
 А сидитъ тутъ старый Илья Муромецъ,
 Съ гѣлями сидитъ, пьетъ-прохлаждается.
 И не знаетъ онъ, отколь къ Ильѣ зайти:

„Спереди зайти, такъ хорошо ль прилюбится?
 Такъ ужъ лучше же сзади зайду“.

Какъ зашелъ сзади Добрыня, захватилъ Илью,
 Захватилъ за плечи за могучія,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Ай же ты, крестовый братецъ мой,
 Мой названный братецъ, старый Илья Муромецъ!
 Ты сдержки-ка руки бѣлыя,
 Ты скрѣпки-ка ретивѣ сердце;
 Вѣдь пословъ-то ни куютъ, ни вѣшаютъ.
 А и кладена у насъ съ тобою заповѣдь,
 Заповѣдь не малая, великая:
 Меньшему-то брату слушать бѣльшаго,
 Бѣльшему-то брату мѣньшаго,
 Да стоять обимъ дружка-за-дружка.
 Какъ послалъ меня къ тебѣ Владиміръ князь
 Со княгиней стольной со Апраксіей:
 Не узналъ тебя онъ, добра мѣлодца,
 Потому садилъ за столъ на нижнемъ концѣхъ,
 А теперъ тебя онъ проситъ во почѣстенъ пиръ
 Со усердіемъ, со радостью великою,
 Не велѣлъ тебѣ на старо гнѣваться“.

Обернѣтся тутъ Илейко, самъ прогѣворитъ:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Ты счастливъ тѣмъ, что сзади зашелъ:
 Кабы ты, Добрыня, спереди зашелъ,
 Только бы съ тебя, Добрыня, пепель сталъ!
 А теперъ тебя не трону, братецъ мой:
 Вѣдь закона-то нельзя перѣступитъ.
 Ты поиди, скажи-ка князю солнышку:
 Пусть-ка для меня, для мѣлодца,
 Разошлетъ указы строгіе

По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино;
Кто не хочетъ зеленѣ вина,
Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
Кто не хочетъ пива пьянаго,
Тотъ бы пилъ сладкѣхъ медовъ:
Чтобы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ;
А и пусть-ка для меня, для мѣлодца,
Заведетъ онъ столованьице—почѣстенъ пирь.
А коли не сдѣлаетъ по-мѣому,
То ему, Владиміру, княжить до утриа.

Какъ бѣжалъ Добрыня скоро-на-скоро
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Передаль ему Ильинъ наказъ;
Какъ тутъ князь Владиміръ скоро-на-скоро
Разослалъ указы строгіе
По всему по городу по Кіеву
Да еще по городу Чернигову,
Чтобы были на трое на суточекъ
Всѣ царёвы кабаки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зеленѣ вино,
Пилъ безданно да безошлинно,
Всѣ бы знали, что наѣхалъ къ Кіеву
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.
Самъ заводитъ столованьице—почѣстенъ пирь,
Забираетъ всѣхъ князей да бояровъ,
Всѣхъ могучихъ русскіихъ богатырей,
А и полениць удалыхъ.
А во кабакахъ никто не пьетъ, не кушаетъ,
Всѣ идутъ ко князю ко Владиміру,—
Не для хлѣба-соли, не для золотой казны:
Посмотрѣть идутъ на добра мѣлодца,
На того на стара Илью Муромца;
Всѣ на княженецкѣй дворъ собираются,
Всѣ тихонько въ грядню пробираются.

Какъ приходитъ тутъ и старый Илья Муромецъ,

Съ гѡлями приходитъ со кабацкими,
 Какъ идетъ во гридню свѣтлую,
 Крестить очи по-писаному
 И ведетъ поклоны по учёному,
 Бьетъ челомъ на всѣ четыре стороны,
 Князю со княгинею въ особину.
 Скоро всталъ Владиміръ на рѣзвѣ ноги,
 Скоро бралъ Илью да за бѣлыя руки,
 Цѣловалъ да во уста сахарныя,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Гой еси ты, старый Илья Муромецъ!
 Хоть твое мѣстечко было да пониже всѣхъ,
 Такъ теперь твое мѣстечко да повыше всѣхъ!
 Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
 Проводите стараго на мѣсто бѡльшее!“

Не садился онъ на мѣсто бѡльшее—
 Сѣлъ на мѣсто на среднее,
 Рядомъ посадилъ голѣй кабацкіихъ,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!
 Зналь, кого послать меня позвать!
 Кабы не Добрынюшка, названый братецъ мой,
 Никого бы не послушалъ здѣсь.
 А было намѣренье наряжено:
 Тугой лукъ разрывчатый натягивать,
 Да стрѣлять сюда, во гридню свѣтлую,
 Да убить тебя, князя Владиміра,
 Со княгиней стольной со Апраксіей.
 Да на сей разъ Богъ тебя проститъ
 За твою вину да за великую!“

Понесли гостямъ тутъ яствушекъ сахарныхъ,
 Понесли напитокковъ медвяныхъ,
 Подносили каждому по чарочкѣ;
 Говоритъ Илья Владиміру:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей уподчуешь,
 Тѣмъ ли ты моихъ гостей учествуешь—
 Чарочками да голѣй кабацкіихъ?“

А Владиміру то слово не слюбилося,
 Говоритъ Ильѣ да таковыя слова:

„У меня во погребахъ глубокихъ
Есть про всѣхъ васъ зеленѣ вино,
Есть про каждаго по бочкѣ-сороковочкѣ;
Коли здѣсь не хватитъ на гостей твоихъ,
Сами спустятся во погреба глубокіе“.

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кїевскій!
Такъ ли у тебя гостей да подчуютъ,
Такъ ли добрыхъ мѣлодцевъ да чествуютъ,
Чтобы сами шли за яствами, за питьями?
Знать, мнѣ быть сегодня за хозяина!“

Какъ повскочить старшій на рѣзвѣ ноги,
Погребовъ у слугъ не спрашиваль,
Къ погребамъ ключей не требоваль,
Прямо шелъ ко погребамъ глубокимъ,
Двери и колоды вонъ выпинываль,
Безъ ключей замочки отщѣлживаль,
Входитъ самъ во погреба глубокіе.
Какъ беретъ тутъ бочку да подъ пазуху,
Какъ беретъ другую подъ другую пазуху,
Третью сороковую ногѣй катить,
Выкатилъ на княженецкїй дворъ,
Закричалъ самъ во всю голову:

„Гой вы, голи, гѣлюшки кабацкіе!
Выходите-ка на княженецкїй дворъ,
Напою я всѣхъ васъ зеленымъ виномъ“.

Сходитъ самъ опять во погреба глубокіе.
Не стерпѣлъ Владиміръ, больно поразгнѣвался,
Закричалъ да зычнымъ голосомъ:

„Гой вы, слуги, слуги вѣрныи!
Вы бѣгите-ка скорымъ-скоро,
Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
Заложите въ погребахъ мнѣ мѣлодца,
Позадѣрните чугуною рѣшѣточкой,
Завалите дубьемъ-кѣлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпьте желтыми песочками,
Поморите смертію голодною!“

Побѣжали тѣ скорымъ-скоро,
Скоро-наскоро да поскорѣшенько,
Заложили въ погребахъ Илью,
Позадѣрнули чугуною рѣшѣточкой,

Навалили дубья-кѣлодыя со всѣхъ сторонъ,
 Да засыпали песками желтыми.
 Какъ другимъ богатырямъ то за бѣду пало,
 Возставали съ пира не докушавши,
 Выходили на широкой дворъ,
 Всѣ садились на добрыхъ коней,
 Всѣ разѣхались во чисто поле,
 Во раздольице широкое:

„А не будемъ же мы больше жить во Кіевѣ,
 А не будемъ же служить князю Владиміру!“
 Такъ-то въ ту пору у князя у Владиміра
 Не осталось во Кіевѣ богатырей.

БЫЛИНА СЕМНАДЦАТАЯ.

Илья Муромецъ и Калинь царь (58).

Ой ты, мать сыра земля, поразступися-ка!
Небеса вы синія, раздайтеся!
Темны тучи, воедино не скопляйтеся!
Богатырской силушкѣ тошнѣхонько,
Горе лютое со старымъ приключилося:
Поразгнѣвался на стараго Владиміръ князь,
Приказалъ его своимъ вѣрнымъ слугамъ
Заложить во погребахъ глубокихъ,
Позадѣрнути чугунною рѣшѣточкой,
Завалити дубьемъ-кдлодьемъ со всѣхъ сторонъ,
Призасыпати песками желтыми,
Поморити смертію голодною.
Да была у князя дочка молодѣшенька,
Дочка молодѣшенька была, малѣшенька,
Видить: посадилъ Владиміръ князь
Стараго во погреба на смерть голодную;
А онъ могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви Божія,
Могъ бы поберець ей князя-батюшку,
Могъ бы поберець ей и княгиню-матушку.
И брала ко погребамъ глубокимъ
Во-потай она ключи у матушки,

Подкопать велѣла копи тайныя,
 Носить старому уѣдушки сахарныя,
 Ставить старому напитокки медѣвыя.
 А Владиміръ князь про то не вѣдаетъ.
 Подсылалъ тутъ Калинъ царь Калиновичъ
 На святую Русь татаровей поганыхъ:
 „Ай же вы, мои татаровья поганые!
 Поѣзжайте-ка вы на святую Русь,
 Ко тому ко славному ко Кіеву,
 Посмотрите, попровѣдайте,
 Что-то дѣется на матушкѣ святой Руси“.
 И поѣхали татаровья поганые
 На святую Русь, ко славну Кіеву,
 И пріѣхали во стольный Кіевъ градъ.
 Посмотрѣли отъ далей поганые
 На Владиміра на князя солнышко,
 И поѣхали назадъ къ царю-татарину.
 Сталъ ихъ Калинъ царь спрашивать:
 „Гдѣ же вы, ребята, были-побыли,
 Что же вы, ребята, видѣли?“
 Говорятъ ему татаровья поганые:
 „Были-побыли мы на святой Руси,
 Побыли во славномъ Кіевѣ,
 Видѣли во Кіевѣ чуднымъ чудно,
 Видѣли во Кіевѣ дивнымъ дивно:
 Какъ со матушки со церкви Божіей
 Шла душа-дѣвица красная,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъ,
 Сколько ни читала, вдвое слезно плакала“.
 Говоритъ имъ Калинъ царь Калиновичъ:
 „Ай вы, глупые мои татаровья!
 Шла то не душа-дѣвица красная,
 Шла то мать да пресвятая Богородица,
 Книгу на рукахъ несла, евангелъ:
 Видѣла надъ Кіевомъ невзгодушку,
 Оттого и слезно плакала“.
 Не волна на мѣрѣ расходилася,
 Не синѣ море да всколыбалоса—
 Взволновался Калинъ царь Калиновичъ,
 Воспылалъ собака да на Кіевъ градъ.

Ай, собака ты, злодѣй да Калинъ царь!
Думаетъ онъ думушку недобрую
И совѣтуетъ совѣты нехорошіе:
Хочетъ разорить онъ стольный Кіевъ градъ,
Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
Церкви Божія на дымъ пустить,
Князю солнышку да голову срубить,
Со княгиней стольной со Апраксіей.
Собираетъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель да съ сорока царей,
Съ каждымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакой силушка несчетная.
Собирается собака ровно три года,
На четвертый во походъ пошелъ:
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Становился съ силой у быстра Днѣпра,
Приказалъ всей силушкѣ великой
Во одно мѣсто снести по камешку—
Выросла гора превеличаша.
Что подъ силой мать сыра земля не погнется,
Подъ поганой не разступится?
Отъ того отъ пару отъ конинаго
Инь померкло красно солнышко,
Ни луча не взвидѣть свѣту бѣлаго;
Отъ того отъ духа отъ татарскаго
Нѣ можно крещенымъ живымъ быть.
Какъ разставилъ силу по чисту полю,
Самъ сходилъ собака со добра коня,
Скоро сѣлъ на свой ременчатъ стулъ,
Ярлыки писалъ да скорописчаты,
Не чернилами писалъ, а краснымъ золотомъ,
Ярлыки да запечатывалъ;
Выбиралъ татарина получше всѣхъ:
Мѣрою татаринъ трехъ сажень,
Голова на немъ съ пивной котель,
Промежь плечъ татаринъ во косу сажень.
Подавалъ ему онъ грамоту посыльную,
Посылалъ его во Кіевъ градъ, наказывалъ:
„Ай же ты, любезный мой посланничекъ!
Знаешь говорить ты да по-русскому,

Про себя мычать да по-татарскому?
 Ты бери-ка грамоту посыльную,
 Ты садись-ка на добра коня,
 Поѣзжай-ка да во славный Кіевъ градъ,
 Ко тому ко князю солнышку на шірокъ дворъ,
 Станови добра коня середь двора,
 Не привязывай коня и не приказывай,
 Проходи прямёхонько да не съ упадкою
 Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворяй въ палаты двери на-пяту,
 Не снимай и шапки со головушки,
 Богу русскому не кланяйся,
 Князю солнышку челомъ не бей,
 Полагай лишь ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривай:

— Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко въ нихъ высматривай.—
 Безъ поклода повернись тутъ да поди съ палатъ,
 На коня садись да поѣзжай назадъ,
 Во свою во силушку великую“.

И поѣхалъ тотъ посланничекъ во Кіевъ градъ,
 Дѣлалъ дѣло повелѣное:
 Заѣзжалъ на шірокъ княженецкій дворъ,
 Становилъ добра коня середь двора,
 Не привязывалъ коня и не приказывалъ,
 Проходилъ прямёхонько да не съ упадкою
 Въ гридни свѣтлыя, въ палаты княженецкія,
 Отворялъ въ палаты двери на-пяту,
 Не снималъ и шапки со головушки,
 Не молился Спасу образу,
 Князю солнышку челомъ не билъ,
 Бросилъ только ярлыки на злотъ столъ,
 Пословечно выговаривалъ:

„Ай ты, солнышко князь стольно-кіевскій!
 Ты бери-ка ярлыки да во бѣлы руки,
 Распечатывай-ка ярлыки, развертывай,
 Каждое словечко да высматривай“.

Безъ поклона повернулся да съ палатъ пошелъ,

На коня садился да поѣхалъ вонъ,
Во свою во силушку великую.
Какъ вставалъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Со большаго мѣста княженецкаго,
Бралъ тѣ ярлыки да скорописчаты,
Распечатывалъ ихъ скоро да развертывалъ,
Каждое словечко да высматривалъ.
А во тѣхъ во ярлыкахъ написано,
Чтобы по всему по славну Кіеву
Онъ съ Божьихъ церквей чудны кресты повѣснямалъ,
Во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя,—
Было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскимъ;
По всему бы да по славну Кіеву
Улицы широкія повѣпахалъ,
Богатырскіе дворы повычистилъ,
Поумылъ палаты бѣлокаменны,—
Было бъ гдѣ стоять великой рати-силушкѣ;
По всему бы да по славну Кіеву,
По всѣмъ улицамъ широкимъ,
По всѣмъ малымъ переулочкамъ,
Понаставилъ бочку къ бочкѣ близко-пѣ-близку,
Сладкихъ все, хмельныхъ напитокочковъ,—
Было бъ у чего стоять собакѣ Калину
Со его великой ратью-силушкой.
Видитъ тутъ Владиміръ стольно-кіевскій:
Дѣло-то великое, не малое;
Посмотрѣлъ въ окошечко косящато:
Какъ стоитъ у батюшки быстра Дя́пра
Калинъ царь со всею силушкой невѣрною,
А той силы на чистѣмъ полѣ
Будто лѣсу мелкаго шумящаго,
Не видать ни краюшка, ни бережка;
А знаменье въ на чистѣмъ полѣ
Будто лѣсу крупнаго жарѣваго.
Устрашился солнышко Владиміръ князь,
Закручинился да запечалился,
Ниже плечъ повѣсилъ буйну голову,
Съ ясныхъ очушекъ роняетъ слезы горькія,
Шёлковымъ платочкомъ утирается,
Говоритъ самъ таковы слова:

„Ахъ ты гой еси, моя жена любезная,
 Ты княгинюшка моя Апраксія!
 Накатилась силушка невѣрная,
 Обступила стольный Кіевъ градъ.
 По грѣхамъ намъ вѣрно учинилося,
 Что богатыри изъ Кіева развѣхались:
 Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
 Постоять за Кіевъ градъ ужъ нѣкому.
 Разсердилъ я всѣхъ могучіихъ богатырей,
 А удала стара Илью Муромца
 Засадилъ во погребѣ глубокіе,
 Заморилъ да смертію голодною:
 Постоялъ бы онъ одинъ за Кіевъ градъ,
 Постоялъ бы онъ за церкви Божія,
 Поберегъ бы онъ меня, Владиміра,
 Поберегъ бы и тебя, Апраксию.
 А теперъ намъ, видно, дѣлать нечего,
 На убѣгъ бѣжать изъ Кіева приходится“.

Какъ была тутъ дочка у Владиміра,
 Дочка молодѣшенька, малѣшенька,
 Говоритъ ему да таковыя слова:

„Гой еси, родитель ты мой батюшка!
 Слышала я въ церкви, во писаніи,
 Что удалу стару Ильѣ Муромцу
 Смерть ни съ голоду, ни на бою не писана.
 Закричи-ка ты своимъ вѣрнымъ слугамъ,
 Чтобъ сходили къ погребамъ глубокіимъ,
 Поразсыпали песочки желтые,
 Развалили дубье-колоде,
 Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную.
 Самъ бери-ка золотыя ключи,
 Отворяй-ка погребѣ глубокіе,
 Опускайся-ка ко стару Ильѣ Муромцу,
 Посмотри-ка, живъ ли онъ аль нѣтъ?“

Говоритъ ей батюшка Владиміръ князь:

„Ай же, дитятко мое ты неразумное!
 Ты сними-ка буйну голову,
 Приростетъ-ли ко плечамъ она?
 Быть ли живу черезъ трй года
 Старому да Ильѣ Муромцу?“

Отвѣчаетъ дочка молодѣшенька,
 Дочка молодѣшенька, малѣшенька:
 „Посылай-ка только, онъ тамъ живъ сидитъ“.
 Выходилъ Владиміръ князь тутъ на краснѣ крыльцо,
 Закричалъ вѣрнымъ слугамъ да громкимъ голосомъ:

„Гой еси, мои вы слуги вѣрные!
 Вы сходите-ка ко погребамъ глубокимъ,
 Поразсыпьте-ка песочки желтые,
 Развалите дубье-колоды,
 Да раздѣрните рѣшѣточку чугунную,
 Посмотрите, живъ ли Илья Муромецъ?“

И пошли они ко погребамъ глубокимъ,
 Поразсыпали песочки желтые,
 Развалили дубье-колоды,
 Да раздѣрнули рѣшѣточку чугунную,
 Закричали громкимъ голосомъ:

„Гой еси, удалый добрый молодецъ,
 Живъ ли ты аль нѣтъ, откликнися?“

Подаль голосъ имъ Ильюшенка.

Скоро бралъ Владиміръ князь тутъ золотыя ключи,
 Отмыкаетъ погреба глубокіе—
 А во погребахъ Илья живой сидитъ,
 У Ильюши воскова свѣча горитъ,
 Самъ читаетъ книгу онъ, евангеліе.
 Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:

„Ужъ ты здравствуешь, удалый Илья Муромецъ!
 Ты сидишь во погребахъ глубокіихъ,
 А не вѣдаешь невзгодушки великія:
 Вѣдь нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
 Обошелъ вѣдь насъ собака Калинъ царь
 Со своею силушкой великою.
 Разсердилъ я всѣхъ богатырей,
 Поразвѣхались они изъ Кіева,
 Хлѣба кушати-то есть у насъ кому,
 Постоять за Кіевъ градъ ужъ некому.
 Ужъ постоя-ка ты одинъ за Кіевъ градъ,
 Постарайся-ка за вѣру христіанскую,
 Хоть не для меня, князя Владиміра,
 Хоть не для княгини для Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ“.

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Я ужь трѣ года не видѣлъ свѣту бѣлаго—
Какъ простить мнѣ ту обиду кровную?“

„Да не для-ради меня, Владимира,
И не для-ради моей Апраксіи,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“
Какъ вскочилъ тутъ старый на рѣзвѣ ноги,
Воскричалъ да громкимъ голосомъ:

„Ай ты, бурушка, мой богатырскій конь!“

Выходилъ на бѣлый божій свѣтъ,
Шелъ въ конюшеньку стоялую,
Выводилъ добра коня на широкъ дворъ,
Сталъ добра коня уздать, засѣдывать:
Полагалъ на потнички да потнички,
Полагалъ на войлочки да войлочки,
На верѣхъ черкасское сѣдѣлышко;
Подпруги подтягивалъ шелковеньки,
Втягивалъ шпилѣчки булатныя,
Полагалъ стремяночки булатныя,
Пряжечки да красна золота—
Да не для красы-басы, не для угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Шѣлкъ-то тянется, да не рвется,
А булатъ-жельзо гнется, не ломается,
Красно золото и мокнетъ, да не ржавѣетъ.
Одѣвалъ тогда dospѣхи крѣпкіе,
Бралъ съ собою палицу булатную,
Во-другихъ конье да долгомѣрное,
Въ-третьихъ тѣгой лукъ да каленѣ стрѣлы,
Бралъ еще шалыгу подорожную,
И садился на добра коня,
Говорить самъ князю таковыя слова:
„Запирай-ка, князь, ворота крѣпко-накрѣпко,
Засыпай желтымъ пескомъ ихъ, сѣрымъ камешкомъ;
Я, Илья, поѣду во чисто поле
Созывать могучіихъ богатырей“.

Только видѣли Ильюшу садучи,
А не видѣли его поѣдучи;
Отъ его копытъ отъ лошадиныхъ
Во чистомъ полѣ да куревѣ стоитъ,

Куревѣ стоитъ, да пыль столбомъ валить.
Выѣхаль онъ во чисто поле,
Посмотрѣль на силушку поганую:
Нагнано-то силы видимо-невидимо,
Инь не можетъ пропекать и красно солнышко
Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
Долгимъ весеннимъ денѣчикомъ
Сѣру звѣрю силы не обрыскати,
Долгимъ межѣннымъ денѣчикомъ
Черну вѣрону да не обграйти,
Долгимъ осеннимъ денѣчикомъ
Сѣрой птицѣ да вокругъ не облетѣть.
Какъ отъ покрику отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо (⁸⁹).
И поѣхаль старый Илья Муромецъ
По раздольицу чистою полю вкругъ силушки—
Конца-краю силушкѣ не могъ наѣхати.
И не смѣетъ старый напустить на силушку,
Поднимается на гору на высокую,
Посмотрѣль на силушку поганую,
Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со первой горы Илья спускается,
На высокую другую поднимается,
Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
Конца-краю силѣ насмотрѣть не могъ.
Со другой горы Илья спускается,
На высокую на третью поднимается,
Посмотрѣль на всѣ на три-четыре стороны—
Усмотрѣль подъ стороной восточной
Во чистомъ полѣ бѣлой шатеръ,
На бѣломъ шатрѣ алачѣна маковка,
У бѣла шатра да кѣни богатырскіе.
Со горы высокой онъ спускается
И поѣхаль по чистою полю,
Прѣзжаетъ ко бѣлу шатру;
Тамъ стоитъ двѣнадцать кѣней богатырскихъ,
Зоблятъ всѣ пшѣну да бѣлоярову,
Все-то добры кѣни русскіе,

Все его крестовыхъ братицевъ,
 Братицевъ крестовыхъ да названнихъ.
 Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
 Припуцалъ его къ пшенѣ ко бѣлояровой,
 Самъ заходить во бѣлої шатерьъ.
 Во бѣломъ патрѣ двѣнадцать ли богатырей,
 Все богатырей-то святорусскихъ,
 Съли хлѣба-соли кушати,
 Поиграть во шашки-шахматы.

Онъ глаза крестить да по-писаному,
 Онъ поклонъ ведеть да по-учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Дядюшкѣ любимому въ особину:

„Хлѣбъ да соль, богатыри вы святорусскіе,
 Братія моя крестовая, названая!
 Здравствуешь и ты, любимый дядюшка,
 Ты Самсонъ да сынъ Самойловичъ!“

Какъ увидѣли Илью богатыри,
 Повскочили скоро на рѣзвѣ ноги,
 Со Ильюшкой здоровкались:

„Ай же ты, удалый старый Илья Муромецъ!
 Говорили, ты у князя у Владиміра
 Посажёнъ во погреба глубокие,
 Поморёнъ да смертію голодною,
 Анъ ты живъ поѣзживаешь во чистомъ полѣ?“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ужъ поди-ка ты, любимый мой племянничекъ,
 Съ нами хлѣба-соли да покушати“.

Говорить Илья имъ таковыя слова:

„Гой же вы, могучіе богатыри,
 Гой ты, мой любезный дядюшка!
 Вы ѣдите, пьете, утѣшаетесь,
 Вы во всяки игры забавляетесь,
 А нашъ Кіевъ градъ во полонѣ стоитъ,
 Обступилъ нашъ Кіевъ градъ собака Калинъ царь
 Со своею силушкой великою,
 Хочетъ разорить собака стольный Кіевъ градъ,
 Хочетъ чернедь-мужичковъ повырубить,
 Церкви Божія на дымъ пустить,
 Князю солнышку да голову срубить

Со княгиней стольной со Апраксией.
 Вы сѣдлайте-ка добрыхъ коней,
 Да садитесь на добрыхъ коней;
 Ужь поѣдемъ, братцы, Кіевъ градъ отстаивать,
 Не для князя для Владиміра
 Не для князевой княгинюшки Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Говорить ему Самсонъ Самойловичъ:

„Ай же ты, любимый мой племянничекъ,
 Старый ты да Илья Муромецъ!
 Самъ я не поѣду во чисто поле
 Стольный Кіевъ градъ отстаивать
 И тебѣ не дамъ благословенія:
 Много у Владиміра князей да бояровъ,
 Кормить онъ ихъ, поить до и жалуетъ;
 Намъ же отъ него ждать нечего,
 Не можемъ мы на него смотрѣть,
 На его жену Апраксию,
 Дали въ томъ заклятіе великое“.

„Да не для-ради князя Владиміра
 И не для-ради жены его Апраксіи,
 А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтушекъ!“

Не поѣхалъ съ нимъ любимый дядюшка,
 Не поѣхали могучіе богатыри.
 Видитъ онъ, что дѣло имъ не по-люби,
 Выходилъ одинъ да со бѣла шатра,
 Бралъ добра коня за поводъ шелковые,
 Отводилъ отъ той пшены отъ бѣлояровой,
 Самъ садился на добра коня,
 И поѣхалъ по раздольицу чисту полю
 Ко татарской силушкѣ поганой.
 А раскинулася сила по чисту полю,
 Колыбается акъ синѣ море,
 Инъ сыра земля подъ силой подгибается.

Не ясенъ соколъ съ-подъ облакъ напускается
 На гусей, на лебедей, на малыхъ уточекъ—
 Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ
 Напускается на силу на татарскую:
 Заѣзжаетъ прямо во середочку,
 Сталь татаровой конемъ топтать,

Сталь поганихъ копьемъ колоть,
 Подорожною шалыгою помахивать,
 Будто зелену траву косить:
 Гдѣ махнетъ—тамъ силы улица,
 Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ.
 Трое сутокъ бьетъ онъ силу не ѣдаючи,
 Не ѣдаючи да не пиваючи,
 Со добра коня да не слѣваючи,
 Побилъ силушки ужъ безъ счету,
 А все будто силушки не убыло,
 Самъ Илья изъ силы выбился.
 Какъ вскричалъ тутъ Калинъ царь да громкимъ голосомъ:
 „Гой еси, удалый добрый молодецъ!
 Ты отсрочь-ка времени намъ трое сутокъ“.
 Отвѣчалъ ему удалый добрый молодецъ:
 „Не отсрочу вамъ я нисколѣшенько“.
 „Ты отсрочь намъ хоть на сутки“.
 И отсрочилъ имъ Илья на сутки,
 Самъ поѣхалъ во чисто поле,
 Разставлялъ себѣ бѣлой шатеръ
 И ложился опочивъ держать.
 Услыхалъ тутъ добрый конь невагодушку,
 Разбудилъ Илью онъ рано поутру,
 Проязычился языкомъ человѣческимъ:
 „Ай же ты, любезный мой хозяюшко!
 Ночью мнѣ, добру коню, да мало спалося,
 Мало спалося да много видѣлось:
 Даль собакъ Калину ты сутки времечка,
 А его татаровья поганые
 Подкопали три подкопа да глубокихъ,
 Опущали въ нихъ телѣги да ордынскія,
 Становили копя мурзамецкія,
 Зарывали желтыми песочками.
 Станешь ѣдить ты да по чисто полю,
 Станешь бить да силушку великую,
 Упаду я во первой подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу
 И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
 Упаду я во другой подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу

И тебя, Ильюшеньку, повынесу;
 Упаду я во третій подкопъ—
 Изъ подкопа самъ повыскочу
 А тебя, Ильюшу, ужъ не вынесу“.

Какъ Ильѣ то дѣло не слюбилось,
 Какъ беретъ онъ плетку во бѣлыя руки,
 Бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
 Говоритъ коню да таковыя слова:

Ай же ты, собачище измѣнное!
 „Я холю, кормлю-пою тебя,
 А ты хочешь покидать меня
 Во подкопахъ во глубокихъ!“

И направилъ онъ коня да во первой подкопъ—
 Добрый конь его оттолъ повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой вытащилъ;
 И упалъ онъ во другой подкопъ—
 Добрый конь его оттолъ повыскочилъ
 И Ильюшеньку съ собой вытащилъ;
 И упалъ онъ во третій подкопъ—
 Добрый конь съ подкопа хотъ повыскочилъ,
 Самого Ильюшу ужъ не вытащилъ:
 Соскользнулъ Ильюша со добра коня
 И остался во подкопѣ во глубокомъ.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Захватить хотятъ добра коня;
 Не сдается конь имъ во бѣлыя руки,
 Убѣжалъ далѣко во чисто поле.
 Приходили тутъ татаровья поганые,
 Подняли съ подкопа Илью Муромца,
 И сковали Ильѣ ножки рѣзвья,
 И связали Ильѣ ручки бѣлыя.

Говорятъ одни татаровья:
 „Поведемъ-ка мы его на смертну казнь,
 Отрубить ему да буйну голову“.

Говорятъ ины татаровья:
 „Не отрубимъ-ка ему мы буйной головы,
 А сведемъ къ собакѣ царю Калину:
 Чтò захочетъ, тò надъ нимъ и сдѣлаетъ“.

Повели Ильюшу по чисту полю,
 Приводили ко палаткѣ полотняной,

Привели къ собакѣ царю Калину,
Становили супротивъ его,
Говорили сами таковыя слова:

„Гой еси, собака ты, нашъ Калинъ царь!
Захватили мы удала добра молодца
Во подкопахъ во глубокихъ,
Привели къ тебѣ, собакѣ царю Калину:
Что захочешь, то надъ нимъ и сдѣлаешь“.

Говоритъ Ильѣ собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодець!
Напустилъ щенокъ да на большихъ собакъ!
Гдѣ тебѣ съ татаровьями справиться?
Сядь-ка ты со мной да за единый столъ,
Ѣшь-ка яствушекъ моихъ сахарныхъ,
Пей-ка питьицевъ моихъ медвяныхъ,
Одѣвай мою одежду драгоцѣнную,
Золоту казну держи по надобью;
Не служи-ка ты князю Владиміру,
А служи-ка мнѣ, собакѣ царю Калину“.

Говоритъ ему на то въ отвѣтъ Ильѣ:

„Мнѣ не съѣсть съ тобой да за единый столъ,
Мнѣ не ѣсть твоихъ да яствушекъ сахарныхъ,
Мнѣ не пить твоихъ да питьицевъ медвяныхъ,
Не носить твоей одежды драгоцѣнной,
Не издерживать твоей да золотой казны,
Не служить тебѣ, собакѣ царю Калину;
Постою еще за стольный Кіевъ градъ,
Постою за церкви за Господнія,
Постою за вдовъ, сиротъ да бѣдныхъ людюшекъ!“

Говоритъ ему собака Калинъ царь:

„Ай же ты, удалый добрый молодець!
У меня, собаки, есть двѣ дочери,
Ты посватайся-ка на любой изъ нихъ,
Я люблю за тебя замужъ отдамъ“.

Говоритъ Ильѣ да не съ упадкою;

„Ай же ты, собака Калинъ царь!
Не случилось со мною сабли острья,
На твоей бы шеѣ я посватался“.

Какъ на то собака поразсѣрдился,
Приказалъ вести Ильюшу во чисто поле,

Отрубить ему да буйну голову.
Повели Ильюшу во чисто поле,
Вывели Ильюшу во раздольице,
Засвисталъ Ильюша богатырскимъ посвистомъ.
Не тропой бѣжитъ тутъ, не дорожкой,
Выбѣгаетъ съ поля его добрый конь,
На боку несетъ черкасское сѣдлышко,
По копытамъ бьетъ булатно стремечко.
Замахалъ Илья коня, кричитъ коню:
„Стой-постой-ка ты, мой добрый богатырскій конь!
Ты унесъ меня отъ двухъ смертей,
Унеси теперь отъ третей!“
Подбѣжалъ къ Ильюшѣ его добрый конь,
Захватилъ зубами пѣтыни шелковыя,
Оборвалъ всѣ пѣтыни шелковыя,
Ручки бѣлыя освободилъ Ильѣ;
Захватилъ зубами кандалы желѣзныя,
Оборвалъ всѣ кандалы желѣзныя,
Ножки рѣзвыя освободилъ Ильѣ.
Какъ вскочилъ Илья тутъ на добра коня,
Выѣзжалъ да во чисто поле,
Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ,
Стрѣлочку калѣную накладывалъ,
Самъ стрѣлъ да приговаривалъ:
„Ты пади, стрѣла, не на воду, не на землю,
Ты пади не въ темный лѣсъ, не во чисто поле,—
Ты лети, стрѣла, да во бѣлой шатеръ,
Проломи да крышу на бѣломъ шатрѣ,
Попади, стрѣла, да на бѣлыя груди
Къ моему ко дядюшкѣ любимому,
Проскользани ему да по бѣлой груди,
Сдѣлай только маленькую сцапину,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Спать онъ во бѣломъ шатрѣ да прохлаждается,
Надъ племянничкомъ невзгодушки не вѣдаетъ“.
И спустилъ онъ стрѣлочку калѣную;
Какъ просвистнетъ стрѣлочка калѣная—
Полетѣла прямо во бѣлой шатеръ,
Сняла крышу со бѣла шатра,
Пала дядюшкѣ на бѣлу грудь,

На бѣлой груди да во злачѣнный крестъ,
 Проскользнула по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую.
 Какъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ
 Воспрянулъ отъ сна отъ безпробуднаго,
 Пораскинулъ очи ясныя:
 Снята крыша со бѣла шатра,
 Проскользнула стрѣлка по бѣлой груди,
 Сцапинку дала да не великую.
 Скоро всталъ онъ на рѣзавы ноги,
 Говорить да такои слова:
 „Гой вы, славные, могучіе богатыри!
 Пробуждайтесь-ка отъ сна отъ крѣпкаго,
 Снаряжайте-ка своихъ добрыхъ коней!
 Да садитесь на добрыхъ коней!
 Мы тутъ спимъ да прохлажаемся,
 А не вѣдаемъ невзгоды надъ Ильюшенькой,
 Надъ моимъ племянничкомъ любимымъ:
 Прилетѣлъ мнѣ отъ него подарочекъ
 Нелюбимый да непрощенный:
 Долетѣла стрѣлочка калѣная,
 Сняла крышу со бѣла шатра,
 Сцапинку дала мнѣ по бѣлой груди,
 Маленькую сцапинку да невеликую:
 Погодился мнѣ, Самсону, крестъ на воротѣ,
 Крестъ на воротѣ шести пудовъ;
 Не было бѣ креста на воротѣ,
 Оторвала бы мнѣ буйну голову“.
 Возставали на рѣзавы ноги богатыри,
 Выходили со шатра долой,
 Начали сѣдлатъ добрыхъ коней,
 Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали:
 Стала мать-сыра земля продрагивать.
 Смотрить тутъ удалый Илья Муромецъ
 Со горы высокой въ широкѣ поле:
 Не туманъ во полѣ поднимается—
 Ёдетъ тамъ одиннадцать богатырей,
 Впереди двѣнадцатый—Самсонъ Самойловичъ.
 И окликнулъ Илья Муромецъ богатырей:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
А и живовать собака—не изорвется!“

Только то словечко вымогивить—
Оторвалась голова татарская....

„Гой вы, братія моя названая,
 Дядюшка любимый мой Самсонъ Самойловичъ!
 Поѣзжайте-ка правѣй рукой,
 Самъ поѣду я лѣвѣй рукой,
 Не упустимъ силы мы съ чиста поля,
 Съ двухъ сторонушекъ порубимъ до одинаго“.

Заѣзжали тутъ богатыри правѣй рукой,
 Заѣзжалъ онъ самъ лѣвѣй рукой,
 Раагорѣлися сердца ихъ богатырскія,
 Расходились жилы богатырскія,
 Стали бить-рубить они татаровой,
 Стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ.

О тѣла поганья татарскія
 Иступились сабли остря,
 Расщепились копыя долгомѣрныя,
 Изломались палицы тяжелыя.
 Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина,
 Сталь кругомъ татаринѣ помахивать:
 Гдѣ махнетъ—тамъ улицы татаровой,
 Отмахнется—съ переулками,
 Самъ татарину да приговариваль:

„А и крѣпокъ же татаринъ—не изломится,
 А и жиловать собака—не издрвется!“

Только то словечко вымолвилъ—
 Оторвалась голова татарская,
 Угодила голова по силѣ вдоль,
 Бьетъ и ломить ихъ, въ конѣць губить:
 Достальные на побѣгъ пошли,
 Сами говорятъ да заклинаются:

„А не дай намъ Богъ видать рускыхъ людей!
 Неужтѣ всѣ таковы во Кіевѣ,
 Что одинъ да побилъ всѣхъ татаровой?“

А собака сударь Калинъ царь
 Спитъ въ своей палаткѣ полотняной,
 На кроваткѣ дѣрогъ рыбій зубъ,
 Да подъ одѣяльцемъ соболиннымъ,
 Спитъ, собака, прохлажается,
 Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
 Какъ наѣхаль тутъ къ палаткѣ Илья Муромецъ,
 Ухватилъ собаку за желты кудри,

Выдернулъ съ кровати рыбій зубъ,
 Выдернулъ съ кармана плетъ шелковую,
 Началъ битъ его, собаку, чествовать,
 Самъ ему да приговаривать:

„Вотъ тебѣ, безбожный Калинь царь,
 Со Божьихъ церквей чудны кресты,
 Во церквахъ да стояла лошадинья!
 Вотъ тебѣ распаханная улицы,
 Вычищенные дворы да богатырскіе,
 Поумытыя палаты бѣлокаменны!
 Вотъ тебѣ хмельные, сладкіе напитокчи
 Со твоею силушкой великою!
 А теперь поѣдемъ-ка во стольный Кіевъ градъ
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

И повезъ Илья собаку царя Калина
 Въ Кіевъ градъ ко князю ко Владиміру
 И привелъ его въ палату бѣлокаменну
 Передъ ласковаго князя солнышка.
 А Владиміръ князь встрѣчалъ богатырей,
 Принималъ со честью-почестью,
 Билъ челомъ съ усердьемъ всѣмъ богатырямъ,
 Ильѣ Муромцу изъ всѣхъ въ особину:

„Благодарствуйте, могучіе богатыри,
 Благодарствуешь ты, старый Илья Муромецъ,
 Что избавили насъ отъ бѣды великія,
 Отъ напасти отъ напрасныя!
 Будьте вы впередъ за Кіевъ обстоятели,
 Ото всѣхъ сторонъ оберегатели,
 Какъ за то я васъ пожалую,
 Какъ пожалую васъ златомъ-сѣребромъ,
 Какъ пожалую васъ платьемъ цвѣтнымъ;
 Или надо города вамъ съ пригородками,
 Или надо сѣла вамъ съ присѣлками,
 Или надо вамъ деревни со крестьянами?“

Отвѣчаетъ старый Илья Муромецъ:

„Ничего мнѣ, старому, не надобно“.

Какъ тутъ всѣхъ другихъ богатырей
 Солнышко Владиміръ жалуеъ:
 Какъ даетъ имъ города да съ пригородками,
 Какъ даетъ имъ сѣла да съ присѣлками,

Какъ даетъ имъ золоту казну безсчетную,
 Какъ даетъ имъ платья цвѣтныя,
 Обѣщаетъ при себѣ ихъ во чести держать.
 И велитъ онъ всѣ царевы кабаки раскрыть,
 Чтобъ весь народъ пилъ зеленѣ вино;
 Кто не хочетъ зеленѣ вина,
 Тотъ бы пилъ все пива пьянаго;
 Кто не хочетъ пива пьянаго,
 Тотъ бы пилъ медѣвъ стоялыихъ (60)—
 Чтобъ всѣ да веселилися.
 И заводитъ онъ великъ почестень пиръ
 На своихъ князей, на бояровъ
 Да на всѣхъ могучихъ богатырей;
 И беретъ онъ за бѣлы руки
 Ту собаку царя Калина,
 Садитъ также за столы дубовые,
 Кормитъ яствушкой сахарною,
 Пѣдитъ питьицемъ медвянымъ;
 А собака бьетъ челомъ ему:

„Ай же ты, Владиміръ князь да стольно-киевскій!
 Не сруби-ка ты мнѣ буйной гѣловы!
 Напишу съ тобой я записи великія,
 Буду я платить отъ вѣка до вѣку
 Дани-выходы тебѣ, князю Владиміру“ .

Скоро тутъ домой онъ убирается,
 Убирается, собака, не съ прибытками,
 Не съ прибытками, а со убытками,
 Со убытками, со страмотою вѣчною.

Тутъ ему, собакѣ, и славу поють.

* *
*

Что ни лучше богатыри—во Киевѣ,
 Золотѣ казна—во Черниговѣ.
 Колокольный звонъ—во Новѣ-городѣ,
 Темны лѣсушки—Смоленскіе,
 Горы-долы—Сорочинскіе,
 А чисты поля—ко Ерусѣлиму.
 Здунинай-най-най!
 Болѣ пѣть впередъ не знай.

БЫЛИНА
ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Чурила Пленковичъ.

Бласлови-ка, хозяинъ, бласлови, государь,
Старину намъ сказать стародавнюю,
Хорошо сказать, да лучше слушати,
Про младѣго Чурилу сына Пленковича! (61)

* *
*

Въ стольномъ городѣ было во Кіевѣ
Да у ласкова князя у Владиміра
Заводился хорошъ да почѣстенъ пирь
На многѣхъ князей да на бѣяровъ,
На всѣхъ русскіихъ могучіихъ богатырей
Да на всѣхъ на поленицъ удалыхъ.
Дологъ день идетъ ко вечеру,
А почѣстенъ пирь идетъ ко веселу.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Самъ государь распотѣшился,
Выходилъ на крылѣчко на перѣное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Какъ изъ дѣлеча-далѣча поля чистаго
Туть толпа мужичковъ появилась,
Все-то мужички-рыболовщички,
А и всѣ-то избиты-изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками буйныя завязаны;
Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плѣнковича.

Вздили мы по рѣкамъ-озерамъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой рыбки изловить не могли.

Появились люди невѣдомые,

Шёлковы нѣводы замѣтывали,

Камешки у сѣтокъ-то серебряные,

Поплабочки на сѣткахъ позолоченые:

Бѣлую рыбицу повѣпугали,

Щукъ, карасей повѣловили,

Мелкую рыбицу повѣдавили.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,

Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,

Намъ отъ васъ нѣту жалованья.

Жены, дѣти наши осиротѣли,

По міру пошли скитатися,

Насъ самихъ избили-изранили.

Скажутся-называются

Все они дружиною Чуриловою“.

Та толпа со двора не сошла,

Новая съ поля появилась,

Все мужички-птицеловщички,

А и всѣ-то избиты-изранены,

Булавами головы пробиваны,

Кушаками буйныя завязаны;

Кланяются князю, поклоняются,

Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!

Дай, государь, намъ праведный судъ,

Дай на Чурилу сына Плѣнковича.

Вздили мы по тихимъ заводямъ,

На твое на счастье княженецкое

Ни единой птички не вѣсмотрѣли.

Появились люди невѣдомые,

Всѣхъ ясныхъ сѣколовъ повѣхватали,

Всѣхъ гусей-лѣбедей повѣловили,

Всѣхъ сѣрыхъ утушекъ повѣстрѣляли.

Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Пò міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою".

Та толпа со двора не сошла,
 Новая съ поля появилася,
 Все мужички-звѣроловщички,
 А и всѣ-то избиты-изранены,
 Булавами головы пробиваны,
 Кушаками буйныя завязаны;
 Кланяются князю, поклоняются,
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:

„Здравствуешь, солнышко Владиміръ князь!
 Дай, государь, намъ праведный судъ,
 Дай на Чурилу сына Плѣнковича.
 Вѣдили мы по темнымъ лѣсамъ,
 На твоёмъ государевомъ на займищѣ
 На твое на счастье княжеченское
 Никакого звѣря не наѣзживали.
 Появились люди невѣдомые,
 Шёлковы тѣнета протягивали,
 Кунку да лиску повѣловили,
 Чѣрнаго соболя повыдавили,
 Туровъ, оленей повистрѣляли.
 Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
 Вамъ со княгиней свѣжа куса нѣтъ,
 Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
 Жены, дѣти наши осиротѣли,
 Пò міру пошли скитатися,
 Насъ самихъ избили-изранили.
 Скажутся-называются
 Все они дружиною Чуриловою".

Воспрогворитъ ласковый Владиміръ князь:

„Гой вы, князья мои да бѣяре,
 Сильные, могучіе богатыри!
 Кто это Чурила есть таковъ?

Какъ не знаю я Чуриловой посѣлицы,
Какъ не знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ“.

Выступалъ изъ-за столовъ окольныхъ
Старый Бермята сынъ Васильевичъ:

„Я, государь-свѣтъ, Владиміръ князь,
Знаю Чурилову посѣлицу,
Знаю, гдѣ Чурила и дворомъ стоитъ.
Какъ не здѣсь живетъ Чурила, не во Кіевѣ,
Какъ живетъ онъ да пониже Мала Кіевца.
Дворъ у Чурилы на семи верстахъ,
Около двора булатный тынъ,
Верхи на тѣчинкахъ точёные,
Каждая съ маковкой-жемчужинкой;
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Надъ воротами иконъ до семидесяти;
Среди двора теремъ стоятъ,
Теремъ стоятъ златоверховатые;
Первыя ворота—вальящетыя,
Среднія ворота—стекольчатыя,
Третья ворота—рѣшетчатыя“.

Скоро тутъ Владиміръ князь съ княгинею
Въ путь поднимается, поѣздку чинить:
Хочетъ на Чуриловъ на дворъ поглядѣть.
Взялъ съ собою, чтобы путь показать,
Стараго Бермяту Васильевича,
Взялъ всѣхъ князей своихъ да бояровъ,
Взялъ еще любимаго подручника
Стараго удала Илью Муромца,
Съ нимъ младѣ Добрынюшка Никитича;
Всѣхъ собралось ихъ пятьсотъ человекъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Ко Чурилову двору за Малый Кіевецъ.
Подъѣзжаетъ князь ко Чурилову двору,
Говорить, головой покачиваетъ:

„А и право же такъ, не пролгали мнѣ“.

Какъ изо тѣхъ изъ теремовъ высокихъ
Выходилъ тутъ старъ матѣрь человекъ;
Шуба-то на старомъ соболина,
Подъ дорогимъ зелѣнымъ стѣметомъ,
Петельки на шубѣ семи шелковъ,

Пуговки все вальящетыя,
 Литый вальякъ-то красна золота.
 Отворяеть князю со княгинею
 Первыя ворота вальящетыя,
 Князьямъ-боярамъ—среднія стекольчатыя,
 Малымъ людямъ—третьи рѣшетчатыя,
 Самъ говоритъ таковы слова:

„Здравствуешь, князь со княгинею!
 А пожалуй-ка ты къ намъ во высѣкъ теремъ
 Хлѣба да соли покушати,
 Бѣлаго лебеда порушати“.

Говоритъ ему ласковый Владиміръ князь:

„Ай же ты, старъ матѣрь человѣкъ!
 Какъ не знаю тебѣ, старому, я имени,
 Какъ не знаю тебѣ, старому, отечества“.

Говоритъ ему старъ матѣрь человѣкъ:

„А я Плѣнко, гость Сурожанинъ, (69)
 А и есть вѣдь я Чуриловъ батюшка“.

И пошелъ Владиміръ во высокъ теремъ,
 Ходитъ по терему—дивуется,
 Хорошо тамъ все изукрашено:
 Поль-середа одного серебра,
 Печки-то все муравленныя,
 Подики у печекъ серебряныя,
 На стѣны сукна навѣваны,
 На сукна стѣкла набѣваны,
 А потолокъ красна золота,
 Вся луна небесная повѣведена:
 Солнце на небѣ—солнце и въ теремѣ,
 Мѣсяць на небѣ—мѣсяць и въ теремѣ,
 Звѣзды на небѣ—звѣзды и въ теремѣ.
 Пѣ небу звѣздочка покатится—
 Въ теремѣ звѣздочки посыплются;
 Все по небесному въ теремѣ,
 А и всякая краса несказаная.

Сѣли за столы за убраные,
 Пьютъ всѣ, ѣдятъ, потѣшаются,
 Столъ у нихъ идетъ о полѣ-столѣ,
 Пиръ у нихъ идетъ о полѣ-пирѣ;
 День на дворѣ вечерається,

Красное солнце закатается;
Всѣ-то ужъ они безъ памяти сидятъ,
Солнышко князь свѣтель-радошень,
Вскрыль немножечко окошечко,
Зрѣль-смотрѣль въ поле чистое.
Какъ изъ далеча-далеча поля чистаго
Туть толпа молодцовъ появилась,
Молодцовъ-то болѣе тысячи;
Кони подъ ними одношерстные,
Узды на коняхъ одномѣдныя,
Сѣдла на нихъ шиты золотомъ;
Сами молодцы то одноличныя,
Платье-то на нихъ скурлатъ-сукна,
Всѣ подпоясаны источенками,
Шапки на всѣхъ черны мурманки,
Черны мурманки-золоты вершки;
А на ножкахъ сапожки-зеленъ сафьянъ,
Носы-то шиломъ, пяты востры,
Кругъ носовъ-носовъ хотъ яйцомъ прокати,
Подъ пяту-пяту воробей пролети,
Воробей пролети, перепархивай.
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горять,
Кони подъ ними какъ соколы летять.
Среди всѣхъ ѣдетъ купавъ молодець,
Купавъ молодець да краше всѣхъ:
Кудри у молодца дугой золотой,
Шея у молодца какъ бѣлый снѣгъ,
Личико у молодца какъ маковъ цвѣтъ,
Очи какъ у ясна сокола,
Брови какъ у черна соболя;
Впередъ его скороходы бѣгутъ,
Передъ нимъ отъ солнца подсолничекъ несутъ,
Чтобы не запекло ему бѣла лица;
Самъ онъ ѣдетъ на трехъ лошадахъ,
Съ лошади на лошадь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Шапочки у молодцевъ подхватываетъ,
На головушки молодцамъ подкладываетъ.
Какъ Владиміръ князь туть исполдшался,
Говорить старику да таковы слова:

„Ай же ты, Плёнчище Сурожанинъ!
Чья эта сила появилась?

То не царь ли какой со своей ордой
На меня, Владиміра, идетъ войной,
Во полонъ меня взять собирается?“

Усмѣхается Плёнчище Сурожанинъ:

„Не пужайся, государь, не полошайся!
То не царь со ордой идетъ войной,
То съ дружиной ѣдетъ сынишко мой,
Молодой Чурилушка Плёнковичъ“.

Выходилъ тутъ Плёнчище Сурожанинъ
На то заднее крылѣчко на перѣное,
Говорить Чурилѣ таковы слова:

„Ай же ты, сынокъ мой Чурилченко!
Есть у тебя любимый гость,
Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій:
Чѣмъ будешь гостя ты подчивати,
Чѣмъ будешь гостя ты жаловати?“

Бралъ тутъ Чурила золотыя ключи,
Заходилъ Чурила во глубокъ погребъ,
Отмыкалъ Чурила кованыя ларцы,
Бралъ оттуда шубу соболиную,
Дорогого соболя заморскаго,
И подъ дорогимъ заморскимъ стѣметомъ—
Подарить имъ солнышка Владиміра;
Бралъ еще камѣчку хрущатую—
Подарить княгиню Апраксию;
Бралъ куницъ, лисицъ, бѣлыхъ зайцевъ—
Подарить князей да бояровъ;
Бралъ несмѣтно золотой казны—
Подарить дружину княженецкую.

Принималъ Владиміръ князь подарочекъ,
Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай же ты, Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
Много на тебя было просителей,
Болѣе того да челомъ-битчиковъ,
А теперь того больше благодателей,
И не дамъ я теперь суда на тебя.
Не долѣетъ тебѣ жить за Кіевцемъ,
А долѣетъ тебѣ жить во Кіевѣ.“

Ужь пойдѣ-ка ко мнѣ ты въ стольники,
Въ стольники ко мнѣ да въ чашники!“

Кто отъ бѣды откупается—

А Чурила на бѣду нарывається:

Онъ идетъ ко князю въ стольники,
Въ стольники идетъ да въ чашники.

Какъ прѣѣхали ужѣ во Кіевъ градъ,
Свѣтъ-государь Владиміръ князь
На хорошаго новаго стольника
Заводилъ хорошъ да почѣстенъ пиръ.
Молодой Чурила сынъ Пленковичъ
Ходитъ да ставить дубовы столы,
Жѣлтыми кудрями потряхиваетъ—
Жѣлтые кудри разсыпаются,
Что скачѣнъ жемчугъ раскатается.

Рушала княгиня Апраксія

Бѣлое мясо лебединое—

Заглядѣлась на Чурилу сына Пленковича.

Бѣлу ручушку себѣ порѣзала,

Со стыда подъ стѣлъ руку свѣсила,

Говоритъ сама таковы слова:

„Свѣтъ-государь мой, Владиміръ князь!

А не быть бы Чурилушкѣ въ стольникахъ,

А не быть бы Чурилушкѣ въ чашникахъ:

На красу на Чурилову гляючи,

На его на кудѣрышки жѣлтые,

На его на перстни золочѣнные,

Бѣлу руку я себѣ порѣзала

Помѣшался разумъ во буйной головѣ,

Помутился свѣтъ въ ясныхъ очушкахъ“.

Говоритъ княгинѣ Владиміръ князь:

„Богъ тебя суди, что въ любовь мнѣ пришла,

Кабы ты, княгиня, не въ любовь мнѣ пришла,

Подъ плечъ бы тебѣ голову срубилъ.

Ай же ты, Чурила сынъ Пленковичъ!

А не быть же тебѣ у насъ въ стольникахъ,

А не быть же тебѣ у насъ въ чашникахъ:

Быть тебѣ во ласковыхъ зазывателяхъ,

Зазывать мнѣ гостей во почѣстенъ пиръ“.

Того дѣла Чурила не пятится,

Отдалъ поклонъ да и вонъ пошелъ.
 А поутру встаетъ ранёхонько,
 Умывается водушкой бѣлѣхонько,
 Одѣвается самъ хорошохонько.
 Какъ не бѣлый тутъ заюшка проскакиваетъ,
 Не мелкіе слѣдѣчки промѣтываетъ—
 Чурила изъ сапожковъ-зелёнъ сафьянъ
 Серебряны гвоздѣчки выраниваетъ;
 Ребятки по слѣдѣчкамъ прохаживаютъ,
 Серебряны гвоздѣчки нахаживаютъ.
 Ходитъ Чурилушка по Кіеву,
 Улицами ходитъ, переулками,
 Князей зазываетъ со княгинями,
 Бѣяровъ скликаетъ со боярынями,
 Жёлтыми кудрями самъ потряхиваетъ—
 Жёлтые кудри рассыпаются,
 Что скачѣнъ жемчугъ раскатается.
 Заглядѣлися всѣ люди на Чурилушку:
 Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
 Гдѣ молѣдушки глядятъ—оконницы звенять,
 А старья старухи костыли грызутъ,
 Все гляючи на молода Чурилушку.
 Съ той поры Чурилу въ старинахъ поемъ,
 Вѣкъ будемъ пѣть его и до вѣку.

Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещать,
Гдѣ молодушки глядятъ—оконницы звенять,

А старья старухи костыли грызутъ,
Все гляючи на молодца Чурилушку.

БЫЛИНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Дюкъ Степановичъ. (68)

Какъ во той во Индіи богатой
Да во той во Галичи проклятой
Не ковыль-трава по вѣтру колыхается,
Да не бѣлая березка погибается—
Сынъ со рѣдной матушкой прощается,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Со честной вдовой Мамельфой Тимошеевной,
Понизѣшенько ей поклоняется,
Жѣлтыми кудрями до сырѣи земли:

„Свѣтъ мой, государыня родитель-матушка,
Ты честна вдова, Мамельфа Тимошеевна!
Дай-ка мнѣ прощаньице-благословеньице
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.
У меня во всѣхъ градахъ побывано,
Всѣхъ князей да переvidано,
Всѣмъ княгинямъ да послужено—
Въ одномъ во градъ Кіевъ не бывано,
Одного князя Владиміра не vidано,
Да одной его княгинюшкѣ не служено;
А вѣдь скажутъ: Кіевъ градъ въ чести, въ добръ“.

Отвѣчаетъ Дюку рѣдна матушка,
Рѣдна матушка Мамельфа Тимошеевна:

„Свѣтъ мой, чадочко мое любимое,
Молодой бояринъ Дюкушка Степановичъ!
Нѣтъ тебѣ прощеньица-благословеньица
Съѣздить въ славный стольный Кіевъ градъ.“

Не бывать тебѣ во градѣ Кіевѣ,
 Не видать тебѣ князя Владиміра,
 Не служить тебѣ его княгинюшкѣ:
 Вѣдь до славнаго до града Кіева
 Три стойтъ заставушки великіихъ:
 Первая заставушка—горушки толкучія,
 А другà застава—птицы поклевучія,
 Третья застава—змѣи поѣдучія.
 Тутъ тебѣ ли, Дюку, не проѣхати,
 Молодому живу нѣ бывать“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай же ты, моя родитель-матушка!
 Ты меня тѣмъ не угроживай.
 Дашь прощаньице—поѣду я,
 А не дашь прощенья—все поѣду я“.

„Ай же, дитятко мое ты милое,
 Молодой ты Дюкушка Степановичъ!
 Богъ тебя простить, Господь помилуетъ.
 Уродилося ты, дитятко, заносливо,
 Уродилося заносливо, захвастливо:
 Ты расхвастаешься животѣшками,
 Животѣшками сиротскими, вдовинными;
 А во Кіевѣ-то люди все лукавые,
 Изведуть тебя вѣдь не за денежку“.

Какъ пошелъ тутъ Дюкъ Степановичъ
 На свою конюшню на стоялую,
 Изъ ста добрыхъ коней, изъ тысячи
 Выбиралъ жеребчика неѣзжена,
 Мала бурушку-кавурушку косматаго.
 Шорсточка у бурушки-то трѣхъ пядей,
 Грива у кавурушки-то трѣхъ локтей,
 Краснымъ золотомъ повѣта, наукрашена,
 Хвостъ до самой до сырѣй земли,
 Застилаетъ, заматаетъ слѣды конские.
 Выводилъ бурка бояринъ на широкой дворѣ,
 Да каталь-валялъ его въ росѣ вечерней, (64)
 Расчесалъ гребенкой-дорогъ рыбий зубъ,
 Наложилъ попону пестрадиную,
 Въ три ли стрѣжки стрѣчену да точену:
 Первая строка-то чиста сѣребра,

Средняя строка-то красна золота,
Третія строка-то скатна жемчугу.
Да не тѣмъ попона дорога была,
Что въ три стрѣлки стрѣчена да тѣчена,
Тѣмъ попона дорога была,
Что ладами всякими выплѣтана,
Да и тѣмъ еще ли дорога была—
Вплѣтано въ нее по камню яхонту,
По драгѣму камню самоцвѣтному:
Отъ камней лучи пекутъ да солннопѣчны,
Чтобы днемъ и ночью видно было ѣхати.
Полагаль еще бояринъ подсѣдельники,
Клалъ снаряжное сѣдельшко черкасское,
Уздицу и поводъ съ нацвѣтами;
Подпрягалъ двѣнадцать подпруговъ семи шелковъ,
Подтянулъ еще тринадцату продольную—
Да не для-радѣ красы-басы угожества,
Для-радѣ укрѣпы богатырскія;
Втягиваль въ нихъ пряжечки серебряны,
Вдергиваль въ нихъ иглы золочѣныя,
Торокѣ великія подвязываль,
Нагружалъ въ нихъ золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго;
Подводилъ коня къ крыльцу перѣному,
Что къ крыльцу перѣному, къ столбу точѣному,
Что къ столбу точѣному, къ колечку золочѣному,
Отошелъ самъ отъ коня—дивуется:

„Али добрый конь ты, али лютый звѣрь—
Изъ-подъ славнаго наряда не увидѣти“.

Видѣли еще, какъ на коня вскочилъ,
А не видѣли поѣадки молодецкія,
Только въ полѣ кудельба стоитъ—
Конь стрѣлой подъ Дюкомъ въ перелѣтъ летитъ.
Ко первой заставушкѣ прискакиваль,
Ко тѣмъ горушкамъ толкучимъ:
Горы вмѣстѣ стѣлкнулись-растолкнулись,
Не поспѣли снова стѣлкнууться—
Бурушка-кавурушка проскакиваль.
Маленькій косматенькій провѣртываль.
Ко другой заставушкѣ прискакиваль,

Ко тѣмъ птицамъ поклеучіимъ:
 Не поспѣли птицы крыльицевъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакиваль,
 Маленькій косматенькій провѣртываль.
 Къ третьей ко заставушкѣ прискакиваль,
 Ко тѣмъ змѣямъ поѣдучіимъ:
 Не поспѣли змѣи хоботовъ расправити—
 Бурушка-кавурушка проскакиваль,
 Маленькій косматенькій провѣртываль.
 Съ холма на холмъ, съ горы на гору,
 Рѣки да озѣра перескакиваль,
 Широкий раздолья промежъ ногъ спускаль,
 Въ славный Кіевъ градъ прискакиваль.

Проѣзжаетъ Дюкъ тутъ на широкой дворъ
 Къ ласковому солнышку Владиміру,
 Привязаль коня къ столбу точёному,
 Ко колечку золочёному,
 Заходилъ въ палаты бѣлокаменны,
 Приходилъ во гридню во столовую,
 А сидитъ тутъ молода Апраксія,
 Стольная княгиня княженецкая,
 Говоритъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Здравствуешь ты, портомойница!“

Какъ то слово ей не показалось;

Говоритъ княгиня стольная Апраксія:

„Что ты, деревенщина-засельщина,

Рѣчи говоришь мнѣ неумильныя,

Стольную княгиню княженецкую

Называешь портомойницей!“

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ

Головой качаетъ, самъ отвѣтъ держитъ:

„Гой еси ты, молода княгинушка!

За то слово на меня ты не прогнѣвайся:

Какъ у насъ во Индіи богатой

Да во той во Галичи проклятой,

У моей у рѣдной матушки,

Въ экомъ платьѣ ходятъ портомойницы.

А и гдѣ же самъ Владиміръ столенно-кіевскій,

Бить челомъ бы солнышку да поклониться?“

„Онъ ушелъ во церковь во соборную,

Господу ли Богу помолитися,
 Ко Господнему кресту ли приложитися“.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Выходилъ на улицу широкую,
 Прямо шель во церковь во соборную;
 Крестъ кладеть тутъ по-писаному,
 И поклонъ ведеть да по-ученому,
 Желтыми кудрями до сырой земли,
 Да не столько Господу молился онъ,
 Да не столько образамъ клонился онъ,
 Сколько съ ноженьки на ноженьку поступливалъ,
 Съ плечика на плечико поглядывалъ,
 Самъ губами-то почамкивалъ;
 На Владиміра ли ваглянетъ князя солнышка—
 Покачаетъ лишь головушкой,
 На князей, на бояровъ оглянется—
 Поведеть плечомъ лишь да рукой махнуть.
 А стояли около Владиміра:
 По праву руку Добрынюшка Никитичъ младъ,
 По лѣву руку Чурилушка сынъ Плѣнковичъ.

Отошла обѣдня воскресенская,
 Сталъ Владиміръ князь боярина выпрашивать:
 „Ты отколь, скажи, удалый добрый молодець?
 Ты коей земли, коей орды?
 Какъ тебя, скажи, назвать по имени,
 Величати по отечеству?“

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
 „Ай же ты, Владиміръ стольно-кїевскій!
 Я изъ той изъ Индіи богатыя
 Да изъ той изъ Галичи проклятыя,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ“.

„А давно ли ты, бояринъ, къ намъ повыѣхалъ?“
 „Дома я стоялъ заутреньку,
 А во Кїевъ градъ поспѣлъ къ обѣденькѣ“.

Говорить Чурилушка сынъ Плѣнковичъ:
 „Гой еси ты, нашъ Владиміръ князь!
 Во глазахъ мужикъ вѣдь подлыгается,
 Во глазахъ, собака, насмѣхается!
 Повороты у него не Дюковы,
 Поговорушка не Дюкова,

А должонъ онъ быть холопина боярская,
 Князя, знать, убиль, либо боярина,
 Платья цвѣтныя содраль съ него:
 У обѣдни Богу не молился онъ,
 Все вокругъ посматриваль, поглядываль,
 Все свою одѣженьку оглядываль:
 Видно, цвѣтныхъ платевъ вѣкъ не нашиваль“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честї, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Въ вашей церкви во соборной
 Просто-запросто да пусто-запусто,
 Противъ нашей и десятой доли нѣтъ;
 Платья у тебя, у князя солнышка,
 У твоихъ князей да бѣяровъ,
 Какъ у насъ у самыхъ бѣдныхъ“.

Зазываль тутъ молода боярина
 Князь Владиміръ на почѣстенъ пиръ,
 Выходили вмѣстѣ съ церкви Божіей
 Да пошли по городу по Кіеву.
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Сдѣлалися улочки да грязныя.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Шель да на сапожки все поглядываль.
 Говорить Чурилушка сынъ Плёнковичъ:

„И доподлинно холопина боярская,
 Деревенщина да пустохвастина:
 На свои сапожки не насмотрится,
 Вѣдь такихъ сапожекъ, знать, не держиваль“.
 Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честї, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Настланы мостѣчки кирпичныя,
 Сыпаны песочки рудожелтыя,
 Да положены порученьки калѣновы;
 Какъ тутъ пали дождички великіе,
 Измочилися песочки рудожелтыя—
 Призабыргаль я сапожки-то зелѣнь сафьянъ.“

У моей у рѣдной матушки
 Стланы все мосточки дубовые,
 Пѣверху—сукѣнца одинцѣвья,
 Да положены порученьки серебряны—
 Какъ пойдешь по тѣмъ мосточикамъ дубовымъ
 Да о тѣ порученьки серебряны,
 Тутъ сапожки, идя, только чистятся,
 Рудожелтой грязью не забрызжаются“.

Прѣзжали ко воротамъ княженецкіимъ;
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Головой качаль, самъ приговариваль:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѣ, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 У моей у рѣдной матушки
 Надъ воротами иконъ-то будетъ семьдесятъ,
 Да и всѣ иконы въ золотѣ,
 А у васъ здѣсь и десятка нѣтъ!“

Заѣзжали на широкій княженецкій дворъ,
 Ко столбу стоитъ привязанъ Дюковъ добрый конь.
 Головой качаетъ Дюкъ Степановичъ:

„Сказывали, Кіевъ градъ въ честѣ, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:

У моей у рѣдной матушки
 На дворѣ стоятъ столбы серебряны;
 Въ нихъ продѣрнуты колечки чиста золота,
 Поразставлена сытѣ медвѣная,
 Понасыпана пшена да бѣлоярова—
 Есть добрымъ конямъ что пить да кушати.
 А у васъ здѣсь брошено овсипка зѣблагю.
 Ай же ты, мой бурушка-кавурушка!
 Ты помрешь здѣсь, бѣдный конь мой, съ голоду:
 Во своемъ во городѣ во Галичѣ
 Ты не кушалъ и пшены-то бѣлояровой!“

Заходили во палаты бѣлокаменны,
 Проводили гостя въ гридню свѣтлую,
 Становили столики дубовые,
 Накрывали скатерти шелковья,
 Становили яствица сахарныя,
 Разводили питьица медовья,
 Да садили гостя во большѣ мѣсто,

Во большò мѣсто, да во большомъ углу,
 Почитали гостя за гостя.
 За столомъ сидятъ всѣ, пьютъ да кушаютъ,
 Пьютъ да кушаютъ, а сами слушаютъ.
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 За столомъ сидитъ, въ окно глядитъ,
 Все качаетъ лишь головушкой;
 Со стола крупитчатый калачъ возьметъ,
 Верхнюю корочку повырѣжетъ, на столъ кладетъ,
 Мякишекъ-серѣдку скушаетъ,
 Нижню корочку подъ столъ мечѣтъ.
 Увидаль то солнышко Владиміръ князь:
 „Что же ты, бояринъ, чванишься?
 Верхню корочку на столъ кладѣшь,
 Нижню корочку подъ столъ мечѣшь?“
 Отвѣчаетъ Дюкъ Степановичъ:
 „На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Сказывали, Кіевъ градъ въ честѣ, въ добрѣ,
 А у васъ во Кіевѣ все не по нашему:
 Какъ у васъ все бочки-то дубовыя,
 Понабѣваны обручики еловые,
 Дѣланы мѣшалочки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи мѣсятъ;
 Какъ у васъ все печки-то кирпичныя,
 Топятся дровцами да еловыми,
 Дѣланы помялушки сосновыя—
 Тутъ у васъ и калачи пекутъ:
 Оттого у васъ и калачи крупитчаты
 Пахнутъ на ту глинушку дожждовую
 Да на то помялушко сосновое.
 У моей родитель-матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны,
 Понабѣваны обручики злачѣные,
 Да положены все мѣды сладкіе;
 Дѣланы мѣшалочки дубовыя—
 Тутъ у ней и калачи мѣсятъ!
 Печечки-то все у ней муравлены,
 Топятся дровцами да дубовыми,
 Дѣланы помялушки шелковыя;
 Какъ помочать во росу медовую,

Пометаютъ печечки муравлены,
 Подстилаютъ бѣлою бумагою—
 Тутъ у ней и калачи пекутъ:
 Какъ калачикъ съѣшь—другого хочется,
 Другой съѣшь—по третьему душа горить,
 Третій съѣшь—четвертый вонь съ ума нейдетъ“.

Наливали тутъ хмѣльныхъ напитокочковъ,
 Подносили гостю зеленà вина;
 Бралъ онъ чару во бѣлыя руки,
 Подносилъ къ устамъ сахарнымъ—
 Не понравился боярину напитокчекъ,
 Половину вылилъ за окошечко,
 Половину за спину повыплескалъ
 Черезъ золотъ стулъ по славной горенкѣ,
 Говорить самъ князю таковыя слова:

„На меня ты, князь, въ томъ не прогнѣвайся:
 Какъ у васъ во Кіевѣ да не по нашему:
 Дѣланы все бочки-то дубовыя,
 Понабываны обручки еловые,
 Зеленò вино туда положено,
 Въ погреба да на землю опущено,
 Тамъ винцо у васъ и призадòхнется:
 Горько ваше зеленò вино,
 Пахнетъ зàтхолью великою,
 А и въ ротъ его не можно взять.
 У моей сударни у матушки
 Дѣланы все бочечки серебряны
 Понабываны обручки злачёныя,
 Пиво сладкое, стоялое положено,
 Въ погребахъ глубокихъ повѣшано
 На цѣпочкахъ на серебряныхъ,
 Да по трубамъ подземельнымъ
 Буйны вѣтры понавѣдены:
 Какъ повѣютъ вѣтры со чистà поля—
 Воздухи пойдуть по погребамъ,
 На цѣпочкахъ бочки закачаются,
 Загогочуть будто лебеди,
 Будто лебеди на тихихъ заводахъ,
 Въ бочкахъ пиво всколыбается,
 А и вѣкъ не затыхàется.

Чару выпьешъ—губоньки слипаются,
 Другу выпьешъ—третьей хочется,
 Третью выпьешъ—по четвертой ли душа горить“.

Какъ тутъ младъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 По столовой гриднѣ запохаживаль,
 Таковы слова да проговариваль:

„Что же ты, холопина боярская,
 Порасхвастался имѣніемъ-богачествомъ,
 Порасхвастался уѣдами да питьями?
 Мы ударимъ-ка съ тобою о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ.
 На три года времени проѣхати
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ—
 Каждый день бы кони были смѣнные,
 Разношерстные все кони, перемѣнные,
 Чтобы въ три года такой и масти нѣ было;
 На три времени выщѣпливать—
 Каждый день бы платья были смѣнные,
 Цвѣтныя все платья, перемѣнные,
 Снова-наново на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Говоритъ Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ!
 Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
 Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
 Кладовыя у тебя полнѣмъ-полно
 Всякою одежицей покладены,
 У меня же все одежица дорожная,
 У меня все платьица завозныя“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
 О великъ закладъ—о тридцати о тысячахъ;
 По Чурилѣ сынѣ Плёнковѣ
 Цѣлымъ градомъ Кіевомъ ручаются,
 Поручилъ самъ Владиміръ князь съ княгинею;
 А по Дюкѣ нѣтъ порѣкушки,
 Набиралась только голь кабацкая,
 Голь кабацкая до тысячи,
 Больше все по Дюкушкѣ ручаются.
 Закручинился бояринъ, запечалился,
 Запечалился, повѣсилъ буйну голову,

Ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ,
 Поскорѣшенько садится на червлѣный стулъ,
 Пишетъ письма скорописчаты
 Ко своей ко рѣдной матушкѣ:

„Ай же, свѣтъ, моя ты рѣдна матушка!
 Ты повыручь-ка меня съ неволюшки,
 Съ-подъ того заклада съ-подъ тяжелаго:
 Ты пошли-ка мнѣ одежицы снарядныя,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платья были смѣнныя,
 Цвѣтныя все платья, перемѣнныя,
 Снова-наноно на всѣ на три года,
 Чтобы въ три года такого цвѣту не было“.

Выходилъ бояринъ на широкій дворъ,
 Приходилъ къ добру коню ко богатырскому,
 Полагаетъ письма подъ сѣдлышко,
 Отпускаетъ мала бурушку-кавурушку:

„Побѣгай-ка ты, мой добрый богатырскій конь,
 Да во славную во Индію богатую,
 Да во славный нашъ во Галичъ градъ,
 Забѣгай-ка тамъ на мой широкій дворъ,
 Ко своимъ ко конюхамъ любимымъ“.

Побѣжалъ тутъ Дюковъ добрый богатырскій конь,
 Да по славному раздольицу чисту полю,
 Побѣжалъ во Индію богатую,
 Прибѣгалъ во славный Галичъ градъ
 Да на Дюковъ на широкій дворъ,
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ ясакомъ.
 Услыхали конюхи любимые,
 Усмотрѣли бурушку-кавурушку,
 Приходили къ Дюковой ко матушкѣ,
 Ко честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
 Приходили сами низко поклонялися:

„Ты честна Мамельфа Тимоѣевна!
 Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкій дворъ“.
 Поглядѣла во косяцато окошечко,
 Увидала бурушку-кавурушку,
 Залилася горючымъ слезымъ старушенька:

„Видно, чадочко мое роженое
 Положило буйную головушку

Да на матушкѣ на славной на святой Руси“.

Выходила на широкій дворъ,
 Брала бурушку за поводѣ шелковне,
 Приказала бурушку разсѣдлывать;
 Да какъ стали бурушку разсѣдлывать,
 Увидала письма подѣ сѣдлышкомъ,
 Скоро письма распечатала,
 Посмотрѣла, что въ нихъ принаписано,
 Вразодалась старая, что живѣ любимый сынъ,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Говоритъ сама да таковыя слова:

„Знать, заносливо роженое, захвастливо,
 Оттого оно тамъ и захвачено!
 Ай вы, конюхи мои любимые!
 Вы кормите-ка коня мнѣ скоро-наскоро,
 Скоро-наскоро да сыто-насыто“.

Отвели коня въ конюшенку стоялую,
 Понасыпали пшени да бѣлояровой,
 Поразставили сыты медвяныя.
 А честна вдова Мамельфа Тимошеевна
 Скоро шла въ палаты бѣлокаменны,
 Скоро брала золоты ключи,
 Созывала всѣхъ служанокъ вѣрныхъ,
 Брала перецѣнщиковъ, расцѣнщиковъ,
 Оцѣняли тутъ одежду драгоцѣнную,
 Чтобъ хватило на три года времени,
 Каждый день бы платья были смѣняныя,
 Снова-наново да что ни есть-то лучшія,
 Укладали въ сумы перемѣтныя,
 Отпускали бурушку во стольный Кіевъ градъ.

Какъ пошелъ буркѣ тутъ по чисту полю,
 Прибѣгаетъ въ Кіевъ градъ, на княженецкій дворъ.
 Заржалъ громкимъ лошадинымъ ѣсакомъ.
 Услыхалъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Знать, пришелъ мой бурушка косматенькій!“
 Выходилъ ко бурушкѣ-кавурушкѣ,
 Распечаталъ сумы перемѣтныя,
 Вынималъ одежи драгоцѣнныя.

Сталъ одежицы съ Чурилой тутъ понашивать,
 На добромъ конѣ съ Чурилой да поѣзживать.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Цѣлымъ стадомъ въ поле лошадей погналь,
А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поутру пораньше самъ повѣстанеть,
Въ поле бурушку косматаго повыведеть,
Перекатываетъ во росѣ во утренней,
На буркѣ-то шереть и перемѣнится.

Бѣдять, шапять годъ они, другой ли годъ,
Вотъ проѣздили, прощѣнили всѣ три года,
Да приходитъ, братцы, имъ послѣдній день,
А и надо имъ идти во церковь Божию,
Ко заутренкѣ ко воскресенской.

Божій колоколъ ранѣшенько гудомъ гудить,
Въ церковь Божию народъ валомъ валить.

Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
Всѣхъ впередъ проходить надуваучись,
Длинными полами раздуваучись,
Да прихлопывая шапкой-мѣрманкой;
Ставится на правомъ крылосѣ.

За Чурилой входитъ Дюкъ Степановичъ,
Входитъ потихонько, смиренонько,
Ставится на лѣвомъ крылосѣ,
Всю заутренку стоитъ прямонько,
Да поклоны лишь кладетъ частонько,

Солнышко Владиміръ стольно-кѣвскій
Поглянулъ на праву руку, на Чурилушку:
На Чурилушкѣ одежица снарядная:
На головкѣ шапка-мѣрманка-золотой вершокъ,
На ногахъ сапоженьки-зелѣнь сафьянъ,
Пряжечки серебряны, шпеньки злачѣные;
На плечахъ могучихъ кунья шубонька,
Что одна ли строчка чиста сѣребра,
А другая строчка красна золота,
Петельки прошиваны шелковья,
Пуговки положены злачѣныя;
Да во тѣхъ во петелькахъ шелковныхъ
Вплѣтано по красной по дѣвушкѣ,
А во тѣхъ во пуговкахъ злачѣнныхъ
Вливано по доброму по мѣлодцу:
Какъ застѣгнутся, такъ и обдѣмутся,

Поразстѣгнутся—и поцѣлуются.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій.

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прозакладалъ все имѣніе-богачество
Молоду Чурилѣ сыну Плѣнкову!“

Говорить Бермята сынъ Васильевичъ:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
Ты на лѣву руку посмотри теперъ:
Молодой Чурилушка сынъ Плѣнковичъ
Прозакладался боярину“.

Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій
Посмотрѣлъ на лѣву руку, на боярина:
На головкѣ шапочка со рѣжками,
На рожкахъ по камешку по самоцвѣтному,
Спереди введенъ свѣтѣль мѣсяць,
По косицамъ—звѣзды частыя,
А шеломъ на шапочкѣ какъ жаръ горить;
Ноженьки во лапотцахъ семи шелковъ,
Въ пяты вставлено по золотому гвѣздичку,
Въ нѣсы вплѣтано по дорогому яхонту:
Днемъ идти въ нихъ—что по красну солнышку,
Темной ночью—что по свѣтлу мѣсяцу;
На плечахъ могучихъ шуба черныхъ соболей,
Черныхъ соболей заморскіихъ,
Подъ зеленымъ рытымъ бархатомъ,
А во петелькахъ шелковыхъ вплѣтаны
Все-то Божьи птичущки пѣвучія,
А во пуговкахъ злачѣныхъ вливаны
Все-то люты змѣи, звѣрюшки рыкучіе:
Сталъ онъ плѣточкой по петелькамъ поваживать—
Вдругъ запѣли птичущки пѣвучія,
Затянули пѣсеѣнки небесныя,
Удивленье весь честной народъ взяло;
Сталъ онъ плѣточкой по пуговкамъ похаживать,
Сталъ онъ пуговку о пуговку позванивать—
Закричали звѣрюшки рыкучіе,
Люты змѣи съ пуговики плывуть ко пуговкѣ,
Зашипѣли во всю голову,—
Всѣ ужахнулись, во повалъ попадали,
А ины—какъ пали ѓземъ, такъ и ѓбмерли

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:
„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Поуйми-ка ты звѣрей рыкучіихъ,
Призакличь-ка змѣвъ лютыхъ,
Ты оставь людей мнѣ хоть на сѣмена.
Ай ты, молодой Чурила Плѣнковичъ!
Мы пробѣли денегъ сорокъ тысячей:
Перещапилъ вѣдь тебя бояринъ-то,
Нѣту у тебя такихъ великихъ хитростей!“

А бояринъ Дюкъ Степановичъ
Только принялъ отъ Чурилы тридцать тысячей,
Тутъ же роздалъ всѣ на зеленѣ вино
Поручателямъ своимъ—голямъ кабацкіимъ.
Ополѣхался Чурилушка до смѣртушки,
Шапку-мурманку свою во ключья рветъ,
Осерчавшись, говоритъ боярину:

„Гой ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Эта похвальба не похвальба у насъ.
Мы ударимъ-ка съ тобою объ иной закладъ—
Не о сотняхъ, не о тысячахъ—
Мы ударимъ о своихъ о буйныхъ гѣловахъ:
Переѣхать чрезъ Пучай-рѣку,
А Пучай-рѣка-то на два пѣприща;
Кто тутъ изъ двоихъ добрѣ выступить,
Тотъ другому пусть и голову рубить“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:
„Молодой Чурилушка ты Плѣнковичъ!
Какъ живешь ты во своемъ во Кіевѣ,
Просто бить тебѣ со мною о великъ закладъ:
Вѣкъ стоитъ твой богатырскій конь
У своихъ у конюховъ любимыхъ;
У меня же жеребятшко дорожное,
У меня лошадка призаѣхана“.

И ударили они тутъ о великъ закладъ,
О великъ закладъ—о буйныхъ гѣловахъ,
А на завтрашній имъ день сѣвзжатися.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро шель въ конюшеньку стоялую
Къ своему коню ко богатырскому,
Паль коню въ копытце, самъ расплакался:

„Ай же ты, мой бурушка косматенькій!
 Ты не знаешь про мою невагодушку,
 Бьемся мы съ Чурилой о великъ закладъ—
 О своихъ о буйныхъ головахъ:
 Если ты не перескочишь чрезъ Пучай-рѣку,
 Онъ мнѣ рубить буйну голову,
 А Пучай-рѣка-то на два поприща“.

И спровѣщилъ добрый богатырскій конь,
 Воспрогѣворилъ языкомъ человѣческимъ:

„Ты не плачь, любезный мой хозяйшко,
 Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Бейся о великъ закладъ—о буйной головѣ.
 У Чурилушки-то конь—мой меньшій братъ,
 У Ильи у Муромца ли конь—мой большій братъ,
 У него есть трое крылышковъ подкожныхъ,
 У меня есть двое крылышковъ подкожныхъ,
 У Чурилова коня у богатырскаго
 Есть одни лишь крылышки подкожныя.
 Подойдетъ пора мнѣ времечко,
 Такъ не уступлю и брату большему,
 А меньшому брату нѣча взять съ меня“.

Какъ садился поуטרѣ онъ на добра коня,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Много тутъ богатырей съѣзжалоса,
 Много люду собиралоса
 Посмотрѣть замашки богатырскія.
 Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Выводилъ съ конюшенъ тридцать жеребцовъ,
 Выбиралъ изъ тридцати да самолучшаго,
 Приѣзжалъ ко славной ко Пучай-рѣкѣ,
 Говорить самъ таковы слова:

„Поѣзжай-ка напередъ ты, Дюкъ Степановичъ:
 Мнѣ не долго будетъ за тобой поспѣтъ“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Поѣзжай ты напередъ, Чурила Плёнковичъ:
 Похвальба твоя сегодня напередъ зашла“.
 Молодой Чурилушка сынъ Плёнковичъ
 Отъѣзжалъ скорѣнько во чисто поле,
 Да изъ далѣча-далѣча изъ чиста поля
 Поразганивалъ да поразъѣживалъ,

Проскочить хотѣлъ чрезъ славную Пучай-рѣку
 Со добрымъ конемъ со богатырскимъ
 На полу-рѣки да приогрѣшился,
 На полу-рѣки съ конемъ и плаваетъ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Не разганивалъ и не развѣживалъ,
 Со крутого бережка коня приправливалъ,
 Проскочилъ скорѣнько чрезъ Пучай-рѣку,
 Да того скорѣе поворотъ держалъ,
 О полу-рѣки къ водѣ припадывалъ,
 За кудерышки Чурилушку захватывалъ,
 Изъ воды съ конемъ Чурилушку вытаскивалъ,
 Приволокъ ко ножкамъ княженецкимъ,
 Говорилъ самъ князю таковыя слова:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кѣвскій!
 Кто изъ насъ добрѣе-то повыступилъ?
 Намъ которому съ Чурилой голову рубить?“

Говорить Владиміръ стольно-кѣвскій:

„Ай ты, молодець бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилѣ буйной головы.
 За его за ложное за хвастанье,
 Ты оставь-ка намъ Чурилку хоть для памяти“.

Стали со слезами тутъ боярина
 О Чурилушкѣ умаливать-упрашивать
 Кѣвскія красны дѣвушки,
 Молодые молодущечки,
 Съ ними старья старушечки.

Подвѣзжалъ и старый Илья Муромецъ:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не руби-ка ты Чурилкѣ буйной головы,
 Не хвала, не честь въ томъ молодецкая:
 Съ нимъ не знаются могучіе богатыри,
 Знаются съ нимъ только бабы въ Кѣвѣ“.

Говорить Чурилѣ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, пустохвастишка боярская!
 Княземъ стольно-кѣвскимъ упрощенный,
 Кѣвскими бабами уплаканный!
 Ты не ѣзди-ка ужъ съ нами во чисто поле,
 Ты живи-ка между бабами во Кѣвѣ,
 А и вѣкъ живи тамъ съ ними по вѣку!“

Былъ же тутъ Алешенька Поповскій сынъ,
Говорить Алешенька Владиміру:

„Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Выбирай-ка писчиковъ-обцѣнщиковъ,
Посылай во Индію богатую,
Да во ту во Галичъ во проклятую,
Описать все Дюково богатство,
Обцѣнить безсчѣтну золоту казну:
Такъ ли онъ своимъ поселемъ хвастаетъ,
Такъ ли у него во домѣ дѣется?“

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„А кого же писчикомъ-обцѣнщикомъ
Я пошлю во Дюково поселище?“

Говорить Алешенька Поповскій сынъ:

„Ты пошли-ка, князь, меня, Алешеньку“.

Говорить бояринъ Дюкъ Степановичъ:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-кіевскій!

Ты не посылай Алешеньки Поповича:

Роду онъ, Алешенька, поповскаго,

А поповски очи завидуція,

А поповски руки загребуція—

Какъ увидить много злата-сѣребра,

Злату-сѣребру Алеша позавидуетъ,

Не вернѣтся больше въ стольный Кіевъ градъ,

Тамъ и сложить буйную головушку.

Ты пошли-ка стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Въ-третьихъ Михаила Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей;

Дай съ собой бумаги да чернилъ на трѣ года—

Да не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнживать:

Не какіе наши животы—сиротскіе“.

И послали стара Илью Муромца,

Молода Добрынюшку Никитича,

Да Михайла Пѣтыка Иванова,

Трехъ могучихъ русскіихъ богатырей,

Во ту Индію богатую,

Во ту Галичъ во проклятую

Дюковыхъ животовъ обцѣнживать.

Отправлялись три могучіе богатыря,

Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Вѣхали раздолыцемъ чистѣмъ полемъ,
 Да подѣхали подѣ Индію богатую,
 Поднялись на горушку высокую,
 Увидали славный Галичъ градъ,
 Сами говорятъ промежь собой:

„Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
 Вѣсточку послалъ, знать, къ рѣдной матушкѣ,
 Чтобъ зажгла свой славный Галичъ градъ,
 Да нельзя бы намъ было общѣнивать
 Животѣшенекъ сиротскіихъ:

Галичъ градъ-то вѣдь огнемъ горитъ“.

Какъ поближе къ Галичу подѣхали:
 Кровельки на всѣхъ домахъ да золочѣныя,
 Маковки на всѣхъ церквахъ да самоцвѣтныя,
 Отдали-то будто жаръ горятъ.
 Заѣзжали въ славный Галичъ градъ,
 Подѣзжали ко высоку терему:
 Не видали теремѣвъ такихъ на семь свѣтѣ.
 Заходили во высокъ терѣмъ:
 Всѣ ступеньки-то серебряныя,
 Всѣ грядѣчки-то орлѣныя,
 Всѣ орлѣныя да золочѣныя;
 Въ стѣны вложены камѣня драгоцѣнные:
 Видно мѣлодца лицомъ въ нихъ, станомъ, возрастомъ;
 Половицы все стеклянныя,
 Подѣ поломъ течеть вода студѣная,
 А въ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя;
 Какъ которая плеснѣтъ хвостомъ,
 Половица звякнеть, будто надтреснеть,
 Инъ ступать по половицѣ бѣязно.
 Какъ прошли въ палаты, во первѣй покой,
 Увидали стару-матеру жену,
 Мало шѣлку, вся во чистомъ сѣребрѣ.
 Господу ли Богу помолилися,
 На всѣ стороны низѣнько поклонилися:
 „Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!
 Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтыце,
 Понизку велѣлъ поклонъ поставити“.

Отвѣчаетъ стара-матерѣ жена:

„Здравствуйте и вы, удалы добры молодцы!
Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть рукомойница,
Полагаю Дюку воду въ рукомойничекъ“.

Проходили молодцы во другой покой,
Увидали стару-матеру жену,
Мало шёлку, вся во скатномъ золотѣ.
Господу ли Богу помолилися,
На четыре на сторонки поклонилися:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка“.

„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть судомойница“.

Проходили далѣй добры молодцы,
Увидали стару-матеру жену,
Мало шёлку, вся во скатномъ жемчугѣ.
Бьютъ челомъ ей, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова калачница“.

Проходили во покой четвертый молодцы,
Увидали стару-матеру жену,
Мало шёлку, вся въ камёняхъ самоцвѣтныхъ
До земли челомъ бьютъ, поклоняются:

„Здравствуешь ты, Дюкова ли матушка!“

„Я не Дюкова есть матушка,
Я здѣсь Дюкова есть стольница.

Вы спины-то даромъ не ломайте-ка,
Понапрасну шеи не сгибайте-ка,
Жень, какъ я, не мало въ нашемъ городѣ,
Всѣмъ, небось, вамъ не накланяться.
Дюкова-то матушка ушла къ обѣденькѣ;
Вы ступайте-ка во церковь во соборную,
Да смотрите, всякому не кланяйтесь.
Какъ пройдутъ впередъ лопатники,
За лопатниками вслѣдъ метельники,
За метельниками вслѣдъ постельники,
Тутъ пойдетъ со церкви Божіей
И честна вдова Мамельфа Тимоѣевна“.

Скоро шли они ко церкви ко соборной,
Становились у дверей церковныхъ.

Вотъ пошелъ народъ съ обѣденьки,
 Кто въ шелку идетъ, кто въ сѣребрѣ, кто въ золотѣ,
 Кто идетъ въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
 Выходили тутъ лопатники,
 Разгребали путь-дороженьку;
 Выходили вслѣдъ метельники,
 Засыпали путь песочкомъ жѣлтымъ;
 За метельниками шли постельники,
 Стлали по пути мосточки дубовые,
 Подверху—суконца одинцовья,
 Полагали вдоль порученьки серебряны.
 Какъ ведутъ тутъ стару-матеру старушеньку
 Тридцать дѣвицъ со дѣвицей подъ руки,
 Надъ старушенькой несутъ подсолнечникъ,
 Чтобъ ее не запекало красно солнышко,
 На нее не капали бы росы утренни;
 Платье на старушенькѣ надѣто цвѣтное,
 Вся подвѣдена на немъ луна небесная:
 Какъ отъ красна солнца, свѣтла мѣсяца,
 По всему по Галичу лучи пекутъ,
 Часты мелки звѣзды рассыпаются.
 Подходили къ ней, низенько поклонялися!
 „Здравствуешь же, Дюкова ты матушка!
 Сынъ тебѣ шлетъ челомъ-бѣтыице,
 Понижку велѣлъ поклонъ поставити“.
 „Здравствуйте и вы, удалы добры молодцы!
 Вы пойдите-ка со мною во высѣкъ терѣмъ,
 Хлѣба-соли у меня покушати,
 Бѣлыя лебѣдушки порушати“.
 „Государыня Мамельфа Тимоеевна!
 Мы прѣѣхали вѣдь не тебя смотрѣть,
 А твое житье-богачество описывать:
 Призахвастался твой сынъ богачествомъ“.
 „Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!
 Не какіе животы у насъ—сиротскіе,
 Животы вдовинные, бобыльскіе,
 А не долго же вамъ животы описывать“.
 Шли богатыри за нею во высѣкъ терѣмъ;
 Пѣтъ, кормить ихъ да много чествуетъ.
 Какъ калачъ съѣдятъ—другого хочется,

Какъ другой съѣдятъ—по третьему душа горить,
 Третій ли съѣдятъ—четвертый вонь съ ума нейдетъ.
 Чару выпьютъ—губоньки слипаются,
 Другу выпьютъ—третьей хочется,
 Третью выпьютъ—по четвертой ли душа горить.
 Наѣдались до полу-сыта,
 Напивались до полу-пьяна.

Тутъ честна вдова Мамельфа Тимоеевна
 Повела ихъ посмотрѣть свое посѣльице,
 Самой-то подъ руки ведутъ служаночки;
 Привела въ конюшеньки стоялыя:
 Не могли жеребчиковъ пересчитать,
 Не могли глазами ихъ переглядѣть,
 Да не знали и цѣны имъ дать:
 Въ чѣлкѣ, въ гривѣ, во хвостѣ у каждаго
 Вплѣтано по камню самоцвѣтному.
 Привела во клѣтку во сѣдельную:
 Не могли сѣдлышекъ пересчитать,
 Не могли глазами ихъ переглядѣть,
 А и каждое сѣдло-то во пятьсотъ рублей.
 Привела во клѣтку во платѣную:
 Не могли тутъ платицевъ пересчитать,
 Не могли глазами ихъ переглядѣть,
 Всѣ-то дѣланы изъ шёлку да изъ бархату,
 Поусажены камнями драгоцѣнными.
 Завела во погребъ сорока сажонъ:
 Не могли тутъ бочечекъ пересчитать,
 Не могли глазами ихъ переглядѣть,
 Да полны всѣ злата-сѣребра,
 Злата-сѣребра да все недѣржана.
 Вывела ихъ на широкій дворъ,
 А течетъ тутъ рѣчка золочѣная—
 Не могли той рѣчкѣ-то и смѣты дать.
 Пораздумались богатыри, спроговорятъ:
 „Взяли мы бумага да чернилъ на трѣ года,
 Да какъ здѣсь намъ животы описывать,
 Здѣсь же вѣкъ намъ свой скоротати“.
 Говоритъ имъ старая старушенька,
 Та честна вдова Мамельфа Тимоеевна:
 „Ай же, славные вы писчики-общѣнщики!

Вы скажите солнышку Владиміру:
 На бумагу пусть продасть весь Кіевъ градъ,
 На чернила пусть продасть Черниговъ градъ,
 Да тогда прїѣдетъ животовъ описывать“.

Отправлялися они назадъ во Кіевъ градъ,
 Во пути корѣтали три мѣсяца,
 Прїѣзжали въ стольный Кіевъ градъ,
 Приходили къ солнышку Владиміру.
 Спрашиваетъ ихъ Владиміръ князь:

„Гой еси вы, писчики-обцѣнщики,
 А и вѣрно ли похвасталъ Дюкъ Степановичъ,
 Великій ль у Дюка животы сиротскіе?“

Отвѣчаютъ князю писчики-обцѣнщики,
 Русскіе могучіе богатыри:

„Ой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Великій у Дюка животы сиротскіе:
 Кабы стали ихъ обцѣнивать, описывать,
 Тамъ бы и свой вѣкъ скорѣтали.
 Да наказывала Дюкова намъ матушка:
 На бумагу-то продать весь Кіевъ градъ,
 На чернила-то продать Черниговъ градъ,
 Да тогда прїѣхать животовъ описывать“.

Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай ты, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 За твою за похвальбу великую
 Ты торгуй-ка въ нашемъ градѣ Кіевѣ,
 Вѣкъ торгуй у насъ безошлинно“.

Съ тѣхъ-то поръ про Дюка старину скажутъ,
 Синему-то морю да на тишину,
 А вамъ, добрымъ людемъ, да на послушанье.

БЫЛИНА ДВАДЦАТАЯ.

Добрыня Никитичъ въ отъздѣ.

Какъ стоять во стольномъ городѣ во Кіевѣ
Княженецкія палаты бѣлокаменны.
Не отъ вѣтричка палаты зашаталися,
Не отъ вихоря палаты отворялися—
Заходилъ туда Добрынюшка Никитичъ младъ,
Съ нимъ товарищи—князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри,
Въ полъ-сыта ли всѣ тутъ наѣдалися,
Въ полъ-пьяна ли всѣ тутъ напивалися,
Во хмелю всѣ порасхвасталися:
Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой.
Какъ надъ тѣмъ всѣ усмѣхнулися,
Другъ на друга оглянулися,
Межъ собой разговоръ вели:

„Чѣмъ-то молодой Добрыня хвастаетъ!
Не ясенъ соколъ съ теплѣ гнѣзда солѣтываль,
Не бѣлой кречѣтъ съ теплѣ гнѣзда сопорхиваль—
Возстаетъ самъ батюшка Владиміръ князь
Съ своего большого мѣста княженецкаго:

„Ай же вы, мои князья да бѣяре,
Русскіе могучіе богатыри!
Всѣ вы, добры мѣлодцы, расхвасталися;

Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
 Какъ ужь дѣлече-дѣлече во чистомъ полѣ.
 Какъ летаетъ тамъ Невѣжа чернымъ ворономъ, (65)
 Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
 Кличеть-выкликаетъ поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника.
 Ужь кого бы мнѣ послать съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 За меня, за князя за Владиміра,
 За мою княгиню за Апраксию,
 За сиротъ, за вдовъ да за несчастныхъ женъ?“

Всѣ богатыри за столикомъ утихнули,
 Приутихнули да приумолкнули,
 Другъ за друга затулялися:
 Бѣльшіе туляются за средніхъ,
 Средніе хоронятся за мѣньшихъ,
 А отъ мѣньшихъ-то и отвѣту нѣтъ.
 Какъ встаетъ изъ-за стола съ-за задняго
 Первый богатырь да стольно-кіевскій,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 Говоритъ да таковыя слова:

„Гой еси ты, солнышко Владиміръ князь!
 Самъ-то я недавно изъ дороженьки,
 На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
 Никогда Невѣжа не казалъ мнѣ глазъ.
 Не видалъ я и собачки во чистомъ полѣ,
 Увидалъ бы—подстрѣлилъ бы изъ туга лука.
 А теперь пошли-ка ты съ Невѣжей ратиться,
 Очищать дороги прямоѣзжія,
 Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ
 Молода Добрынюшку Никитича:
 Будетъ онъ защитой славному Кіеву,
 Обороной будетъ нашей крѣпости.“

И накиннули ту служебку-работушку
 На того Добрынюшку Никитича.
 Выпивалъ Добрыня чару зелену вина,
 Скороталъ почѣстенъ пиръ, пошелъ съ пирѣ домой,
 Невесель пришелъ домой, нерадошень.

Какъ не бѣлая березка къ землѣ клонится,

Не зелёные листочки разстилаются—
Сынъ ко матушкѣ ко рѣдной приклоняется:

„Государыня моя ты, рѣдна матушка,
Пречестнѣя вдова Афимья Александровна!
Ты на что меня несчастнаго спорѣдила,
Безталаннаго на что меня отрѣдила?
Спорѣдила бы меня родитель-матушка,
Малымъ, катучимъ бѣлымъ камешкомъ,
Обвертѣла бы во тѣнко бѣлое полѣтнице,
Отнесла бы ко глубокому синю морю,
Опустила бы въ синѣ море на само дно—
И лежалъ бы тамъ я съ вѣку до вѣку,
Буйны вѣтрушки бы на меня не вѣяли,
Добры людюшки бы про меня не баяли.
Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по святой Руси,
Я не билъ бы безповинныхъ душъ,
Не слизилъ бы я отцовъ да матерей,
Не вдовилъ бы молодыхъ я женъ,
Не сирѣталъ бы я малыхъ дѣтушекъ!
А теперь мнѣ ѣхать во чисто поле,
Съ чернымъ ворономъ-Невѣжей ратиться,
Очищать дороги прямоѣажія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ“.

„Ахъ ты, свѣтъ мой, чадочко любимое,
Душенька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Кабы знала я да надъ тобой невзгодушку,
Кабы вѣдала безврѣменье великое,
То не такъ бы я тебя спорѣдила:
Я тебя спорѣдила бы, чадочко,
Силушкой во Святогора во богатыря,
Участью-таланомъ въ Илью Мурѣмца, ⁽⁶⁶⁾
Смѣлостью въ Алешу во Поповича,
Молодецкою посадкою, поѣздкою
Во Михайла Пѣтыка Иванова,
Выступкою, походочкою щеплѣвою
Во младѣ Чурилу сына Плѣнкова,
Всѣмъ житьемъ-бытьемъ, имѣниемъ-богачествомъ
Во боярина во Дюка во Степанова,
Красотой во Солнышко Владимѣра;
Да ужъ, видно, зарѣдилось, чадочко

Во несчастную звѣзду, во безталанную;
Изо всѣхъ статей тебя, Добрынюшку,
Только вѣжествомъ Господь пожаловалъ“.

„Ахъ ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
Да навѣки нерушимое“.

Одѣвается Добрыня, снаряжается,
Въ торокѣ кладетъ онъ каленѣ стрѣлы,
Золоту казну да платье цвѣтное,
Обряжаетъ своего добра коня, (67)

Самъ садится на добра коня;
А честна вдова Афимья Александровна
Провожаетъ сына, кличемъ кликаеть:

„Ай же ты, любимая невѣстушка,
Молода Настасьюшка Микулична!
Ты чего сидишь во теремѣ въ златѣмъ верху?
Али надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?

Закатается вѣдь красно солнышко
За высоки горушки, за темны лѣсушки,
Отъѣзжаетъ вѣдь Добрыня съ широка двора.
Ты сойди-ка на широка дворъ скорѣшенько,
Разспроси его да хорошенечко:

Онъ далече ль ѣдетъ, куда путь держить?
Скоро ль ждаты себя да поджидаты велить?
Скоро ли велить въ окошечко посматривать?“

Какъ сошла тутъ на широка дворъ скорѣшенько
Молода Настасья дочь Микулична,
Да въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Да въ однихъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Какъ зашла Добрынѣ со бѣла лица,
Припадала къ стремечку булатному,
Стала спрашивать его, вывѣдывать:

„Ай же, свѣтъ ты мой, любимая державушка,
Миленька Добрынюшка Никитичъ младъ!
Ты далече ль ѣдешь, куда путь держишь?
Скоро ль ждаты себя да поджидаты велишь?
Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?“

Говорить въ отвѣтъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Ай же ты, моя любимая семейшка,
Молода Настасьюшка Микулична,

Ужь какъ стала у меня ты спрашивать,
 Стану я теперъ тебѣ и сказывать:
 Ожидай Добрыню съ поля трѣ года,
 Трѣ года проживешь—другіе три пожди,
 Какъ исполнятся тому все шесть годовъ,
 И Добрыня твой не возвратится—
 Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
 А тебѣ, Настасѣ, воля вольная:
 Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
 Хоть поди за князя, за боярина,
 За богатыря, за гостя за торговаго
 Или за простого за крестьянина,—
 Не ходи ты только за одинаго—
 За того за бабьяго насмѣшника,
 За судейскаго за перелестника,
 За Алешеньку Поповича:

Онъ, собака, мнѣ названный братъ,
 А названный братъ вѣдь паче роднаго“.
 Только видѣли Добрыню сидючи,
 А не видѣли Добрынюшки поѣдучи.
 Не дорожкой онъ поѣхаль, не воротами,—
 Черезъ стѣну онъ махнулъ да городѡвую,
 Мимо башеньки да наугольня;
 Съ горушки на горушку поскакиваль,
 Съ холмика на холмикъ перепрядываль,
 Рѣки да озѣра перескакиваль,
 Широкой раздолья промежъ ногъ спускаль.
 А гдѣ падали копытца лошадиныя,
 Тамъ колодцы становились да глубокіе,
 Что глубокіе колодцы да кипячіе. (49)

Какъ не сѣрныя двѣ уточки сплывалися,
 Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися—
 Какъ садилася въ одно мѣсто свекровушка
 Со своей со молодой невѣстушкой,
 Плакали, слезами обливалися,
 Молода Добрыни дожидалися.
 А денѣчекъ за денѣчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годѡчекъ за годѡчкомъ какъ соколъ летить.
 И приходитъ тому времени ужъ трѣ года—

Не бываль Добрыня со чиста поля.
 А денёчекъ за денёчкомъ будто дождь дождить,
 А недѣлька за недѣлкой какъ трава растеть,
 А годѣчекъ за годѣчкомъ какъ соколъ летить.
 И проходить тому времени всѣ шесть годовъ—
 Отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти.

Какъ привозить тутъ Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую имъ вѣсточку, нерадостну:

Что побить лежить Добрыня во чистомъ полѣ,
 Головой лежить во часть раки товъ кустъ,
 Рѣзвыми ногами во ковыль-траву,
 Ручки, ножки у Добрыни пораскиданы,
 Буйная головка поразломана,
 Очи ясныя повыклевали вѣроны,
 А сквозь желтые кудѣрышки
 Проростаеть травушка шелкѣвая,
 Разцвѣтають цвѣтики лазуревы.

Какъ надъ тѣмъ Добрынюшкина матушка
 Жалобнѣхонько да порасплакалась;
 А къ Добрынюшкиной молодой женѣ
 Стали запохаживать, засватывать
 Сватомъ самъ Владиміръ солнышко,
 Свахою сама княгинюшка Апраксія,
 Добрыми словами уговаривать:

„Ай же ты, Настасья дочь Микулична!
 Ужъ тебѣ ли жить да молодой вдовой,
 Молодой свой вѣкъ одной корѣтати?
 Ты поди замужъ хоть за богатыря,
 Хоть за смѣлаго Алешеньку Поповича!“

Не дается на слова Настасьюшка,
 Свата дарить новенькой шириночкой.
 Свахоньку другой шириночкой,
 Смѣлаго Алешу каленѣй стрѣлой,
 И сама такой отвѣтъ держить:

„Выполнила мужнюю я заповѣдь:
 Прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ,
 Выполнию и женскую я заповѣдь:
 Буду ждать другіе шесть годовъ.
 Какъ исполнятся тому двѣнадцать лѣтъ,
 Да не будетъ мужа со чиста поля.

Все еще поспѣю я замужъ пойти*.

И прошли тому другіе шесть годовъ—
 Не бываль Добрыня со чиста поля.
 Приѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ
 Съ невеселой вѣсточкой, нерадостной:
 Что побить Добрыня во чистомъ полѣ,
 А и косточки-то порастасканы.
 Сталъ опять Владиміръ князь съ княгиней
 Къ молодой Настасьюшкѣ похаживать,
 Подговаривать Настасью да посватывать.
 Поразумалась Настасья, поразмыслилась:
 „Выполнила мужнюю я заповѣдь,
 Выполнила и свою-то заповѣдь,
 Не видать ужъ мнѣ моей державушки,
 Нѣтъ въ живыхъ Добрынюшки Никитича“.

И пошла Настасья дочь Микулична
 За того Алешу за Поповича.

Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ по третій день,
 А сегодня имъ идти ко церкви Божіей,
 Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
 Въ тѣ пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
 Пречестна вдова Афимья Александровна
 Подъ окошечко садилась подъ косяцато,
 Плакала старушенька да съ прѣчетью:

- „Ахъ, тому ли ужъ двѣнадцать лѣтъ назадъ
 Закатилось наше красно солнышко;
 Закатается теперь и младъ свѣтѣль мѣсяцъ!“

Какъ изъ далеча-далеча изъ чиста поля
 Не пороша бѣлаго снѣжку повыпала,
 По тому бѣлу снѣжку-порошенькѣ
 Что не бѣлый заяшка проскакивалъ—
 Наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонить
 Добрый мѣлодецъ, дѣтинушка залѣшанинъ;
 Платица на немъ не цвѣтныя—звѣриныя,
 Конь подъ нимъ косматый, будто лютый звѣрь.
 Ѣдетъ не дорожкой, не ворѣтами,
 Ѣдетъ черезъ стѣну городѣвую,
 Мимо башни наугольня,
 Прямо ко придворью ко вдовиному;
 Пнулъ столбы лохматымъ чоботомъ—

Столбики задрогли, пошатнулись,
 Ворота широко распахнулись.
 Онъ коня пускаетъ непривязана,
 Самъ идетъ въ палаты бездокладочно,
 Крестъ кладетъ да по-писаному,
 И поклонъ ведетъ да по-учёному,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Пречестной вдовѣ старушенькѣ въ особину:
 „Ай, честна вдова Афимья Александровна,
 Государыня, Добрынюшкина матушка!
 Твоему Добрынѣ я названный братъ,
 Отъ Добрыни я тебѣ поклонъ привезъ.
 Во чистомъ полѣ вчера съ нимъ поразѣхались:
 Онъ поѣхалъ ко Царю-граду,
 На прощанье мнѣ велѣлъ, наказывалъ:
 Какъ случитъ мнѣ Богъ побыть во Киевѣ,
 Разспросилъ бы про его про рѣдну матушку
 Да про молодую Настасью дочь Микуличну,
 Про его любимую семейшку“.

Говоритъ въ отвѣтъ Добрынюшкина матушка:

„Ай же ты, дѣтинушка залѣшанинъ!
 Не тебѣ бы надо мною надсмѣхаться.
 Какъ привезъ Добрынюшкинъ названный братъ,
 Молодой Алешенька Леонтьевичъ
 Невеселую намъ вѣсточку, нерадостну:
 Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ.
 Какъ слезила я тутъ очи ясныя,
 Какъ скорбила тутъ лицо да бѣлое,
 Тяжелѣшенько по сынѣ плакала.
 А Добрынюшкина молода жена,
 Молода Настасья дочь Микулична
 За того за братца мужнина
 За Алешку за Поповича замужъ пошла.
 Сватомъ-то былъ самъ Владиміръ князь,
 Свахою сама княгиня да Апраксія.
 Какъ идетъ у нихъ ужъ пиръ по третій день,
 А сегодня принимать имъ по золоту вѣнцу“.

Говоритъ дѣтинушка залѣшанинъ:

„Да еще ли мнѣ велѣлъ, наказывалъ
 Мой названный братъ Добрынюшка Никитичъ младъ:

Какъ его Настасьюшка замужъ поидеть,
 Мнѣ сходить на ту на свадебку веселую,
 А тебѣ сходить во погреба глубокіе,
 Принести гусѣлышки ярѣваты,
 На койхъ онъ самъ, Добрынюшка, поигрываль;
 Принести еще одѣжу скоморошную:
 Что на ноженъки сапоженъки-зелѣнъ сафьянъ,
 Что на плечи шубоньку да соболиную,
 На головку шапочку пушистую,
 Что пушистую, ушистую, завѣсисту;
 Въ рученьку дубинку сорока пудовъ,
 Чтобъ на свадебкѣ насъ не обидѣли“.

„Ой, ты, деревенщина-засельщина!
 Было бѣ живо мое красно солнышко,
 Не дало бѣ тебѣ, невѣжѣ, надсмѣхатися;
 А теперъ не стало красна солнышка—
 Не къ чему мнѣ гусли скоморошныя,
 Не къ чему мнѣ платя скоморошныя,
 Не къ чему дубинка скоморошная“.

И брала она скорѣнько золоты ключи,
 Отмыкала погреба глубокіе,
 Приносила гусли скоморошныя,
 Приносила платя скоморошныя,
 Подавала деревенщинѣ-засельщинѣ;
 Самъ онъ бралъ дубину сорока пудовъ,
 Накрутился скорой, смѣлой скоморошиной
 И пошелъ на тотъ почѣстенъ пиръ, на свадебку.

Какъ стоятъ тутъ приворотники, придверники,
 Не хотятъ впускать удала скоморошину.
 Отъ воротъ онъ приворотниковъ отпихиваль,
 Отъ дверей придверниковъ отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія.
 Вслѣдъ идутъ тѣ приворотники, придверники,
 Князю солнышку велику жалобу творять:

„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 Какъ пришелъ удала скоморошина,
 У воротъ не спрашиваль онъ приворотниковъ,
 У дверей не спрашиваль придверниковъ,
 Всѣхъ разбилъ насъ, ваѣшей прочь отталкиваль,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія“.

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ да приворотниковъ,
 Ты зачѣмъ не спрашивалъ придверниковъ,
 А разбилъ ихъ, взáшей прочь отталкивалъ,
 Смѣло проходилъ въ палаты княженецкія?“

Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
 Скоморошина рѣчей не слушаетъ:

„Здравствуй, солнышко Владиміръ князь,
 Со своимъ со княземъ новобрачнымъ,
 Со своей княгиней новобрачною!

- А скажи-ка, сударь, укажи-ка намъ,
 Гдѣ-то наше мѣсто скоморошное?“

Отвѣчаетъ съ сердцемъ солнышко Владиміръ князь:

„Ваше мѣсто скоморошное
 Что на печкѣ на муравленой, на запечкѣ!“

Скоморошина тѣмъ мѣстомъ не побрѣзгивалъ,
 По край печеньки садился да муравленой,
 Положилъ гусѣлышки ярѣвчаты
 На свои колѣна молодецкія,
 Учаль-почаль струночки налаживать,
 Учаль да по струночкамъ похаживать,
 Самъ подъ струнки голосомъ поваживать:
 Сыгрыши выигрывалъ хорошенъки
 Что отъ Кіева да до Царя-града,
 Наигрышъ все бралъ изъ Кіева,
 Всѣхъ пойменно отъ стараго до малаго.
 На пиру кругомъ всѣ приумолкнули,
 За столомъ кругомъ всѣ позаслушались,
 Сами говорятъ промежь себя:

„А не быть же то уда́лой скоморошинѣ,
 Быть какому ни есть добру мѣлодцу,
 Святорусскому могучему богатырю!“

Говоритъ княгиня новобрачная,
 Молода Настасья дочь Микулична:

„Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
 Прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка.“

Говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, уда́ла скоморошина!
 За твою игру да за веселую
 Опуцайся-ка теперъ ты съ печки-запечка,

Да садись-ка съ нами за дубовый столъ.
 Дамъ тебѣ три мѣста я по выбору:
 Перво мѣсто—хоть подлѣ меня,
 Друго мѣсто—супротивъ меня,
 Третье мѣсто—куда самъ захошь,
 Куда самъ захошь, пожалуешь“.

Не садился скоморошина подлѣ князя,
 Не садился онъ супротивъ князя,
 Сълъ онъ супротивъ княгини новобрачныя,
 Супротивъ Настасьюшки Микуличны.

Говорить удѣла скоморошина:

„Ай ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
 А благослови-ка ты меня теперь
 Чару зеленѣ вина налить,
 Поднести, кому я самъ задумаю,
 Кому самъ задумаю, пожалую“.

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

„Ай же ты, удѣла скоморошина!
 Какъ дана тебѣ у насъ поволька вольная,
 Что задумаешь, то и твори теперь“.

Наливаль удѣла скоморошина
 Полну чару зеленѣ вина,
 Опущаль во чару свой злачѣнъ перстень,
 Подносилъ княгинѣ новобрачной:

„Ай же ты, молоденька княгинюшка!
 А испей-ка ты отъ насъ да зеленѣ вина“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Брала чару во бѣлѣ ручки,
 Подносила ко устамъ сахарнымъ.
 Говорить удѣла скоморошина:

„Хошь видать добра—такъ допивай до дна,
 Не допьешь до дна—такъ не видать добра“.

Молода Настасья дочь Микулична
 Выпивала чарочку до донышка:
 Ко устамъ ея сахарнымъ
 Прикатился тотъ злачѣнъ перстень,
 И узнала въ немъ она перстень, коимъ
 Въ церкви Божіей съ Добрыней обручалася;
 Поклонилась князю, говорить сама:

„Ахъ ты, солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!

„Гм прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,
За Аленку за Поповича замужъ пошла.“

Анѣ не тотъ мой мужъ вѣдь, что возлѣ меня,
Тотъ мой мужъ, что, супротивъ меня“.

Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Пала мужу ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, моя державушка,
Во винѣ моей прости, во женской глупости,
Что наказа твоего я не послушалась
За Алешку за Поповича замужъ, пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею“.

Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волось бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ;
Я въ другихъ дивуюсь князю солнышку
Со княгиней его Апраксией:
Я за нихъ съ Невѣжей въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную
Отъ жива мужа другому сватаютъ“.

Князю со княгиней ко стѣду пришло:

Утопили очи во кирпичать полѣ.

А Алешенька Леонтьевичъ

Палъ Добрынѣ ко рѣзвѣмъ ногамъ:

„Ты прости, прости меня, названный братецъ мой,
Что сядился я къ твоей ко молодой женѣ,
Ко Настасьѣ дочери Микуличнѣ!“

„Ай же ты, названный братецъ мой,
Молодой Алешенька Леонтьевичъ!
Какъ во той винѣ тебя Господь простить,
Во другой винѣ я не прошу тебя:
Ты зачѣмъ привезъ имъ со чиста поля
Невеселу вѣсточку, нерадостну:
Что побить лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ?
Ты слезилъ мою родитель-матушку,
Ты скорбилъ лицо ей бѣлое,
Тяжелѣшенько она по сынѣ плакала.
Этой-то вины мнѣ не простить тебѣ!“

Ухватилъ онъ тутъ Алешку за желтѣ кудри,
 Держить за желтѣ кудри одной рукой,
 Во другой рукѣ гусѣлышки ярѡвчаты:
 Сталь по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать,
 За желтѣ кудри его поваживать,
 Звонкими гусѣлышками да охаживать.
 Сталь Алешенька Леонтьевичъ поохивать,
 Да отъ буханья не слышно было оханья.

Быль въ пиру-бесѣдѣ старый Илья Муромецъ,
 Бралъ Добрыню онъ за плечи за могучія,
 Говорить да таковѣ слова:

„Не убей-ка за напраслину богатыря;
 Хоть онъ силою не сйленъ, да напѣскомъ смѣль“.

Отпустилъ Добрыня брата тутъ со бѣлыхъ рукъ,
 Бралъ за праву ручку молодѣ жену,
 Цѣловалъ въ уста сахарныя,
 Да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.
 Смотрить та честна вдова старушенька:
 Какъ не зоренька румяная порѡсвѣла,
 Какъ не звѣзды частыя разсыпались—
 Какъ свѣтѣль мѣсяць во горенкѣ порѡсвѣтилъ.
 Красно солнышко во горенкѣ порѡспекло.

А Алешенька у князя на честнѡмъ пиру
 Пѡ край лавочки сядилса, самъ поохивалъ,
 Самъ поохивалъ да приговаривалъ:

„Всякій-то на свѣтѣ женится,
 Да не всякому женитьба удается-то:
 Удалась женитьба лишъ Добрынюшкѣ
 Да еще тому Ставрѣ Годинову“.

Только-то Алеша и женатъ бывалъ,
 Только-то Алеша и съ женой живалъ!

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Михайло Пóтыкъ.

Какъ не ясны соколы съ чиста поля
Во одно мѣстò слеталися—
Какъ всѣ русскіе могучіе богатыри
Во одно мѣстò сѣзжалися—
Къ князю солнышку да на почѣстенъ пирь.
На пиру всѣ ѣли, наѣдалися,
На честнóмъ всѣ пили, напивалися,
А и всѣ другъ передъ другомъ порасхвастались.
Порасхвастался и солнышко Владиміръ князь:
„У меня, у князя у Владиміра,
Есть три славныхъ могучихъ богатыря:
Есть матѣрый, старый Илья Муромецъ,
Есть Добрынюшка Никитичъ младъ,
Есть Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ. (69)
Ѣздили всѣ трое за синѣ море,
Покорили языкъ невѣрные,
Прибавляли мнѣ земельки святорусскія;
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Настрѣлялъ еще дорóгой къ моему столу
Гусей-лѣбедей да малыхъ уточекъ.
Гой еси, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
Сослужи-ка во другой мнѣ эту службу,
Сѣзди-ка опять ко морю синему
Да ко тёплымъ, тихимъ заводиамъ,

Настрѣляй-ка бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ
 Къ моему обѣду княжецецкому:
 Дѣ-люби я мѡлодца пожалую“.

Тутъ Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Не допивши пива, зеленà вина,
 Богу молится да съ гридни вонъ идетъ.
 Скоро мѡлодецъ садился на добра воя:
 Только видѣли, какъ за вѡрѡта выѣхалъ—
 Во чистѡмъ полѣ лишь пылъ столбомъ.

А и будетъ онъ у моря синяго,
 На его на счастье на великое
 Привалила птица ко крутому бережку:
 Настрѣлялъ онъ бѣлыхъ гусей-лебедей,
 Перелѣтныхъ, сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
 Хочетъ ѣхать ужъ отъ моря синяго,
 Посмотрѣть еще на тихія на заводи—
 Увидаль: плыветъ колода бѣлодубова,
 На колодѣ—бѣлая лебѣдушка.
 Черезъ пѣрышко лебѣдушка вся зѡлота,
 А головка краснымъ золотомъ увѣвана,
 Скатымъ жемчугомъ поизнасажена.

Вынимаетъ Пѡтыкъ изъ налушна тугой лукъ,
 Вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу,
 Тугой лукъ беретъ во ручку лѣвую,
 Калену стрѣлу беретъ во правую,
 Налагаетъ на тетивочку шелковую,
 Тугой лукъ потягиваетъ за ухо,
 Калену стрѣлу до семи чѣтвертей;
 Заскрипѣли полосы булатныя
 И завыли роги у туга лука,
 Чуть было—и спустить калену стрѣлу...

Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая
 Проязычится языкомъ человѣческимъ:
 „Душечка Михайло Пѡтыкъ сынъ Ивановичъ!
 Не стрѣляй меня ты, бѣлой лебеди,
 Я не ѣсть вѣдь лебедь бѣлая,
 А я есть вѣдь красна дѣвица,
 Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна, (79)
 Королевична Подѡлянка.

Не убей-ка ты меня Подѣлянки,
А возьми-ка ты меня въ замужество“.

Поднималась тутъ отъ моря синяго
На своихъ на крыльяхъ лебединныхъ,
Вылетала на крутой берѣгъ лебѣдушкой
Обернулася душою красной дѣвицей.
Молодой Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ воткнетъ копьѣ въ сырѹ землю,
Привязалъ коня да за острѣ копьѣ,
Подошелъ ко красной дѣвицѣ,
Бралъ ее за ручки бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣныя,
Цѣловать хотѣлъ въ уста сахарныя.
Говоритъ Михайлѣ красна дѣвица,
Лебедь бѣлая Авдотья Лиходѣвна:

„Ай, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Не цѣлуй-ка ты меня да красной дѣвицы:
У меня уста поганныя,
Я вѣдь роду есть невѣрнаго,
Я невѣрнаго есть роду, некрещѣная.
Какъ свезешь меня во стольный Кіевъ градъ,
Приведешь во вѣрушку крещѣную,
Въ церкви Божьей мы съ тобою повѣнчаемся,
Да тогда съ тобой и нацѣлуемся“.

Молодой Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Бралъ ее за ручушки за бѣлыя,
За тѣ перстни золочѣныя,
Посадилъ къ себѣ да на добра коня,
Да повезъ во стольный Кіевъ градъ.

А и будетъ онъ во стольномъ Кіевѣ,
Пріѣзжалъ на княжѣнецкій дворъ,
Подъѣзжалъ къ крылечку красному,
Соскочилъ скорѣнько со добра коня,
Проходилъ во гридню свѣтлую,
Помолился Спасу образу,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на три-четыре стороны:

„Здравствуешь ты, ласковый Владиміръ князь!
Сослужилъ тебѣ я служебку,
Настрѣлялъ тебѣ я гусей-лебедей,

Перелётныхъ малыхъ уточекъ;
Самъ себѣ добылъ обручницу,
Лебедь бѣлую Авдотью Лиходѣевну“.

„Ай, Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ тебя мнѣ наскоро пожаловать?
Городами ли со пригородками,
Али селами да со присѣлками?“

„Мнѣ не надо городовъ со пригородками,
Мнѣ и сель не надо со присѣлками,
Дай-ка только мнѣ повѣлечку великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ“.

(71)
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Далъ ему повелечку великую
По царѣвымъ кабакамъ ходить,
Пить вино по кабакамъ безденежно,
Гдѣ пить кружкою, гдѣ полукружкою,
Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

А и только лишь во церкви во соборной
Ко вечернѣ въ колоколъ ударили,
Молодой Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Съ бѣлой лебедью Авдотей Лиходѣевой
Заходили въ матушку во церковь Божію,
Служебку вечернюю отслушали.
Тутъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Низко клѣнится попамъ соборнымъ,
Чтобы дали обрученье съ красной дѣвицей;
А попы-то тому дѣлу радощны,
Скоро дѣвицу крестили да молитвили,
Имя дали Марья Лебедь Бѣлая,
Обрученье дали ей съ Михайлушкой,
А и тутъ же повѣнчали ихъ.
Молодые Богу помолилися,
Ко святымъ иконамъ приложилися,
Клали вмѣстѣ заповѣдь великую:
Кто изъ нихъ да напередъ помретъ,
То другому съ нимъ во гробъ живому лечь,
Во сырѣ землю идти да на три мѣсяца.

Выходили съ матушки со церкви Божіей,
 Шли по славну городу по Кіеву,
 Шли въ свои палаты бѣлокаменны,
 Стали жить да быть, семью сводить.

Да не много же у нихъ житія было,
 У Михайла Потыка Иванова
 Съ молодой женою Марьей Лиходѣвной,
 Всего навсего да полтора года.
 Сталь Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
 По царѣвымъ кабакамъ ходить,
 Пить вино по кабакамъ безденежно,
 Гдѣ пить кружкой, гдѣ полукружкой,
 Гдѣ полуведромъ, гдѣ и цѣлымъ ведромъ.

Захотѣла Марья Лебедь Бѣлая
 Поискать надъ мужемъ мудрости:
 Съ вечера ли расхворалася,
 Ко полуночи ли разболѣлася,
 А ко ўтру и преставилася.
 Прибѣгаетъ ко Михайлѣ во царѣвъ кабакъ (73)
 Братъ названый молодой Добрынюшка,
 Говорить ему да таковы слова:

„Ай, Михайло Потыкъ, братъ названый мой!
 Ты здѣсь пьешь да прохлажаешься,
 А твоя вѣдь молодѣ жена
 Марья Лебедь Бѣлая преставилася“.

Какъ вскочилъ Михайло на рѣзвѣ ноги,
 Закричалъ Михайло во всю голову:

„Гой еси вы, братьица мои названые,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ,
 А и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Вы пойдите-ка ко брату ко названому
 Пораадумать думу крѣпкую.
 Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую,
 Надо въ гробъ живому лечь съ покойницей,
 Во сырѣ землю идти да на три мѣсяца.
 Стрѣйте-ка домовище великое,
 Чтобы можно было стоя стать,
 Можно было бы и сидя сѣсть,
 А при времечкѣ и лёжа лечь.
 Да кладите-ка хлѣба-соли со водицею,

Чтобъ запасу было на три мѣсяца“.

Скоро эти братьица названные
Строили домовище великое,
Чтобы можно было стоя стать,
Можно было бы и сидя сѣсть,
А при времечкѣ и лёжа лечь.
Самъ Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ
Шель скорымъ-скоро ко кузницамъ,
Приказалъ ковать клещи желѣзныя,
Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
Трое прутьевъ да оловянныхъ
Да еще ли трое мѣдныхъ.
Шель тогда къ попамъ соборнымъ,
Вѣсть подать, что молода жена преставилась.
Приказали тутъ попы соборные
Тѣло мертвое ко церкви на саняхъ привезть, (74)
На церковной паперти поставить.
Стали-зачали копать могилушку,
Выкопали пребольшую, преглубокую,
Глубиной да шириной до двадцати сажень.
Собиралися попы да дьяконы
Со всѣмъ причетомъ церковнымъ,
Погребали тѣло Марьино
Опускали со домовищемъ великимъ
Въ ту могилу преглубокую.
Опускался во сырѹ землю за тѣломъ мертвымъ
И Михайло Пѣтыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ съ собой клещи желѣзныя,
Трое прутьевъ да желѣзныхъ,
Трое прутьевъ оловянныхъ,
Да еще ли трое мѣдныхъ.
А тѣ братьица названные
Клади хлѣба-соли со водицею,
Чтобъ запасу было на три мѣсяца,
Клади свѣчи воску яраго да ладану;
Набивали обручи желѣзные
На домовище великое,
Желтыми песками позасѣпали,
Надъ могилой деревянный крестъ поставили,
Только мѣсто для верѣвочки оставили,

А была верёвочка привязана
 Ко тому ко колоколу ко соборному.

И сидитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
 Съ полудня сидитъ въ могилѣ до полуночи;
 Ради страху ли добывъ огня,
 Зажигаетъ свѣчи воску яраго.
 Какъ приходитъ время полуночное,
 Подплыла змѣя да подземельная:
 Разъ лизнётъ домóвище—надлѣзнула,
 Обручи желѣзные полопались;
 Во другой лизнётъ —пролѣзнула,
 Рядъ дубóва тѣсу сдёрнула;
 Въ третій разъ лизнётъ—во гробъ плыветь.
 Увидала тутъ Михайла съ молодой женой,
 Взвеселилась, варадовáлася:

„А и буду же я ныче сытая,
 Сытая я буду, неголодная:
 Есть одно ли тѣло мертвое,
 А другое ли живое человѣческо“.

Да Михайлушко на то не робокъ былъ:
 Вынималъ клещи желѣзныя,
 Захватилъ въ клещи змѣю проклятую,
 Зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными,
 Расхлысталъ всѣ прутья да желѣзные;
 Принимается за прутья оловянные,
 Расхлысталъ и прутья оловянные;
 Принимается за прутья мѣдныя...
 Поклонилася ему змѣя, замолилася:

„Ай же ты, Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
 Не сѣки меня, змѣю, ты на умертвіе,
 А спусти меня, змѣю, ко морю синему,
 Дамъ тебѣ я заповѣдь великую:
 Принести тебѣ живой воды,
 Оживить тебѣ жену-красавицу,
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую“.

Говоритъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:

„Ай же ты, змѣя лукавая!
 Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣёнышей“.

Отдала ему змѣя въ залогъ змѣёнышей,
 Поплыла сама подземельемъ ко морю синему,

Принесла ему живой воды.
 Какъ возьмётъ за шейку онъ змѣёныша,
 Ступитъ ножкою на хвостъ змѣёнышу—
 Пораздёрнулъ на-двое змѣёныша;
 Какъ приложить во одно мѣсто по старому,
 Разъ брызнётъ—и сросся онъ по старому,
 Во другой брызнётъ—зашевелился онъ,
 Въ третій разъ брызнётъ—поплылъ изъ гроба вонъ.
 Молодую Марью Лебедь Бѣлую
 Разъ брызнётъ—въ ней кровь зайграла,
 Во другой брызнётъ—зашевелилася,
 Въ третій разъ брызнётъ—повѣстала,
 Проглаголила да таковыя слова:
 „Фу-фу-фу, а долго же проспала я!“
 Говоритъ Михайло Пётыхъ сынъ Ивановичъ:
 „Безъ меня бы ты и вѣкъ спала“.
 За верёвочку ударилъ въ колоколь—
 Услыхалъ соборный трапезникъ,
 Побѣждалъ къ могилѣ Марьиной—
 Анъ ко колоколу ко соборному
 Изъ земли верёвочка торгается.
 Какъ вскричалъ Михайло во всю голову—
 Мать-сыра земля заколыбалася,
 Теремки задрогли, зашатались,
 Весь народъ во Кіевѣ ужъхнулъся,
 Собирается къ могилѣ да дивуется:
 „Что за диво подъ землею дѣется?
 Закричали разомъ всё покойнички!“
 Говоритъ тутъ старый Илья Муромецъ
 Молоду Добрынюшкѣ Никитичу:
 „Видно же, то братецъ нашъ названный есть;
 Во сырой землѣ не долго пожилося:
 Душно, знать, въ могилѣ съ тѣломъ мертвымъ,
 И кричитъ онъ богатырскимъ голосомъ“.
 Стали разрывать могилу скоро-наскоро,
 Опускали лѣстницы великія;
 Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушко,
 Молоду жену самъ за рукавъ ведетъ,
 Съ братцами названными цѣлуется.
 Объявили тутъ попамъ соборнымъ;

Поновили молодыхъ святой водой, (7^н)
Приказали жить имъ да по старому;
Стали жить они да долго здравствовать,
Межъ собою времечко корѣтати. (7^о)

А когда Михайло живучи состарѣлся,
Живучи состарѣлся да и преставился,
Вспомнили тогда попы соборные
Прежнюю ихъ заповѣдь великую,
Стали хоронить Михайла Пѣтыка,
Да зарыли съ нимъ живую во сырѹ землю
И жену его—ту Лебедь Бѣлую,
Молодую Марью Лиходѣвну.
Съ этихъ поръ имъ стала память вѣчная.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Илья Муромецъ и Сокольникъ.

Кто бы намъ сказалъ еще про старое,
Что про старое да про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

* *
* *

Какъ стояла во чистомъ полѣ подь Кіевомъ,
За пятнадцать мѣрныхъ верстъ отъ города,
Крѣпкая застава богатырская,
Святорусскихъ двѣнадцать ли богатырей:
Во-первыхъ—удалый старый Илья Муромецъ,
Во-вторыхъ—Добрынюшка Никитичъ младъ,
Во-третьихъ—Алешенька Поповскій сынъ,
Во-четвертыхъ—Гришенька Боярскій сынъ,
Въ-пятыхъ—Васька Долгополистый, (77)
Во-шестыхъ—семь молодыхъ братовъ Сбродовичей,
Да еще ли мужики Залѣшане.
Простояли во чистомъ полѣ по три года,
Ничего въ чистомъ полѣ не видѣли:
Мимо ихъ никто пѣхотой не прохаживалъ,

На добромъ конѣ никто да не проѣзживаль,
 Птица чернѣй воронѣ не пролѣтываль,
 Сѣрый звѣрь да не прорыскиваль.

Третій годъ ли на проходѣ сталъ,
 А четвертій ходить по науличью.
 Пораздѣрнули богатыри бѣлой шатеръ,
 Стали во шатрѣ да опочивъ держать,
 Спали дологъ день до вечера,
 Ночку тѣмную да до бѣла свѣта.
 На зарѣ на ранней зорюшкѣ,
 На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго,
 Налетала на шатеръ тутъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая да чернѣй вранѣ,
 Жалобнѣшенько прокаркала.

Пробудился старій Илья Муромецъ,
 Будить молода Добрынюшка Никитича:

„Ай ты, братецъ мой, Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Возставай-ка на рѣзвѣ ноги.

Чтѣ надѣ нашимъ надѣ шатромъ подѣлалось?

Налетала на шатеръ вѣдь птица вѣщая,
 Птица вѣщая да чернѣй вранѣ,
 Жалобнѣшенько прокаркала;

Видно, сказывала вѣсточку нерадостну.

Выходи-ка со бѣла шатра,
 Погляди-ка по дорогѣ прямоѣзжей:
 Не проѣхала ли поленица тутъ,
 Не подходитъ ли подѣ коней лютѣй звѣрь?

Повскочилъ Добрыня на рѣзвѣ ноги,

Выбѣгаетъ скоро со бѣла шатра;

Смотритъ по дорогѣ прямоѣзжей—

Увидаль середѣ дороги ископнѣть,

Ископнѣть великую—во поль-печи.

Сталъ онъ ископнѣть досматривать;

Ископнѣть—могуча богатырская.

Прибѣгалъ назадъ онъ во бѣлой шатеръ,

Говоритъ да таковѣ слова:

„Гой еси вы, братица мои, товарищи!

Пробуждайтесь-ка отъ крѣпка сна!

Чтѣ мы на заставушкѣ устояли?

Чтѣ мы на заставушкѣ углѣдѣли?

Богатырь могучій вѣдь проѣхаль мимо насъ!“

Возставали тутъ товарищи отъ крѣпка сна,
Собирались во побѣдннй кругъ,
Стали думать думу крѣпкую:
Ужъ кому-то ѣхать за богатыремъ,
Разспросить объ имени, объ отчинѣ,
Силы у богатыря отвѣдати?
Выходилъ удалый старый Илья Муромецъ,
Говорилъ да таковы слова:

„Не послать ли мужиковъ Залѣшаньевъ?
Мужики Залѣшанѣ—бѣда дремать,
Анъ продремлють во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли семь братьевъ Сбродовичей?
Все ребята-то молдѣньки—бѣда зѣвать,
Прозѣвають во чистомъ полѣ богатыря.
Не послать ли Ваську Долгополага?
Полы-то у Васьки длинныя:
На ходу въ полахъ онъ заплетается,
На бою въ полахъ онъ замѣшается—
Потеряетъ даромъ буйну голову.
Не послать ли Гришеньку Боярскаго?
Рода онъ боярскаго, хвастливаго:
На бою на дракѣ призахвастнется—
Даромъ же положить буйну голову.
Не послать ли хоть Алешеньку Поповича?
Нраву онъ захлыщева, зарывчата:
Изорветъ онъ силу до богатыря—
Погинѣтъ Алеша по напрасному.
Ужъ пошлемъ-ка мы Добрынюшку Никитича:
Знаетъ со богатыремъ онъ съѣхаться,
Знаетъ онъ богатырю и честь отдать“.

Посылали тутъ Добрынюшку Никитича.
Скоро онъ, Добрынюшка, коня сѣдлалъ,
Скоро онъ садился на добра коня,

Скоро выѣзжалъ да во чистѣ поле.
Посмотрѣлъ изъ кулака изъ молодецкаго: (78)
Видитъ на полѣ чернизину;
Ѣдетъ прямо на чернизину,
Догоняетъ въ полѣ добра мѣлодца.
Хороша управа молодецкая,
Хороши доспѣхи богатырскіе:

Конь подъ молодцемъ какъ лютый звѣрь,
 Скоки скачетъ по цѣлой верстѣ,
 Слѣдъ вымѣтываетъ да во полъ-печи,
 Изо рта-то у коня огонь пышетъ,
 Изъ ноздрей-то искры сыплются,
 Изъ ушей-то дымъ кудрявъ встаетъ.
 А шоломъ на молодцѣ какъ жаръ горитъ,
 На конѣ уздечка какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремянъ какъ звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла какъ ясная заря встаетъ,
 Ясная заря да утрення.
 Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ,
 На правомъ плечѣ ясень соколъ сидитъ,
 По одной рукѣ ли соловей летитъ,
 По другой ли жавролѣночекъ,
 Перелѣтываютъ съ руки на руку,
 Перенѣшиваютъ свисты съ уха на ухо,
 Улецаютъ, спотѣшиваютъ добра молодца.
 Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ да тѣшится,
 Шуточки пошучиваетъ молодецкія:
 Боевую палицу беретъ одной рукой,
 Какъ перомъ играетъ лебединымъ,
 Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако,
 На лету подхватываетъ на бѣлы руки,
 Не допускиваетъ до сырой земли.

Увидаль Добрыня добра молодца,
 Добра молодца окликнулъ звонкимъ голосомъ:

„Ай же ты, проѣзжій добрый молодецъ!
 А зачѣмъ ты на заставу не заѣзживаль,
 А зачѣмъ ты у богатырей не спрашиваль,
 Набольшему Ильѣ Муромцу челомъ не билъ,
 Грошей подорожныхъ въ казну не клалъ
 На всю младшую на братію наборную?“

Какъ услышалъ добрый молодецъ богатыря,
 Поворачиваль къ богатырю добра коня,
 Напуцался на младѣ Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
 Отъ того отъ реву молодецкаго
 Всколыбалася сыра земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добрый конь Добрынинъ опарѣшился,

Самъ Добрыня на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился,
 Мати пресвятая Богородицѣ:
 „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!“

Подъ Добрыней конь посправился.
 Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ.
 Приѣзжалъ Добрыня ко товарищамъ,
 Говорилъ товарищамъ, рассказывалъ:

„Какъ нагналъ я въ полѣ добра молодца,
 Сталъ его вывѣдывать, выспрашивать,
 Тутъ коня ко мнѣ онъ поворачивалъ,
 Напущался на меня, Добрынюшку,
 Заревѣлъ самъ, будто лютый звѣрь:
 Всколыбалася сыра земля,
 Выливалася изъ рѣкъ вода,
 Добрый конь мой опарѣшился,
 Самъ я на конѣ устрѣшился,
 Богу Господу возмѣлился:

— „Унеси меня отъ скорой смерти, Господи!—
 Подо мною конь посправился,
 Скоро ко заставѣ поворотъ держалъ“.

Говорить Добрыня старый Илья Муромецъ:

„Коли ты уѣхалъ отъ богатыря,
 Намъ тебя въ товарищи не надѣбно!
 Поѣзжай-ка ты назадъ во Кіевъ градъ,
 Къ молодой женѣ, ко старой матери.
 Ай вы, братица мои крестовые!
 Кто изъ васъ изъ всѣхъ удалѣе,
 У кого конь порыскучѣе,
 За невѣдомымъ богатыремъ поѣхати,
 Разспросить его объ имени, объ отчинѣ,
 Если русскій богатырь—то побрататься съ нимъ,
 А невѣрный—поразвѣдаться?“

Говорить Алешенька Поповичъ младъ:

„Я, Алеша, братцы, поудалѣи всѣхъ,
 У меня конь порыскучѣе“.

Скоро сѣлъ Алеша на добра коня,
 Скоро ѣдетъ во чисто поле,
 Догоняетъ въ полѣ добра молодца,
 Окликиваетъ молодца да во всю голову:

„Ты постой, постой, проѣзжая дѣтинушка!

Богатырь ли святорусскій ты,
 Али деревенщина засельщина?
 Можетъ, ты коня украдь аль мужика убилъ,
 А сюда заѣхалъ — хвастаешь,
 Чужимъ именемъ, нахвальщикъ, таывасишься?"

Какъ нахвальщику тутъ за бѣду стало,
 За великую досаду показалось.
 Поворачивалъ коня онъ, какъ люта звѣря,
 На Алешу на Поповича,
 Бралъ Алешу за бѣлы руки,
 Снялъ Алешу со добра коня,
 Вынулъ шелепугу подорожную,
 Шелепугою стегалъ его,
 На добра коня садилъ опять,
 Самъ Алешѣ приговаривалъ:

„Ай же ты, шишира деревенская!
 Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ?
 Жилъ бы ты въ деревнѣ, деревенщина,
 Пасъ бы ты въ деревнѣ гусей-лебедей,
 Сѣрныхъ, пернатыхъ утушекъ“.

Ѣдетъ пьянъ Алешенька, шатается,
 Ко лукъ сѣдельной приклоняется.
 Увидалъ Алешу Ильѣ Муромецъ:

„Говорилъ тебѣ, Алеша, я, наказывалъ:
 Ты не пей, Алеша, зеленâ вина,
 Ты не кушай сладкихъ кушаньевъ“.

Отвѣчаетъ младъ Алеша Ильѣ Муромцу:
 „Радъ бы я не пити зеленâ вина,
 Радъ бы я не кушать сладкихъ кушаньевъ:
 Напоилъ меня нахвальщикъ до-пьяна,
 Накормилъ меня онъ до-сыта
 Тою шелепугою подорожною“.

Говоритъ тутъ старый Ильѣ Муромецъ:
 „Ужъ ты старость, старость богатырская!
 Малое-то большимъ замѣняется,
 Большему-то нѣкъмъ замѣнитися.
 Видно, кромѣ старика, ужъ ѣхать некому!
 Ай вы, братица мои крестовые!
 Поѣзжайте-ка раздольицемъ чистымъ полемъ,
 Заѣзжайте-ка на гору на высокую,

Посмотрите-ка на драку богатырскую:
 Будеть надо мною безвременнице—
 Поспѣвайте, братица, на выручку“.

И выходитъ старый со бѣла шатра,
 Обряжаетъ бурушку добра коня,
 Обряжаетъ скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крѣпко-на-крѣпко;
 И садится на добра коня,
 Выѣзжаетъ во чисто поле,
 Нагоняетъ добра молодца нахвальщика.
 А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
 Потѣшается утѣхой молодецкою:
 Мечеть острое копьё въ поднёбесьѣ,
 Говорить самъ, похваляется:

„Какъ легко вертѣтъ мнѣ острымъ копьёмъ;
 Такъ же будетъ мнѣ вертѣтъ Ильёю Муромцемъ!“

Подъѣзжалъ къ нему Ильюша со бѣла лица,
 Становиль его да супротивъ себя,
 Говорить ему да таковы слова:

„Гой еси ты, добрый молодецъ!
 Чтѣ ты рано похваляешься?
 Не улѣвя птицы, теребишь ее,
 Не сваривши птицы, Богу молишься? (79)
 Поразѣдемся-ка со чисто поля
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во палицы булатныя,
 Силушки другъ у друга отвѣдаемъ“.

Какъ борзаго выжлеца тутъ добрый молодецъ
 Ото стремени отвязываль,
 Самъ ли выжлецу наказываль:

„Ужъ ты бѣгай-ка, выжлецъ, да по темнымъ лѣсамъ,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло“.

Ясна сокола съ плеча сопускиваль:
 Самъ ли соколу наказываль:

„Ты лети-ка, соколъ, на синѣ море,
 Самъ корми-ка свою буйну голову:
 Какъ ужъ мнѣ не до тебя пришло“.

Не двѣ грозны тучушки затучились.
 Не двѣ горы вмѣстѣ содвигалися—
 Два могучихъ богатыря съѣзжались

„Какъ легко вергѣтъ мнѣ острыймъ копьемъ,
Такъ же будетъ мнѣ вергѣтъ Ильею Муромцемъ!“

На своихъ на коняхъ богатырскихъ.
 Въ первый разъ они сразилися,
 Приударили во палицы булатныя,
 Били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 А со всею силой богатырскою—
 Палицы во кольцахъ попригнулися,
 Отломилися по маковкамъ.
 У богатырей доспѣхи были крѣпкіе,
 Другъ друга они не сшибли со добрыхъ коней,
 Другъ друга не побили, не ранили,
 Ни котораго мѣстечка не кровавили.
 Становили коней богатырскихъ,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ намъ силушки другъ ѹ друга отвѣдати?
 Поразѣдемся-ка со чиста поля
 На своихъ на коняхъ богатырскихъ,
 Приударимъ-ка во копыя мурземецкія,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Поразѣхалися на добрыхъ коняхъ,
 Во другой съѣзжались, сразилися,
 Приударили во копыя мурземецкія,
 Били другъ друга да не жалѣючи,
 Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
 Копыя въ чивьяхъ поломалися,
 Другъ друга они не ранили.
 Только оба изъ сѣдѣлъ попадали. (89)

Становились скоро на рѣзвѣ ноги,
 Говорили сами промеждѹ собой:

„Какъ еще намъ силушки отвѣдати?
 Будемъ биться плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Тутъ другъ ѹ друга мы силушки отвѣдаемъ.“

Разошлись, разбѣжались,
 Захватились плотнымъ боемъ-рукопашкою,
 Другъ съ другомъ ломалися, водилися,
 Съ вечера водились до полуночи,
 Со полуночи водились до бѣла свѣта,
 По колѣна въ землю приобмялися.
 У Ильи-то права ножка окатилася,
 Лѣва ножка подломилася;

Подхватилъ его нахвальщикъ со коса бедра,
 Опустилъ на матушку-сырѹ землю,
 И ступилъ ему на бѣлу грудь;
 Бралъ тогда рогатину звѣриную,
 Заносилъ да руку правую,
 Заносилъ да выше головы,
 Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
 На бою-то смерть Ильѣ не писана,
 Застоялась во плечѣ рука у молодца,
 Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
 Сталъ нахвальщикъ надъ Ильею издѣваться:

„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пѣсь!
 Ужъ тебѣ ли ѣздить во чистомъ полѣ,
 Во чистомъ полѣ да на добромъ конѣ!
 Развѣ нѣ кѣмъ старичивѣ замѣнитися?
 Ты поставилъ бы келейку по дороженькѣ,
 Собиралъ бы во келейкѣ по полушечкѣ;
 Тѣмъ бы старичина и животъ питалъ,
 Тутъ бы старичина и животъ кончалъ.“

Какъ лежитъ Ильюша подъ богатыремъ,
 Говорить самъ таковы слова:

„А не ладно же было написано:

—Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,—

А теперь лежитъ Ильюша подъ богатыремъ.“

Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая,
 Лѣжа силы у Ильюши втрое прибыло;
 Что не сѣрая утица востопрщится—
 На землѣ Ильюша поворотится,
 Замахнется правой ручушкой,
 Да ударить во черны груди ⁽⁸¹⁾ нахвальщика—
 Мечетъ мѡлодца подъ вышину небесную,
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго.
 Свѣта бѣлаго не взвидѣлъ мѡлодецъ,
 И летить назадъ онъ ко сырой землѣ.
 На лету его Илья подхватывалъ
 На свои на руки богатырскія,
 Клалъ на матушку-сырѹ землю,
 Самъ ему садился на черны груди,

Бралъ въ бѣлыя руки булатный ножъ,
Заносилъ да ручку правую,
Заносилъ да выше головы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу...
Какъ, по Божьему тутъ по велѣнью,
Застоялась во плечѣ рука Ильюшина,
Помутился свѣтъ во ясныхъ очушкахъ,
Сталъ онъ мѣлодца допрашивать,
Сталъ онъ мѣлодца вывѣдывать:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты скажись, скажись-ка, не утай себя,
Ты коей земли, коей орды,
Коего отца, да коей матушки?
Какъ тебя да именемъ зовутъ,
Величаютъ по отечеству?

А нахвальщикъ подь Ильей лежитъ,—
Хоть мозги въ головкѣ потрясаются,
Видь со ясныхъ очушекъ теряется,
И рѣчисть языкъ мѣшается,—
Самъ Ильѣ такой отвѣтъ держитъ:

„Ай ты, старая базыга, ты сѣдатый пѣсь!
Какъ сидѣлъ бы у тебя я на бѣлой груди,
Какъ держалъ бы во рукѣ булатный ножъ,
Не спросилъ бы у тебя я роду-племени,
Не спросилъ бы у тебя отца и матери,
А пласталъ бы только бѣлу грудь тебѣ,
Доставалъ бы сердце да со печенью“.

Во другой ли разъ его Илья допрашивалъ,
Въ третій разъ его Илья вывѣдывалъ,
Не дождался отъ нахвальщика отвѣта онъ,
Заносилъ опять булатный ножъ,
Заносилъ да выше головы,
Опустить хотѣлъ да ниже поясу. . .
Видитъ мѣлодецъ—конецъ пришелъ ему,
Не утаился, сказался Ильѣ Муромцу:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ,
Святорусскій богатырь да Илья Муромецъ!
Я такой земли, такой орды:
Отъ того отъ славнаго Латѣрь-моря,
Отъ того отъ камня да отъ латѣря,

Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки, (82)
 А по имени зовутъ Сокольникомъ.“ (83)

Какъ тутъ старый Илья Муромецъ
 Скоро сходить со груди его,
 Какъ беретъ его за ручки бѣлыя,
 Какъ беретъ за перстни золочѣныя,
 Какъ взымаетъ со сырой земли,
 Какъ становить на рѣзвы ножки,
 На рѣзвы ножки да супротивъ себя,
 Какъ цѣлуетъ во уста сахарныя,
 Называетъ крестникомъ (84) любимымъ,
 Самъ-то плачетъ, старый, гляючи на крестничка:

„Здравствуешь ты, мой любимый крестничекъ!
 Вѣдиль я чистымъ полемъ поляковать,
 Повстрѣчался съ поленицею удалою,
 Съ тою бабою великою Латыгоркой,
 Да какъ съѣхались на поединочкѣ,
 Я побилъ ее на поединочкѣ,
 Повинилась мнѣ Латыгорка, возмѣлилась,
 Стала звать во кумовья къ себѣ,
 И крестилъ я ей тебя, Сокольникъ.
 Какъ поѣдешь ты ко матушкѣ родимой,
 Ко моей кумѣ любимой,
 Отвези ей отъ Ильи поклоны низкіе.
 А теперъ намъ полно биться-ратиться,
 Послѣ бою-драки богатырскія
 Будемъ отдыхъ-опочивъ держать.“

И прилегъ Ильюша во чистомъ полѣ,
 На бугрѣ высокѣ, раскатистомъ,
 Послѣ бою-драки опочивъ держать.
 И заснулъ Ильюша богатырскимъ сномъ,
 Богатырскимъ сномъ да на двѣнадцать дѣнь.
 А нахвальщикъ, младъ Сокольникъ пораздумался:

„Какъ поѣхалъ я отъ рѣдной матушки,
 Отъ той бабы отъ великой отъ Латыгорки,
 Говорила мнѣ, наказывала рѣдная:

—Ты попомни, чадо милое:
 Какъ поѣдешь во чистѣ поле поляковать,
 Бейся во чистомъ полѣ со всякими,
 Да не бейся ты со старыми,

Да не бейся со угрюмыми,
 Да не бейся съ невесёлыми:
 Примешь скорую ты смерть отъ стараго.—
 Ай ты, свѣтъ моя да рѣдна матушка!
 Какъ побилъ тебя старикъ на поединочкѣ,
 Самого за то предамъ я смерти скороей“.
 Бралъ Сокольникъ рогатину звѣриную,
 Билъ Илью рогатиною по бѣлой груди;
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того удара богатырскаго.
 Надъ Ильюшей добрый конь стоитъ,
 Ржетъ надъ нимъ да во всю голову,
 Бьетъ копытомъ во сырѹ землю—
 Спитъ Илья, не пробуждается
 Отъ того отъ ржанья-топота.
 Былъ же у Ильюши крестъ на вѣротѣ,
 Чудень крестъ во полтора пуда:
 Погодился чудень крестъ Ильѣ,
 Пробудился онъ отъ звона отъ крестоваго,
 Вскинулъ вокругъ себя да ясны очушки—
 А надъ нимъ стоитъ Сокольникъ,
 Бьетъ его рогатиной по бѣлой груди.
 Разгорѣлось сердце богатырское,
 Раскипѣлась кровь да молодецкая:
 Воспрянулъ Ильюша на рѣзвѣ ноги,
 За желтѣ кудри схватилъ Сокольникъ,
 Опустилъ на мать-сырѹ землю,
 Наступилъ ему на ножку правую,
 Дернулъ мѣлодца за ножку лѣвую—
 На двое ли мѣлодца порѣзорвалъ,
 Раскидалъ кусочки по чистѹ полю—
 Что одну ли половинку да сѣрѣмъ волкамъ,
 А другую половинку чернымъ вѣронамъ,
 Самъ прогѣворилъ да таковѣ слова:
 „Было чадочко единое—крестное,
 Да самимъ же чадо смерти предано!“
 Только-то Сокольникъ славы поютъ,
 А Ильюшѣ слава не минуется,
 Вѣкъ поютъ да по вѣку Ильюшеньку.

Три поѣзочки Ильи Муромца.

Намъ не дорого пиво пьяное,
Намъ не дорого зеленѣ вино,
Дорога намъ бесѣдушка смиренная:
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошия
Про старое да про бывалое,
Про стараго Илью про Муромца.

* *
* *

Ѣздилъ старый по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости до гробовой доски.
Да хорошъ былъ у стараго добрый конь,
Его маленькій бурушка косматенькій:
Хвостъ у батюшки-бурушки былъ трѣхъ сажень,
Грива трѣхъ локтей, а шерсть трѣхъ пятей.
Онъ у рѣкъ перевозу не спрашиваль,
Однимъ скокомъ онъ ихъ перескакиваль,
Широкий раздолья перерыскиваль,
Да отъ смерти стараго унашиваль.

Какъ не пылъ дорогой запыхилася,
Не туманъ да съ моря подымается,
Не бѣлы снѣжки въ полѣ забѣлѣлися—
Какъ погуливаетъ старый во чистомъ полѣ,
Забѣлѣлась его буйная головушка

Со частой, съдой, мелкой бородушкой,
 Затуманился подь нимъ его добрый конь,
 Запылилась за нимъ сила добрая.
 Подъѣзжаетъ старый къ тремъ дороженькамъ,
 Къ тремъ дороженькамъ да перекрѣсточкамъ,
 И лежитъ на перекрѣсточкахъ горючъ камень,
 А на камешкѣ подпись подписана:

„Во дорожку ту ѣхать—богату быть,
 Во другую ѣхать—женату быть,
 А во третью ѣхать—убиту быть“.

Дивовался старый, головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣзживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ богату быть?

Да на что мнѣ, старому, богатство?

Нѣтъ у стараго семьи любимья,

Молодой жены, малыхъ дѣтушекъ,

Да и нѣкому держать золотой казны,

А и нѣкому держать платья цвѣтнаго.

Ѣхать развѣ во дорожку, гдѣ женату быть?

Да на что мнѣ, старому, жениться?

Мнѣ жениться—не нажитися,

Молодую взять—чужа корысть,

А старуху взять—на печи лежать,

На печи лежать, киселѣмъ кормить.

Ужъ поѣду-ка во дорожку, гдѣ убиту быть,

Гдѣ убиту быть да замучену,

Со душою тѣлу быть разлучену.

Пожилъ добрый молодецъ на сѣмъ свѣтѣ,

Походилъ, погулялъ во чистомъ полѣ,

И застала его старость глубокая,

Во чистомъ полѣ застала чернымъ вѣрономъ,

Сѣла молодцу на буйну голову,

А и прѣ смерти головушка шатается.

Только смерть мнѣ на бою-то не написана!“

И поѣхаль онъ въ дорожку, гдѣ убиту быть.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,

Какъ заѣхаль старый во темны лѣса,

Наѣзжаетъ на станицу станичниковъ,

А по-русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много, не мало—сорокъ тысячей.
Увидали стараго разбойники,
Кругомъ его, стараго, облѣвили.
Хотятъ его, стараго, ограбити,
Хотятъ его, стараго, съ коня стащить,
Хотятъ добра мѡлодца убить-погубить,
Тѣло бѣлое со душой разлучить.
А старикъ на конѣ головой качаль,
Головой качаль, проговариваль:
„Ой вы гой еси, братцы станичники,
Гой еси, подорожники-разбойники!
Вамъ убить меня, стараго, нѣ за что,
Да пограбить у стараго нѣчего:
Не случилось у меня съ собой казны;
Есть наличныхъ только три тысячи,
Еще крестъ на груди въ цѣлу тысячу,
Кунья шубонька во пятьсотъ рублей,
Соболиная шапочка во три сотеньки,
Да еще рукавички въ одну сотеньку.
Коню доброму цѣны я не вѣдаю:
На базаръ я его не вываживаль,
И никто ему цѣнъ не окладываль;
Только вотъ узда во пятьсотъ рублей,
Да чаркаское сѣдельце во двѣ тысячи;
Потому сѣдельце дорого,
Что орлѣно перьемъ орлинымъ—
Не того орла, чтѡ по морямъ леталь,
А того орла, чтѡ по горамъ леталь!
Какъ ударился орель о горючъ камень,
Обломаль себѣ перья орлиныя;
Проѣзжали купцы изъ-за синя моря,
Обирали перья орлиныя;
Привозили старому во подарочекъ.
А попона на конѣ семи шелковъ,
Въ три строкѣ ли стрѡчена-тѡчена:
Какъ одна-то строчка злата-сѣребра,
А другая строчка чиста золота,
Еще третья строчка желтой мѣди.
А во гривушку вплѣтанъ скачѣнъ жемчугъ,

Межь ушами камене понасажено,
Драгоценное камене самоцветное,
Да не для-ради красоты молодецкия,
Для-ради осеннихъ темныхъ ноченекъ:
Ходить батюшка-бурушка во чистомъ полѣ,
А отъ батюшки-бурушки лучи текутъ
За три вѣрсты, какъ отъ свѣтла мѣсяца“.

Закричалъ тутъ атаманъ разбойничій,
Кликнулъ кличъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:

„Какъ ужъ, старый чортъ, сѣдатый волкъ,
Еще много сталъ съ нами разговаривать!
Гой, ребяташки, тати-станичники!
Гой, вы, братцы мои, плуты-разбойники!
Принимайтесь-ка за дѣло ратное,
Да срубите-ка вы старому буйну голову!“

Говоритъ имъ старый Илья Муромцевъ:
„А вы дайте-ка мнѣ, старому, управиться,
Послѣ сами мнѣ будете кланяться“.

Вынималъ изъ налушна онъ тугой лукъ,
Вынималъ изъ колчана калену стрѣлу,
На тугомъ лукѣ тетивку натягивалъ:
Каленую стрѣлу накладывалъ:

„Ой вы гой еси, добры мѡлодцы!
Въ васъ стрѣлять ли, аль во сырой дубъ?“

Онъ стрѣляетъ не по станичникамъ,
Онъ стрѣляетъ во сыръ кряковистый дубъ;
А и спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣлка въ кряковистый дубъ,
Изломала его въ череня ножѣвные.
Отъ того ли отъ грому богатырскаго
Всѣ станичники съ коней попадали,
Испужались, врозь разбѣжались,
На ножи-было сами наметались:

„Гой еси ты, старъ матерь человекъ!
Ты оставь-ка насъ хоть на сѣмена!
Ты бери съ насъ всего, сколько надобно,
Ты бери съ насъ золоту казну,
Ты бери съ насъ платье цветное,
Ты бери и нашихъ добрыхъ коней!“

Усмѣхается старъ матерь человекъ:

„Кабы брать вашу золоту казну,
 За мной рыли бы ямы глубокія;
 Кабы брать мнѣ ваше платье цвѣтное,
 За мной были бы горы высокія;
 Кабы брать мнѣ вашихъ добрыхъ коней,
 За мной гнали бы табуны великіе“.

Говорять ему станичники-разбойники:

„Одно красное солнце на бѣлѣмъ свѣтѣ,
 Одинъ сильный богатырь Илья Муромецъ!
 Ужъ поди-ка ты къ намъ во товарищи,
 Будешь намъ ты большимъ атаманушкой“.

„Ой вы, братцы, станичники-разбойники!
 Не пойду я къ вамъ во товарищи.
 Не охота мнѣ съ вами овецъ пасти.
 Расходитесь-ка вы по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ,
 Къ отцамъ-матерямъ, къ молодымъ женамъ,
 Къ молодымъ женамъ, ко глупымъ дѣтушкамъ,
 Будетъ вамъ стоять при дороженькѣ,
 Проливати кровь христіанскую“.

Скоро старый назадъ тутъ ворѣчался,
 Пріѣзжалъ ко горячему камешку,
 Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль,

„А и ложно была надпись подписана;
 Во дороженьку ѣздиль — убитъ не бываль“.

Пораздумался старый, прогѣвориль:

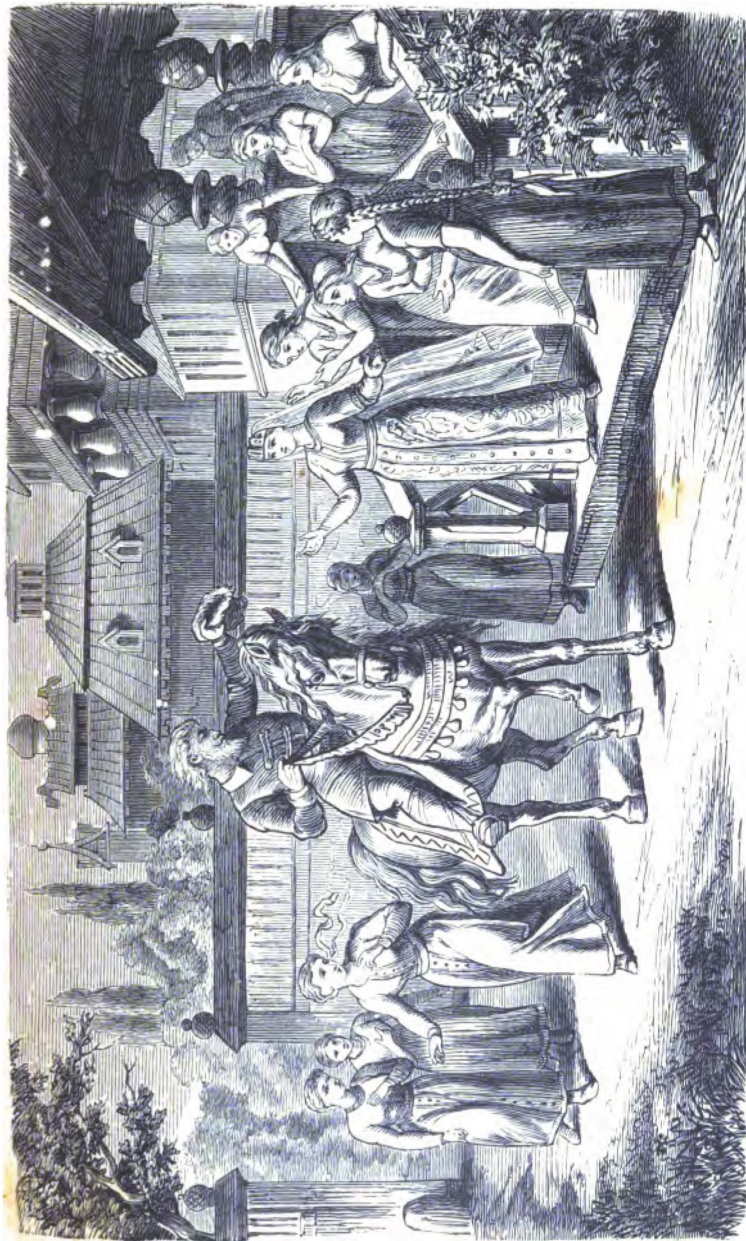
„А поѣду-ка теперь, гдѣ женату быть“.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжалъ теремъ златоверхіе.
 Выбѣгали двѣнадцать красныхъ дѣвушекъ;
 Посреди ихъ королевна-душечка;
 На ней платье-то драгоцѣнное,
 Драгоцѣнное платье — самоцвѣтное —
 На подушечку мѣста рублемъ не купить.

Говорить королевна-душечка:

„Ты удаленькій, дородный храбрый молодець!
 Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высѣкъ терѣмъ,
 Наново-накормлю хлѣбомъ-солю“.

Какъ сходилъ тутъ старый со добра коня,

Говорит королевна-душечка:

„Ты, удаленькй, дородный храбрый молодець!

Ты пожалуй-ка ко мнѣ во высокъ терѣмь,
Налою-накармлю хлѣбомъ-солою.“

Оставлялъ коня неприкована,
 Неприкована да непривязана;
 А прекрасная королевна-душечка
 Брала стараго за ручки бѣлыя,
 Цѣловала во уста сахарныя,
 Проводила во высокъ терѣмъ,
 Садила за дубовый столъ,
 Стлала скатерти браныя, шелкѣвыя,
 Приносила яствушки сахарныя,
 Приносила напитокки медѣвые,
 И поила-кормила добра мѣлодца,
 Добру мѣлодцу низко кланялася.
 Ъсть и пьетъ старикъ, прохлаждается,
 Весь ли дологъ день и до вечера.
 Вышелъ тутъ изъ-за стола дубоваго,
 Говорить самъ таковы слова:

„Ай ты, душечка красная дѣвушка!
 А и гдѣ у васъ ложни теплыя,
 Гдѣ у васъ кровати тесѣвыя,
 Гдѣ перины мягкія, пуховыя?
 Мнѣ на старость старику бы опочинуться“.

Привела его въ ложни теплыя,
 Ко кровати ко тесовой.
 У кровати старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!
 Знать, кроватка-то подложная“.

Какъ возьметъ королеву за бѣлыя ручки,
 Шибанеть ко стѣнкѣ кирпичной,
 Отвернулася кроватка подложная,
 Увалилася королевна во глубокъ погрѣбъ.
 Говорить старикъ таковы слова:

„Гой еси вы слуги безыменные!
 Покажите-ка мнѣ ходъ во глубокъ погрѣбъ“.

Показали ему ходъ во глубокъ погрѣбъ,
 Старику ключей не надобно:
 Онъ перстами замки отдѣргиваль,
 Онъ ногами двери вонъ вышйбываль,
 Выпущаль сорокъ царей-царевичей,

Съ ними сорокъ королей-королевичей,
Сорокъ сильныхъ могучихъ богатырей,
Говорить самъ таковы слова:

„Ай, глупы же вы, цари-царевичи,
Ай, глупы вы, короли-королевичи,
Ай, глупы вы, могучіе богатыри!
Вы сдаетесь на прелесть на женскую.
Поѣзжайте-ка всё по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ да по своимъ ордамъ,
Ко своимъ женамъ, ко малымъ дѣтушкамъ“.

Какъ тутъ всё они съединилися,
Старику до земли поклонилися:
„А спасибо жъ тебѣ, старъ матѣрь человекъ,
Что насъ выпустилъ съ неволи великія“.

Вышла тутъ и королевна-душечка,
До земли тоже била челомъ ему:
„Ахъ ты, кумъ мой любезный, Илья Муромецъ!
Не узналъ ты меня, видно, Латыгорки?“
Говорить въ отвѣтъ Илья Муромецъ:

„Ай ты, лютая баба-Латыгорка!
А почто же ты кума любезнаго
Безъ вины хотѣла схоронить живьемъ?“
„А почто же ты самъ, мой любезный кумъ,
Смерти предалъ младаго Сокольника,
Мое чадочко милое единое?“

„А почто же онъ, младъ Сокольникъ,
Нападалъ на крестнаго батюшку,
Нападалъ на соннаго, безоружнаго?
Знать, отъ вашего роду отъ проклятаго
Не видать покою людямъ, доколь
Не останется одинъ лишь пепель съ васъ!“
Бралъ тутъ старый ее за бѣлы ручки,
Выводилъ ее старый на широкій дворъ,
Привязалъ къ тремъ жеребчикамъ неѣзжанымъ—
Куда руки, куда ноги раздѣрнули,
Растащили ее по чисту полю.
Роздалъ тутъ все имѣнье-богачество
Добрымъ мѣлодцамъ, могучимъ богатырямъ,
Терема златоверхіе огню предалъ,
Самъ ко камешку поворотъ держалъ,

Подпись старую на немъ захѣриваль,
 Подпись новую на немъ подписываль:
 „А и ложно была подпись подписана:
 Во дороженьку ѣздиль—убить не быть,
 Во другую ѣздиль—женать не бываль“.

Пораздумался старый, прогдворилъ:

„Ужъ поѣду-ка теперъ, гдѣ богату быть“.

Какъ отѣхаль старый за три поприща,
 Наѣзжаетъ на превеликъ камень,
 Превеликъ камень въ тридвяносто пудъ,
 А на камнѣ подпись подписана:
 „Кому камень подѣ силу вывалить,
 Да подѣ камнемъ плиту чугунную,
 Тотъ найдетъ подѣ плитой глубокъ погрѣбъ,
 А во погрѣбѣ—богачество несмѣтное“.

Какъ у камня старый головой качаль,
 Головой качаль, проговариваль:

„Да я сколько по святой Руси ни ѣживаль,
 А такого чуда вѣкъ не видываль!

Опускался старый со добра коня,
 Подпадалъ подѣ камень могучимъ плечомъ,
 За три поприща камень выкатываль,
 Да плиту чугунную выпинываль—
 Отворился ему глубокъ погрѣбъ,
 А насыпанъ погрѣбъ злата-сѣребра,
 А насыпанъ весь да скатна жемчугу,
 Браль тутъ старый мису чиста сѣребра,
 Браль другую красна золота,
 Браль и третью скатна жемгугу,
 На коня садился, поворотъ держаль,
 Приѣзжалъ во славный во Кіевъ градъ
 И воздвигнулъ три церкви соборныя:
 Перву церковь—Спасу Пречистому,
 Другу церковь—Николѣ Можайскому,
 Третью церковь—Георгію Храброму,
 Заводилъ тутъ пѣнье церковное,
 Устанавливалъ звоны колокольные:
 „Чѣе имѣнье, за того, пускай, идетъ!“
 Остальное злато-сѣребро, скачѣнъ жемчугъ
 Раздавалъ по нищей по братіи,

Раздавалъ по сиротамъ безпріютнымъ;
Самъ къ горячему камешку ворочался,
Подпись старую на немъ захѣривалъ,
Подпись новую на немъ подписывалъ:
„А и ложно была подпись подписана:
Во дороженьку ѣздилъ—убить не бывалъ,
Во другую ѣздилъ—женать не бывалъ,
И во третью ѣздилъ—богаты не бывалъ“.

Туть-то старому во вѣкъ слава-честь пошла.
А и наша старина-то до конца дошла.

БЫЛИНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ перевелись богатыри на святой Руси. (86)

Какъ на славной было, братцы, на Сафать-рѣкѣ, (87)
Не здорово, братцы, учинилося,
Помутилась славная Сафать-рѣка,
Помѣшался славный богатырскій кругъ:
Что не стало бѣльшаго богатыря,
Старого удала Ильи Муромца!
Ужъ вы, братцы, вы, товарищи!
Убирайте-ка вы лѣжки струженьки
Дорогимъ суконцемъ багрецовымъ,
Увивайте-ка весельчики
Аравитскимъ краснымъ золотомъ,
Увивайте-ка укрюченьки
Цареградскимъ крупнымъ жемчугомъ:
Чтобы по ночамъ онѣ не бѣркали,
Чтобъ не подавали ясака
Ко тѣмъ злымъ людемъ—татаровьямъ.

* *
*

На закатѣ было красна солнышка,
Выѣзжали на Сафать-рѣку
Семь удалыхъ русскіихъ богатырей,
Семь могучихъ братьицевъ названныхъ:
Выѣзжалъ Горденко Блудовичъ,
Выѣзжалъ Василій Казиміровичъ,

Выѣзжалъ Иванъ Гостиный сынъ, ⁽⁸⁸⁾
 Выѣзжалъ Самсонъ Самойловичъ, ⁽⁸⁹⁾
 Выѣзжалъ Алешенька Поповичъ младъ,
 Выѣзжалъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Выѣзжалъ и матерой Илья,
 Старый Илья Муромецъ Ивановичъ.

Пораскинулось предъ ними поле чистое,
 А на томъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
 Старый дубъ стоитъ, крякѣвистый,
 У того ли дуба три дороги сходятся:
 Ужъ какъ первая дорога къ Нову-городу,
 А вторая-то дорога къ стольну Киеву,
 А что третія дорога ко синю морю,
 Ко синю морю далѣкому;
 Та ли третія дорога прямоѣзжая,
 Прямоѣзжая дорога, прямопутная—
 Залегла дорога ровно тридцать лѣтъ,
 Ровно тридцать лѣтъ и трѣ года.
 Становились на распутіи богатыри,
 Разбивали свой бѣлой шатерь,
 Отпускали коней погулять въ чистомъ полѣ:
 Ходятъ кони по шелковой муравѣ-травѣ,
 Да пощипываютъ зелену траву,
 Да побрякиваютъ золотой уздой;
 А въ бѣломъ шатрѣ богатыри
 Долгу ночку сномъ корѣтають.

На восходѣ было красна солнышка,
 Возставалъ всѣхъ раньше Илья Муромецъ,
 Выходилъ да на Сафать-рѣку,
 Умывался студеной водой,
 Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чудну образу;
 Видитъ тутъ: черезъ Сафать-рѣку
 Переходитъ силушка невѣрная!
 Добру молодцу той силы не объѣхати,
 Сѣру волку не обрѣскати,
 Черну ворону не облетѣть.
 И кричитъ Ильюша зычнымъ голосомъ:
 „Ой, ужъ гдѣ же вы, могучіе богатыри,
 Вы, удалы братьица названые!“

Какъ сбѣгалися на зовъ его богатыри,
 Какъ садились на добрыхъ коней,
 Какъ бросалися на силушку невѣрную,
 Стали силушку колоть-рубить,
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрыя:
 Бились съ силой ровно три часа,
 Изрубили силу до одинаго.

Стали молодцы тутъ похвалятися:

„Какъ у насъ, могучихъ богатырей,
 Плечи молодецкія не намахались,
 Кони добрыя не уходилися,
 И мечи булатные не притушилися!“

И возговорить Алешенька Поповичъ младъ: (90)

„Подавай намъ силу хоть небесную:
 Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

Только молвилъ слово неразумное,
 Появились двое супротивниковъ,
 Крикнули имъ громкимъ голосомъ:

„А давайте-ка вы съ нами бой держать!
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро“.

Не узнали супротивниковъ богатыри,
 Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
 Разгонялъ коня ретиваго,
 Налетѣлъ на супротивниковъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало четверо—и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало восьмеро—и живы всѣ.

Налетаетъ старый Илья Муромецъ,
 Разрубаетъ по-поламъ ихъ со всего плеча:
 Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.

Бросились на силу всѣ богатыри,
 Стали силушку колоть-рубить—
 А та сила все растеть-растеть,
 На богатырей боѣмъ идетъ.

Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кѣни добрыя—
 А та сила все растеть-растеть,

На богатырей боёмъ идетъ.
Билися три дня и три часа,
Намахались ихъ плечи молодецкія,
Уходилися ихъ кѣни добрыя,
Притупилися ихъ мечи булатные—
А та сила все растеть-растетъ,
На богатырей боёмъ идетъ.
Испугалися могучіе богатыри,
Побѣжали къ каменнымъ горамъ,
Ко пещерушкамъ ко тѣмнымъ;
Первый только побѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Другой только побѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ;
Третій только побѣжалъ къ горѣ,
Какъ на мѣстѣ и окаменѣлъ.
Съ тѣхъ-то поръ могучіе богатыри
И перевелися на святой Руси!

БЫЛИНЫ НОВГОРОДСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Молодость Василя Буслава. ⁽⁹¹⁾

Какъ во славномъ, во Великомъ Новѣ-городѣ
Жилъ Буслай да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да зуба во рту нѣтъ.
Со Опсковомъ онъ не вздориваль,
Съ Новымъ-городомъ не спариваль,
Съ мужиками со новгородскими ⁽⁹²⁾
Поперекъ словечка не говариваль: ⁽⁹³⁾
Живучй Буслай состарился,
А состарившись преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалося его житьѣ-бытьѣ,
Все имѣніе-богачество,
Оставалась матерà вдова,
Матерà Мамельфа Тимоѣевна,
Оставалось чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молодой Василий сынъ Буслаевичъ.
Будеть Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матерà вдова Мамельфа Тимоѣевна,
Обучать его во грамотѣ—
Грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила Васиньку перомъ писать—

И письмо ему въ наукъ пошло;
 Отдавала пѣнію учить церковному—
 Пѣніе ему въ наукъ пошло.
 А и нѣтъ такихъ пѣвцовъ у насъ
 Въ цѣломъ славномъ Новѣ-гѣродѣ,
 Супротивъ Василя Буслаева!

Какъ пошелъ тутъ Васинька по городу,
 Сталъ по улочкамъ съ ребятами побалывать,
 Шуточки нелегкія пошучивать:
 За руку ли дѣрнетъ—ручку выдернетъ;
 За ногу ли хватить—ножку выломить,
 Въ голову ударить—голова съ плеча.

Приходили мужики новгородскіе
 Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
 Приносили жалобу великую
 На того Василя на Буслаева:

„Ай, честна вдова Мамельфа Тимоѣевна
 Ты уйми-ка свое чадо милое,
 Чадо милое, дитя любимое,
 Молода Васильюшку Буслаева:
 Съ нашими со малыми ребятками
 Шуточки онъ шутить не хорошия,
 Побиваетъ смертію напрасною;
 Не наполнить будетъ намъ ребятушекъ.
 Не уймешь Васильюшки Буслаева—
 Будемъ унимать всѣмъ Новымъ-городомъ,
 Сгонимъ Ваську внизъ подъ Волхово,
 Сбросимъ Ваську прямо въ Волхово“.

Дождалася чада милаго
 Матеря вдова Мамельфа Тимоѣевна,
 Стала мѣлодца журить-бранить,
 Не журить-бранить—на умъ учить:

„Чадо ты мое, дитя любимое,
 Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
 А и что же ты по гѣроду уродствуешь?
 Жиль Буслай да девяносто лѣтъ,
 А ни съ кѣмъ до смерти не перечился,
 Въ твои годы не имѣлъ и ста рублей,
 А имѣлъ дружину, добрую, хорѣбрую;
 У тебя же нѣтъ ни братіи, ни дружинушки:
 Долго ли обидѣтъ добра мѣлодца?“

Прйбраль бы себѣ дружиниушку—
Было бы съ кѣмъ попротивиться“.

За тѣ рѣчи Васька принимается:

„Я тебя-де, матушка, послушаю“.

Самъ садился на ременчатъ стуль,
Ярлыки писалъ да скорописчаты:

„Кому хочется до-сыта ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкій дворъ,
На широкій дворъ да на почѣстенъ пирь“.

Ярлыки привязываль ко стрѣлочкамъ,
Стрѣлочки стрѣляль по Нову-гѣроду,
Самъ навариваль да пива пьянаго,
Самъ накуриваль да зеленà вина.
Разставляль чаны середь двора,
Опускаль въ нихъ чару—полтора ведра,
Чарочкѣ да приговариваль:

„Кто подниметь чару единой рукой,
Выпьеть чару на единый духъ,
Будеть тотъ Василью милый другъ,
Будеть милый другъ, названый братъ.“

Какъ пошли тутъ люди грамотны
Со той церкви со соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,
Ярлыки на стрѣлочкахъ прочитывать:

„Жалуеть-зоветъ Василій на почѣстенъ пирь“.

Собиралися увалами,
Что увалами да перевалами,
Всѣ идутъ и старые и малые,
Всѣ валять къ Василью на широкій дворъ.

Увидалъ Василій изъ окна ребятъ,
Говорить себѣ да таковы слова:

„Не наполнить будетъ пива пьянаго,
Не насытитъ зеленà вина“.

Браль червлѣнный вязъ въ двѣнадцать пудъ,
Соходилъ къ ребятамъ со красна крыльца,
Говорилъ ребятамъ таковы слова:

„Кто подниметь чару единой рукой,
Выпьеть чару на единый духъ,
Да истерпитъ мой червлѣнный вязъ,
Мой червлѣнный вязъ во буйну голову,—
Тотъ поклонъ поставитъ да и въ домъ взойдетъ,

Будеть милый другъ мнѣ и названный братъ“.

Какъ тутъ бѣльшій тѣлится за средняго,
Средній тѣлится за мѣньшаго,
А отъ мѣньшаго-то и отвѣта нѣтъ;
Вонъ идутъ и старые и малые,
Сами говорятъ промежь себя:

„Не упито будетъ, не уѣдено,
А на вѣкъ увѣчые нажито“.

Какъ бѣжитъ навстрѣчу Костя Новотѣржанинъ,
Опрошаетъ на бѣгу ребятъ:

„Были ли у Васьки на честномъ пиру?
Каково у Васьки упили,
Каково у Васьки уѣли?“

„Мы не упили, ни уѣли,
Мы на вѣкъ увѣчые нажили.
Самъ куда бѣжишь, куда спѣшишь?“

Не дасть отвѣта Костя Новотѣржанинъ,
Онъ одно бѣжитъ, одно спѣшить:
Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкій дворъ,
Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
Воздымаетъ чару единѣй рукой,
Выпиваетъ чару на единѣй духъ;
Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
Воздымаетъ чару единѣй рукой,
Выпиваетъ чару на единѣй духъ;
Поскорѣхонько и въ третій разъ...
Только поднялъ чару зеленѣ вина—
Подскочилъ къ нему Василій, сталь опробовать,
Билъ червлѣнымъ вязомъ въ буйну голову:
Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
Синь кафтанъ на плѣчахъ не колѣхнется,
Жѣлты кудри на головущкѣ не трѣхнутъся,
Полна чарочка въ рукахъ не всплещется:

„Окатилъ меня ты, Васинька Буслаевичъ,
Окатилъ мнѣ ретивѣ сердце,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову—
Ужъ ты дашь ли мнѣ опохмѣлитися?“

Бралъ его Василій за бѣлыя руки,
Цѣловалъ въ уста сахарныя,
Проводилъ во гѣрницу столовую:

„Будь же ты мнѣ, Костя, милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ“:
 И садиль его онъ за дубовый столъ,
 За дубовый столъ да во большій уголъ,
 И кормиль-поиль его онъ до-сыта.

Въ тѣ поры было, въ то времячко,
 Увидали мужики новгородскіе,
 Что бѣжить навстрѣчу имъ Потаня Хроменькій,
 Говорятъ Потанѣ таковы слова:

„Не ходи, Потаня, на почѣстенъ пирь!“

Не дасть отвѣта имъ Потанюшка,
 Онъ одно бѣжить, одно спѣшить:
 Правой ножкой-то припадываетъ,
 Лѣвой ножкой-то прихрамываетъ,
 Изъ-подъ рученьки присматриваетъ,
 Прибѣгаетъ къ Васькѣ на широкой дворъ,
 Размахнулъ на чанъ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и во второй-то разъ,
 Воздымаетъ чару единой рукой,
 Выпиваетъ чару на единый духъ;
 Поскорѣхонько и въ третій разъ...
 Подскочилъ къ нему Василій, сталъ опробовать,
 Биль червлѣннымъ вязомъ по хромымъ ногамъ:
 Устоялъ дѣтина—не ворѣхнется,
 Синь кафтанъ на плѣчахъ не колѣхнется,
 Жѣлты кудри на головушкѣ не тряхнутся,
 Полна чарочка въ рукахъ не всплещется,
 Говоритъ дѣтина Васинькѣ Буслаеву:

„Окатиль меня ты, Васинька Буслаевичъ,
 Взвеселиль мнѣ буйну голову—
 Дай-ка ты мнѣ хоть опохмѣлитися!“

Бралъ его Василій за праву руку,
 Цѣловаль въ уста сахарныя,
 Проводиль во горницу столовую:

„Будь же ты, Потанюшка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названный братъ!“

Посадиль его онъ за дубовый столъ,

Учалъ его подчивать да чествовать.

Мало время позамѣшкавши,
 Прибѣгалъ на дворъ Ома горбатенькій, (**)
 Размахнулъ на чанѣ зеленѣ вино,
 Зачерпнулъ во чару полтора ведра,
 Воздымаетъ чару единойъ рукой,
 Выпиваетъ чару на единыйъ духъ.
 Не сошелъ ужъ Васька со красна крыльца,
 Бить не сталъ червлѣнымъ вязомъ Омушку,
 Прямо звалъ во гореньку столовую:

„Будь ты, Омушка, мнѣ милый другъ,
 Будь мнѣ милый другъ, названый братъ!“
 И прибралъ себѣ онъ тридцать мѣлодцевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго,
 Надо всѣми самъ тридцатымъ сталъ,
 Заводилъ на всѣхъ почѣстенъ пиръ,
 Говорилъ имъ таковы слова:

„Гой, моя дружина добрая, хоробрая!
 Въ Новѣ-городѣ бояться намъ ужъ некого!“

И пошелъ тутъ слухъ по Нову-городу,
 Что прибралъ себѣ Василій тридцать братищевъ,
 Тридцать мѣлодцевъ да безъ одинаго,
 Что живутъ они съ нимъ всѣ безъ выходу,
 Пьютъ-ѣдятъ съ нимъ съ одного стола,
 Цвѣтно платье носятъ съ одного плеча.
 Вволновались мужики новгородскіе,
 Собирались въ терема тайницкіе,
 Соходились во большой совѣтъ,
 Стали думать думу крѣпкую.
 Какъ возстанетъ съ мѣста чуденъ старецъ тутъ,
 Какъ выходитъ на средину горницы,
 Поклоняется на всѣ четыре стороны,
 Самъ поглаживаетъ сѣду бороду,
 Ударяетъ трижды объ полъ посохомъ,
 Начинаетъ слово мудрое:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Вѣдомо вамъ неудало дѣтище,
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ:
 Отъ его нелегкихъ шуточекъ
 Нашъ Великій-Новгородъ уже порѣже сталъ.

А теперъ прибраль себѣ онъ тридцать братьицевъ,
 Тридцать мѡлодцевъ да безъ одинаго;
 Не задумаль бы онъ зло на нашу голову,
 Не замыслиль бы прибратъ подъ руки крѣпкія?
 Гой вы, мужики новгородскіе!
 Созовите, братцы, пирь на цѣлый мірь;
 Хоть не станемъ звать Василю—
 Не утерпять, самъ на пирь придетъ.
 Поднесемъ ему тогда братину зеленѡ вина:
 Коль не будетъ пить—инь мыслить зло на насъ;
 Будетъ пить—такъ во хмелю промолвится“.

Поднимались всѣ тутъ съ мѣстъ своихъ,
 Поклонялись старцу всѣ до поясу,
 Говорили во едину рѣчь:
 „Какъ придумаль чуденъ старецъ, такъ и быть тому“.

На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Подымались мужики новгородскіе,
 Насбирали хлѣба да двѣнадцать мѣръ,
 Накурили зеленѡ вина,
 Наварили пива пьянаго;
 Становили тутъ столы дубовые,
 Разстилали скатерти да бранныя,
 Разставляли явства да сахарныя,
 Приносили вѣдра зеленѡ вина,
 Зеленѡ вина да пива пьянаго,
 Созывали на почѣстенъ пирь весь Новгородъ,
 Одного Василю не пѡзвали.

Какъ прослышаль тутъ Васильюшка
 Про канунъ варѣнь, про пива ячныя
 У тѣхъ мужиковъ новгородскіихъ,—
 Самъ пошелъ на пирь съ дружиною,
 Проходилъ во мѣсто бѡльшее,
 Пораздвинулъ мужиковъ новгородскіихъ,
 И сядилъ во большѡй уголь
 Со своей дружиною хорѡброю.

Говорятъ тутъ мужики новгородскіе:
 „Званому-то гостю хлѣбъ да соль,
 А незваному и мѣста нѣтъ“.

Говоритъ Василю сынъ Вуслаевичъ:

„Званому-то много мѣста надобно,
Много мѣста и большая честь,
А незваному—какъ Богъ пришлетъ“.

И пустились мужики на хитрости:
Наливаютъ во братины зеленà вина,
Приговариваютъ сами, усмѣхаючись:

„Кто дружить Велику Нову-городу—
Пей свою братину до-суха“.

Возстаетъ Василій, поклоняется,
Принимаетъ онъ братину во бѣлы ручки,
Выпиваетъ единѣмъ духомъ,
Единѣмъ духомъ да до-суха.
Заиграла въ немъ хмѣлинушка,
Закипѣла кровь да молодецкая,
И возгдворилъ Василій таковы рѣчи:

„Глуные вы, неразумные,
Мужики новгородскіе!
Быть за мной вѣдь, за Васильемъ, Нову-городу,
Братъ мнѣ даточныя поплины со всей земли,
Съ лову заячья и гоголинаго,
Братъ съ гостей заѣзжихъ мытныя,
А вамъ, мужикамъ, лежать у ногъ моихъ!“

Нелюбы такія рѣчи показались
Мужикамъ новгородскимъ,
Закричали во единò слово:

„Младъ еще ты, неудало дѣтище!
Не бывать же за тобою Нову-городу,
Да не честь тебѣ теперъ и жить у насъ,
А и нѣтъ здѣсь про тебя земли.
На утро иди изъ Нова-города;
Не пойдешь—инъ выгонимъ не съ честію,
Потеряешь буйну голову!“

Отъ такого слова пуще прежняго
Разгоралось сердце молодецкое,
Распалаясь буйная головушка:

„Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь я съ вами о великъ закладъ:
Напускаюсь биться-драться на весь Новгородъ
Со своей дружиною хоробрюю:
Коль меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ—

Я плачѹ вамъ дани-выходы по смерть свою;
 Буде же я васъ побью и вы мнѣ покоритесь—
 Вамъ платить мнѣ дани до-вѣку“.

Сдѣлали они тутъ рукобѣице,
 Рукобѣице великое,
 Написали записи поручныя:
 За утро идти на Волховъ мостъ,
 Соходиться на побоище на смертное,

Приходилъ Василій къ родной матушкѣ,
 Къ матерой вдовѣ Мамельфѣ Тимошеевнѣ,
 Сталъ рассказывать ей, похвалятися:

„Какъ ударился я не о малъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ и не тысячѣ,
 О своей ударился о буйной гѣловѣ:
 За утро мнѣ биться со всѣмъ Новымъ-городомъ“.

Матеря вдова Мамельфа Тимошеевна

Какъ услышала—заплакала,
 Ухватила сына за бѣлыя руки,
 Отводила въ погреба глубокие,
 Чтобы хмѣль ему-де выпати,¹
 Затворяла самого дверьми желѣзными,
 Позащѣлкнула замками крѣпкими,
 Позадвинула рогатками булатными.
 Спать Василій—не прохватится,
 Не прохватится и не пробудится.

За утро братаны: Костя Новоторжанинъ
 Со Потаней Хроменькимъ, Ѡмой Горбатенькимъ
 Ото сна встають ранѣшенько,
 Умываются бѣлѣшенько,
 На востокъ братаны Богу молятся,
 Биться со всѣмъ Новымъ-городомъ сряжаются.

Какъ не полы воды вешнія
 По лугамъ тутъ разливаются—
 Какъ идетъ-валить по улицѣ Рогатицѣ
 Сила та новгородская;
 Какъ не бѣлы гуси-лебеди
 Съ Ильмень-озера да поднимаются—
 Какъ собирается на Волховъ мостъ
 Супротивъ Висилья цѣлый Новгородъ.
 Не спросясь Василья, не дождавшися,

Бросились братаны въ страшный смертный бой.
 Чась ужъ бьются съ Новымъ городомъ—
 Не подходитъ къ нимъ Василій сынъ Буслаевичъ;
 И другой-то бьются съ Новымъ-городомъ—
 Не видать Василю Буслаева;
 Третій бьются съ Новымъ-городомъ—
 А Василю все въ явѣ нѣтъ ⁽⁸⁵⁾.

И понятели дружинишку Васильеву
 Мужики новгородскіе,
 Сами говорятъ да таковыя слова:

„Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?
 Измѣнилъ онъ вамъ, своей дружинишкѣ,
 Продаль за дешево васъ, своихъ товарищей.
 Три часа вы бьетесь за Василю,
 Всѣ головки-то у васъ шалыгами прощёлканы,
 Руки всѣ платками перевязаны,
 Ноги кушаками переверченны,
 А его, Василю, и въ явѣ нѣтъ.
 Еще что же, братцы, Васька за дуракъ такой?“

А была у матушки Васильевой,
 У честной вдовы Мамельфы Тимоѣевны,
 Дѣвушка малѣшенька-чернѣшенька,
 Вѣрная служаночка чернавушка,
 Шла она на рѣчку Волховъ по воду,
 Шла съ ведѣрками дубовыми,
 Съ коромысельцемъ кленовымъ;
 Увидала то побоище кровавое,
 Увидала—слезно всплакала.

А и взмолятся къ ней добрыя мѣлодцы:

„Гой еси ты, дѣвушка-чернавушка?
 Ты не выдай насъ у дѣла ратнаго,
 У того у часу смертнаго:
 Позови Василю къ намъ на выручку“.

Побѣжала дѣвушка-чернавушка,

Побѣжала скоро-на-скоро,

Растеряла и ведѣрки-то дубовыя,
 Побросала коромысельце кленовое, ⁽⁸⁶⁾
 Прибѣжала къ погребамъ глубокимъ,
 Индо дѣвка запыхалася,
 Закричала во всю голову:

„Спишь ли ты, Василій, или такъ лежишь?
Знать, не слышишь шума-грома въ Новѣ-городѣ?
У твоей дружины у хоробрѣя
Всѣ головки ужъ шалыгами прощёлканы,
Руки всѣ платками перевязаны,
Ноги кушаками переверчены:
Одолѣли мужики новгородскіе“.

Ото сна Василій пробуждается,
Чоботы надёрнулъ на босѹ ногу,
Шубу ли накинулъ на одно плечо,
А колпакъ надвинулъ на одно ухо;
Поналѣгъ на ободверины укладныя—
Съ одного удара двери высадилъ,
Разметалъ рогатины булатныя,
Выскочилъ самъ на широкій дворъ.
Не попалась Васькѣ палица желѣзная,
Что попалась ему ось телѣжная;
Побѣжалъ съ осищемъ онъ по Нову-городу,
По тѣмъ улицамъ широкимъ:

„Гой, моя дружинушка хоробрѣя!
Продаль-то не я васъ, добрый мѡлодецъ,
Продала васъ моя матушка родимая.
Вы садитесь-ка теперь на лавочку,
Я за всѣхъ васъ, братцы, поработаю.
Поразстроньтесь только, пораздвиньтесь,
Чтобы васъ мнѣ не убить замѣсто ново-гѡрожанъ“.

Заходило тутъ осище да телѣжное
По той силѣ по новгородскойей:
Гдѣ махнетъ—тамъ будетъ улочка,
Гдѣ перемахнетъ—тамъ переулочекъ;
Положило мужиковъ увалами,
Положило перевалами,
Понабило, чтѡ погодою.
Видятъ мужики тутъ, что бѣда пришла,
Что бѣда пришла имъ неминучая,—
Побѣжали скоро-на-скоро
Въ монастырь тотъ во Кириловскій,
Насыпали чашу красна золота,
Насыпали и другую чиста сѣребра,
Насыпали третью скатна жемчугу,

Подносили старчищу Ондронищу, (87)
Тому крестному отцу Васильеву:

„Гой еси ты, старчище Ондронище!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Чадо милое, дитя любимое,
Молода Василія Буслаева,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена“.

Какъ тутъ старчище Ондронище
Навалилъ на плечи на могучія
Монастырскій мѣдный колоколь,
Не величикъ колоколь—во девяносто пудъ,
Да идетъ на рѣчку Волховъ, на тотъ Волховъ мостъ,
Колокольнымъ языкомъ самъ подпирается,
Инь калиновъ мостъ да подгибается.
Поровнялся съ сыномъ крестнымъ.
Съ молодымъ Василюемъ Буслаевымъ!
Окликаетъ громкимъ голосомъ:

„Стой-постой, мой милый крестничекъ,
Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Смолода, глуздырь ты, не запаркивай,
Малолѣтнее дитя ты, не заскакивай,
Прямоѣзжей дорожки не заваливай.
Съ Волхова воды тебѣ не выпити,
Въ Ново-городѣ людей не выбити;
Будутъ мѣлодцы и супротивъ тебя,
Да стоимъ мы, мѣлодцы, не хвастаемъ“.

Говорилъ въ отвѣтъ Васильюшка Буслаевичъ:

„Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты, старчище Ондронище!
Знать, несетъ тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.
Вѣдь у насъ-то дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся.
Не даль я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!“ (88)
Какъ ударить тутъ Василій въ колоколь
Тѣмъ осищемъ да телѣжннымъ—
Загудѣла красна мѣдь, потрескалась,
А могучій старчище Ондронище
Присядаетъ ко сырой землѣ,

— Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай ты старнице Олдронице!

— Знать, несеть тебя лиха судьба твоя
На меня, на мила крестничка.

Не подасть уже и голоса.

Заглянулъ Василій внизъ подъ колоколь,
А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ. (109)

Какъ завидѣли Василья добры мѣлодцы,
Та его дружиниушка хорѣбрая,
У соколиковъ у ясныхъ крылья ѡтросли,
У молодчиковъ у добрыхъ думы прибыло.
А и сталъ ихъ выручать Васильюшка,
Сталъ справляться съ силою по своему,
Гонить силу во чисто поле,
Пригоняеть силу ко быстрой рѣкѣ,
Не даеть ей развернутися.

Приуныли мужики новгородскіе,
Буйны головы повѣсили.
Посылають посланцевъ во Новгородъ,
Ко той матушкѣ Васильевой,
Къ матерѣ вдовѣ Мамельфѣ Тимоѣевнѣ,
Со подарками великими:

„Государыня, Васильева ты матушка,
Матерѣ вдова Мамельфа Тимоѣевна!
Ты уйми-ка свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною,
Ты оставь насъ хоть на сѣмена,
А и рады мы платить тебѣ
Всякій годъ да по три тысячи,
А и будемъ мы носить тебѣ
Всякій годъ со хлѣбника по хлѣбику,
Со колачника да по калачику,
Съ молодежи повѣнечное,
Со дѣвицы повалешное,
Да со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опречь лишь поповъ и дьяконовъ.“

Покидалася старушка, пометалася—
Анъ нельзя пройти по улицѣ:
Полтеи по улицѣ валяются
Мужиковъ новгородскихъ.
Прибѣжала старая къ Василію,
Наскочила сзади на Василія,
Пала мѣлодцу на могучій плечи.

„Гой еси ты, мое чадо милое,

Молодой Васильюшка Буслаевичъ!
Уходи-тко свои плечушки могучія,
Украти сердечушко ретивое,
И оставь народу хоть на сѣмена.“

Опускаль Василій руки ко сырѣй землѣ,
Выпадала ось телѣжная изъ бѣлыхъ рукъ,
Говорилъ Василій таковы слова:

„Ай ты, свѣтъ мой, государыня да матушка!
Хорошо ты, матушка, удумала,
Что скочила на плечи сзадѣ меня.
Второпяхъ-то да въ озорности,
Не спустиль бы и тебѣ я, рѣдной матушкѣ,
И тебя убиль бы нѣ за что,
Вмѣсто мужика новгородскаго.
А теперъ тебя послушаю:
Слушать рѣдную самъ Богъ велить.“

Взяль ее онъ тутъ за ручки бѣлыя
И повель домой, въ свои палаты бѣлокаменны.

Такъ-то йзбыли отъ смерти отъ напрасныя
Мужики новгородскіе;
Сами со Васильемъ помирились,
Помирились и покорилися.

ИГРЪАИИ

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Смерть Василя Буслаева.

Какъ подъ славнымъ, подъ Великимъ новымъ-городомъ,
Да по славному по озеру по Ильмену,
Плаваесть-поплаваесть сѣръ селезень,
Какъ бы ярый гоголь да поныриваесть—
Плаваесть-поплаваесть червлёнъ корабль
Молода Василя Буслаева,
Молода Василья со дружиною,
Со дружиною его хоробрю,
Тридцать да удалыхъ молдцевъ. ⁽¹⁰¹⁾
Костя Новоторжанинъ корму держитъ,
Маленькій Потаня на носу стоитъ,
Рядомъ съ нимъ Тома благоуродливый;
Самъ Васильюшка по кораблю похаживаесть,
Таковы слова да поговариваесть:

„Свѣтъ, моя дружинушка хоробрая,
Тридцать добрыхъ молдцевъ да безъ единого!
Старьте-ка корабликъ поперёкъ Ильменя,
Приставайте, молдцы, ко Нову-городу.“

А и къ берегу тычками притыкалися,
Пометали сходни на крутой бережокъ;
Приходилъ Василій къ своему двору,
А за нимъ идетъ дружинушка хоробрая;

Толькó караульщиковъ оставили.

Приходилъ Василій къ своему двору,
 Къ государынѣ своей ко матушкѣ,
 Къ матерѣй вдовѣ Мамельфѣ Тимоеевнѣ,
 Въюномъ около старушки увивается,
 Просить дать родительско благословеніе:
 „Свѣтъ, моя ты государыня да матушка,
 Матерѣ вдова Мамельфа Тимоеевна!
 Дай ты мнѣ родительское благословеніе:
 Молодецко сердце пожадѣлося,
 Пожадѣлось сердце, разгорѣлося,
 Дать себѣ я заповѣдь великую
 Съѣздить со дружиною хоробрю
 На ту матушку Ердань-рѣку,
 Ко тому ко граду Ерусалиму,
 Той святой святинѣ помолитися,
 Ко Господню гробу приложитися,
 Во Ердань-рѣкѣ да искупатися,
 На Фаворъ-горѣ (102) да осушитися:
 Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
 Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ“!

Отвѣчаетъ матерѣ вдова,
 Матерѣ вдова Мамельфа Тимоеевна:

„Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ!
 Коли ты пойдешь на дѣло доброе—
 Дамъ тебѣ родительско благословеніе;
 Коли же, дитя, ты на разбой пойдешь—
 Нѣтъ тебѣ благословенія,
 А и не носи Василія сыра земля!“

Камень отъ огня да разгорается,
 И булатъ отъ жару растопляется,
 Материно сердце распущается;
 И даетъ она Василью въ дальній путь
 Много-множество запасовъ хлѣбныхъ,
 И даетъ оружье долгомѣрное:

„Береги-де буйну голову свою!“
 Скоро мѣлодцы собираются,
 Съ матерѣй вдовой прощаются;
 Оснастили свой червлѣнъ корабль,

Подымали тонки парусѣ камчатные,
И поѣхали ко граду Ерусѣлиму.
И погодѣ не сдержатъ ужь мѣлодцовъ:
Противъ вѣтра ѣдутъ, какъ соколъ летить.

Ѣдутъ день они, другой и третій день,
Ѣдутъ и недѣлю и другую-то;
Въ встрѣчу имъ тутъ гости-корабельщики:
„Здравствуй ты, Василій сынъ Буслаевичъ:
Со дружиною хорѣброю!

Погулять, знать, братцы, позволили?“

Отвѣчаетъ имъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Гой еси вы, гости-корабельщики:

Наше ли гулянье неохотное:
Съ молоду-то много бито, граблено,
Такъ подъ старость спасти душу надобно.
А скажите-ка вы, мѣлодцы:

Намъ прямымъ путемъ далѣко ли
Ко святому граду Ерусѣлиму?“

Отвѣчаютъ гости-корабельщики:

„А и гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ!
Вамъ прямымъ путемъ во Ерусѣлимъ градъ
Будетъ ѣхать ровно семь недѣль,
А окольною дорогою полтора года.
Да стоять на славномъ морѣ на Каспійскомъ,
На томъ островѣ Куминскомъ, (102)
Крѣпкая застава молодецкая,
Стары атаманы все разбойничьи,
Что не много и не мало ихъ—три тысячи:
Грабятъ, топятъ бусы-галеры,
Разбиваютъ корабли червлѣнные.“

Говоритъ Василій да сынъ Буслаевичъ:

„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую я въ свой червлѣнный вязъ:
Ужь бѣгите-ка, ребята, вы прямымъ путемъ.“

Побѣжали по морю Каспійскому,
Набѣжали ту заставу корабельную,
Старыхъ атамановъ тѣхъ разбойничьихъ;
А на пристани ихъ до ста человекъ стоять.
Приставали мѣлодцы къ крутѣ берегу,
Пометали сходни на крутой бережокъ,

Соскочилъ Василій на крутой бережокъ,
Самъ червлёнымъ вязомъ подпирается.
Караульщики, удалы добры молодцы,
Испужались, не дожидались,
Побѣжали съ пристани со корабельныя
Къ атаманамъ тѣмъ разбойничьимъ.
Атаманы слушаютъ—не надивуются,
Сами говорятъ да таковы слова:

„Тридцать лѣтъ на острову стоимъ,
А такого страха вѣкъ не видѣли!
Это-де идетъ Василій сынъ Буслаевичъ:
Знать-де по полеткѣ соколиной,
Видѣтъ по поступкѣ молодецкой!“

Пошагалъ Василій со дружиною
Къ атаманамъ ко разбойничьимъ;
Стали съ ними во единый кругъ.
На всѣ стороны Василій поклоняется,
Говорить самъ таковы слова:

„Здравствуйте, разбойнички удалые!
А скажите-ка вы мнѣ прямой-то путь
Ко святому граду Ерусѣлиму.“

Говорятъ разбойнички удалые:

„Гой еси, Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своей дружиною хорѣброю!
Милости васъ просимъ за единый столъ,
За единый столъ хлѣбъ-сѣли кушати!“

Въ тѣ поры Василій не послушался:
Къ нимъ садился за единый столъ.
Наливали ему чару зеленà вина,
Зеленà вина во полтора ведра.
Принималъ Василій единой рукой,
Выпивалъ чару единымъ духомъ.
Атаманы смотрятъ да дивуются:
Сами-то и по полу-ведру не могутъ пить.
Хлѣбъ-солѣ Василій пооткушавши,
Собирается на свой червлёнъ корабль;
Атаманы же несутъ ему свои подарочки:
Перву мису чиста сѣребра,
Другу мису красна золота,
Третью мису скатна жемчугу.

Благодарствоваль за то Василій, кланялся,
 Самъ просиль еще съ собою провожатаго,
 Не отказывали тутъ ему и въ томъ,
 Дали провожатаго до Ерусѣлима,
 Сами поклонялися, прощалися.
 Собрался Василій на червлѣнъ корабль
 Со своей дружиною хорѣброю,
 Подымали тонки паруса камчатные,
 Побѣжали по морю Каспійскому.

Будуть мѣлодцы у матушки Фаворъ-горы,
 Приставали ко крутому бережку.
 Походилъ Василій на Фаворъ-гору,
 А за нимъ летить дружинишка хорѣбрая.
 Поднялся до полу-горы—
 На пути сухая голова лежитъ,
 Голова сухая, человѣчья кость. (104)

Говорить Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ты провѣщися, голова ты человѣческа:

Будешь ли ты кость мошеницка,
 Али кость ты подорожницка?
 Будешь ли ты кость татарская,
 Али же ты кость христьянская?“

Чоботомъ тутъ кость подхватываль,
 Прочь съ дороги голову попинываль—
 Улетѣла голова въ подоблачье,
 Пала голова да на сырѹ землю,
 Говорить сама, провѣщитя:

„Ай же ты, Василій сынъ Буслаевичъ!

Я вѣдь кость-то не мошеницка,
 Я вѣдь кость не подорожницка,
 Я вѣдь кость и не татарская,
 А была я кость христьянская.
 Не тебѣ меня бы и попинывать,
 Не тебѣ меня побрасывать.
 Самъ я молодець тебя не хуже былъ,
 Да умѣю, молодець, валятися.
 А и гдѣ теперь сухая голова лежитъ,
 Тамъ же и Василію кататися,
 И Васильевой головушкѣ валятися.“

Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ

Плюнулъ только, да и прочь пошелъ:

„Али врагъ-де говоритъ въ тебѣ,
Али говоритъ нечистый духъ!“
Соходилъ съ Ѡаворъ-горы на поль-пути,
Ѡдетъ со дружиною во ЕрусѠлимъ градъ.
ПрѣѠажаль во ЕрусѠлимъ градъ,
Заходилъ во церковь во соборную;
Отслужилъ обѣдню тутъ за здравье матушки
И за самого себя, Василя,
Отслужилъ обѣдню съ панихидою
По своемъ по рѠдномъ батюшкѣ,
По всему по роду-племени;
На другой день отслужилъ обѣдни со молебнами
Про удалыхъ-добрыхъ мѠлодцевъ,
ЧтѠ имъ съ молоду-то бито, граблено;
И дарилъ поповъ и дьяконовъ,
Одѣлялъ всѣхъ старцевъ богорадныхъ
Золотой казною, не считаючи.

Походилъ тогда съ дружиною
Во Ердань-рѣкѣ купатися.
Вся-то братія купается въ рубашечкахъ,
А Василій окунается нагѣмъ тѣломъ.
Проходила женщина да престарѣлая,
Говорила таковыя слова:

„Ай, Василій сынъ Буслаевичъ!
ЧтѠ купаешься нагѣмъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ?
Вѣдь нагѣмъ тѣломъ крестился самъ Іисусъ Христосъ!
А и потерять вамъ, добры молодцы,
Братца бѠльшаго, Василя Буслаева!“

Говорятъ въ отвѣтъ ей добры мѠлодцы:

„А невѣруеть Василій нашъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“.

Самому Василью стосковалось тутъ;
Говоритъ дружинушкѣ хорѠброей;
„Гой еси, моя дружинушка хорѠбрая!
Были мы намедни на Ѡаворъ-горѣ,
Уходя-то съ костью разбранилися,
Разбранилися съ костью, не простилися.
Ужъ заѣдемъ-ка на матушку Ѡаворъ-гору
Попроститъся съ костью, помиритися.“

Сѣли на червлѣнъ корабль, поѣхали;

Заѣзжали на Ѡаворь-гору.
 А и гдѣ лежала человѣчья кость,
 Увидали камень превеликій тутъ,
 Превеликій бѣль-горючъ камень:
 Въ долину сажень печатная,
 Въ вышину три сажени печатныя,
 Поперекъ же только топоромъ подать,
 А на самомъ камнѣ подпись да подписана:

„Кто у камня станетъ тѣшиться,
 Тѣшится да забавлятися,
 Камень вдоль да перескакивать—
 Тому буйну голову сломить“.

Разгорѣлось сердце молодецкое,
 Говоритъ Василій сынъ Буслаевичъ:

„Ужъ давайте-ка вы, братцы, тѣшиться,
 Тѣшиться да забавлятися:

Вы скачите поперѣкъ камнѣ,
 Поперѣкъ камнѣ да на передѣ лицомъ,
 Самъ я вдоль скачу назадъ лицомъ“.

Какъ тутъ вся дружинушка хорѣбрая
 Стала тѣшиться и забавлятися,
 Поперѣкъ камнѣ скакать со ратовьемъ.
 Самъ Василій разбѣжался, вдоль камнѣ скочилъ,
 Вдоль камнѣ скочилъ назадъ лицомъ—
 И задѣлъ за камень чоботомъ сафьяннымъ,
 О сырѣ землю головушкой ударился,
 А и тутъ же ли кончаться сталъ.

Умирая, братіи наказывалъ:

„Вы скажите, братцы, рѣдной матушкѣ,
 Что сосватался Василій на Ѡаворь-горѣ,
 Что женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Только вымолвилъ, да и преставился.
 Какъ тутъ братія, дружинушка хорѣбрая,
 Выкопали яму на полу-горѣ,
 Опустили мѣлодца во мать сырѣ землю,
 Ставили надъ мѣлодцемъ животворящій крестъ,
 Сами соходили на червлѣнъ корабль,
 Подымали тонки парусы камчатныя,
 Побѣжали къ Нову-гѣроду,
 Къ рѣдной матушкѣ Васильевой.

Какъ встрѣчаетъ ихъ тутъ рѣдна матушка:
 „А и гдѣ же, мѣлодцы, вашъ большій братъ,
 Молодой Василій сынъ Буслаевичъ?“

„А сосватался Василій на Фаворъ-горѣ,
 А женился на томъ бѣль-горючемъ камешкѣ“.

Тутъ-то его матушка расплакалась,
 Собрала свое имѣніе-богачество,
 Роздала все по Божьимъ церквамъ,
 По Божьимъ церквамъ да по монастырямъ.

Съ тѣхъ-то поръ Василю славу поютъ,
 И во вѣкъ та слава не минуется.

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Садко дѣлается богатымъ гостемъ.

Какъ во славномъ Новѣ-городѣ
Былъ Садко, веселый молодецъ;
Не имѣлъ онъ золотой казны,
А имѣлъ лишь гуселки яровчаты;
По пирамъ ходиль-играль Садко,
Спотѣшалъ купцовъ, людей посадскихъ. ⁽¹⁰⁵⁾
Какъ тутъ надъ Садкомъ случилось,
Цѣлый день ужъ не зовутъ Садка да на почѣстень пирь,
Не зовутъ другой да на почѣстень пирь,
Не зовутъ и третій на почѣстень пирь.
Какъ потомъ Садку соскучилось,
И пошелъ Садко ко Ильмень-озеру,
И сядилъ да на бѣль-горѣчь камень,
Сталъ играть во гуселки яровчаты,
Да играль съ утра до вечера.

Какъ тутъ въ озерѣ волна сходилася,
Какъ вода пескомъ да замутилася,
Одолѣлъ Садка великій страхъ:
Выходилъ со озера Поддонный Царь, ⁽¹⁰⁶⁾
Говорилъ самъ таковы слова:
„Благодарствую тебя, веселый молодецъ,
Что спотѣшилъ насъ во озерѣ:
У меня вѣдь столованье да почѣстень пирь,
Всѣхъ развеселилъ ты мнѣ гостей любезныхъ.

Чѣмъ тебя, не знаю, жаловать:
 Аль безсчетной золотой казной?
 Ты ступай-ка, молодець, во свой во Новгородъ
 И ударься о великъ закладъ
 Со купцами со новгородскими:
 Заложимъ имъ свою буйну голову,
 Съ нихъ же вырѣжай въ ряду Гостиноемъ
 Лавочки товара краснаго:
 Что де рыба есть во Ильмень-озерѣ,
 Рыба чудная да золотѣ перья.
 Какъ ударишь о великъ закладъ,
 Поклонися башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
 Чтобы дали те три невода
 Съ тѣми со людьми работными,
 Неводы замѣтывай во озерѣ:
 Будеть надъ тобою милость Божія“.

Какъ пошелъ Садкѣ отъ Ильмень-озера,
 Какъ пришелъ во свой во Новгородъ,
 Позвали Садкѣ тутъ на почѣстенъ пиръ
 Ко богатому купцу новгородскому.
 Стали мѣлодца поднаивать,
 Стали мѣлодцу поднашивать;
 Заигралъ Садкѣ во гуселки яровчаты,
 Самъ передъ гостями порасхвастался:
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Знаю чудо-чудное я въ Ильмень-озерѣ,
 Знаю рыбу—золотѣ перья“.

Позаспорились купцы новгородскіе:
 „А не можетъ быть во Ильмень-озерѣ
 Экой рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золотѣ перья!“
 „Ай же вы, купцы новгородскіе!
 Будемъ биться о великъ закладъ:
 Заложу я свою буйну голову—
 Болѣ заложить мнѣ нечего“.

Говорять купцы новгородскіе:
 „Мы заложимъ во ряду гостиноемъ
 Три купца да по три лавочки,
 По три лавочки товара краснаго“.
 Походилъ тутъ скоро мѣлодець

Къ башлыкамъ на Ильмень-озерѣ,
Приходилъ къ нимъ, низко кланялся,
Говорилъ самъ таково слово:
„Гой еси вы, башлыки новгородскіе!
Дайте-ка вы мнѣ три невода
Съ тѣми со людьми работными,
Рыбы половить въ Ильмень-озерѣ:
Я васъ, мѣлодцы, за то поблагодарствую!“

Не отказывали башлыки Садку,
Сами шли да со людьми работными.
Выѣзжали мѣлодцы во Ильмень-озеро,
Да закинули три невода во озеро:
Первый неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была все рыба бѣлая,
Бѣлая вѣдь рыба мелкая.
И другой-то неводъ къ берегу пришелъ—
Середь мелкой бѣлой рыбинки
Въ немъ была и рыба красная.
А и третій неводъ къ берегу пришелъ—
Въ немъ была одна ужъ рыба красная,
Рыба красная въ три четвертї.
И перевозились мѣлодцы
Съ рыбой ловленою на гостинный дворъ,
Клади рыбу во три погреба,
Запирали каждый погребъ на-крѣпко,
Караулы къ каждому приставили.
Благодарствоваль тутъ башлыковъ Садко:
Отдалъ за труды имъ сто рублей.
Самъ пошелъ да по двору гостиному,
Созываль купцовъ новгородскихъ:
„Ай же вы, купцы новгородскіе!
Вы ступайте-ка да поглядите-ка:
Наловилъ я рыбы чуда-чуднаго,
Чуда-чуднаго да золоты перья“.

А и въ первый погребъ какъ заглянетъ онъ,—
Двери-то насилу отперлись:
Гдѣ лежала рыба мелкая,
Все-то стали деньги дробныя.
Во другой-то погребъ какъ заглянетъ онъ:
Гдѣ была, средь мелкой рыбы, рыба красная,

Середь мелкихъ дробныхъ денежекъ
 Очутилися червонцы красные.
 Въ третій погребъ какъ заглянетъ онъ:
 Гдѣ одна была лишь рыба красная,
 Все лежать червонцы красные.

Говорять купцы новгородскіе:

„А вѣдь правду говорилъ Садко,
 Наловилъ онъ рыбы чуда-чуднаго,
 Чуда-чуднаго да золоты перья.
 Дѣлать-то намъ, братцы, видно нечего“.

Отдали ему купцы новгородскіе
 По три лавочки товара краснаго.
 Записался тутъ Садко въ купцы новгородскіе,
 Сталъ и самъ теперь купецъ, богатый гость;
 Зачалъ торговать тепѣречко
 Въ своемъ во Новѣ-городѣ,
 Зачалъ ѣздить, торговать по всѣмъ мѣстамъ,
 По всѣмъ прочимъ городамъ по дальнимъ,
 Получать сталъ барыши великіе.
 А и взялъ себѣ тутъ молодую жену,
 Выстроилъ палаты бѣлокаменны,
 Все въ палатушкахъ устроилъ по-небесному:
 На небѣ ли красно солнышко—
 И въ палатахъ красно солнышко;
 На небѣ ли младъ свѣтѣль мѣсяцъ—
 И въ палатахъ младъ свѣтѣль мѣсяцъ;
 На небѣ ли звѣзды частыя—
 И въ палатахъ звѣзды частыя;
 Всѣмъ Садко свои палатушки
 Изукрасилъ по-небесному.

Заводилъ Садко купецъ, богатый гость,
 Столованье тутъ, почѣстенъ пиръ
 На купцовъ на всѣхъ новгородскіихъ
 Да на тѣхъ людей посадскіихъ,
 Настоятелей новгородскіихъ:
 На того Луку Зиновьева,
 На другого—на Ому Назарьева. (107)
 Какъ теперъ-то на честномъ пиру
 Дѣ-сыта всѣ наѣдалися,
 Дѣ-пьяна всѣ напивалися,

Похвальбами похвалялися:
 Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иной—силою-удачею великою,
 Иной—славнымъ отечествомъ,
 А иной—удалымъ молодечествомъ,
 Умный хвастаетъ отцомъ да матушкой,
 А безумный—молодой женой.

И Садко съ змѣлою захвастался:

„А и гои еси вы, молодцы, славны купцы!
 Иной хвастаетъ у васъ былицею,
 А иной и небылицею;
 Чѣмъ-то будетъ мнѣ, Садку, теперъ похвастати?
 У меня ли золотѣ казна не топится,
 У меня ли цвѣтно платьице не держится,
 У меня дружинишка хоробрѣ не мѣняется.
 Коли будетъ чѣмъ Садку похвастати,
 Такъ безсчетной золотой казной:
 Припасите мнѣ товаровъ въ Новѣ-городѣ
 На три дня и въ три уповода;
 И худые-то товары всѣ и добрые
 Выкуплю въ три дня и въ три уповода,
 Не оставлю вамъ товаровъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку;
 А коли товаровъ всѣхъ не выкуплю,
 Заплачу я вамъ казны сто тысячей.“

Какъ тутъ люди да поездскіе,
 Настоятели новгородскіе
 За тѣ рѣчи принималися,
 Сдѣлали имъ записи великія.
 Скоро всѣ тутъ съ пиру разѣзжались,
 Со честнаго разбиралися
 По своимъ домамъ да по своимъ мѣстамъ.

А Садко купецъ, богатый гость,
 На другой день всталъ ранѣмъ-рано,
 Разбудилъ свою дружинишку хоробрѣю,
 До-люби давалъ имъ золотой казны,
 Да спускалъ по улицамъ торговымъ
 Всякіе товары въ Новѣ-городѣ
 Закупать цѣной повольною;
 Самъ шель во гостинный рядъ,

Выкупаль цѣной повольною
 Всѣ товары, и худые-то и добрые,
 Не оставилъ вѣдь товару ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ,
 Что во имя ли Стефана Архидьякона,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашиваль,
 Чистымъ жемчугомъ усаживаль,
 Царски двери вызолочиваль.
 По другой день ходитъ онъ по Нову-городу:
 А товару вдвое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено
 На великую на славу Нова-города.
 Выкупилъ товары онъ и по другой-то день,
 И худые всѣ и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку.
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Софіи Премудрыя,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,
 Всѣ честныя иконы изукрашиваль,
 Чистымъ жемчугомъ усаживаль,
 Царски двери вызолочивилъ.
 Ходитъ онъ по Нову-городу на третій день:
 А товару втрое противъ прежняго
 Принавезено да принаполнено:
 Подоспѣли, знать, товары-то заморскіе
 На великую на славу Нова-города. ⁽¹⁰⁸⁾
 Выкупилъ Садкѣ товары въ половину дня,
 И худые-то и добрые,
 Не оставилъ ни на денежку,
 Ни на малую полушечку,
 Много у Садкѣ еще казны осталось;
 И вложилъ Господь желанье въ ретивѣ сердце:
 Шель Садкѣ, храмъ Божій сѣрудилъ
 Что во имя Николая да Можайскаго,
 Кресты-маковицы золотомъ позолотилъ,

Всѣ честныя иконы изукрашиваль,
Чистымъ жемчугомъ усаживаль,
Царски двери вызолачиваль.

А и ходить по четвертый день Садко
По всему по Нову-городу,
Цѣлый день ходилъ до вечера:
Не нашель товаровъ въ Новѣ-городѣ
Ни на денежку, на малую полушечку.
Заходилъ Садко во тѣмный рядъ:
Черепаны тутъ стоять, гнилы горшки,
Все гнилы горшки одни да битые.
Усмѣхается на то Садко,
Выкупаетъ и гнилы горшки,
Говорить самъ таковѣ слово:

„Пригодятся черепки—дѣтямъ играть,
Поминать Садка, гостя богатаго!
Что богатъ не я, Садко, а Новгородъ
Всякими товарами заморскими:
Черепанами, горшками битыми!“

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Садко въ поддонномъ царствѣ.

Какъ по морю, морю синему
Тридцать чёрныхъ ⁽¹⁰⁹⁾ кораблей плывутъ,
А одинъ корабль-то передомъ летитъ,
Передомъ летитъ, что бѣль кречётъ—
Самого Садка, гостя богатаго.
Какъ сходилась тутъ погода сильная.
Всѣ-то корабли что соколы летяты,
А Садковъ корабль-то становится сталь,
Застоялся середѣ моря.
И волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
И ломаетъ весь корабль сейчасъ—
А корабль ни съ мѣста на синёмъ морѣ:
Воскричитъ Садко тутъ громкимъ голосомъ:
„Ай же, дружки-братья, корабельщики! ⁽¹¹⁰⁾
Вы берите-ка щупы желѣзные,
Щупайте-ка во синёмъ морѣ:
Нѣтъ ли тамъ луды подводныя,
Нѣтъ ли отмели песочныя?“
Они щупали въ синёмъ морѣ;
Не нашли луды подводныя,
Не нашли и отмели песочныя.
Воскричитъ Садко купецъ, богатый гость:
„Эй вы, дружки-братья, корабельщики!
Вы спускайте въ море мѣртвыя якори,
Становитесь всѣ по поряди.“
Опускали въ море мѣртвыя якори,

Становились всѣ по-поряди,
Собирались на одинъ корабль.

И возгворить Садко купецъ:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Я, Садко, теперь вѣдь знаю-вѣдаю:
Бѣгаемъ мы по морю двѣнадцать лѣтъ,
А тому Царю Поддонному
Не платили дани-пошлины,
Никогда ему вѣдь во синѣ море
Не опускавали хлѣбъ-соли:
Вѣрно,—пошлины съ насъ требуетъ!
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Бочку-сороковку чиста сѣребра.“

Брали бочку-сороковку чиста сѣребра
И метали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ,
Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Видно, мало пошлины Царю Поддонному.
Вы возьмите-ка, мечите во синѣ море
Другу бочку—красна зѣлота.“

Брали и метали во синѣ море
Другу бочку—красна зѣлота.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ,
Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Знать, и этой дани мало во синѣ море,
Вы берите третью бочку—скатна жемчугу
И кидайте во синѣ море“.

Брали третью бочку—скатна жемчугу
И кидали во синѣ море.
Все волной-то бьетъ, и паруса-то рветъ,
Изломаетъ весь корабль сейчасъ;
Самъ корабль ни съ мѣста на синѣмъ морѣ,
Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Ай вы, дружки-братья, корабельщики!
Знать, не дани Царь Поддонный требуетъ:
Требуетъ онъ голову да человѣческу.“

Не бранилъ ли кто изъ васъ отца да матери,
 Да не клялся ли кто родомъ—племенемъ?
 Ужь вы рѣжьте жеребья повѣлжаны;
 Всякъ пишись на жеребѣ пойменно,
 И бросайте во синѣ море:
 Чьи тутъ жеребья да поверху плывутъ,
 Тѣхъ ли душеньки знать правья;
 А чьи жеребья ко дну пойдутъ,
 Тѣмъ идти къ Царю Поддоному.“ (111)

И забрасывали жеребья повожжаны,
 Самъ Садко закинулъ хмелево перо:
 Всѣ-то жеребья ли по верху плывутъ,
 Какъ бы яры гоголи по заводямъ;
 Одинъ только жеребій ключомъ ко дну—
 Хмѣлево перо Садка богатаго.

Говорить Садко купецъ, богатый гость:

„Это, братцы, жеребья неправильны!
 Рѣжьте жеребья ветлянные,
 Да которые ко дну пойдутъ,
 То ли душеньки, знать, правья.“

Самъ закидывалъ булатный жеребій,
 Синяго булату да заморскаго,
 Вѣсомъ жеребій во десять пудъ.
 Всѣ-то жеребья ключомъ ко дну,
 Одинъ только поверху плыветъ—
 Жеребій булатный самогò Садка.

И возговорить Садко, богатый гость:

„Знать, бѣда пришла мнѣ неминучая:
 Самому Садку идти къ Царю Поддонному!
 Ужь вы, дружки-братья, корабельщики,
 Принесите-ка мнѣ шубу соболиную.“

Скоро тутъ онъ снаряжается:
 И беретъ онъ гуселки яровчаты
 Съ золотыми струнками звончатыми, (112)
 И прощается съ дружиною хоробрю,
 И прощается съ бѣлымъ свѣтомъ,
 Отвезти еще велить поклонъ
 Молодой женѣ во Новѣ-городѣ.
 И спускали сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ;

Походилъ Садко, спускался на синё море,
 Самъ сѣдился на дощечку на дубовую.
 Понесло Садка да по синю морю.
 А его дружинушка хоробрая
 Принимала сходеньку серебряну,
 Что серебряну подъ краснымъ золотомъ.
 Побѣждалъ корабликъ по синю морю;
 Всѣ-то корабли что соколѣ летяты,
 А одинъ корабль-то передомъ бѣжитъ,
 Передомъ бѣжитъ какъ бѣлъ кречётъ—
 Самого Садка, гостя богатаго.

Въ тѣ порѣ молитвами великими
 Самого Садка, гостя богатаго,
 Подымалася погода тихая,
 И заснулъ Садко глубокимъ сномъ.
 Коротко ли было, долго ли,
 Просыпается Садко, дивуется:
 Очутился во синёмъ морѣ, на самомъ днѣ;
 Передъ нимъ палаты бѣлокаменны,
 А сквозь воду свѣтитъ красно солнышко.

Заходилъ Садко въ палаты бѣлокаменны;
 А сидитъ тамъ самъ Поддонный царь
 Со своей царицею Поддонною,
 Межъ собою перетѣкиваютъ, споруютъ.

Бьетъ челомъ Садко царю съ царицею,
 Говоритъ самъ таковы слова:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 А зачѣмъ меня сюда ты требоваль?“

Говоритъ ему Поддонный царь:

„А зачѣмъ тебя сюда я требоваль?
 Ты скажи по правдѣ, не утай себя,
 Что у васъ тамъ, на Руси, дороже есть?“

У меня съ царицей разговоръ идетъ:
 Я-то спорю, что дороже красно золото,
 А царица, что желѣзо де булатное“.

Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!
 Я скажу по правдѣ вамъ, не утаю себя:
 Красно золото у насъ, на Руси, дорого,
 Да булатное желѣзо не дешевле есть;

Вѣдь безъ красна золота-то сколько можно жить,
 Безъ желѣза же булатнаго жить нѣ можно,
 Нѣ можно жить никакому званію“.

Говорить царица да Поддонная:

„А не даромъ же я спорила,
 Что желѣзо-то булатное дороже есть!“

Не слюбилсь тѣ слова царю Поддонному;
 Какъ вскочилъ онъ на рѣзвы ноги,
 Скоро схватить саблю острую,
 Чуть было—и отсѣчетъ ей буйну голову...
 Поскорѣ ли того Садко

Бралъ свои гусѣлышки звончатя,
 Да ударилъ по тѣмъ струнамъ золочѣннымъ—
 Опускались руки у царя Поддоннаго,
 Выпадала на полъ сабля острая,
 А и самъ-то распотѣшился,
 Сталъ Поддонный царь скакать-плясать
 По палатѣ бѣлокаменной,
 Шубой машеть и полами бьетъ,
 Бьетъ полами по бѣлымъ стѣнамъ.
 Проигралъ Садко да ровно три часа.

Какъ тутъ тронуло въ плечо его во правое,
 Обернулся за себя Садко:

Позади стоять царица да Поддонная, ⁽¹¹⁵⁾
 Говорить ему да таковы слова:

„Какъ ужъ полно те играть, Садку,
 Рви ты свои струны золочѣныя
 И сломай свои гусѣлышки звончатя:
 Тебѣ кажется, что скачетъ по палатамъ царь,
 А онъ скачетъ по крутымъ кряжамъ,
 По крутымъ кряжамъ, по берегамъ;
 Распотѣшился Поддонный царь—
 А синѣ море восколебалось,
 Быстры рѣки рааливались,
 Тонуть-гинуть бусы-корабли,
 А и многи души безповинныя“.

Изорвалъ Садко тутъ струны золочѣныя
 И сломалъ гусѣлышки звончатя.
 Пересталъ Поддонный царь скакать-плясать:
 Улеглося море синее,

„Распугъшися Поддонный Царь—
А синѣ море восколебалося...”

Тонуть-гннуть бусы-корабли,
А и многи души безовинныя.”

И утихли рѣки быстрыя.

Говорить Садкѹ Поддонный царь:

„Распотѣшилъ ты мнѣ душу; мѣлодецъ,
Взвеселилъ мнѣ буйну голову!

Чѣмъ бы мнѣ тебя поблагодарствовать?

Не угодно ли жениться те въ синѣмъ морѣ

Что на душечкѣ на красной дѣвушкѣ?“

Говорить Садкѹ купецъ, богатый гость:

„Надо мною волюшка твоя въ синѣмъ морѣ“.

И пошелъ Поддонный царь по красныхъ дѣвушекъ.

Говорить Садкѹ царица да Поддонная:

„Ай же ты, Садкѹ купецъ, богатый гость!

Какъ начнетъ тебя женить Поддонный царь,

Приведетъ онъ триста красныхъ дѣвушекъ,

Чтобы выбралъ ты княгинюшку по разуму,—

Перво триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки;

И другое триста стадо пропусти, смотри,

Не бери себѣ княгинюшки.

А какъ третье триста стадо пропускать зачнешь—

На концѣ идетъ, увидишь, дѣвица,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ: ⁽¹¹⁴⁾

Ту проси себѣ въ княгинюшки.

Да смотри, когда поженишься,

Не цѣлуй, не обнимай ее.

Быть тебѣ тогда вѣдь на святой Руси,

Увидать тогда и бѣлый свѣтъ,

Увидать и солнце красное“.

Приводилъ царь триста красныхъ дѣвушекъ,

Приглашалъ Садкѹ, купца богатаго,

Выбирать себѣ княгинюшку по разуму.

Перво триста стадо пропустилъ Садкѹ:

„Нѣтъ де мнѣ княгинюшки по разуму“.

И другое триста стадо пропустилъ Садкѹ:

„Нѣтъ и въ этомъ стадѣ мнѣ княгинюшки“.

Какъ тутъ третье триста стадо пропускать зачалъ—

Увидалъ въ концѣ остатномъ дѣвицу,

Коей хуже нѣтъ, чернѣе нѣтъ.

Бралъ ее себѣ въ княгинюшки по разуму:

„Ай ты, батюшка Поддонный царь!

Эта мнѣ дѣвица полюбилася“.

Не отказывалъ ему Поддонный царь,
Отдавалъ ему дѣвицу во княгинюшки;
Заводилъ по нихъ почѣстенъ пирь,
Столованьице на весь поддонный міръ.
Не забылъ Садкѣ наказа строгаго:
Не обнялъ онъ, не поцѣловалъ жены,
А какъ послѣ пиру заспалъ въ крѣпкій сонъ,
Свои рученьки еще къ груди прижалъ...

Поутру проснулся ото сна Садкѣ—
Увидалъ тутъ бѣлый Божій свѣтъ,
Увидалъ и солнце красное.
Самъ лежить-то онъ подъ Новымъ-городомъ,
На крутомъ кряжу у Волхъ-рѣки,
Только лѣвою-то ногою во быстрой рѣкѣ,
А жены поддонной и во слуху нѣтъ.

И вскочилъ Садкѣ тутъ, испужался онъ,
Оглянулся на родной свой Новгородъ:
Свою церковь, свой приходъ узналъ,
Николая да Можайскаго,
Осѣнилъ себя крестомъ своимъ.
И глядитъ Садкѣ по Волхъ-рѣкѣ:
Отъ того отъ озера отъ Ильмена
Да по славной матушкѣ по Волхъ-рѣкѣ,
Тридцать черныхъ кораблей бѣгутъ,
А одинъ корабль-то передѣмъ летитъ,
Передѣмъ летитъ, что бѣлъ кречѣтъ—
Самого Садкѣ, гостя богатаго.

Какъ увидѣла дружинушка хорѣбая,
Что стоитъ Садкѣ да на крутомъ кряжу,
Счудовалася дружина, сдивовалася:

„Поминали мы Садкѣ въ синѣмъ морѣ,
А Садкѣ встрѣчаетъ насъ со Волхъ-рѣки,
Очутился впереди насъ въ Новѣ-городѣ“.

Становили корабли на пристани,
Пометали сходни на крутой берѣгъ,
Выходили на крутой берѣгъ.

И здоровкался Садкѣ съ дружиною:

„Здравствуйте вы, дружки-братья, корабельщики!“

И повелъ въ свои палаты бѣлокаменны.

Врадовалася тутъ молода жена
И брала Садкѣ за ручки бѣлыя,
Цѣловала во уста сахарныя,
Говорила таковыя слова:

„Ай же ты, любимая семейшка!
Полно тебѣ ѣздить по синю морю,
Тосковать мое ретивое сердечушко
По твоей по буйной по головушкѣ:
Много есть у насъ имѣньица-богачества,
И растеть у насъ вѣдь мало дѣтище“.

А и сталъ Садкѣ тутъ съ кораблей своихъ
Выгрузать свое имѣньице,
Сталъ выкатывать несчетну золоту казну—
Во три дни не выгрузилъ, не выкаталъ.
И не сталъ Садкѣ ужъ ѣздить на синѣ море,
Поживать сталъ въ Новѣ-городѣ.

Да теперъ тому всему славу поють.

БЫЛИНЫ

МОСКОВСКІЯ, КАЗАЦКІЯ И ПЕТРОВСКІЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

Взятіе Казани Грознымъ царемъ.

Охъ вы, гости, гости званые,
Гости званы, гости браные!
Ужь сказати ли вамъ, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку—
Про царевъ походъ на славный на Казань-городъ?

* * *

Какъ онъ, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Скоплялъ силушку да ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Сокопивши силу, воевать пошелъ
Подъ то славно царство подъ Казанское.
Не дошедши до Казани города,
Становился батюшка нашъ въ зеленыхъ лугахъ,
Въ зеленыхъ лугахъ во заповѣдныхъ;
Подводилъ подкопы подъ Булатъ-рѣку,
Подводилъ и подъ Казанку подъ рѣку,
Бочечки дубовыя закатывалъ
Съ лютымъ зельемъ—чернымъ порохомъ,
Затеплялъ на бочкахъ свѣчи воску яраго.

А татарки по стѣнѣ похаживаютъ,
Грознаго царя подразниваютъ:
„Какъ не взять тебѣ Казань-городъ ни во сто лѣтъ,
Какъ ни во сто лѣтъ и не во тысячу!“
Воспалилось сердечко-государево,
Утопилъ онъ очи во сырѣ землю:

„Подавай мнѣ пушкарей сюда,
Пушкарей-подкопщиковъ и зажигальщиковъ!“
Призадумались пушкарчики, молчать-стоятъ;
Только выбрался молоденькій пушкаречекъ:
„Не вели меня, царь-батюшка, казнить-вѣшать,
Прикажи мнѣ слово молвити:
На вѣтрѣ-то свѣчи скоро топятся,
Во глухомъ же мѣстѣ долго теплятся...“
Не успѣлъ пушкарчикъ слово вымолвить—
Догорѣли свѣчи воску яраго,
Принимались бочки съ чернымъ порохомъ,
Раскидало-разметало стѣну каменну,
Побросало въ рѣку всѣхъ татаришекъ.
Привозрадовался тутъ царь-батюшка,
Приказалъ всѣхъ пушкарей дарить,
Всѣмъ пушкарчикамъ по пятьдесятъ рублей,
Одному тому пушкарчику пятьсотъ рублей,
Одному ему пятьсотъ за слово смѣлое,
Да за правду его добрую. (115)

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Оговоръ царевича передъ Грознымъ. (116).

Прикажи намъ, Боже, старину сказать,
Старину сказать да стародавнюю,
Стародавнюю старинушку, бывалую,
Про того царя про Грознаго,
Про Ивана да Васильевича.

* *
* *

Когда въ небѣ возсіяло красно солнышко,
Становилася звѣзда восточная,
Когда зачиналась каменная Москва,
Тогда воцарился Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
У того царя Ивана да Васильевича
Во палатушкахъ во бѣлокаменныхъ,
На столахъ на бѣлодубовыхъ
Скатерти раздѣсланы да бранья,
Яствушки поставлены сахарныя.
Во большомъ углу сидитъ самъ Грозный царь,
А вокругъ сидятъ его князья да бояре,
Пьютъ они да хлѣба кушаютъ,
Бѣла лебедя да рушаютъ,
Во полу-пиру да порасхвастались:
Сильный хвалится своею силою,
А богатый—золотой казной.

Государь-царь распотѣшился,
 Выходилъ изъ-за стола съ-за бѣлодубова,
 По палатушкамъ похаживаль,
 Во краснѣ окно поглядываль,
 Черны кудри частымъ гребешкомъ расчѣсываль,
 Самъ возгѣворилъ да таковѣ слова:

„Ой вы, глупые бояре, неразумные!
 Чѣмъ вы хвалитесь, перехвалаетесь?
 Силушка-то къ вамъ отъ Господа,
 А богатство отъ меня пришло.
 Ужъ какъ мнѣ-то можно похвалитися:
 Вынесъ я порфиру изъ Царя-града,
 Взялъ Казань-горѣдъ и славну Астрахань,
 Вывелъ я туманъ изъ-за синя моря,
 Вывелъ я измѣнушку изъ Нова-гѣрода,
 Вывелъ и изѣ-Пскова, изъ каменной Москвы!“

Говорить Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Ахъ ты гой еси, нашъ рѣднй батюшка,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
 Вывелъ ты измѣнушку изъ Нова-гѣрода,
 Вывелъ ты измѣну и изѣ-Пскова,
 Да не вывести тебѣ ее изъ каменной Москвы:
 Можетъ быть, измѣна за столомъ сидить,
 За столомъ сидить да во глаза глядить,
 Ъсть и пѣть съ тобою съ одного блюда,
 Цвѣтно платье носить съ одного плеча.“

За то слово царь спохватится,
 На царевича ⁽¹¹⁷⁾ самъ злобно озирается:

„А скажи, скажи-ка, въ чемъ измѣна есть?“

Говорить злодѣй Малюта сынъ Скурлатовичъ:

„Гдѣ съ тобой мы улицею ѣхали,
 Грѣшничковъ все били-вѣшали,
 А гдѣ ѣхаль улицей измѣнщикъ твой,
 Грѣшныхъ онъ не билъ, а миловаль.
 Ерлычки давалъ имъ потаенные,
 Да велѣлъ виновнымъ укрыватися“.

Какъ воскликнетъ тутъ, возгаркнетъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

„У меня ль не стало грозныхъ палачей моихъ?“

Всѣ князья-бояре испужалися,
 Изъ палаты разбѣжались.

Сходились палачи десятками,
Сходились и сотнями.

„Гой еси вы, грозны палачи мои!
Сослужите-ка мнѣ службу вѣрную,
Службу вѣрную и неизмѣнную:
Вы берите-ка царевича да за бѣлыя руки,
Распоясайте-ка съ него шелковѣй поясъ,
Скидывайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте платье черное, опальное,
Отведите самого далече во чисто поле,
За ворота Москворѣцкія,
На то озеро зыбучее,
На ту лужу на Поганую, ⁽¹¹⁸⁾
Ко той плахѣ бѣлодубовой,
Да снесите буйну голову!“

Палачи не знаютъ, какъ отвѣтъ держать:
Большіе за малыми хоронятся,
Малыхъ же за большими и не видать давно.

Выступаетъ тутъ Малюта сынъ Скурлатовичъ,
Говоритъ самъ таковыя слова:

„У меня ли не дрогнѣтъ рука
На родѣ на ваши царскіе!“

Взялъ царевича да за бѣлыя руки,
Распоясалъ съ него шелковѣй поясъ,
Скидываетъ платье цвѣтное,
Надѣваетъ платье черное, опальное,
И ведетъ его на озеро зыбучее,
На ту лужу Поганую, кровавую.

По сѣнямъ по новымъ, по косяцатымъ,
Какъ не красно солнышко катилось по земли—
Проходила-то царица благовѣрная,
Молода Настасьюшка Романовна,
Къ своему ко братцу ко любезному,
Къ молоду Никитушкѣ Роману: ⁽¹¹⁹⁾

„А и гой еси ты, милый братецъ мой,
Молодой Никита свѣтъ Романовичъ!
Спишь-лежишь ли, опочивъ держишь?
Аль тебѣ Никитѣ мало можется?
Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,

Угасаетъ свѣча воску яраго—
 Не становится у насъ млада царевича,
 Твоего любима крестничка!“ (120)

Много тутъ Никита не выспрашивалъ,
 Скоро пометался на широкій дворъ,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Эй вы, конюхи мои, приспѣшники!
 Вы ведите наскорѣ добра коня,
 Что несѣдлана, неузdana.“

Скоро конюхи метались,
 Подводили наскорѣ добра коня.
 Сѣлъ Никита на добра коня,
 Поскакалъ далече во чисто поле,
 За ворота Москворѣцкія,
 Шанкой машеть, головой трясеть,
 Во всю голову кричить-реветъ:

„Вы раздайтесь, люди добрые,
 Не убейтесь, православные:
 За мной дѣло государево!“

Настигаетъ палача онъ во полѹ-пути,
 Не дошелъ до озера кроваваго;
 По щекъ его, злодѣя, бьетъ:

„Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютѡй палачъ!
 Не за свойскій кусъ ты принимаешься:
 Этимъ кусомъ ты подавишься,
 Этимъ пойлицемъ поперхнешься!“ (121)

Взялъ царевича тутъ за бѣлыя руки,
 Посадилъ съ собою на добра коня,
 И увезъ въ свое село боярское,
 Во боярское Романовское.
 По утру было ранымъ-ранѣхонько,
 Ото сна встаетъ царь Грозный—пробуждается,
 Сына милаго хватается,
 Млада-зѣлена царевича.

Вызнавъ дѣло, рвется-мечется;

„Ой вы, слуги мои вѣрные!
 Вы зачѣмъ меня не уняли,
 Попустили дѣло окаянное?“

Отвѣчаютъ ему слуги вѣрные:

„Ой ты, батюшка нашъ, Грозный царь,

Охъ, Малюта ты Скурлатовичъ, лютой палачъ!
Не за свойскій кусъ ты принимаешься:

Этимъ кусомъ ты подавнишься,
Этимъ пойдцемъ поперхнешься!

Царь Иванъ, сударь, Васильевичъ!
Не посмѣли мы перечить те,
Убоялись твою гнѣва скорого!“

Отдаетъ тутъ Грозный царь строгій приказъ
По церквамъ служить молебны частые,
Заводить печальны звонъ колокольные,
Надѣвать всѣмъ платье черное,
Собираться во большой соборъ,
Служить панихиду по царевичѣ.

Вотъ ударили къ заутренѣ;
У той церкви у соборныя
Собиралися попы и дьяконы,
Всѣ причетники церковные,
Отпѣвать любимаго царевича.

Вотъ идетъ и батюшка нашъ Грозный царь,
На немъ платье черное нерадошно,
Во правой рукѣ царской костыль;
Богу молится и поклоняется,
Самъ горячими слезами заливается.
А Никита свѣтъ Романовичъ
Нарядился въ платье цвѣтное,
Взялъ съ собой млада царевича
И поставилъ позади дверей,
Позади дверей у права крылоса. (122)
Какъ на шурина тутъ опаляется
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Костылемъ пришилъ его въ праву ногу
Къ половицѣ ко дубовой:

„Ай же ты, любезный шуринъ мой!
Что въ глаза мнѣ насмѣхаешься,
Надо мною наругаешься?
Аль не свѣдался про горе царское,
Про кручинушку несносную,
Что звѣзда упала поднебесная,
Что свѣча угасла воску яраго?
У меня послѣ заутрени
Всѣмъ боярамъ переборъ поидеть,
А тебѣ ли, шуринъ, перва петелька!“

Говорить Никита свѣтъ Романовичъ:

„А я, батюшка-царь, все въ отлучкѣ былъ,

Все въ отлучкѣ за охотою,
 Ясна сокола поймалъ тебѣ,
 Что ни ести лучшаго и ближняго—
 Твоего ли сына рѣднаго“.

Поднебесная звѣзда тутъ высоко взошла,
 Свѣча воску яраго затѣплилась—
 Выходилъ царевичъ изъ-за крылоса,
 Подходилъ ко государю-батюшкѣ.
 Бралъ царевича тутъ за бѣлыя руки
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
 Цѣловалъ его въ уста сахарныя,
 Воскричалъ самъ зычнымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, любезный шурина мой!
 Ужъ и какъ мнѣ тебя назвать теперь?
 Али дядюшкой, аль батюшкой?
 Али будешь ты мнѣ бѣльшій братъ?
 Обратилъ мое ты ретиво сердце,
 Взвеселилъ мою ты буйну голову,
 Воротилъ ты мнѣ мою жемчужину!
 Еще чѣмъ тебя пожаловать?
 Аль тебѣ за то полцарства дать,
 Аль безсчетной золотой казны?“

„Гой еси ты, царь Иванъ Васильевичъ!
 Ни полцарства мнѣ не надобно, ни золотой казны;
 Ты меня пожалуй грамотой Тарханною:
 Кто церквѣ ограбить, мужика убьетъ,
 Кто жену у мужа со двора сведетъ,
 Да уйдетъ въ село боярское
 Къ молоду Никитѣ ко Романовичу—
 Не было бъ ни взыску тамъ, ни выемки“.

(123)
 И пожаловалъ Никитѣ Грозный царь
 По той грамотѣ Тарханною
 Новое село боярское,
 Что теперь село Преображенское,
 Тѣмъ понынѣ ли слыветъ оно и дѣвѣнку. (124)

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

Ермакъ, покоритель Сибири. (125)

Какъ на славныхъ на степяхъ было саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казѣки, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый кругъ,
Гребенскіе и донскіе, и яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ сынъ (126) Тимоеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка сынъ Лаврентьевичъ; (127)
Стали думать они думушку единую,
Со крѣпкѣ ума, со полна разума.
И возговорить Ермакъ сынъ Тимоеевичъ:
„Ужь какъ лѣто-то проходить, лѣто теплое,
А зима-то настаетъ холодная;
Еще гдѣ-то намъ, казѣкамъ, зимовѣть будетъ?
Некорыстна у насъ шутка вѣдь зашучена:
Какъ гуляли мы по морюшку по синему,
Какъ стояли на протокѣ да на Ахтубѣ,
Мы убили вѣдь посланничка персидскаго (128)
Со солдатами его да со матросами,
Животомъ его всѣмъ покорыстались:
Какъ-то будетъ намъ на то отвѣтствовать?

Намъ на Волгѣ жить—такъ все ворами слыть,
 На Яикъ идти—такъ переходъ великъ,
 Подъ Казань идти—тамъ Грозенъ царь стоитъ,
 Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ;
 У него тамъ силы много множество.
 Мнѣ ли, Ермаку, тамъ быть повѣшену,
 Вамъ ли, казакамъ, быть переловленнымъ
 Да по крѣпкимъ тюрьмамъ поразсоженнымъ.
 Мы уйдемте-ка въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Ко тому Григорью ко Григорьевичу—
 Возьмемъ много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго.
 А какъ вскроется весна-то красная,
 Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ,
 Да вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ“.

И ушли они въ Усолъе, ко тѣмъ Строгоновымъ,
 Взяли много свинцу-пороху, запасу хлѣбнаго
 И пошли по Чусовой рѣкѣ,
 Гдѣ бы зиму-зимовати имъ.
 И нашли они на Чусовой рѣкѣ
 Во крутомъ кряжу пещеру каменну;
 Опускалися въ пещеру, убиралися,
 Что немного и немало—триста мѣлодцевъ.
 Хорошо тутъ было зиму-зимовати имъ.
 Какъ прошла зима холодная,
 Наставала весна красная,
 Говорить Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ:
 „Намъ пора ужъ, братцы, убиратися,
 Убиратися да во походъ идти,
 Ужъ вы дѣлайте-ка лодочки-коломенки,
 Забирайте кочетѣ еловые,
 Накладайте вѣсельца сосновыя;
 Мы поѣдемъ, братцы, съ Божьей помочью,
 Мы пригрянемъ, братцы, вверхъ по Чусовой рѣкѣ,
 Перейдемте, братцы, тѣ крутыя кряжи,
 Доберемся до того до царства басурманскаго,
 Завоюемъ царство то Сибирское,
 А царя Кучума во полѣнь возьмемъ—
 Тѣмъ вину свою заслужимъ предъ Грознымъ царемъ
 Понадѣлали тутъ лодочекъ-коломенокъ,
 Вверхъ пригрянули по Чусовой рѣкѣ,

Во Серебряну вошли, до Жаровля дошли,
До той Баранченской переволоки,
Забрали тутъ лодочки-коломенки,
На себѣ тащили, да надсѣлися—
На пути ихъ и покинули.

Мало время позамѣшкавши,
Увидали Баранчѹ-рѣку;
Понадѣлали боты сосновые,
Сколотили лодочки-набойницы,
И поплыли внизъ по Баранчѣ-рѣкѣ,
Выплывали на Тагиль рѣку,
У Медвѣдя-камня становилися;
Жили тутъ съ весны до Троицы,
Промыслами рыбными кормилися.
Въ Троицу ли въ путь опять собиралися,
И поплыли по Тагиль-рѣкѣ,
Выплывали на Турѹ-рѣку,
По Турѣ-рѣкѣ поплыли въ Епанчу-рѣку,
И тутъ жили до Петрова дня.
Еще тутъ ли управлялися:
Понадѣлали людей соломенныхъ
И, нашили на нихъ платье цвѣтное:
Было-то у Ермака дружины триста молодцевъ,
А ужъ съ тѣми стало больше тысячи.

И поплыли по Тоболь-рѣкѣ.
И приплыли въ юрты Мяденски;
Полонили тутъ князька татарскаго,
Дабы путь казалъ имъ по Тоболь рѣкѣ.
Во тѣхъ устьяхъ во Тобольскіихъ
Собирались во единый кругъ,
Стали думать думушку единую:
Какъ бы имъ приплыть къ той горѣ Тобольскоей?
Верхнимъ устьемъ самъ Ермакъ пошелъ,
Нижнимъ устьемъ ли Асташка сынъ Лаврентьевичъ.
Выплывалъ Асташка на Иртышъ-рѣку,
Подъ ту саму гору подъ Тобольскую.
Загорѣлся тутъ у нихъ великій бой
Со татарами со Котовскими.
Бьютъ татары въ нихъ съ той крутой горы,
Стрѣлы какъ бы частый дождь летять,

А казѣкамъ взять ихъ нѣ можно.
 Бились день съ утра до вечера;
 Прѣбили татаръ казѣки не малѣ число,
 А татары смотрятъ да дивуются,
 Каковы-то русски люди крѣпкіе,
 Что убить-то не одинаго не могутъ ихъ:
 Каленыхъ стрѣль въ нихъ какъ въ снопики⁽¹²⁹⁾ налѣплено,
 А казѣки всѣ живы стоятъ.

Въ тѣ поры Ермакъ сынъ Тимоѣевичъ
 Выходилъ лукою Соуксанскою
 Во рѣкѣ Сибирку, до устья дошелъ,
 Полонилъ Кучумъ-царя татарскаго;
 Перваго князѣка-то полонѣненаго
 Отпустилъ къ татарамъ Котовскимъ,
 Чтобы въ дракѣ съ казѣками помирился:

„Ужъ де вашего царя въ полѣнъ взяли
 Атаманомъ Ермакомъ да Тимоѣевымъ“.

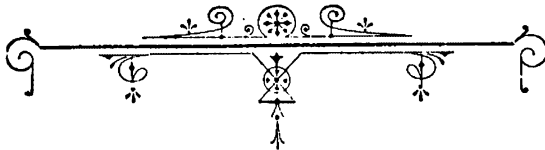
То услышавши, татары сократились,
 И пошли къ нему, ко Ермаку, съ подарками,
 Понесли куницъ и соболей сибирскихъ;
 Принималъ Ермакъ у нихъ не отсылаючи,
 А на мѣсто ихъ Кучумъ-царя
 Собанѣка утвердилъ татарина.
 А и жилъ тамъ съ Покрова Ермакъ
 До Николина дня зимняго.

Шилъ тутъ шубы соболинныя,
 Нахтармами вмѣстѣ, теплымъ мѣхомъ вверхъ;
 Шилъ и шапки куни на тотъ же ладъ.

Поубравшись со своими со казѣками,
 Отѣвжалъ Ермакъ во каменнѣ Москву,
 Къ Грозному царю съ повинною.
 Слѣзъ съ коня тутъ и пѣшкомъ идетъ,
 Потихохоньку и почастѣхоньку,
 За собою всю силѣ ведетъ;
 Подходилъ къ палатамъ царскимъ,
 Ко тому крылечку красному.
 Было жъ то о самомъ о Христовомъ днѣ,
 Изволилъ царь идти съ заутрени.
 На колѣни палъ Ермакъ тутъ предъ Грознымъ царемъ,
 Говорилъ самъ таковыя слова:

„Ой ты гой еси, надёжа православный царь!
 Не вели меня казнити, вели рѣчь держать.
 Я пришелъ къ тебѣ, Ермакъ, съ повинною,
 Мы, казаки, вѣдь шаталися-моталися
 По чисту полю и по синю морю,
 По синю морю Хвалынскому,
 Разбивали бусы-кѳрабли,
 Бусы-кѳрабли все неорлѣные;
 Да годилось на протокѣ томъ на Ахтубѣ
 Мимо насъ идти послу персидскому
 Со солдатами и со матросами,
 И хотѣли отъ казаковъ поживитися,
 И напали на казаковъ своей волею;
 Только имъ казаки спуску не дали.
 И посла персидскаго устукали
 Со солдатами его и со матросами.
 А теперича, надёжа православный царь,
 Приношу тебѣ повинную головушку,
 Съ головой въ гостинець—царство да Сибирское“.

И возгѳворить надёжа православный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
 „Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
 Ты лихой казакѣй атаманушка!
 За твою за службу вѣрную
 Я тебѣ прощаю всѣ вины твои,
 А и жалую тебѣ я славный тихій Донъ“. (180)

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царевичъ Димитрій и Борисъ Годуновъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орель летить по поднебесью;
Зорко смотреть онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зелѣные,
На златой дворець стольна города.
Не люта змѣя воздывался—
Воздывался собака булатный ножъ;
Упаль ни на воду, ни на землю,
Упаль царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію:
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царить же, злодѣй, ровно семь годовъ.

Что не вихрь крутить по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли Божій гнѣвъ за святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

БЫЛИНА ПЯТАЯ.

Гришка Отрепьевъ и Марина Мнишекъ.

Ты, Боже мой, Боже, Спасъ милостивый,
Владыко царю Вседержителю!
За что на насъ, Господь Богъ, прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Вора Гришку-Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первѣго прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другаго прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.

Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменнѣй Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятѣй Литвѣ,
У Юрья панѣ Стредомірскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.

Стали бѣговѣстить ко заутренѣ
 У святого Михаила Архангела,
 Гдѣ кладутся цари бѣговѣрные,
 Бѣговѣрные, бѣгочестивые;
 Бояре идутъ ко заутренѣ,
 Ко святому Михайлу Архангелу,
 А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
 Заводить законъ по-своему:
 Идетъ онъ во мыльню-баенку,
 Маринка—во умываленку;
 Бояре Богу молятся,
 А онъ во мыльнѣ моется,
 Маринка—во умываленкѣ;
 Бояре пошли отъ заутрени,
 А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
 Маринка—со чистой умываленки;
 На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
 На ней саянъ въ цѣлу тысячу.

Идетъ у Ивана Великаго,
 Вскричить тутъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня звонарики?
 Звоните въ наибольшій колоколь,
 Для-ради гостя дальняго,
 Гостя дальняго, тестя любимаго“.

Вскричить онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пушкарики?
 Свезите снарядъ-пушки за городъ,
 За тѣ ли ворота Серпуховскія:
 Завтра у меня пиръ будетъ
 Для-ради тестя любимаго“.

Вышелъ на крылечко на заднее,
 Вскричить, взопитъ зычнымъ голосомъ:

„Есть ли у меня пѣвары,
 Мои батюшковы прислѣшнички?
 Варите ѣству скоромную,
 Варите другую—постную,
 Скоромну ѣству—гуси-лебеди,
 А постну ѣству—рыбу бѣлую:
 Завтра у меня пиръ будетъ

Для-ради тестя любимаго,
 Про Юрья панѣ Стредомірскаго“.
 Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
 А постну ѣству раздачей даетъ;
 Честнѣя иконы подъ себя стелеть,
 А чудны кресты подъ пятѣ кладеть.

Въ тѣ поры бояре домышлялися,
 И думные дѣяки догадалися,
 Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
 Ко царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ: ⁽¹³¹⁾

„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
 Царица Марѣа Матвѣевна!
 Прямой ли царь на царствѣ сидить,
 Твое дитя порожденное,
 Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
 Все-то дѣлаеть не по-царскому:
 Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
 А постну ѣству раздачей даетъ;
 Честнѣя иконы подъ себя стелеть,
 А чудны кресты подъ пятѣ кладеть“.

Царица Марѣа Матвѣевна
 Заплакала горючѣмъ слезѣми,
 Сама говоритъ таковѣ рѣчи:
 „Глупы вы бояре, недогадливы!
 Вѣстимо Богу и всей землѣ,
 Потеряно дитя мое любимое,
 Царевичъ Димитрій Ивановичъ
 На Угличѣ отъ боярѣ Годуновыхъ.
 Его мощи лежать въ каменной Москвѣ
 У святого Михайла Архангела,
 Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
 Благовѣрные, благочестивые;
 У того ли у Ивана Великаго
 Завсегда звонять во царь-колоколь,
 Соборны попы собираются,
 Панихиды совершаютъ во праздники
 За память младого царевича,
 Царевича Димитрія Ивановича.
 А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,

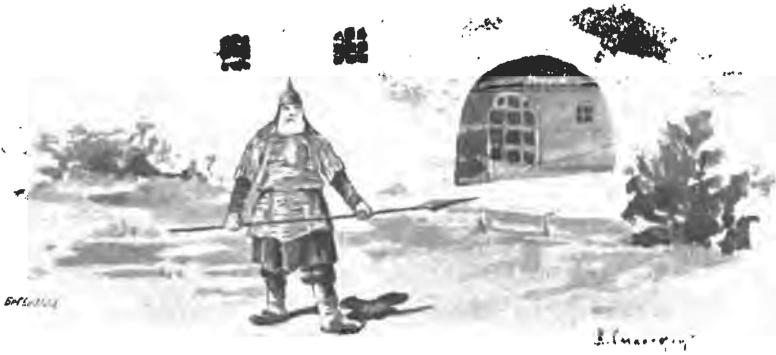
Заростилъ себѣ крестъ во бѣлыя груди
 И назвался, собака, прямымъ царемъ,
 Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
 Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
 Приѣзжаетъ ко мнѣ со угрозою,
 Привозитъ нагодѣ саблю острую,
 Велитъ называть своимъ сыномъ,
 Княземъ Димитріемъ царевичемъ Углицкимъ“.

Какъ тутъ бояре догадалися,
 И думные дьяки домышлялися,
 Выбирали себѣ дьяка думнаго
 Того ли Петрушку Басманинова,
 Посылаютъ въ палаты во царскія,
 Велятъ говорить не съ упадкою:

„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,
 Вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися
 Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
 Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
 А я былъ на крыло съ псаломщикомъ?“

Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
 Заглянулъ въ окно косящато:
 Обступила сила кругомъ вокругъ,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Беретъ онъ книжку волшебную,
 Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
 Думаетъ умомъ своимъ царскимъ:
 „Подѣлаю крыльица дьявольски,
 Улечу теперъ я дьяволомъ.“

Не успѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—
 Навалила вся сила несмѣтная,
 Несмѣтная сила со копьями.
 Видитъ Гришка бѣду неминуемую,
 Скоро скочить въ окошко косящато—
 Да о камня убится до смерти.
 Только-то Гришка царемъ бывалъ,
 Только-то Гришка и царствовалъ.
 А та душенька Маринка дочь Юрьевна
 Обернулась изъ окошка сорокою—
 Только-то Маринку и видѣли.

БЫЛИНА ШЕСТАЯ.

Смерть Стеньки Разина.

Вы, лѣса ль мои, лѣсочки, лѣса темные!
Вы, кусты ль мои, кусточки, кусты частые!
Вы, станы ль мои, станочки, станы теплые!
Какъ и всѣ мои лѣсочки-то порублены,
Какъ и всѣ мои кусточки-то повыжжены,
Какъ и всѣ мои станочки поразборены,
Какъ и всѣ мои товарищи половлены,
По злодѣйкамъ крѣпкимъ тюрьмамъ поразсожены,
Рѣзвы ноженки во кандалахъ заклѣпаны,
У воротъ стоять все грозны сторожи,
Грозны сторожи, все бравые солдатушки:
Никуда-то добрымъ мѣлодцамъ нѣтъ выпуску,
Нѣтъ ни выпуску, ни ходу изъ крѣпкой тюрьмы.
Только я ли, добрый мѣлодецъ, не пойманъ былъ,
По прозванью меня звали Стенька Разинъ сынъ.

Я не годъ гулялъ вѣдь и не два года,
Я гулялъ-то ровно тридцать лѣтъ.
Какъ пошелъ тутъ ко синю морю,
Ко синю морю да по Дунай-рѣкѣ,
У Дунай-рѣки ли перевозъ кричалъ:

„Отвезите-ка меня вы, добра мѣлодца,
На ту сторону, на бѣлый камешекъ!“

Сталь на бѣломъ камешкѣ кончатися,
При кончинушкѣ ли сталь наказывать,

Сталь наказывать и выговаривать:

„Ахъ вы, милые да сотоварищи!
Вы возьмите-ка свой тугой лукъ,
Натяните калену стрѣлу,
Прострѣлите мою бѣлу грудь!
Схороните меня промежь трехъ дорогъ:
Промежь Муромской, Владимірской и Кіевской.
Въ праву руку дайте саблю острую,
Въ лѣву руку—калену стрѣлу,
Въ головахъ поставьте чуденъ-дивенъ крестъ,
Во ногахъ поставьте ворона коня.
Кто ни идетъ, ни ѣдетъ мимо мѣлодца,
Всякъ поклонится кресту, помолится:
Что не воръ лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
А лежитъ тутъ Стенька Разинъ сынъ!—“

Приходили сотоварищи,
Помолились на чуденъ-дивенъ крестъ,
Тому братцы сдивовались,
Стенькѣ Разину всѣ поклонялися:

„Ужъ ты встань-ка, сотоварищъ нашъ,
Ты возьми-ка въ руки саблю острую,
Въ лѣву руку калену стрѣлу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрамъ по нашимъ по широкимъ,
Что не выручили со бѣла камня,
Со бѣла камня да со Дунай рѣки,
Со Дунай-рѣки широконой!“

Погрузили Стеньку Разина
Сотоварищи тутъ во Дунай рѣку;
Со Дунай рѣки ли на Амуръ пошли;
У Амуръ рѣки крута гора,
Что крута гора высокая;
На горѣ той распрощалися,
Всѣ другъ другу поклонялися:

„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь по дикимъ мѣстамъ!“

БЫЛИНА СЕДЬМАЯ.

А з о в ъ. ⁽¹³²⁾

О хъ вы, бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Еще съ вечера солдатамъ приказъ ѳдданъ былъ,
Со полѹночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлѹ свѣту солдаты во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, да по ружью держать.

Какъ не золотая трубонька вострѹбила,
Не серебряна сапovочка возыграла,
Какъ возгѹворитъ самъ батюшка нашъ православный царь:

„Ой вы гой еси, князья да бѹяре!
Вы придумайте мнѣ думу-думушку:
Еще какъ-то взять намъ Азовъ городъ?“

Промолчали князья-бѹяре,
Прослезился самъ нашъ батюшка.

„Ой вы гой еси, мои солдатушки!
Вы придумайте мнѣ думу крѣпкую:
Еще какъ-то взять намъ Азовъ городъ?“

Какъ не яры пчѣлѹшки шумять-гудять—
Какъ возговорятъ въ отвѣтъ солдатушки:

„Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудію!“
На восходѣ было красна солнышка,
На закатѣ было свѣтла мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ шли

Подъ тотъ славный подъ. Азовъ городъ,
Подъ тѣ стѣны бѣлокаменны,
Да подъ тѣ раскаты подъ высокіе.
Не съ крутыхъ горъ камни покатилися—
Покатилися со стѣнъ татаровья;
Не бѣлы снѣги и въ полѣ забѣлилися—
Забѣлилися груди басурманскія:
Да не съ дождичка ручьи вокругъ разливалися—
Разливалася кровь поганая.

БЫЛИНА ВОСЬМАЯ.

Плачь войска по Петрѣ. ⁽¹³³⁾

Ахъ ты, батюшка свѣтѣль мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по-старому,
Не по-старому и не попржнему,
Не во всю землю святорусскую,
Что со вечера не до полѹночи,
Со полѹночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ;
Призобилъ онъ рѣзвы ноженьки
Что по самыя сапоженьки,
Бѣлы рученьки по самыя кѣстыньки.
Стоячй, онъ призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи шумять,
Самъ штыкомъ-то бьетъ объ мать сыру землю:
„Подымитесь, вѣтры буйныя,

Разнесите снѣги бѣлые,
Своротите бѣль-горючь камень!
Разступися, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробовѣ доска,
Распахнися, золотѣ парча!
Встань-проснися, православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь!
Посмотри, сударь, на свою гвардію,
Что на гвардію да на всю армію.
Всѣ полки ужъ во строю стоятъ,
Всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
Капитаны передъ ротами,
Офицеры передъ взводами,
А и прапорщики подъ знамѣнами:
Дожидають они полковничка,
Что полковничка Преображенскаго,
Капитана бомбардирскаго“.

БЫЛИНЫ БЕЗЪИМЯННЫЯ.

БЫЛИНА ПЕРВАЯ.

О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ. (121)

Отломилася вѣточка
Отъ кудряваго дѣревца,
Откатилось яблочко
Отъ садовой отъ яблоньки:
Отъѣзжалъ добрый молодецъ
Отъ родимой отъ матери
Въ чужедальную сторону
За рѣку за Смородину.

Подъѣзжалъ добрый молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Понизенько ей кланялся,
Молвилъ ласковымъ голосомъ:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!
Широкймъ то широкая,
Глубокймъ да глубокая!
Ты скажи-ка мнѣ, рѣченька,
Есть ли гдѣ на тебѣ, рѣкѣ,
Переброды кониные,
Переходы да частые?“

И провѣщится рѣченька,
Отвѣчаетъ Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:

„Гой еси, добрый молодецъ!
Есть на мнѣ, на быстрой рѣкѣ,

Переброды конины,
 Переходы да частые;
 Есть на мнѣ, на рѣкѣ, еще
 Два мосточка калиновыхъ,
 Да отсель-то далече,
 Далекѣ во чистѣмъ полѣ“.

И возгворить молодецъ:

„Гой еси, мать быстра рѣка!
 А и что же ты, рѣченька,
 Съ перевозу возьмешь съ меня?“

Отвѣчаетъ быстра рѣка
 Душой красною дѣвицей:

„Я скажу тебѣ, молодецъ,
 Чтѣ беру съ перевозу съ васъ:
 Съ переброду конинаго—
 По сѣдельцу черкасскому,
 Съ переходу со чистаго—
 По коню по наступчату,
 Со мосточку со калинова—
 По удалому молодцу.
 Но тебя, добрый молодецъ,
 За слова твои ласковы,
 За поклоны за низкіе,
 Я и такъ, безъ всего пушу“.

Переѣхавши, молодецъ

Сталъ своимъ глупымъ разумомъ
 Предъ рѣкой похвалятися,
 Надъ рѣкой насмѣхатися:

„Охъ ты гой еси, рѣченька,
 Быстра рѣчка Смородинка!

А и какъ тебя славили,
 Говорили: быстра, грозна,
 Широкимъ-то широкая,
 Глубокимъ-то глубокая;
 Не пройти рѣку пѣшему,
 Не проѣхати конному.

А теперъ рѣка славная
 Хуже всякаго озера—
 Чтѣ болото стоячее,
 Будто лужа дождѣвая“.

И кричить въ сугонъ молодцу
Быстра рѣчка Смородинка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
„Воротись, добрый молодець,
За меня, за быстру рѣку,
Позабылъ ты за мной, рѣкой,
Двухъ надѣйныхъ товарищей:
Позабылъ два остра ножа,
Два ножа да булатные—
На чужой сторонѣ тебѣ
Оборона великая“.

Воротился тутъ молодець
За ножами булатными—
За рѣку за Смородину
Ни пройти, ни проѣхати.
Не нашель добрый молодець
Переброду конинаго,
Переходу да частаго,
Ни мосточку калинова,
Заѣзжалъ прямо молодець
Во глубокиѣ омуты.
Какъ на перву ступень ступилъ—
Конь увязнулъ по черево,
На другую ступень ступилъ—
По сѣдельце черкасское,
А на третью ступень ступилъ—
Уже гривы не видѣти...

Утонулъ добрый молодець
Во рѣкѣ въ Смородинѣ,
Выплывалъ его добрый конь
Ко крутому ко берегу,
Прибѣгалъ его добрый конь
Ко родной его матери.
Увидала родимая—
Залилась горячѣй слезьми,
Шла къ рѣкѣ ко Смородинѣ,
Говорила быстрой рѣкѣ:
„Охъ ты гой еси, рѣченька,
Быстра рѣчка Смородинка!

Потопила ты сына мнѣ,
Мила сына, одинаго“.
И провѣщится рѣченка,
Отвѣчаеть быстра рѣка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
„Ай же ты, баба старая,
Стара баба, матѣрая!
Потопила не я его—
Похвальба молодецкая“.

БЫЛИНА ВТОРАЯ.

Татарскій полонъ. ⁽¹³⁵⁾

У колодеза у холоднаго,
Что у ключика у гремучаго,
Красна дѣвушка воду черпала.
Какъ наѣхали злы татаровья,
Полонили красну дѣвушку,
Полоня, ее замужъ выдѣли
За младого за татарченка.

И прошло тому ровно трѣ года,
Полонили они старую женщину.
Не шумъ шумить, не громъ гремитъ—
Злой татарченокъ полонъ дѣлится:
Теща зятюшкѣ досталася.

Онъ привезъ ее на дикую степь,
На дикую степь къ молодой женѣ:
„Еще вотъ тебѣ, молодà жена,
Вѣковѣчная работница,
Нашимъ дѣткамъ нянька-мамушка.
Ты заставь ее дѣлать трѣ дѣла:
Перво дѣло-то—кудельку прясть,
Друго дѣло-то—гусей пасти,
Третье дѣло-то—дитю качать“.

Стала дѣлать теща трѣ дѣла:
 Руками-то кудельку прясть,
 Глазами-то гусей пасти,
 Ногами-то дитю качать,
 Дитю качать, прибаюкивать:
 „Ты бай-баю, мое дитятко,
 Ты люлю-люлю, мое милое!
 Ужь какъ бить тебя—мнѣ грѣхъ будетъ,
 Какъ бранить тебя—мнѣ жаль будетъ,
 А родней назвать—той вѣры нѣтъ.
 Ты по батюшкѣ—алой татарченокъ,
 А по матушкѣ—миль внучёночекъ“.
 Какъ стучить-бренчить, по сѣнямъ бѣжить,
 По сѣнямъ бѣжить дочь родная,
 Къ ней упала во рѣзвѣ ноги:
 „Охъ ты, матушка сударыня!
 Чтò давно ты мнѣ не скажешься?
 Брось кудель-то прясть—дай спутаться;
 Брось гусей пасти—дай орламъ таскать;
 Брось дитю качать—дай наплакаться.
 Ты снимай-ка шубу кожурѣную,
 Надѣвай-ка шубу соболиную;
 Ты бери себѣ золотой казны,
 Золотой казны сколько надобно.
 Ты ступай на конюшню мужнюю,
 Выбирай себѣ коня лучшаго,
 Поѣзжай назадъ на святую Русь,
 На святую Русь, на волю вольную“.
 „Ты дитя ли мое, дитя милое!
 Не сниму я шубу кожурѣную,
 Не возьму себѣ золотой казны,
 Не поѣду на святую Русь:
 Какъ связала съ тобой неволюшка—
 И во-вѣкъ я съ тобой не разстануся!“

БЫЛИНА ТРЕТЬЯ.

О Горюшкѣ. (136)

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося ты, Горе, отъ сырой земли,
Изъ-подъ камешка да изъ-подъ сѣраго,
Изъ-подъ кустышка да съ-подъ ракитова.
Во лаптишечки ты, Горе, пообулося,
Въ рогаѣночки ты, Горе, понадѣлося,
Понадѣлося, лычинкой подпоясалось,—
Приставало Горе къ добру молодцу.

Видить молодець: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле да сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдь идетъ,
Вслѣдь идетъ и тенета несеть,
Тенета несеть шелковья:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видить молодець: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку да рыбой-щукою.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдь идетъ,
Вслѣдь идетъ и неводà несеть,
Неводà несеть шелковыя:

„Ужь ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодець!“
Видить молодець: отъ Горя дѣться некуда,—

Молодецъ отъ горя во огнёвущку,
Во огнёвущку да во постелюшку.
А за нимъ ужъ Горé вслѣдь идетъ,
Вслѣдь идетъ да во ногахъ сидитъ:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ отъ Горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски да во могилушку,
Во могилушку да во сыру землю.
А за нимъ ужъ Горе вслѣдь идетъ,
Вслѣдь идетъ да со лопаткою,
Со лопаткою да со телѣжкою:

„Ужъ ты стой-ка, не ушелъ бы, добрый молодецъ!“

Только добрый молодецъ и живъ бывальъ:
Позарыло Горе во могилушку,
Во могилушку, во мать сыру землю,
Тутъ ли молодцу вѣдь и славу поють.

Молодець отъ Горя въ гробовы доски, Во могилушку да во сыру землю.
 Въ гробовы доски да во могилушку, А за нимъ ужъ Горе влѣдъ идетъ...

БЫЛИНА ЧЕТВЕРТАЯ

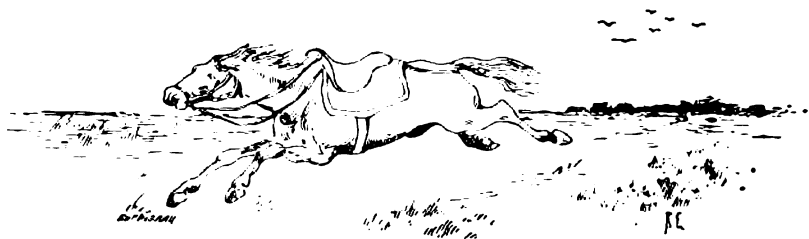
„Ужъ какъ палъ туманъ на синє море...“

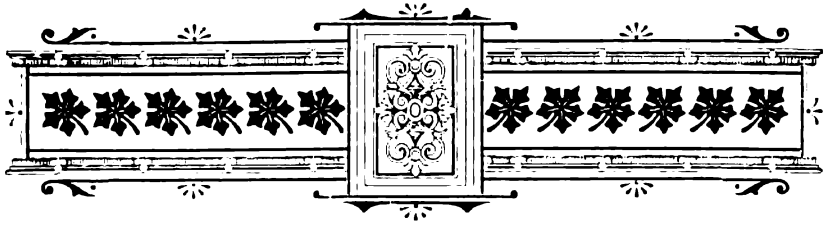
Ужъ какъ палъ туманъ на синє море,
А злодѣй-тоска въ ретивѣ сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Да не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блестить далече во чистѣмъ полѣ—
Курится огонѣчекъ малѣшенекъ.
Посланъ возлѣ огонѣчка шелковѣй коверъ,
А на коврикѣ лежитъ добрый мѣлодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертнуну,
Унимаетъ мѣлодецку кровь горючую.
Подлѣ мѣлодца стоитъ его добрый конь;
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сырѣ землю,
Будто слово хочетъ вымолвить хозяину:

„Ты вставай, вставай-ка, добрый мѣлодецъ!
Ты садись-ка на меня, своего слугу,
Отвезу я тебя на святую Русь,
Къ отцу-матери, къ роду-племени,
Къ роду племени, къ молодой 'женѣ!“

Какъ вздохнетъ тутъ добрый мѣлодецъ—
Подымалась у удалаго крѣпка грудь,
Опустились у него руки бѣлыя,
Растворилась его рана смертная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая,
И промолвилъ добрый мѣлодецъ своему коню:

„Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты бѣги-ка, мой конь, на святую Русь,
Отцу-матери скажи челобитьице,
Роду-племени скажи по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажи волюшку:
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать каленѣ стрѣла.
Да еще ли одинъ скажи поклонъ:
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице.
Мнѣ не столько жаль вѣдь роду-племени,
И не столько жаль молодой жены,
Сколько жаль моихъ малыхъ дѣтушекъ:
Остались дѣтушки малѣшеньки,
Малѣшеньки дѣтушки, глупѣшеньки,
Натерпятся холода и голода!“

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ БЫЛИНАМЪ.

1. (Стран. 3). „Леванидовъ чудный крестъ“ есть крестъ, взятый Владиміромъ Святымъ изъ Корсуна (греческаго Херсонеса въ Крыму), послѣ принятія тамъ св. крещенія, и водруженный потомъ въ Кіевѣ на лугахъ, получившихъ отъ креста названіе „луговъ Леванидовыхъ“. Самый крестъ названъ Леванидовымъ, вѣроятно, по епископу Левонтію. У креста Леванидова обыкновенно „братаются“ богатыри, и отъ него же начинаются ихъ богатырскія поѣздки. Затѣмъ онъ оказывается вообще повсюду, гдѣ начинается какое-нибудь знаменательное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ—у истока Волги.

2. (Стран. 3). „Бѣлый горючій камень Латырь“ (отъ греческаго электронъ), „Латырь-камень“, бѣлый горючій камень“ или просто „горючій камень“ есть янтарь, который, обладая, по повѣрью народному, большими пѣлебными и вообще чародѣйными свойствами, служитъ, какъ крестъ Леванидовъ, но еще чаще его, мѣстомъ отправленія богатырей на разнаго рода подвиги, и лежитъ обыкновенно на перекресткахъ трехъ дорогъ. Балтійское море, побережье котораго особенно изобилуетъ янтаремъ, называется по немъ Латырь-море мъ:

„Ахъ, Латырь-море всѣмъ морямъ отецъ,
А Латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ“.

(Изъ „Голубиной Книги“.)

Впрочемъ, янтарь, какъ показали недавнія раскопки, встрѣчается и около Кіева, на правомъ берегу Днѣпра, иногда кусками до двухъ фунтовъ вѣсомъ.

3. (Стран. 4). Слово „богатырь“ нѣкоторыми учеными производится отъ слова Богъ, въ виду того, что богатыри, по представленію народному, — существа съ высшими божественными качествами, полубоги. (По мнѣнію другихъ, оно выработалось изъ древняго буйтуръ (прозвище, между прочимъ, князя Всеволода Святославича въ „Словѣ о полку Игоревѣ“), составленнаго изъ словъ буй (дикій) и туръ (зубръ, воль). Полубогами-титанами по преимуще-

ству являются богатыри до-владимірской эпохи, такъ называемо „старшіе“ богатыри—исполинскіе мнѣческіе представители прежней стихійной кочевой жизни, борющіеся не столько съ людьми, сколько съ непокорными силами природы, тогда какъ „младшіе“ богатыри, которые тѣломъ меньше и слабѣе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчнѣе ихъ, осѣдло группируясь около кіевскаго князя Владиміра, служатъ опозитивированными типами сложившейся русской общины. Главнѣйшіе изъ „старшихъ“ богатырей: Вольга Всеславъевичъ, Микула Селяниновичъ и Святогоръ; кромѣ нихъ, встрѣчаются въ былинахъ: Самсонъ (отъ ветхо-завѣтнаго Самсона „съ семью власами ангельскими на головѣ“) Самойловичъ, Суханъ или Сухманъ (суш-манъ, засушаемый, изсыхающій) Домантъевичъ (христіанское Дементьевичъ—передѣлка изъ первоначальнаго мнѣческаго Одихмантъевичъ), Поляванъ (полуконь), Колыванъ (образъ котораго совершенно неопредѣленный) и проч. Принадлежность „старшихъ“ богатырей къ кореннымъ русскимъ героямъ поставлена новѣйшими изслѣдователями въ нѣкоторое сомнѣніе въ виду того, что въ побывальщій объ „Аникѣ-воинѣ“, заимствованной, какъ надо полагать, изъ Византии (см. прим. 52), упоминаются старшіе богатыри: Святогоръ, Самсонъ, Колыванъ; при чемъ два случая изъ жизни Святогора: о кольцѣ, которымъ этотъ богатырь хвалится притянуть небо къ землѣ и повернуть самую землю „краемъ вверхъ“, и о „сумочкѣ переметной“, въ которой вся „тяга земная“ (см. кіевскую былинку XII),—цѣликомъ вошли въ рассказъ и объ Аникѣ. Мы съ своей стороны полагаемъ бы возможнымъ помирить новое мнѣніе съ прежнимъ. Въ болгарскомъ сказаніи о Маркѣ Кралевичѣ повторяются, съ нѣкоторой вариацией, тѣ же два случая. Постоянное мѣстопробываніе Святогора—Святые горы (вѣроятно Карпаты), откуда онъ не смѣетъ спуститься, такъ какъ его „не носить земля“, одинаково почти близко къ древнему Кіеву и къ Болгаріи, и Святогоръ могъ оказаться такимъ образомъ одновременно и русскимъ и болгарскимъ героемъ. Съ кіевскою же Русью его особенно сроднилъ коренной русскій богатырь Илья Муромецъ, которому онъ, умирая, передалъ всю свою силу (см. кіевскую былинку XIV). Затѣмъ, по нашему мнѣнію, скорѣе въ сомнительную побывальщину объ Аникѣ-воинѣ перенесены рилсодами сказанные два случая изъ жизни Святогора, чѣмъ наоборотъ. Противъ „подлинности“ двухъ другихъ главныхъ „старшихъ“ богатырей, Вольги и Микулы, не было высказываемо сколько-нибудь серьезныхъ возраженій. Кстати, впрочемъ, небезынтереснымъ находимъ упомянуть, что возбуждалось и такое мнѣніе, не нашедшее однако отголоска, будто даже вся вообще наша бывшая поэзія древне-кіевская и древне-новгородская есть не болѣе, какъ повтореніе разныхъ восточныхъ поэмъ и монголо-тюркскихъ и татарскихъ пѣсней.

4. (Стран. 4). „Поленицы“ или „поляницы“ (отъ полсать, поляковать) обыкновенно дочери „старшихъ“ богатырей (напр., Микулы Селяниновича),—амазонки древней Руси, дѣвками

„полюють“ въ чистомъ полѣ и силу, ловкостью, удалю превосходятъ часто богатырей. Выйдя же замужь, онѣ дѣлаются самыми преданными, любящими женами и только въ исключительныхъ случаяхъ проявляютъ еще свои богатырскія наклонности (какъ Василиса Микулична). Рыская на конѣ за приключениями, участвуя въ княжескихъ пиршествахъ, играя въ шашки-шахматы, даже сваталась лично за богатырей, поленицы пользуются полною равноправностью съ мужчинами, которая такимъ образомъ народомъ нашимъ уже въ древности охотно предоставлялась женщинамъ, если она умѣла постоять за себя.

Б. (Стран. 4). Добрыня Никитичъ, какъ показываетъ самое имя его, — олицетвореніе мягкосердія богатырскаго: при большой тѣлесной силѣ, онъ, безъ крайней необходимости, и мухи не обидитъ, но для защиты сиротъ, вдовъ и „безчастныхъ“ женъ, самъ домовитый семьянинъ, готовъ драться до послѣдней капли крови. Его кротость доходитъ иногда даже до робости (см. былинку объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ). Сынъ боярина Никиты Романовича, онъ своимъ „вѣжествомъ“, „уговоромъ“, „смиреньцемъ“ вполне оправдываетъ свое боярское происхожденіе, а ко всему этому, онъ и артистъ въ душѣ: мастеръ пѣть и играть на модномъ инструментѣ—гусляхъ. Нѣкоторыми распадами Добрыня называется племянникомъ князя Владиміра, т.-е. родственникомъ его, меньшимъ лѣтами. У Нестора же имя „Добрыня“ носитъ дядя Владиміра Святого, дававшій ему мудрыя совѣты. Вѣчная юность красавца-боярина выражается краснорѣчиво въ его постоянномъ прозвищѣ „младъ“, которое, для усиленія, иногда даже удваивается: „молодой Добрынюшка Никитичъ младъ“.

Б. (Стран. 5). Старшій богатырь Вольга Всеславьевичъ — титанъ-охотникъ и воинъ, изучавшій, для порабоженія всей одушевленной природы (звѣрей, птицъ, рыбъ и людей), всѣ хитрости-мудрости, заключающіяся главнымъ образомъ въ оборотничествѣ, т.-е. въ способности принимать образъ разныхъ животныхъ. Имя его „Вольга“ или „Волхъ“ происходитъ отъ одного корня съ словомъ волхвъ — кудесникъ, жрецъ, занимающійся волхвованіемъ. Отъ Волхва же производятъ названіе рѣки Волхова. Почти нѣтъ сомнѣнія, что въ полубога Вольгу былевымъ творчествомъ преображенъ историческій Олегъ, который, по славѣ всевѣдѣнія, вѣдовства, и въ Несторовой Лѣтописи называется Вѣщимъ. Не безынтересно указать здѣсь на другого богатыря-оборотня — князя Игоря въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: совершая побѣгъ свой изъ земли половецкой, Игорь, чтобъ отвести глаза врагамъ, оборачивается попеременно то въ горностаю, то въ гоголя, то въ волка, то въ сокола. Отчество Вольги „Всеславьевичъ“ или „Святославичъ“ заимствовано распадами отъ брата Владиміра Святого — Олега Святославича.

7. (Стран. 9). вмѣсто „индейскаго“ царя „Салтыка Ставрульевича“ и царицы его „Азвяковны“ (Узбековна), въ нѣкоторыхъ вариантахъ выступаютъ „турецкій“ царь „Турецъ-

Санталъ“ съ царицей „Пантоловной“. Походъ Вольги съ его дружиной въ „индейское“ (или турецкое) царство есть, вѣроятно, набѣгъ Олега на Царь-градъ въ 906 году.

8. (Стран. 13). Ближайшіе приближенные князя Владиміра — „князь-бояре“ не играютъ въ былинахъ почти никакой роли, какъ въ драмѣ „лица безъ рѣчей“. Изъ дѣтей боярскихъ—„боярченковъ“—набирается придворный штатъ князя: „стольники“, „чашники“, „кравчіе“ и т. д., въ число которыхъ поступаютъ, впрочемъ, и богатыри, какъ, напр., Добрыня Никитичъ (по происхожденію своему бояринъ) и Чурила Плѣковичъ. Изъ князей и бояръ въ былинахъ называются поименно только Блудъ (у Нестора подъ 980 годомъ), Чась, Путята (отецъ Забавы Путятичны, племянницы Владиміра) и Бермята Васильевичъ, иначе Пермята, Перминъ или Пермиль (происхожденіемъ, вѣроятно, изъ Перми). Послѣдній съ прозвищемъ „старый“, служитъ князю, такъ сказать, ходячимъ архивомъ, дающимъ во всякое время необходимыя справки о предметахъ, никому другому неизвѣстныхъ.

9. (Стран. 14). Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева называются обыкновенно „ордами“, а на западъ „землями“ или „Литвами“. Въ ордахъ царствуютъ „цари“ съ „царевичами“ и „царевнами“, въ земляхъ и Литвахъ „короли“ съ „королевичами“ и „королевнами“ („королевичнами“).

10. (Стран. 14). Былевая Апраксія (Евпраксія) королевична есть, по всему вѣроятію, лѣтописная Рогнѣда, дочь половецкаго князя Рогволода, отказавшаяся сначала отъ замужества съ княземъ Владиміромъ, но вышедшая потомъ за него, по убіеніи отца ся Рогволода.

11. (Стран. 15). Дунай Ивановичъ относится нѣкоторыми къ числу „старшихъ“ богатырей (см. прим. 3), такъ какъ обратившись, умирая, въ старшую рѣку славянъ Дунай, онъ какъ бы возвращаетъ природѣ ея стихійную силу и самъ дѣлается олицетвореніемъ всѣхъ рѣкъ вообще, такъ что съ теченіемъ времени въ устахъ народа обратился даже въ нарицательное имя: „за рѣками за дунаями“. Прозвище „тихий“, принадлежащее рѣкѣ Дунаю у всѣхъ славянъ, присвоено въ былинахъ и богатырю Дунаю Ивановичу.

12. (Стр. 25). Въ нѣкоторыхъ пересказахъ этой былины, вмѣсто „Дуная Ивановича“ и Настасьи королевичны“, поставлены „Донъ Ивановичъ“ и Нѣпръ (Днѣпръ, Днѣпръ) королевична“.

13. (Стран. 30). Былина объ „Алешѣ Поповичѣ“ въ основныхъ своихъ чертахъ представляетъ много общаго съ былиною объ „Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ“: тамъ и здѣсь русскій богатырь, готовясь на бой съ чудовищемъ-врагомъ, маскируется каликой перехожею, чтобы не быть узаннымъ; тамъ и здѣсь роковое столкновеііе вызывается обжорствомъ чудовища, при чемъ и самое глумленіе русскаго богатыря надъ „обжорщикомъ“ выражается въ одномъ и томъ же наивно-остроумномъ сравненіи (съ собакой и коровой, „треснувшими“ отъ обжорства). Съ другой стороны, всѣ мелкія по-

дробности этих былин и все приемы каждого из двух богатырей: лукавого Алеши и прямодушно-грубого Ильи, настолько различны и соответствуют характерам того и другого, что не оставляют никакого сомнения в самостоятельности обоих рассказов. Остается принять, что в них описываются два отдельных, но весьма схожих события, бессознательно вылитых народным творчеством, по их тождественности, в одну и ту же поэтическую форму. Все мнѣния наших ученых сходятся на томъ, что въ убіеніи Ильею великаго и страшнаго Идолища слѣдуетъ видѣть уничтоженіе при Владимірѣ идолопоклонства на Руси. Сравнивая, съ этой точки зрѣнія, былинку объ „Алешѣ Поповичѣ“ съ былинкою объ „Ильѣ и Идолищѣ“, мы не могли не остановиться на мысли, что и въ первой изъ нихъ врагомъ русскаго богатыря является языческій идолъ: первоначальныя попытки введенія въ языческую Русь христіанства весьма естественно должны были исходить отъ христіанскаго духовенства, нашедшаго къ намъ доступъ еще при Св. Ольгѣ, принявшей христіанство; и вотъ миссія изверженія идоловъ возлагается въ былевомъ эпосѣ прежде всего на богатыря изъ „богомольной стороны“—города Ростова, на сына стараго пона соборнаго (вѣроятно епископа) Леонтія—Алешу Поповича. Первый бой его съ идоломъ происходитъ еще по пути къ стольному Кіеву, при чемъ, какъбы для зачуранія себя отъ нечистой силы, онъ заимствуетъ у богомольнаго странника его посохъ и весь каличій нарядъ. Преодоливъ врага посредствомъ уловки и отрубивъ ему голову, богатырь пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Но здѣсь идолопоклонство еще въ силѣ, и только что пораженнаго идола торжественно воздвигаютъ вновь и чествуютъ обильными жертвами: онъ съѣдаетъ по цѣлой ковригѣ „монастырскаго“, проглатываетъ за разъ бѣлую лебедь, „охлѣстываетъ“ духомъ чары зеленѣ вина въ полтора ведра. Алеша Поповичъ, насмѣявшись надъ чудовищемъ, вызываетъ его на новый бой: весь дворъ княжескій, весь народъ и даже заѣзжіе купцы держатъ поруки за идола; одинъ владыка черниговскій ручается за торжество христіанства. И въ этотъ разъ, благодаря своей хитрости, Алешѣ удается справиться съ сильнѣмъ врагомъ. Но окончательно уничтожить „Идолище“ со всей его „силою невѣрной“ суждено только богатырю-крестьянину Ильѣ Муромцу.

14. (Стран. 30). Алешѣ Поповичу, подобно Добрынѣ, хотя и нѣсколько рѣже, присваивается прозвище „младъ“. Онъ изъ всѣхъ богатырей наименѣе любимъ народомъ, что высказывается какъ въ изображеніи, съ видимымъ удовольствіемъ и обстоятельностью, комическихъ положеній въ его жизни и къ презрительной кличкѣ „Алешка“, такъ и въ томъ, что единственная былина, которой онъ является героемъ—настоящая былина о борьбѣ его съ Тугариномъ Змѣвичемъ—имѣется вполне лишь въ одномъ пересказѣ (у Кириши Данилова); память народная, точно нарочно, утратила воспоминаніе о главномъ подвигѣ этого несимпатичнаго богатыря. Наши современные собиратели успѣли разыскать только три отрывка этой быliny.

15. (Стран. 31). Каликами переходжами, одними изъ древнихъ пѣвцовъ былинь, внесено въ былины много именъ изъ священнаго писанія. Такъ „Сафатъ-рѣка“ получила свое названіе отъ ветхозавѣтной долины Иосафата. Въ настоящей былинѣ, воспѣвающей, какъ сказано, первое торжество христіанства надъ язычествомъ, перенесеніе дѣйствія на библейскую почву очень естественно.

16. (Стран. 32). „Калики переходжіе“ по своему названію хотя и близки къ нищимъ-калѣкамъ нашего времени, но общаго съ ними имѣютъ только хожденіе съ мѣста на мѣсто и прошеніе милостыни. Они, въ своемъ родѣ, также богатыри, но, подобно богатырямъ „старшимъ“, богатыри кочевой, до-владимірской эпохи: шуба на нихъ соболиная, лапти семи шелковъ, шитые серебромъ и золотомъ, сумка рытаго бархату; гуня въ тридцать пудъ, шляпа въ девять пудъ, посохъ въ сорокъ пудъ; подъ шагами ихъ мать-земля подгибается; а „зычный“ голосъ ихъ дѣйствуетъ пуше грому небеснаго:

„Ставоуилися калики во единый кругъ,
Клюки-посохи въ сыру землю потыкали,
Сумочки на посохи навѣсили,
Сумочки-то рыта бархату,
Попросили милостыньки золотой гривны,
Отъ тѣхъ покриковъ отъ богатырскихъ
Да отъ голосовъ отъ молодецкихъ
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Со деревъ охлопя да посыпались,
Съ теремовъ верхи да повалились,
Въ горенкахъ оконницы разсыпались,
Въ погребяхъ напитки всколыбались,
Конь подъ княземъ окарачился,
А богатыри съ коней попадали“.

(Не помѣщенная здѣсь былина о „Сорока каликахъ“.)

Это—послѣдніе могиканы былой кочевой жизни, выговорившіе себѣ дальнѣйшее существованіе обѣтомъ страствовать ко святымъ мѣстамъ и распространять въ народѣ духовные стихи, а также поэтическія повѣствованія о сѣдой старинѣ. Силы въ нихъ еще болѣе, чѣмъ въ истыхъ богатыряхъ, которые поэтому зачастую и вооружаются каличею клюею, или шелепугою; но смѣлости въ нихъ нѣтъ уже и „въ поль-богатыря“.

17. (Стран. 32). Имя „Тугаринъ“ дано противнику Алеши Поповича, какъ полагаютъ, по имени половецкаго хана Тугаркана, на внучкѣ котораго былъ женатъ сынъ Владиміра Мономаха Андрей. По тождеству именъ двухъ Владиміровъ, имя позднѣйшаго половецкаго хана, вѣроятно, перенесено народомъ и въ памятное ему царствованіе Владиміра Святого. Отчество „Змѣвичъ“ присвоено Тугарину, какъ потомку нечистой силы, которая всѣми народами олицетворяется чаще всего въ образѣ змѣя или дракона.

18. (Стран. 35). Оживленіе убитаго уже разъ Тугарина объясняется, какъ изложено въ прим. 13-мъ, возстановленіемъ разру-

шеннаго идола. Затѣмъ вообще, какъ отродье змѣиное, Тугаринъ долженъ обладать особенной жизненной силой.

19. (Стран. 40). „Пучай-рѣка“—нынѣшняя Почайна. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, вмѣсто Пучая, встрѣчается „Израй-рѣка“, отъ библейскаго Израиля.

20. (Стран. 43). Змѣя предлагаетъ Добрынь побратимство—обычное между богатырями братство „крестовое“ или „названное“.

21. (Стран. 43). Племянница Владимірова „Забава“ называется иногда также „Запавой“ или „Любавой“. Имя отца ея „Путяты“ встрѣчается въ лѣтописяхъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Владиміру Мономаху, и подобно имени Тугарина (см. выше прим. 17), перешло впоследствии въ былевые рассказы о времени Владиміра Святославича.

22. (Стран. 44). Большихъ горъ въ предѣлахъ древней Руси нѣтъ, и потому, вмѣстѣ съ неясностью понятія о горѣ, и самыя названія горъ въ былинахъ какія-то мифическія. Всего чаще упоминаются: 1) „Латырь-гора“ (воображаемый возвышенный берегъ Латырь-моря, т.-е. Балтійскаго моря); 2) гора „Сорочинская“ (сарацинская, арабская), которая, по представленію народному, помѣщается гдѣ-то на берегу Хвалынскаго (Каспійскаго) моря; 3) „Святя горы“, на которыхъ живетъ богатырь Святогоръ, вѣроятно, Карпаты.

23. (Стран. 54). О богатырицѣ Василисѣ Микуличнѣ и мужѣ ея существуютъ двѣ разныя былины, построенныя на одномъ и томъ же мотивѣ: что мужъ ея впадаетъ въ немилость князя Владиміра; но развитіе и развязка дѣйствія въ одной былинѣ комичны, въ другой трагичны. Мы выбрали первую редакцію какъ потому, что послѣдняя, по развязкѣ, весьма схожа съ помѣщаемою здѣсь былинною о „Дунаѣ Ивановичѣ и Настасѣ королевичнѣ“, такъ и потому, что въ послѣдующихъ былинахъ упоминается о счастливомъ супружествѣ еще здравствующихъ Ставра и Василисы. Въ трагическомъ пересказѣ былины мужъ Василисы называется Данилой Ловчаниномъ и посылается княземъ въ „службу дальнюю, невзворотную“, на Буянь-островъ. Съ горя, что онъ сдѣлался „негоденъ“ князю, Данило, побивъ предварительно враговъ, падаетъ грудью на „вѣстро копьѣ“. Василиса, съ тоски, „спарываетъ“ себѣ „бѣлую грудь“ надъ трупомъ мужа.

24. (Стран. 54). Въ лѣтописи (Новгородской) Ставеръ упоминается въ первый разъ подъ 1118 годомъ. Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бояръ новгородскихъ, присягавшихъ въ Кіевѣ Владиміру Мономаху, но не угодныхъ ему, онъ былъ отправленъ въ ссылку. Тождественность событія и одинаковость именъ царствующихъ князей послужили слогателямъ былинѣ поводомъ къ наименованію Ставромъ одного изъ богатырей Владиміра Святого, при чемъ родиною его, вмѣсто Новгорода, называется Черниговъ.

25. (Стран. 54). Торговля въ старину производилась по бѣлшей части мѣновая и купцы находились постоянно въ разъѣздахъ,

т.-е. вездѣ были гостями; отсюда названіе ихъ—„гости торговые“.

26. (Стран. 55). Василиса Микулична — старшая дочь Микулы Селяниновича (см. былинну о немъ). Въ народныхъ сказкахъ она называется также „Василисою Золотою Косою“, „Василисою Премудрою“ и „Прекрасною“.

27. (Стран. 56). Подъ выраженіемъ „посадить на овесъ и на воду“, очевидно, слѣдуетъ разумѣть „на хлѣбъ (овсяный) и на воду“.

28. (Стран. 56). „Грознымъ“ (страшнымъ) представляется простолудину всякій посолъ, застающій его врасплохъ съ нежданою, негаданною вѣстью.

29. (Стран. 58). По плохому состоянію дорогъ въ древней Руси по нимъ ставились вѣхи.

30. (Стран. 60). Въ былинахъ „лицами безъ рѣчей“, подобно князьямъ - боярамъ, являются еще такъ называемые „скупченныя“ богатыри, цѣлыя кучи которыхъ, по общему ихъ свойству, носятъ одно общее имя: „братья Притченки“ (отъ пряткій), „Хапиловы“ (отъ хапать, хватать—„хватать“), „Сбродовичи“ (отъ сбродъ), мужики „Залѣшане“ (отъ залѣсье, лѣсь).

31. (Стран. 68). Молодому заѣзжему венеціанскому купцу, одаренному удивительнымъ искусствомъ пѣнія и игры на гусяхъ (подъ которыми здѣсь слѣдуетъ понимать, конечно, нѣчто въ родѣ итальянской мандолины или гитары), дано имя искуснѣйшей пѣвчей птицы—„Соловья“, точно такъ же, какъ и знаменитому блевому Соловью разбойнику, свистъ котораго если и не умиляетъ, то сражаетъ всякаго съ ногъ. Отечество „Будиміровичъ“, составленное изъ словъ буди и міръ, усиливаетъ еще артистическое значеніе Соловья, который, какъ Орфей, своей чарующей игрой пробуждаетъ весь окружающій міръ.

32. (Стран. 71). „На златѣ-серебрѣ не погниѣваться“—значить: князь не прогниѣвается, что ему не дарятъ злата-серебра: такимъ подаркомъ его не удивишь.

33. (Стран. 71). „Всѣ-то хитрости на нихъ Царя-града,
Всѣ-то мудрости Ерусалима,
А все замыслы Соловья Будимірова“—

означаетъ: всѣ подробности узоровъ были заморскіе, но соединеніе ихъ въ одно стройное и цѣлое принадлежало самому Соловью.

34. (Стран. 72). Какъ челоуѣку торговому, князь предлагаетъ Соловью Будиміровичу для застройки „бойкое“ мѣсто; но Соловью, хотя и строящему затѣмъ, кромѣ теремовъ, гостинный дворъ, не того надобно.

35. (Стран. 75). Соловьѣва золотая казна „стучить-бренчить, щелчить-молчить“, т.-е. только и слышно пересыпаніе денегъ.

36. (Стран. 76). По одному варианту, Соловей Будиміровичъ съ Забавой Пугачичной тутъ же мѣняются перстнями; но Соловьѣва

матушка отсрочиваетъ свадьбу до тѣхъ поръ, пока сынъ не рас-торгуется. Соловей отъѣзжаетъ за синія моря. Между тѣмъ является къ князю Владиміру съ подарками „голый шапъ“ (бѣдный щеголь) „Давидъ Поповъ“, и князь отдаетъ за него племянницу. Во время свадебнаго пира однако возвращается Соловей Будимировичъ, и Забава изъ-за стола съ радостью бросается къ нему и выходитъ за него. Этотъ эпизодъ явно заимствованъ изъ былины о „Добрынь въ отъѣздѣ“, такъ какъ не только общее содержаніе его, но и многія мелкія подробности и даже цѣлыя фразы схожи съ концомъ послѣдней былины; „голый“ же „шапъ Поповъ“ есть, очевидно, „бабій пересмѣшникъ“ Алеша „Поповичъ“.

37. (Стран. 78). Пока совершаются богатырями кіевскаго князя описываемые въ предыдущихъ былинахъ подвиги,—далеко на сѣверѣ, въ нынѣшней Владимірской губерніи, подъ Муромомъ, въ деревушкѣ Карачаровѣ безвѣстно прозябаетъ растительною жизнью параличній крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, которому сдѣлано сдѣлать въ послѣдствіи спасителемъ отъ враговъ внутреннихъ, духовныхъ и внѣшнихъ. Здѣсь предназначенный въ теченіе десятилѣтій самому себѣ, въ дали отъ суеты мірской, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, Илья исподволь набирается того безжорыстнаго, человѣчнаго духа, который необходимъ истинному оберегателю общественныхъ интересовъ, остающемуся вѣкъ безсемейнымъ бобылемъ для вящей пользы общины. На родинѣ его, въ селѣ Карачаровѣ, и въ настоящее время есть крестьяне Илюшины, которые съ гордостью производятъ отъ него родъ свой.

38. (Стран. 79). Мать Ильи Муромца, по преданію, называлась Ефросиньей Яковлевой.

39. (Стран. 79). Въ теченіе тридцатилѣтняго „сидѣнія“ Ильи Муромца въ немъ какъ бы назрѣваютъ исполинскія силы, необходимыя для предстоящихъ ему подвиговъ, непреодолимыхъ для другихъ смертныхъ. Но вывести его изъ неподвижности можетъ только внѣшняя, сверхъестественная, искупительная сила; такими ангелами-искупителями являются могучіе представители вѣчнаго движенія, былого кочевья—каликки переходящіе,—однимъ словомъ своимъ пробуждающіе къ жизни его онѣмѣлые члены, однимъ прикосновеніемъ губъ къ напитоку, который онъ испиваетъ послѣ нихъ, дѣлающіе изъ него сильнѣйшаго богатыря.

40. (Стран. 81). Заря, по народному повѣрью, самое дѣйствительное время для совершенія всякихъ чаръ, роса же зарева я обладаетъ будто бы особенною цѣлебною силой, и купаніе въ ней подъ Ивановъ день принадлежитъ къ древнѣйшимъ обрядамъ славянъ.

41. (Стран. 82). Какъ самъ Илья Муромецъ, до пробужденія богатырскихъ силъ его поданнымъ каликами питьемъ, находится въ безпомощномъ, параличномъ состояніи, такъ и богатырскій конь его, до купанія въ чародѣйной утренней росѣ, долженъ быть болѣзненнымъ, шелудивымъ.

42. (Стран. 86). „Въ полпути“ отъ села Карачарова къ Мурому дѣйствительно воздвигнута надъ ключомъ часовня во имя пророка Ильи, который такимъ образомъ является какъ бы ангеломъ муромскаго богатыря.

43. (Стран. 86). Въмѣсто Чернигова, въ разныхъ вариантахъ называются „Бѣжеговъ“, „Бекетовецъ“. „Кидишъ“, „Кряковъ“, „Смолягинъ“ (Смоленскъ) и „Турговъ“.

44. (Стран. 89). „Заставы“ въ былинахъ бываютъ двоякаго рода: заставы вражьи — преграды, встрѣчаемыя богатырями на своемъ пути со стороны враговъ или вообще враждебныя силы, и, въ противоположность имъ, заставы богатырскія — небольшія крѣпостцы, болѣею частью по окраинамъ государства, на которыхъ стоитъ богатырская дружина, „братья крестовая“, или „названная“, обороною отчизны отъ внѣшнихъ враговъ.

45. (Стран. 89). Рѣка „Смородина“ или „Самородина“ есть мифическая рѣка, сама рождающаяся и, подобно древнегреческой Летѣ, безопасно поглощающая въ своихъ волнахъ всѣхъ смертныхъ, переплывающихъ ее. Поэтому она протекаетъ и мимо Соловьянаго гнѣзда, гдѣ всякому прохожему грозитъ неминуемая смерть.

46. (Стран. 89). Соловей разбойникъ, залегающій тридцать лѣтъ дорогу въ столичный Кіевъ, олицетворяетъ собою вообще главныхъ внутреннихъ враговъ возникающаго государства — шайки разбойниковъ, которыя разсѣять суждено первому нашему герою — Ильѣ Муромцу. Кто не испытывалъ невольной дрожи темною ночью въ глухомъ мѣстѣ при неожиданномъ рѣзкомъ свистѣ, служащемъ обыкновенно условнымъ знакомъ для злоумышленниковъ? Неудивительно, что народное воображеніе одарило прототипъ русскихъ разбойниковъ убійственными соловьинымъ свистомъ, отъ котораго онъ и получилъ свое имя. Отчество же его „Рахмановичъ“ производится отъ слова рахманъ или брахманъ, т.-е. браминъ — индѣйскій жрецъ и кудесникъ. Иногда онъ называется и „Птицей Рахманной“, „Алатырцемъ некрещенымъ“ (отъ Латырь - моря), а по батюшкѣ „Одихмантьевичемъ“ (какъ и старшій богатырь Сухманъ) или „Ахматовичемъ“ (отъ татарскаго Ахмата).

47. (Стран. 93). По другимъ пересказамъ, неожиданное нападеніе до того раздражило нашего богатыря, что онъ разорилъ все гнѣздо Соловьиное и „показнилъ“ всю семью, за исключеніемъ самаго отца-разбойника, котораго повезъ съ собой въ Кіевъ.

48. (Стран. 102). Какъ Вольгѣ Всеславъевичъ есть полубогъ-охотникъ и воинъ, побѣждающій всю одушевленную природу, такъ Микула Селяниновичъ есть „любимый землею“ полубогъ-крестьянинъ, божественный представитель земледѣлія и первой осѣдлости на Руси, который, избразживая свою чудесною сохою вдоль и поперекъ всю матушку святую Русь, порабощаетъ питательную силу земли. Имя его „Микула“ — Никола, Николай; отчество „Селяниновичъ“ показываетъ, что онъ сынъ

селянина, т.-е. крестьянина; въ видѣ исключенія онъ величается и „Никитичемъ“. Сыновей у него нѣтъ; но, по одинаковости происхожденія, изъ „младшихъ“ богатырей всего ближе приходится ему главнѣйшій—Илья Муромецъ. Второй, послѣ Ильи, младшій богатырь—Добрыня Никитичъ, тишъ семьянина, женится на одной изъ трехъ поленицъ-дочерей Микулы—Настасѣ, старшая сестра которой, Василиса, замужемъ за богатыремъ - купцомъ Ставромъ. Такимъ образомъ Микула есть въ нѣкоторомъ родѣ родоначальникъ младшихъ богатырей.

49. (Стран. 106). Тяжесть сохи Микулиной, которой не могла осилить вся дружина Вольгй, есть та же самая „земная тяга“, которую затѣмъ тщетно силится одолѣть въ переметной сумкѣ Микулиной великанъ-Святогоръ (см. былинну о немъ).

50. (Стран. 107). По лѣтописи, Олегъ подъ Гурчевцемъ или Вручевцемъ нашель смерть: „Побѣгъшу же Ольгу съ вои своими въ градъ, рекомый Вручій, бяше черезъ гроблю мостъ ко вратамъ граднымъ: тѣсячеса другъ друга пихаху въ гроблю; и снекнуша Ольга съ мосту въ дѣбрь, падаху люде мнози, и удавиша кони челоуѣци. И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручего, и есть могила его и до сего дня у Вручего“.

51. (Стран. 112). Двухъ главныхъ „старшихъ“ богатырей, о которыхъ имѣются отдѣльныя былины, Вольги Всеславьевича и Микулы Селяниновича, при князѣ-солнышкѣ Владимірѣ нѣтъ уже въ живыхъ. Изъ прочихъ старшихъ богатырей, нѣкоторые также сошли уже со сцены; другіе, не умѣя освоиться съ условіями осѣдлой жизни, доживаютъ кое-какъ свой вѣкъ, не совершая уже никакихъ богатырскихъ подвиговъ. Одинъ изъ нихъ, Святогоръ, удалился отъ свѣта на свои Святыя горы, и единственная пощпка его (описываемая въ настоящей былинѣ) приложить свою исполинскую мощь къ новымъ житейскимъ условіямъ—къ земному дѣлу — почти погубила его: онъ по колѣна угрызъ въ землю, и кровь, вмѣсто пота, потекла по лицу его. Онъ — представитель грубой физической силы кочевого періода, которая, какъ самостоятельная стихія, въ строгомъ строѣ одухотворенной нравственнымъ началомъ гражданской жизни не имѣетъ уже мѣста и должна умереть. Изрѣдка Святогору присваивается отчество „Колывановичъ“.

52. (Стран. 121). По одному пересказу, встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ происходитъ тотчасъ на первомъ выѣздѣ его изъ родительскаго дома. Но конь Святогоровъ возитъ своего хозяина съ Ильєю трое сутокъ; Илья же, простоявъ въ Муромѣ заутреню, къ поздней обѣднѣ того же дня поспѣлъ въ Кіевъ, слѣдовательно по пути, очевидно, не могъ трехъ сутокъ пробыть въ карманѣ Святогора. Затѣмъ, рассказывая въ Кіевѣ князю о помѣхахъ, замедившихъ его своевременное прибытіе къ обѣду „княженецкому“, онъ ни въ одномъ вариантѣ не упоминаетъ о своей встрѣчѣ съ Святогоромъ. Далѣе, рекомендуясь Святогору, онъ въ нѣсколькихъ пересказахъ называетъ себя богатыремъ изъ

Кіева (значить, ѣдущимъ изъ Кіева, а не впервые въ Кіевъ), и указываетъ даже цѣль своей поѣздки—повидать Святогора, неданнаго еще кіевскими богатырями. Поэтому не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что поѣздки свою на Святія Горы Илья совершилъ уже послѣ перваго пріѣзда своего въ Кіевъ съ Соловьемъ разбойникомъ. Рядомъ съ настоящею былиною могла бы быть помѣщена извѣстная побывальщина объ „Аникѣ-воинѣ“, имѣющая также темою тибель представителя грубой богатырской силы, который, судя по встрѣчающимся въ рассказѣ именамъ однихъ старшихъ богатырей (Святогора, Самсона и Кольвана), долженъ бы также быть изъ числа ихъ (см. прим. 3). Но не говоря уже о книжномъ и разрушенномъ стихѣ этой побывальщины, дѣлающимъ возстановленіе ея довольно затруднительнымъ, мы не сочли удобнымъ влючать ее въ сводъ образцовъ русскаго народнаго эпоса и по ея апокрифическому происхожденію. Какъ подробности основной ея темы—борьбы „храбраго челоуѣка“ Аники со смертью, такъ и греческое имя ея героя (Аникита, т.-е. „непобѣдимый“) сближаютъ ее съ византійскою поэмою о „Дигенисѣ-Акритѣ“ (также „непобѣдимомъ“), извѣстною и въ русскихъ пересказахъ. При этомъ, впрочемъ, не можемъ не указать на то, что недалеко отъ Вологды есть мѣсто, обросшее въ настоящее время мелкимъ кустарникомъ и носящее еще названіе Аникина лѣса, по имени жившаго тамъ нѣкогда разбойника Аники, о которомъ разсказывается то же, что и объ Аникѣ-воинѣ, съ тою лишь любопытною разницею, что въ завѣтной котомкѣ (сумѣ) странника, попадающагося Аникѣ, кромѣ земли, оказываются еще частицы антидора и святая мощи, въ которыхъ такимъ образомъ какъ бы заключается главная сила котомки.

53. (Стран. 126). Вдохнувъ въ себя могучій богатырскій духъ Святогора и получивъ въ наслѣдство его славный мечъ (называемый въ одномъ вариантѣ мечомъ-кладенцомъ), Илья Муромецъ дѣлается прямымъ воспріемникомъ древнихъ русскихъ титановъ— „старшихъ“ богатырей, и можетъ смѣло выступить въ защиту отечества противъ всѣхъ враговъ духовныхъ (Идолица) и внѣшнихъ (царя Калина), какъ выдержалъ уже убійственный свистъ врага внутренняго (Соловья разбойника).

54. (Стран. 128). Въ „Идолицѣ“ (иначе „Одолице“—отъ одолѣть) представляется метафорически, какъ надо полагать, старшій изъ древнерусскихъ боговъ Перунъ (отъ глагола переть, бить), соответствующій греческому Зевсу - громовержцу. „Силу поганую“, сопровождающую Идолице, составляютъ прочіе боги: Купало—богъ земледѣлія, Волось—богъ скотоводства, Стрибогъ—богъ вѣтровъ, Ладо—богъ семейнаго счастья и любви, Коляда—богъ міра, и другіе. Всѣ боги древней Руси олицетворялись кумирами, которымъ, для болышей внушительности, придавался обыкновенно возможно грозный видъ огромными размѣрами тѣла, множествомъ головъ и страшными чертами лица, причѣмъ каждый кумиръ имѣлъ свои необходимыя, наводящіе ужасъ

атрибуты, въ видѣ многоголовыхъ ящеровъ, змѣевъ и т. п. Туловище громаднаго Перуна было искусно вырѣзано изъ дерева и стояло на желѣзныхъ ногахъ; голова его была серебряная съ золотыми усами, а въ рукѣ у него сверкала молнія изъ рубиновъ и карбункуловъ.

55. (Стран. 128). Смѣлый Алеша Поповскій сынъ, первый изъ русскихъ богатырей дерзнувшій свергнуть одиночный идолъ (Тугарина Змѣевича), не нашель въ себѣ одинако же достаточно мужества, чтобы выступить противъ всего сонмища языческихъ боговъ.

56. (Стран. 133). По лѣтописнымъ свѣдѣнїямъ, Владиміръ Святославичъ, окрестившись въ Херсонѣ (близъ нынѣшняго Севастополя) въ 988 году, по возвратѣ въ Кіевъ, прежде всего распорядился уничтоженіемъ языческихъ идоловъ. Идолъ Перуна, возвышавшійся на священномъ холмѣ противъ самаго княжескаго терема, былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и, подъ палочными ударами, спущенъ подъ гору въ Днѣпръ. Здѣсь бѣдный идолъ будто бы, съ рыданїями и воплями пытался еще выбиться на берегъ; но его схватили, и съ тяжелымъ камнемъ на шеѣ онъ пошелъ ко дну. Послѣ этого, убѣжденный въ безпомощности своихъ старыхъ боговъ, народъ повалилъ толпами къ рѣкѣ, гдѣ, стоя въ водѣ, по примѣру Христа, и былъ окрещенъ іереями. Прочіе кумиры были также или разбиты, или сожжены.

57. (Стран. 135). Былина объ „Ильѣ Муромцѣ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ“ заслуживаетъ особеннаго вниманїя потому, что въ ней муромскій герой, „помѣшавъ ученыхъ мѣста“ на пиру у Владиміра и усадивъ затѣмъ рядомъ съ собою бѣдный пролетарїатъ — „голей кабацкихъ“, удовольствовавшись самъ, впрочемъ, мѣстомъ середнимъ,—ратуетъ за равноправность сословій, которая лишь 9 вѣковъ спустя, въ минувшее царствованіе, по собственной державной волѣ въ Божѣ почивающаго нынѣ Царя-Освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ—въ крестьянской реформѣ, всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденїяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности.

58. (Стран. 145). Поголовное побіеніе татаръ Ильєю Муромцемъ, рассказываемое въ былинѣ о немъ и царѣ Калинѣ, не отвѣтствуетъ никакой исторической битвѣ въ особенности, какъ и въ самомъ царѣ Калинѣ не слѣдуетъ искать какой-нибудь определенной исторической личности: царь Калинъ есть лицо собирательное, внѣшній врагъ по преимуществу, и въ побѣжденїи этого врага съ его несчетной силой должно видѣть вообще побѣдоносныя дѣйствїя оружія Владиміровыхъ богатырскихъ дружинъ противъ азіатскихъ варваровъ, особенно печенѣговъ, безпрестанно вторгавшихся въ русскїе предѣлы, при чемъ побѣдные лавры, естественно, предоставляются все тому же любимому былевому герою—Ильѣ Муромцу. Татарское иго однако запечатлѣлось въ памяти народной настолько глубоко, что позднѣйшими рапсодами, вмѣсто тѣхъ

или другихъ враговъ Владимірской Руси, вездѣ называются одни „татаровья“, а вмѣсто царя Калина нерѣдко выступаетъ „Батый Батыевичъ“ („Батыга“, „Бутеянъ Бутеяновичъ“) или „Мамай“; такъ что въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, воспѣвается бесовнательно и сверженіе татарскаго ига, совершившееся 500 лѣтъ спустя (въ 1480 году).

59. (Стран. 153). Интересно сравнить это описаніе несмѣтныхъ полчищъ царя Калина съ разсказомъ Волынскаго Лѣтописца о нашествіи Батыя въ 1237 году: „Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжецѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсъдяху градъ, и не бы слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревінія вельблудъ его и ржанія отъ гласа стады конь его“.

60. (Стран. 163). Достоинно вниманія, что князь Владиміръ добровольно предоставляетъ здѣсь народу ту самую льготу, которую прежде Илья Муромецъ обусловилъ примиреніе свое съ княземъ.

61. (Стран. 164). Ч у р и л а П л ё н к о в и ч ѣ есть яркій типъ полувившаго свѣтскій лоскъ того времени богатаго купеческаго сына, живущаго въ полное свое удовольствіе, не знающаго удержу своимъ затѣямъ и поставившаго себѣ жизненною цѣлью—своимъ щегольствомъ и удачью разудивить весь міръ. Въ этихъ видахъ онъ поступаетъ и на службу къ князю, при дворѣ котораго есть чѣмъ и предъ кѣмъ блеснуть. Своею удачью онъ возвысился до богатырства; но онъ ограничивается только придворною должностію, а не привыкаетъ къ земскоѣ богатырской дружинѣ: ему, блонлицему красавцу и щеголеватому волокитѣ, не до защиты отчизны, въ чистомъ полѣ, въ дождѣ и вьюгѣ, или на дальнихъ, безлюдныхъ „заставахъ“, въ дали отъ столичнаго комфорта. Имя „Чурила“ (или „Чурило“) нѣкоторыми языковѣдами производится отъ предполагаемаго родоначальника его Чура, какого-то древняго славянскаго бога, которому вѣроятно воздвигались встрѣчавшіеся въ старину на перекресткахъ идолы—чурки или чурь, и которымъ и донинѣ чураются въ заговорахъ и заклинаніяхъ. Имя же „Чура“ тѣми же лингвистами сближается съ именемъ греческаго бога Гермеса (Меркурія).

62. (Стран. 168). Имя „Плѣнь“ („Плѣнко“, „Плѣнчище“) происходитъ вѣроятно, отъ слова плѣнь, полонъ: плѣнные, полоненные продавались нѣкогда въ рабство, составляя весьма важную статью торговли; одному изъ главныхъ торговцевъ этимъ живымъ товаромъ легко могло быть присвоено соотвѣтственное имя Плѣнь. Происхожденіемъ же этотъ „гость“—„Сурожанинъ“, т.-е. съ Сурожя (Азовскаго моря).

63. (Стран. 173). Ни въ одной другой былинѣ столь свойственный русскому народу простодушный юморъ не достигаетъ такой силы, какъ въ былинѣ о „Дюкѣ Степановичѣ“: не знаешь что

забавище: небывалыя ли чудеса Дюкова „посельца“ и наивное удивленіе „общивающихъ“ ихъ русскихъ богатырей, или же самъ пѣвецъ былины, искренно вѣрующій во все эти чудеса и невинно подтрунивающій, вмѣстѣ съ Дюкомъ, надъ простычками-кѣвлянами. Особенно яркій контрастъ представляетъ самоувѣренно-спокойное хвастовство вылощенного западно-европейской цивилизаціей Дюка съ доморощеннымъ ухарствомъ кѣвскаго фата Чурилы. Хотя Дюкъ и величается въ былинѣ „бояриномъ“, но, судя по имени, онъ едва ли не Дух, герцогъ, который, впрочемъ, какъ усматривается изъ конца былины, не гнушается заниматься и (столь прибыльнымъ) торговымъ дѣломъ; для этого дѣла то онъ въ сущности, можетъ быть, и прибылъ въ Кіевъ, и пущенная имъ въ глаза кѣвлянамъ пыль, которою ослѣплять такъ умѣютъ насъ и современные иностранные „гости“, послужила ему лучшей рекламой, добывшей ему право вѣчнаго безошпиннаго торгова. Родина Дюка—родственная намъ Галицкая Русь („Галичь проклятая“), которая однако, какъ лежащая за предѣлами Владиміровыхъ владѣній, помышляется неособенно сильными въ географіи распадами гдѣ-то тамъ—въ „Индіи богатой“.

64. (Стран. 174). О значеніи купанія въ росѣ см. прим. 40.

65. (Стран. 197). Невѣжа-черный воронъ олицетворяетъ собою цѣлое вражеское полчище.

66. (Стран. 198). „Участь-таланъ“ Ильи Муромца въ томъ, что ему „смерть на бою не писана“.

67. (Стран. 199). Сборы Добрыни въ дорогу описываются здѣсь, нѣкоторыми распадами, такъ же обстоятельно и тѣми же словами, какъ и сборы его на гору Сорочинскую противъ змѣя Горынчица, для избавленія Забавы Путятичны (см. былинку о второмъ боѣ его съ змѣемъ). Такъ какъ такое же подробное описаніе сборовъ, съ незначительными отступленіями, должно было быть сохранено нами, по его характеристичности, еще въ двухъ былинахъ, гдѣ героями являются два другіе богатыря (Илья Муромецъ, въ былинѣ о немъ и царѣ Калинѣ, и Дюкъ Степановичъ), то въ настоящей былинѣ мы сочли умѣстнымъ выбрать сокращенную редакцію, незадерживающую дѣйствія.

68. (Стран. 200). Одинъ пѣвецъ (правда, лучший—Рябининъ) повѣствуетъ здѣсь и о самыхъ подвигахъ Добрыни Никитича, при чемъ Добрыня дается княземъ Владиміромъ въ товарищи другому богатырю—Василію Казиміровичу, отправляющемуся къ королю (царю) Бутеяну Бутеяновичу (Батыю) отвезти дани-выходы за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; но, прибывъ къ Бутеяну, отодвигаетъ Василія на второй планъ и выступаетъ самъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Такъ какъ ни въ одномъ изъ прочихъ многочисленныхъ (до тридцати) пересказовъ былины о „Добрынѣ въ отъздѣ“—о походе Добрыни ничего не упоминается, то мы склоняемся къ мнѣнію, что рассказъ объ этихъ походахъ перенесенъ Рябининымъ въ настоящую былинку изъ какой-нибудь другой самостоятельной былины, отрывки которой и передаются также нѣко-

торыми другими распадами. Не включая затѣмъ этихъ богатырскихъ приключеній въ нашу сводную былинку, тѣмъ болѣе что они повредили бы цѣльности и занимательности всего разсказа, имѣющаго предметомъ эпизодъ изъ семейной жизни Добрыни, — мы не можемъ, тѣмъ не менѣе не привести здѣсь въ извлеченіи весьма картиннаго описанія Добрыниныхъ подвиговъ:

На вопросъ Бутеяна Бутеяновича:

„—Ай же вы, дородны добры молодцы!
Кто изъ васъ гораздъ играть во шашки-шахматы,
Да во славныя во тавлеи нѣмецкія? *)

Василій Казиміровичъ отвѣчаетъ:

„—Дома у меня всѣ игроки оставлены,
Только есть у меня надеюшка
Что на Спаса, на Пречисту Богородицу
Да на своего на братца на крестоваго,
На млада Добрынюшку Никитича“.

Кликнули Добрынюшку Никитича. „Со великой со горячности“ просмотрѣлъ Добрыня одинъ „ступень“ шашечный и проигралъ Бутеяну добра коня богатырскаго. Подъ другую игру король ставитъ залогомъ великую бесчестную золоту казну, а русскій молодецъ свою буйную головушку. На этотъ разъ однако, — Добрыня обыгрываетъ короля. Тогда король предлагаетъ другого рода состязаніе:

„—Кто изъ васъ гораздъ стрѣляти изъ туга лука,
Пропущати стрѣлочку каленую
По тому по острію ножевому,
Чтобы вѣсомъ ровно шла да на двѣ стороны,
Угодила бы въ колечико серебряно?“

Василій Казиміровичъ посылаетъ вмѣсто себя опять своего братца крестоваго. Побѣждали слуги королевскіе за лукомъ.

„Какъ несутъ Добрынѣ тугой лукъ разрывчатый, —
Подъ конецъ несутъ лукъ сто татаровой,
Подъ другой несутъ другое сто,
Подъ середочку еще да третье сто, •
Всѣ идутъ татаровья — покряхтываютъ.
Бралъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Сталъ Добрыня стрѣлочку накладывать,
Сталъ шелковую тетивочку потягивать —
Заскрипѣли полосы булатныя,
Заревѣли змѣи у туга лука,
Изломался тугой лукъ, полопался,
Со бедра его Добрыня бросилъ ѓ землю“.

Какъ Добрыня играетъ здѣсь только роль „товарища“ Василя Казиміровича, такъ у него самого взять пажомъ молодой Иванушка

*) „Нѣмецкія“ — явно новѣйшая редакція.

Дубровичъ; этого пажа онъ посылаетъ къ коню богатырскому от-
стегнуть отъ праваго стремени его собственное „дрянное лучёнышко
завозное“.

„Какъ во томъ луку разрывчатомъ, въ тупомъ концѣ,
Были сдѣланы гусельшки яровчаты,
Да не для-ради красы-угожества,
Для-ради потѣхи молодецкія...“
„Какъ беретъ Добрыня тугой лукъ разрывчатый,
Самъ становится да на рѣзвы ножки
Супротивъ колечка серебряна,
Какъ кладетъ онъ тугой лукъ подъ ножку лѣвую,
Съ лѣвой ножки на правѣ плечо:
Защелкала тутъ тетивочка шелковая,
Натянулся у Добрыни тугой лукъ,
Наложилъ онъ стрѣлочку каменую,
Три раза стрѣлилъ по острію ножевому,
Три раза попалъ въ колечико серебряно“.

Послѣ него стрѣляетъ Бутеянь:

„Первый разъ стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
Другой разъ стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ—попасть не могъ“.

Королю дѣло не слюбилось, и онъ предлагаетъ бороться.

„Какъ на улицѣ-то ходять три борца,
Три борца да три татарина,
Дружка дружку за воротъ похватываютъ,
Дружка дружку наземъ да побрасывають“.

Добрыня сходить съ крыльца и спрашиваетъ Бутеяна: какъ прика-
жетъ съ ними драться—со всѣми ли вдругъ или по одиночкѣ? Бу-
теянь отвѣчаетъ, что можетъ драться, какъ ему угодно. Тогда
Добрыня перваго татарина хватаетъ за воротъ, втораго за голову,
третьяго за волосы, бросаетъ о сыру землю и зашибаетъ до смерти.
„Та борьба была побѣдана“. Бутеянь, испугавшись, не только от-
казывается отъ привезенныхъ ему русскими богатырями даней-вы-
ходовъ, но даетъ имъ еще „грамоту повинную“ платить съ своей
стороны кievскому князю дани-выходы „вѣкъ по вѣку“.

69. (Стран. 209). Какъ указано въ прим. 16, калики переходіе
были послѣдними представителями былой кочевой жизни. Богатырь
Михаило Пѣтыкъ, выступающій въ одной былинѣ (о „Сорока
каликахъ“, не помѣщенной здѣсь) во главѣ каликъ, есть по преиму-
ществу богатырь-бродяга, какъ показываетъ самое прозвище его
„Пѣтыкъ“ (пѣтыкаться, слоняться по міру) или „Потокъ“ (не-
удержимо-подвижный какъ потокъ, рѣка). Изъ эпохи кочевья,
къ которой онъ принадлежитъ еще своимъ существомъ, богатырь
этотъ влечетъ за собою всю языческую обстановку: жеву-оборотня,
подземныхъ гадовъ, добывающихъ живую воду, и проч. Но хри-
стіанское начало въ немъ все-таки пустило уже столь глубокіе
корни, что еретница-жена тщетно пытается погубить его, и сама,
по смерти мужа, несетъ заслуженное наказаніе, будучи обречена
живою лечь съ нимъ въ могилу.

70. (Стран. 210). „Бѣлою Лебедью“, въ которую обыкновенно обращались красавицы женщины-оборотни сказочныхъ временъ, стали называться впоследствии вообще женщины-красавицы. Авдотья Лиходѣвна (иначе Лиховидѣвна) есть, по нѣкоторымъ вариантамъ, дочь царя Лиходѣя Лиходѣвича.

71. (Стран. 212). Безшабашный разгуль есть одна изъ характеристическихъ чертъ бродяжничества, представителемъ котораго служить Потыкъ.

72. (Стран. 212). Со стороны довѣрчиваго Потыка такой уговоръ былъ искреннимъ выраженіемъ безграничной супружеской вѣрности, тогда какъ Бѣлая Лебедь Авдотья Лиходѣвна, какъ показали послѣдствія, имѣла при этомъ свой особый злой умыселъ.

73. (Стран. 213). По нѣкоторымъ пересказамъ, вѣсть о смерти жены застаётъ Потыка на чужбинѣ, въ ордѣ царя Налета Налетовича (иначе царя заморскаго Бухаря), гдѣ онъ, по примѣру Добрыни (см. прим. 68), обыгрываетъ царя въ шашки-шахматы.

74. (Стран. 214). Покойники въ старину доставлялись въ церковь не иначе, какъ на саняхъ.

75. (Стран. 216). Уже разъ отпѣтые покойники, въ случаѣ оживленія, вновь освящаются.

76. (Стран. 217). Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины рассказываются еще дальнѣйшія происхожденія Потыка, вызванныя побѣгомъ жены его къ королю литовскому: волшебница Лебедь Бѣлая подноситъ погнавшемуся за нею мужу „зелья забудушаго“ и обращаетъ его въ бѣлый горячій камешекъ (см. прим. 2); но братья названные его, Илья Муромецъ и Добрыня, при помощи встрѣтившагося имъ калики перехожаго приподнимаютъ грузный камешекъ, который раскалывается и выпускаетъ на свѣтъ Божій Потыка. Несмотря на уговариванья братцевъ крестовыхъ, мягкосердый Потыкъ вторично идетъ въ Литву за женою, которая снова успѣваетъ слабую до зеленѣ вина мужу преподнести, подъ видомъ зеленѣ вина, соннаго зелья. Тутъ однако спасаетъ его, посредствомъ уловки, дочь королевская Настасья, съ которою Потыкъ и „принимаетъ по злату вѣнцу“, снявъ предварительно буйну голову чародѣйкѣ-женѣ за ея „постушки неумильные“.

77. (Стран. 218). „Васька Долгополюстый“, „Долгополюй“, „Долгополище“, иначе называемый еще „Василіемъ Казиміровичемъ“, „Долгомѣровичемъ“ или „Игнатъевичемъ“, а также „Пьяницей“, оба съ Михайлой Потыкомъ—знаменитые пьяницы.

78. (Стран. 220). Смотрѣніе въ даль изъ кулака молодецкаго соотвѣтствуетъ современному наблюденію въ подзорную трубку, которая, впрочемъ, какъ анахронизмъ, иногда упоминается и рарсодами.

79. (Стран. 224). „Не улова птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься“—

значить: не поймавъ птицы, уже щиплешь ее; не сваривъ птицы, садишься за столъ.

80. (Стран. 225). По одному пересказу, послѣ боя на коняхъ, богатыри еще тягаются черезъ гривы лошадиныя:

„Тягами желѣзными хваталися,
Черезъ гривы лошадиныя тянулися,
Другъ друга никто не перетягивалъ,
Другъ друга богатыри не ранили“.

81. (Стран. 226). У всѣхъ исчадїй тьмы—груди черныя, тогда какъ у людей, хотя бы и враговъ, онѣ бѣлыя.

82. (Стран. 228). „Латыгорка“ (иначе „Латымірка“, „Лысогорка“, „Горыинка“, „Горыинчанка“, въ сказкахъ „Баба-Яга“), богатырица царства тьмы, получила свое имя отъ Латырь-горы, которая есть нечто иное, какъ берегъ Латырь-моря (Балтійскаго).

83. (Стран. 228). „Сокольникъ“ (иначе „Соловникъ“, „Борисъ Козловъ“, „Збудъ королевичъ младъ“, „Жидовинъ богатырь“, Татарченоеъ Бусурманченоеъ“) есть представитель темной силы, такъ что бой его съ Ильей Муромцемъ есть какъ бы аллегорическая борьба начала тьмы и зла съ свѣтлымъ, нравственнымъ началомъ.

84. (Стран. 228). Сокольникъ называется также сыномъ Ильи Муромца.

85. (Стран. 238). Нѣкоторые рапсоды заставляютъ „старого“ послѣ этого умереть.

„Какъ прїехалъ опять во Киевъ градъ,
Ко пещерамъ тѣмъ ко кїевскимъ,
Прилетала сила невидимая,
И взимали стараго со добра коня,
Заносили во пещеры во кїевски;
Туть ли старый и опочивъ держалъ,
Туть матеръ человекъ и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя“.

Въ кїевскихъ пещерахъ, дѣйствительно, до настоящаго времени показываются мощи Ильи.

86. (Стран. 239). Существуетъ мнѣніе, что былина о томъ, „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“,—значительно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ всѣ прочія былины Владимірова круга. Поводомъ къ такому мнѣнію должно было послужить приведенное выше (въ прим. 85) окончаніе былины о „Трехъ поѣздочкахъ Ильи Муромца“, который, по нѣкоторымъ пересказамъ, умеръ своею смертію при возвратѣ съ послѣдней поѣздки, чѣмъ оправдалъ на дѣлѣ предсказаніе каликъ переходящихъ, давшихъ ему богатырскую силу: что смерть ему на бою не написана. Притомъ же былина о гибели богатырей имѣется вполне лишь въ одномъ пересказѣ. Но подобное мнѣніе едва ли основательно. Каждый былевой богатырь есть типъ, живущій вѣка, и продолжительность жизни богатырей соответствуетъ грандіознымъ размѣрамъ всего ихъ бытія; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если богатыри Влади-

мірова времени дожили до перваго нашествія на Русь Чингисхана въ 1223 году (слишкомъ 200 лѣтъ по смерти Владиміра). До татаръ они имѣли дѣло съ половцами, печенѣгами и другими безпкойными, но, относительно, слабыми сосѣдами (впослѣдствіи въ устахъ народа получившихъ общее прозваніе „татарь“), и постоянныя побѣды надъ этими врагами должны были вселить въ нихъ самоувѣренность, доходящую до самообольщенія. И первыя полчища новой „невѣдомой“ силы, навѣтившейся съ востока, наши богатыри не могли не встрѣтить съ тою же самонадвѣянностью, выразившеюся въ возгласѣ вѣчнаго хвастуна Алеши Поповича:

„Подавай намъ силу хоть небесную: *)
Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“

За это-то самохвальство, по благочестивому воззрѣнію народа, Провидѣніе и ниспосылаетъ имъ двухъ грозныхъ супротивниковъ, которые, разрушаемые пополамъ, удваиваются только числомъ и наконецъ наступаютъ такую несмѣтную силой, что богатыри въ паническомъ страхѣ обращаются въ бѣгство и окаменѣваютъ — окаменѣваютъ въ незыблемыхъ образахъ народнаго богатырскаго эпоса. Въ глазахъ народа эти супротивники — вызванная богохульникомъ Алешей сила небесная; въ дѣйствительности же это — невиданные до толѣ легіоны азіатскихъ варваровъ, по мѣрѣ истребленія, подобно саранчѣ прибывающихъ все большими и большими массами и этими массами окончательно подавляющихъ нашу немногочисленную богатырскую дружину. Поэтому былина о гибели богатырей, созданная, какъ надо полагать, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ татарскаго нашествія, по мнѣнію нашему, достойно заключаетъ древне-кѣвскій богатырскій эпосъ, отдѣльныя былины котораго также возникли постепенно въ періодъ времени отъ Владиміра до первыхъ годовъ татарскаго владычества.

87. (Стран. 239). Въ виду божественнаго происхожденія, которое дается народомъ двумъ супротивникамъ русскихъ богатырей, представляется естественнымъ перенесеніе дѣйствія къ библейской Сафать-рѣкѣ.

88. (Стран. 239). О „Горденкѣ“ („Гордей“, „Годинъ“, „Хотенъ“) Блудовичѣ и Иванѣ Гостиномъ сынѣ есть двѣ отдѣльныя былины, мало однако замѣчательныя.

89. (Стран. 240). Въ подлинникѣ единственнаго цѣльнаго варианта былины здѣсь названъ, по очевидному недоразумѣнію, новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ; мы считали себя въ правѣ замѣнить его „старшимъ“ кѣвскимъ богатыремъ Самсономъ Самойловичемъ, который одинъ изъ всѣхъ богатырей кочеваго періода ѣздитъ, хотя и неохотно, „поляковать“ съ младшимъ поколѣніемъ богатырей и, конечно, долженъ былъ также погибнуть наравнѣ съ послѣдними въ борьбѣ съ „нездѣшной“ силой.

*) Вариантъ: „нездѣшнюю“.

90. (Стран. 241). Замѣчательно что роковой вызовъ небесамъ, повлекшій за собою гибель всей богатырской брати, влагается въ уста все того-же Алеши Поповича, ядовитый языкъ котораго разсѣваетъ повсюду разладъ и раздоръ.

91. (Стран. 245). О Василии Буслаевѣ въ Лѣтописи (именно Никоновой) говорится вообще только разъ, какъ о посадникѣ Василь Буславиѣ, скончавшемся въ 1171 году. Уменьшительное Василька въ былинѣ вполнѣ соответствуетъ типу народнаго удалца; при чемъ во второй былинѣ о немъ (о его смерти), когда удалецъ отчасти остепенился, оно уже не повторяется. Имя отца Василия „Буслай“ или „Буславъ“—собрщенное славянское „Богуславъ“.

92. (Стран. 245) Мужики новгородскіе—мужи, горожане.

93. (Стран. 245). Изъ этого надо заключить, что отецъ Василия былъ въ древнемъ Новгородѣ лицомъ именитымъ, чуть ли не посадникомъ, въ пользу чего говорить также раннее обученіе Василия грамотѣ, письму и пѣнію церковному.

94. (Стран. 250). Вмѣсто Омы Горбатенькаго, называется также Котельная Пригарина.

95. (Стран. 255). Разнорѣчіе: бой дружины Васильевой продолжается трое сутокъ.

96. (Стран. 254). По нѣкоторымъ вариантамъ, дѣвушка-чернавушка (иначе Чернавка, дѣвка поварѣиная), прежде чѣмъ бѣжать за Василемъ, сама еще побиваетъ коромысломъ малую толпу „мужиковъ“ новгородскихъ.

97. (Стран. 256). Старчище Ондришище (Андронище) иначе Игнаѣище, Елизарище или пилигримище—странникъ (peregrinus), калыка переходящій, имѣвшій главное пристанище въ мѣстномъ Кириллово-Бѣловерскомъ монастырѣ.

98. (Стран. 256). Вариантъ:

„Я иду—Василью смерть несу!“

99. (Стран. 256). „Дамъ же я тебѣ яичко о Петровѣ днѣ“. Стало быть, бой былъ въ Петровки.

100. (Стран. 257). „А у стараго во лбу и глазъ ужъ вѣку нѣтъ“, т.-е. старецъ и при жизни еще слѣпъ былъ.

101. (Стран. 258). Есть слѣдующее отрывочное начало былинны о „Смерти Василия Буслаева“, которое могло бы служить какъ бы при сказкой ея:

„По синю морю корабличекъ бѣжить, таки бѣжить;
Къ Нову-городу корабличекъ спѣшить, таки спѣшить;
По кораблику Васильюшка погуливаетъ,
Онъ во звонкія гусельчики поигрываетъ:
„Ахъ, вы гусли, вы гусли, гусельчики мои,
„Заиграете вы, гусли, при мнѣ, таки при мнѣ,
„При мнѣ, таки при мнѣ, при Васильѣ молодцѣ,
„При Васильѣ молодцѣ, при купеческомъ сынкѣ!“

Хотя однако же умѣние играть на гусляхъ ни мало не противорѣчило бы общему характеру новгородской вольницы, но нигдѣ, кромѣ приведеннаго отрывка не упоминается о подобномъ искусствѣ Василя Буслаева; почему оно присвоено ему здѣсь едва ли не случайно отъ настоящаго „загусельщика“ Садка купца или же отъ кievскаго завѣжаго артиста-богатыря Соловья Будиміровича, которые оба также „показиваютъ“ по своимъ кораблямъ.

102. (Стран. 260). Въмѣсто Оаворъ-горы, называютъ также Сіонъ-гора и гора Сорочинская (см. прим. 22).

103. (Стран. 261). Островъ Куминскій—въ устьѣ р. Кумы, впадающей въ Каспійское море.

104. (Стран. 263). Встрѣчаемая Василюмъ Буслаевымъ на Оаворъ-горѣ голова, нѣкоторыми изслѣдователями сравнивается съ древне-греческою головою Медузы.

105. (Стран. 267). Въ былинѣ Садко, прежде чѣмъ сдѣлаться богатымъ гостемъ, не болѣе какъ веселый молодецъ, т.-е. гуслирь или даже скоморохъ, добывающій себѣ хлѣбъ насыщенный игрою на гусляхъ. Въ Лѣтописяхъ же XII вѣка онъ упоминается неоднократно уже какъ Соткѣ Богатой или Съдкѣ Сытиничъ, построившій въ 1167 году церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Такимъ образомъ Садко долженъ былъ быть современникомъ Василя Буслаева, умершаго, по Лѣтописи, въ 1171 году. Производятъ имя Садкѣ различно: отъ слова Садокъ (уменьшит. слова садъ), отъ званія сотникъ (сотскій) или же, наконецъ, отъ лѣтописнаго отчества его Сытиничъ (Сытиничъ), происходящаго отъ имени Сытъ или Сытой (нѣм. Satt, лат. Satur).

106. (Стран. 167). Поддонный Царь—также Царь Морской, Царь Водяной, Водяникъ, Водовикъ. По одному варианту, Садко является въ Новгородъ съ матушки Волги-рѣчки, поклонъ которой приносить братцу ея озеру Ильмену; Ильмень же, въ образѣ добраго молодца, даетъ тотъ же совѣтъ, что и Поддонный Царь.

107. (Стран. 270). Въ первой былинѣ о Василии Буслаевѣ, по нѣкоторымъ пересказамъ, въ числѣ мужей (мужиковъ) новгородскихъ упоминается Никола Зиновьевичъ и Оома Родіоновичъ. Весьма вѣроятно, что это—тѣ же настоятели Лука Зиновьевъ и Оома Назарьевъ, что упоминаются въ первой былинѣ о Садкѣ, такъ какъ Садко и Василий Буслаевъ, какъ выше сказано, должны были быть современниками.

108. (Стран. 272). Разнорѣчіе: Садко „пораздумался“, что не выкупить ему товаровъ со всего бѣла свѣта: „богатъ я, Садко, да богатѣ меня Новгородъ“,—и отдаетъ свой проигранный закладъ.

109. (Стран. 274). Черные корабли, вмѣсто обычнаго эпитета „червлѣные“, въ противоположность Садкову кораблю—бѣлому кречету.

110. (Стран. 276). „Дружки-братья корабельщики“—иначе: „Ярыжки, люди наемные, наемны люди—подначальные“.

111. (Стран. 276). Извѣстный купеческій девизъ „не надуть— не продать“ въ былое время, когда гости торговые, какъ птицы залетныя, всегда могли уклониться отъ преслѣдованія со стороны обманутыхъ покупателей, безъ сомнѣнія, былъ еще болѣе въ ходу, чѣмъ въ нашъ практическій, но и просвѣщенный вѣкъ. Садко, конечно, не составлялъ исключенія изъ общаго правила, и потому совершенно понятно его желаніе, во что бы то ни стало, по древнему языческому обычаю, откупиться отъ подлежащаго божества— сначала богатымъ даромъ, а затѣмъ и человѣческою жертвою.

112. (Стран. 276). По одному варианту, Садко въ правую руку беретъ образъ „Миколы Угодника“, а въ лѣвую гусли.

113. (Стран. 278). вмѣсто Царицы Поддонной Садку является также Святитель Никола (образъ котораго имъ взять былъ съ собой).

114. (Стран. 279). Дѣвушка черная или повареная, играющая извѣстную роль и въ первой былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ,— едва ли не разнovidность встрѣчающейся столь часто въ сказкахъ разныхъ народовъ Замарашки (Сандрильоны).

115. (Стран. 280). Въ вариантѣ (другого стихосложенія), который мы находимъ у Кирши Даниловича, Иванъ Васильевичъ, еще великій князь, а не царь московскій, съ прозваніемъ Прозритель, милостиво принимаетъ отъ царицы казанской Елены ковригу съ солью, а саму царицу велитъ крестить и затѣмъ въ монастырь постричь, супругу же ея, царю Симеону, за гордость его, что не встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью, „вынялъ ясны очи косицами“, и, снявъ съ него царскую корону и порфиру, „царской костыль въ руки принялъ“.

„И въ то время князь воцарился,
И насѣлъ въ Московское царство;
Что тогда-де Москва основалась,
И съ тѣхъ поръ великая слава“.

116. (Стран. 287). Воспѣваемый въ былинѣ объ „Оговорѣ царевича передъ Грознымъ“ эпизодъ изъ жизни Грознаго включенъ графомъ Ал. Толстымъ въ извѣстную историческую повѣсть его „Князь Серебряный“.

117. (Стран. 288). Здѣсь разумѣется сынъ Грознаго, Феодоръ Ивановичъ, котораго нѣкоторые ралсоды такъ и называютъ по имени.

118. (Стран. 289). И въ настоящее время еще сохранилось названіе Поганыхъ прудовъ.

119. (Стран. 289). Никита Романовичъ—третій и младшій братъ царицы Анастасіи Романовны, отецъ которой Романъ Юрьевичъ былъ царскимъ окольничимъ, изъ рода Андрея Кобылы, вышедшаго изъ Пруссіи въ XVI вѣкѣ.

120. (Стран. 290). Разнорѣчіе: „нерадошну вѣстку“ приносить Никитѣ Романовичу слуга его (такъ и въ „Князь Серебряномъ“).

121. (Стран. 290). Вариантъ: Никита Романовичъ для спасенія царевича, жертвуетъ своимъ любимымъ клюшникомъ (или конохомъ).

„Ужъ ты гой еси Малюта, сынъ Скурлатовичъ!
 Не твой кусъ, да не тебѣ и кушати!
 Ужъ ты на-тко да насытиси
 Молодымъ моимъ ли клюшникомъ!“

Малюта, срубивъ клюшнику голову, приноситъ окровавленную саблю царю.

122. (Стран. 291). По разнорѣчю, въ то время, какъ остальной народъ печалится, у Никиты въ селѣ его Романовскомъ ширь „на веселѣ“, въ трубы трубятъ, въ барабаны бьютъ. Извѣстившись о томъ отъ бояръ Годуновыхъ, разгнѣванный царь велитъ привести Никиту предъ свои ясны очи.

123. (Стран. 292). Или же Никита выпрашиваетъ себѣ самого Малюту.

124. (Стран. 292). Послѣ настоящей былины изъ семейной жизни Грознаго могла бы слѣдовать другая, того же рода былина о „Кострюкѣ“, гдѣ описывается кулачная борьба шурина царскаго Кострюка Темрюковича съ двумя московскими „молодчиками“, осиливающими его въ концѣ концовъ. Описание это однако настолько безцвѣтно, что мы ограничимся здѣсь лишь началомъ былины, служащимъ какъ бы вступленіемъ къ ней и довольно живо передающимъ отношенія къ Грозному его первой супруги Анастасіи:

„Приутихло-приуныло море синее,
 Глядячись со тѣхъ со черныхъ кораблей,
 Со тѣхъ марсовъ корабельныхъ
 И со тѣхъ со трубочекъ подзорныхъ
 На тѣ круты-красны бережки
 И на тѣ поля зеленныя.
 Приутихли-приуныли круты-красны бережки,
 Приутихли-приуныли и поля зеленныя,
 Глядячись на государевъ дворъ:

Преставляется царица благовѣрная,
 Молода Настасья дочь Романовна;
 Въ головахъ сидятъ-то два царевича,
 А въ ногахъ сидятъ двѣ молоды княжны,
 Супротивъ стоитъ самъ Грозный царь,
 Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
 Говоритъ царица таковы рѣчи:

„Ужъ ты слушай, царь, послушай-ка,
 Что тебѣ, царица, я повыскажу:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ до двухъ младыхъ царевичей:
 Когда будутъ они во полномъ умѣ,
 Во полномъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
 Тогда будутъ обороной отъ иныхъ земель.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Когда будутъ дѣвицы да во полномъ умѣ,
 Во полномъ умѣ, во твердомъ разумѣ,
 Отдавай тогда дѣвицъ замужъ.
 Еще слушай, царь, послушай-ка,
 Что тебѣ, царица, я повыскажу:

Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ князей и до думныхъ бояръ,
 До того до дядюшки любимаго
 И до своего до крестнаго до батюшки,
 До того Богдана Сирскаго:
 Тутъ вѣдь твоя дума крѣпкая.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До своихъ солдатушекъ служащихъ:
 Тутъ вѣдь твоя сила вѣрная.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Не будь яръ ты, будь ты милостивъ
 До всего народу православнаго.
 Еще слушай, царь, послушай-ка:
 Что тебѣ, царица, я прикажу,
 Что прикажу тебѣ, повыскажу:
 Какъ, царица, я представлюся,
 Не женись ты, царь, во золотой Ордѣ
 На купавѣ той татарской
 На той Марьѣ на Темрюковнѣ,
 Хоша много есть у ней приданаго,
 Много злыхъ, поганныхъ татаровей,
 Хоша есть у ней и брателко родимое,
 Молодой Кострюкъ-Мострюкъ Темрюковичъ,—
 А женись ты, царь, во каменной Москвѣ“.
 Тутъ царица и представилась,
 Тутъ царицѣ и славу поють“.

Тѣмъ не менѣе, однако спустя три мѣсяца, Грозный отпра-
 вляется за Марьей Темрюковной въ Орду, откуда беретъ съ собой
 и ея „брателку Кострюка-Мострюка“—героя былины.

125. (Стран. 293). Разсказъ о походѣ Ермака въ Сибирь самъ
 по себѣ хотя и прозаиченъ, но заслуживаетъ особеннаго вниманія
 по своимъ подробностямъ, позволяющимъ слѣдить за покорителемъ
 шагъ за шагомъ едва ли не съ болѣею точностью, чѣмъ по
 имѣющимся историческимъ даннымъ.

126. (Стран. 293). Ермакъ, иначе Ермилъ.

127. (Стран. 293). Рядомъ съ Ермакомъ, одна былина называетъ,
 вмѣсто есаула Асташики Лаврентьевича, двухъ другихъ атамановъ:
 Самбура Андреевича и Анофрїя Степановича.

128. (Стран. 293). Посоль персидскій (въ Персію отъ Ивана
 Васильевича Грознаго)—Карамышевъ Семень Константи-
 новичъ, объ убїеніи котораго казаками сложена также особая
 былина, сама по себѣ мало замѣчательная.

129. (Стран. 296). Татары видятъ, что казаки ни дать, ни взять
 снопики, но не догадываются, что это выставленныя впередъ
 соломенныя чучела.

130. (Стран. 297). Одна былина разсказываетъ далѣе, какъ
 Ермакъ, посланный царемъ къ Котовскимъ татарамъ „братъ дани-
 выходы въ казну государеву“, погибаетъ при возмущеніи татаръ:
 собираясь перескочить на другую ладью, онъ оступается на „пере-
 ходнѣ обманчивой“, которая „съ верхняго конца подымалася и на
 него опускалася, расшибала ему буйну голову и бросила въ ту

Енисей быстру рѣку. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, Ермакъ утонулъ въ Иртышѣ.

131. (Стран. 301). Парица, мать царевича Дмитрія Угличскаго, 7-я супруга Грознаго Марія Ѳеодоровна, изъ рода Нагихъ, въ иночествѣ Марѳа, такъ и названа въ былинѣ.

132. (Стран. 305). Изъ разряда былинь „петровскихъ“ литературное значеніе, по своей цѣльности и поэтическому складу, имѣютъ лишь помѣщаемыя здѣсь былины „Азовъ“ и „Плачь войска о Петрѣ“, а также былины о стрѣльцкихъ смутахъ и постриженіи парицы Евдокии, которыя однако, по своему содержанію, не могли войти въ это популярное изданіе. Въ прочихъ былинахъ петровскихъ встрѣчаются только изрѣдка, цѣнными самородками въ грудахъ булыжника, яркіе поэтическіе образы. Не можемъ не привести здѣсь наиболѣе удачныя изъ нихъ.

Сборы русскихъ противъ шведовъ описываются устами самого „батюшки православнаго царя Петра Алексѣевича“ слѣдующимъ образомъ:

„Еще пишетъ король шведскій ко мнѣ грамотку,—
Онъ де будетъ, король шведскій, ко мнѣ кушати.
Ужъ мы столики разставимъ ли—Преображенскій полкъ,
Скатерти разстелемъ—полкъ Семеновскій,
У насъ вилки да тарелки—полкъ Измайловскій,
У насъ пойлица медвяны—полкъ драгунушекъ,
У насъ кушанья сахарны—полкъ гусарушекъ,
Подчивать заставимъ—полкъ пѣхотушекъ“.

Въ противоположность такому свѣтлому, ободрительному взгляду виновника похода на предстоящія войску трудности само войско (въ другомъ образцѣ) смотритъ на дѣло съ болѣе будничной стороны:

„Гдѣ намъ день дневать, ночь корѣтати!
Намъ денекъ дневать во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ;
Ночь корѣтати во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу во сыромъ бору;
Намъ постелечка—мать сыра земля,
Намъ зголовнице—зло кореньице,
Умываньице—чистый мелкій дождь,
Утираньице—шелкова трава!“

На гражданскихъ чиновъ одна вѣсть о войнѣ производитъ панической страхъ. Когда „батюшка первый императоръ“ „докатается до сенату“:

„Изъ каретушки да вылѣзаетъ,
Во присутствіе да самъ заходитъ—
Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
Изъ очей слезы да покатились“.

Полтавскій бой, вдохновившій и перваго нашего поэта къ его замѣчательной поэмѣ, описывается въ народной пѣснѣ по своему, просто и картинно:

„Подымалась полтавская баталья.
 Запалить шведская сила
 Изъ большого снаряда—изъ пушки;
 Запалить московская сила
 Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Смѣшалася шведская сила.
 Распахана шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью;
 Орана шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронена шведская пашня
 Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Подивана новая пашня
 Горячей солдатской кровью“.

Былина-пѣсня о „Ладожскомъ озерѣ“ начинается такъ:

„Ахъ, далече-далече, въ чистомъ полѣ,
 Расплачется травушка зеленая,
 Унимаешь ее мати земля сырая:
 Не плачь, не плачь, трава-мурава,
 Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошавенько,
 И мнѣ еще того тошнѣе.
 Какъ ѣхалъ государь-царь изъ-подъ Риги,
 Велѣлъ меня, землюшку, копати,
 И рыи, и колодези вырывать,
 Ключевую воду испускати“.

Далѣе пѣсня переходитъ вообще въ жалобу безымяннаго мѣлодца, собирающагося „съ великія печали посхимиться“.

133. (Стран. 307). „Плачь войска о Петрѣ“, подобно былинѣ объ Азовѣ, повторяетъ старѣйшіе мотивы, а именно стародавнюю пѣсню о „Громѣ Гремучемъ“.

134. (Стран. 311). О былевой рѣкѣ Смородинѣ см. прим. 45. Нѣкоторыми „сказителями“ былинъ безымянному мѣлодцу настоящей былины присвоивается имя богатыря Добрыни Никитича или царя Петра Алексѣевича. Мы сочли однако же за лучшее вовсе упустить имя, такъ какъ въ былинѣ о томъ, „Какъ перевелись богатыри святой Руси“, Добрыня погибаетъ въ числѣ прочихъ богатырей; въ вариантѣ же Кириши Данилова тотъ же молодецъ уѣзжаетъ на чужбину съ кручины, что государь-царь (т.-е. царь Петръ Алексѣевичъ) на него „гнѣвъ возложилъ“; стало быть, молодецъ здѣсь, очевидно, не можетъ быть въ то же время и Петромъ Алексѣевичемъ.

135. (Стран. 315). Былина о „татарскомъ полднѣ“, по всему вѣроятію, сложилась уже послѣ татарскаго ига въ періодъ набѣговъ крымскихъ татаръ на южную Русь, въ пользу чего говорить и то, что соотвѣтственная этой былинѣ пѣсня есть и на малороссійскомъ языкѣ.

136. (Стран. 317). Хотя нѣкоторые варианты столь разнообразной былины о „Горѣ“ имѣютъ до 300 стиховъ, но выбранный нами

небольшой вариантъ, по своей сжатости и образности, долженъ почитаться образцовымъ. Въ одномъ вариантѣ отъ горя уходитъ не молодецъ, а молодица, которую

„Въ воскресеньице матушка замужъ выдала,
Къ понедѣльничку горе привязалось“.

Бѣдная спасается отъ Горя сперва „во темны лѣса“, потомъ „во чисты поля“, „въ зелены луга“, „во высокъ теремъ“, „во круты горы“.

„Горе вслѣдъ идетъ, само говорить:

„—Я червомъ совьюсь, горы выточу,
Горы выточу, тебя доступлю.—

„—Ахъ, ты матушка, свѣтъ Михайловна!

Мнѣ куда съ Гора дѣваться?

Я пойду съ Гора во сыру землю.—

„Горе вслѣдъ идетъ со острымъ заступомъ,
Устоялося, засмѣялося:

„—Ужъ ты, дочь ли моя родная!
Ты успѣла Горюшко повыгоревать!“

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТРЕБУЮЩИХЪ ОБЪЯСНЕНІЯ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НЕОБЫЧНЫХЪ СЛОВЪ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ВЫЛИНАХЪ.

А.

- Азвяковна (царица)—жена индѣй-
скаго царя Салтыка Ставрुльевича
(см. прим. 7).
Алеша Поповичъ—см. прим. 13
и 14.
Апраксія—стольная княгиня кiev-
ская (см. прим. 10).
Афимья Александровна—мать
Добрыни Никитича.

В.

- Базыга—хрычъ.
Баса—враса.
Башлыкъ (отъ восточнаго *башъ*—
голова, атаманъ, преимущественно
рыболовный).
Безвременье—невзгода.
Бермята Васильевичъ — см.
прим. 8.
Бесѣда—скамья.
Бласловить—благословить.
Богатырь—герой (см. прим. 3).
Богачество—богатство.
Богорадные старцы — богадѣ-
ленные въ церковномъ странно-
приимномъ домѣ.
Большой уголь—главный уголь,
гдѣ стоять образа.
Бранимый—узурчатый, вышивной.
Братовство—братство.
Буде—если.
Булатъ — сталь; *булатный* —
стальной.
Буркѣ—бурый конь.
Бурнастый—бурый.
Бусы-галеры — извѣстный родъ
судна.
Бѣгець—бѣгунъ.

Бѣлоярова пшена — пшевица-
кукуруза.

В.

- Вальякъ—рѣзба; *вальящетый*—
рѣзной.
Василиса Микулична — стар-
шая дочь Миколы Селяниновича (см.
прим. 23 и 26).
Василій Буславъ — см. прим.
91.
Васька Долгополытый или
Долгополый—см. прим. 77.
Вдвоемъ — вдвое; «*вдвоемъ те-
бя*»—вдвое противъ тебя.
Вдовить—лишать жену мужа.
Веденець—Венеція; *веденецкій*—
венеціанскій.
Верѣхъ—верхъ.
Взирать—братъ.
Вливать—выливать.
Во всю голову—во все горло.
Волжанка—клячка изъ дерева та-
волги.
Волокнистый — волочащійся съ
мѣста на мѣсто.
Волхъ-рѣка—Волховъ.
Вольга Всеславьевичъ — см.
прим. 6.
Вольгота — свобода, вольный
шагъ.
Во-пота й (впота й)—тайно.
Воспроговорить—выговорить.
Воспрокуриться — подняться,
ударить въ голову (въ переносномъ
смыслѣ).
Вранъ—воронъ.
Выжледъ борзой—ловчій песъ.
Выгрышь—содержаніе пѣсни.
Вырука—выручка.

Выступка—поступь, осанка; *выступкою щипить*—щеголять поступью, осанкою.

Выть—1) ѣда, кормъ («медвѣжья выть»); 2) количество ѣды за разъ.

Выщипливать—щеголять.

Выщербить—выломать часть дѣлаго.

Вѣжество—вѣжливость.

Вѣковѣчный—начинающійся съ начала вѣка или продолжающійся до конца вѣка.

Г.

Главище (глава)—голова.

Глуздырь—птенець.

Голь кабацкая—народъ обѣднѣвшій, бездомный.

Горденко Блудовичъ—см. прим. 88.

Гостебище—пирушка, гости.

Гость торговый—купецъ; гость корабельный—мореходный купецъ (см. прим. 25).

Граять—варкать.

Гридня—столовая комната.

Грудью пойти—поскакать.

Грядка—шесть для вѣшанья одежды.

Гуния—верхнее платье.

Гурчевецъ (Вручевецъ, Вручій)—вѣроятно, Овручъ (Волынской губ.) (см. прим. 50).

Гусѣлышки, гусельцы—гусли.

Д.

Державушка (держава)—владыка.

Держать—носить, тратить; держаться—издерживаться.

Дивоваться—удивляться.

Добрыня Никитичъ—см. прим. 5.

Довлѣетъ—подобаетъ, прилично.

Догадка—догадливость.

Долина—длина, вышина.

Домовище—гробъ.

Дунай Ивановичъ—см. прим. 11.

На дымъ пустить—пожечь.

Дѣянье—дѣйствие.

Дѣяться—дѣлаться.

Джекъ Степановичъ—см. прим. 63.

И.

Еврейскій стихъ—духовный.

Епанѣчка (епанча)—плащъ.

Ерусалимъ—Іерусалимъ.

Ж.

Жаровой лѣсъ—рослый, выросшій на припекѣ, на жару.

Жалкій—жалобный.

Живность—жизнь.

З.

Забава Путятична—племянница князя Владиміра (см. прим. 21).

Завидливый, завидушій—завистливый.

Заводъ—заливъ, защищенный отъ вѣтра.

Завозный—взятый на дорогу, привезенный для дороги.

Заворачивать—забирать.

Завѣсистая шапка—съ завѣсами, которые можно опускать и приподнимать.

Завѣтъ—обѣтъ.

Загусельщикъ—гусярь.

Задаться—поступить въ обученіе или на службу.

Задѣрнуть—приготовить.

Зазыватель—позовщикъ.

Займище—тонкое мѣсто, иногда поросшее тростникомъ или лѣсомъ.

Закататься—закатываться.

Заколodить—покрыться колодьемъ.

Залѣшанинъ (имя нарицательное) — дѣсной житель, дикарь; отъ того же корня: мужики **Залѣшане** (см. прим. 30) и **Никита Заолѣшанинъ**, подъ именемъ котораго скрывается **Илья Муромецъ** (см. кievскую был. XVI).

Замуравѣть — покрыться муравою.

Заносливый — заносчивый.

Заповѣдь — см. завѣтъ.

Заржучись — отъ *заржастъ*.

Застава — преграда (см. прим. 44).

Застолье — мѣсто за столомъ.

Застояться — остановиться.

Затохоль — затхлый запахъ.

Затыхаться — сдѣлаться затхлымъ.

Затюремщикъ — заключенникъ.

Захвастливый — хвастливый.

Захлыщевый — забубенный, отчаянно-смѣлый.

Захошь — см. хошь.

Зачинъ — начало.

Звеселять — взвеселять.

Земь — земля.

Златоверховатый — съ золотымъ верхомъ.

Златъ — золотой.

Зобать — ѣсть что-нибудь мелкое, разсыпчатое.

Зычный — звучный.

И.

Иванъ Гостиный сынъ — см. прим. 88.

Идѣлице — см. прим. 13 и 54.

Избыть — избавиться.

Изотчество, изотчина — отцовское имя.

Илья Муромецъ — см. прим. 37.

Индѣйское царство — см. прим. 7.

Индія богатая — см. прим. 63.

Ископытъ — комъ грязи или земли изъ-подъ конята.

Исполѣшаться — всполошиться.

Источенька — разноцвѣтный стручатый поясъ.

К.

Кавурка (каурка) — каурый (желторжій) конь.

Калика перехожая — нищій калѣка (см. прим. 16).

Калинъ царь — см. прим. 58.

Камень бѣлый горючій, или, просто, горючій — янтарь (см. прим. 2).

Камочка — камна (см. саянъ).

Кирпичать полъ — кирпичный.

Клюшничать — быть клюшникомъ.

Княгиня — молодая въ бракѣ.

Кожанъ, кожанецъ — 1) не выдѣланный овчинный тулупъ; 2) кожаный мѣшокъ.

Кой — который.

Коковка — загнутый верхній конецъ палки (кювки).

Коло — около.

Колпакъ — см. шляпа.

Колыбаться — колебаться.

Конникъ — залавокъ сейчасъ при входѣ въ дверь, послѣдній уголь.

Конюхать — быть конюхомъ.

Корба — чаща мелкаго дѣса.

Косида — високъ.

Кочетъ — см. укрючины.

Красовитый — красивый.

Крестьянствовать — заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

Крылецъ — крыльцо.

Крылось — клирость.

Кряжъ крутой — каменистый берегъ.

Кряковистый — съ коравымъ пнемъ, суковатый.

Кудельба — см. куроиво.

Купавъ — красивый; купава — красавица.

Куриво — пыль столбомъ.

Л.

- Ладить — готовить, пригото-
виться; ладиться — 1) соби-
раться; 2) быть вѣру.
Ластиньё — тонкая дрань.
Латыгорка — мать Сокольника (см.
прим. 82).
Латырь — камень — ятарь (см.
прим. 2).
Латырь-море — Балтійское (см.
прим. 2).
Леванидовъ крестъ — курсун-
скій (см. прим. 1).
Леванидовы луга — см. прим. 1.
Литва — всякая земля на западъ
отъ Кіева (см. прим. 9).
Ложня — спальная комната.
Луда — подводный камень.
Лукоморье — излучина морского
побережья.
Луна небесная — твердь.
Люби — отъ *любовь*; *до-люби* —
сколько угодно; *по-люби* — по
душѣ.
Въ любовь придти — по сердцу
придти, понравиться.

М.

- Маломожный (маломочный) — ма-
лосильный.
Мамельфа Тимоеевна — мать
Дюка Степановича и Василя Бу-
слаева.
Марѳа Всеславьевна — мать
Вольги Всеславьевича.
Марѳа Матвѣевна — мать цар-
евича Дмитрія Угличскаго (см. прим.
131).
Матѣрый, матерой — престарѣ-
лый и сильный.
Матерѣть — расти, становится
большимъ и сильнымъ.
Меженный — отъ *межень*, жаркая
лѣтняя пора.
Микула Селяниновичъ — см.
прим. 48.

- Михайло Пóтыкъ Ивано-
вичъ — см. прим. 69.
Младъ — молодой.
Моготъ — мощь.
Молятивиться — молиться.
Мосты — настланные переходы на-
ружныхъ свѣй.
Мудрости искать надъ кѣмъ —
стараться перехитрить, опутать ча-
рами.
Муравленый — муравю, развода-
ми расписной, пестрый.
Мурашь — муравей.
Мурзаецкій — отъ *мурза* (эпи-
тетъ коня).
Мурманка — шапка, имѣющая съ
обѣихъ сторонъ завѣсы, кото-
рые можно опускать и приподни-
мать.

Н.

- На большій — наибольший.
По надобью — сколько надобно.
Надеиный — надёжный.
Наигрышь — содержаніе пѣсни.
На конь — разъ.
Накрутиться — накутаться, наря-
диться.
Налучникъ, налушно — чехолъ
на лузъ.
Намѣтывать (служебку) — нала-
гать.
Напускъ — сильное нападеніе.
Напустить — напуститься.
Нарядить — справиться.
Науличье — площадь на улицѣ.
Нахтарма — пушистая сторона
мѣха.
Невѣжа — черныи воронъ — см.
прим. 65.
Немудрый — простой.
Неорлёный — безъ царскаго
орла.
Неуёмчивый — неукротимый.
Неумильный — невѣжливый.

О.

- Обзариться — заглядѣться, по-
льститься.
Обкольчужиться — надѣть коль-
чугу.
Облатиться — надѣть латы.
Ободверина — притолка и косяки
у дверей.
Обоймень — что можно обнять дву-
мя руками.
Оболоко — обляко.
Обдѣвничекъ, — обдѣвничекъ.
Объумѣться — прийти въ себя.
Огнёвушка — горячка.
Одинцовый — темно-зеленый.
Одноличныи — одинаковаго лица.
Одномѣдныи — изъ одной мѣди.
Озадориться — раззадориться.
Окаракою, окарачь — на четве-
ренькахъ.
Окатиться — раскатиться.
Околенка — оконница.
Окольный — идущий *около* чего-
нибудь.
Омѣшикъ — rado у сохи.
Опережь — прежде.
Опознать — узнать.
Опочивъ держать — опочивать.
Опочипуться — уснуть.
Опсковъ — Псковъ.
Оратъ — пахать.
Орда — земля, сторона (см. прим. 9).
Ордынский — отъ *орда* (эпитетъ
тебѣги.)
Орѣховець — вѣроятно, вымыш-
ленный городъ.
Въ особину — особенно.
Отвѣдать — попробовать.
Отчина — см. изотчина.
Ошарашиться — стать дыбомъ.

П.

- Палатныи брусъ — гряда, откуда
и *прудня*, или *прудня* (столовая).
Палица (палка) — дубинка.

- Паль — обгорѣлый лѣсъ.
Паробокъ — слуга.
Пень — пни.
Перелестникъ (судейскій) — об-
манщикъ (эпитетъ Алеши Попо-
вича).
Перѣное крыдечко — съ *перѣ-
нами*, или *периллами*.
Перепасться — перепугаться.
Перещанить — перещеголать.
Пясчикъ — писарь.
Платѣныи — платяной.
Пленъ (Пленко, Пленчище)
Сурожанинъ — отецъ Чурилы
Пленковича (см. прим. 62).
Повалешное — подать съ валька,
съ портомойни.
Поверткій — поворотливый, про-
ворный.
Проволжаныи — изъ дерева та-
волги.
Поволька — воля.
Поворотъ держать — вернуться
Повѣнчное — подать съ брака.
Повѣтеръ — попутный вѣтеръ.
Погода — непогода.
Погодиться — пригодиться.
Погрязывать, угрязывать —
погружаться въ грязь, въ землю.
Подвигаться — подвизаться, со-
вершать подвиги, полезать.
Поддонныи царь — см. прим.
106.
Подираться — драться.
Подковыренныи лапти — про-
плетенныи вторично.
Подколѣнныи — младшій (отъ
колѣно, старшій въ семьѣ или въ
родѣ).
Подкрутиться — приодѣться.
Подорожникъ — попадающійся на
дорогѣ («разбойнички - подорож-
нички»)
Подорожныи — 1) взятый на до-
рогѣ или на дороге; 2) платимый
за дорогу.
Подсолнечникъ — зонтикъ, опа-
хало.

Подстолье—мѣсто подъ столомъ.
 Пожадѣться—исполниться, жажды, изныть.
 Позариться—польститься.
 Показатьсья—поправиться.
 Покляпый—наклоненный въ одну сторону.
 Полевать—рыскать по чисту полю, отыскивая приключеній.
 Поленица—женщина-богатырица (см. прим. 4); также и иноземные богатыри.
 Полонѣ—взятое въ плѣнъ.
 Полбѣнь—1) плѣнъ; 2) плѣнникъ.
 Полтеи—половинки тѣль убитыхъ.
 Получка—дань.
 Поляковать—см. полевать.
 Помялушко (помело)—метла для выметанія печи.
 По поряди—рядкомъ.
 Попротивиться—вступить въ бой.
 Поразстрониться—постороняться.
 Пороша—молодой снѣгъ.
 Порученьки—перила.
 Порыскучій—см. рыскучій.
 Поселица (поселье)—мѣсто посѣленія, постоянного жительства.
 Поскакучій—отъ *поскакивать* (эпитетъ зайца).
 Поскочить—поскакать.
 Пословаться—вести посольское дѣло.
 Поступка—поступь.
 Посыльный—посольскій.
 Потникъ—подстилка подъ сѣдло, чтобы не тереть спины лошади.
 Поученый—знающій.
 Почестка—почесть.
 Прикакуивать—ликовать.
 Приниматься къ рѣчамъ—обращать вниманіе.
 Присошекъ—лопатообразная часть сохи, накладываемая попеременно то на одинъ, то на другой омѣ-

шекъ, для откидыванія вспаханной земли.
 Пристилаться—разстилаться.
 Приченки—см. прим. 30.
 Прихватка—ухватка.
 Причетъ—причитанія.
 Пригрюшиться—погрузиться.
 Приужахнуться—ужаснуться.
 Провизгъ—визгливый тонъ рѣчи.
 Провѣщиться—заговорить.
 Пропитомство—пропитаніе; *пропитомствовать*—пропитать.
 Просто—легко.
 Путиши—пути.
 Пучай рѣка—Почайна (см. прим. 19).
 Пѣхотою—пѣшкомъ.
 На пята отворить дверь—настежь.

Р.

Разболакивать—разоблачаться, скидывать.
 Развалить—расчистить.
 Разгорчивый—легко разгорающійся.
 Разрывчатый—отъ *разрывать* ся (эпитетъ лука).
 Ратиться—сражаться.
 Ратовье—жердь.
 Рогачъ—рукоятка у сохи.
 Родитель, родителекъ—родной, родная.
 Розстань—перекрестокъ.
 Рудожелтый—красно-желтый.
 Рубобитье—обрядъ стовора.
 Рыбій зубъ—моржовая кость.
 Рыкущій—издающій рыкъ.
 Рыскучій—рыскающій.

С.

Садко кунецъ—см. прим. 105.
 Салтыкъ Ставрुльевичъ—см. прим. 7.
 Самсонъ Самойловичъ—см. прим. 3.
 Саповочка—дудочка.
 Сафатъ рѣка—см. прим. 15.

- Сахарный — сахарный (эпитетъ яствъ и уствъ.)
- Саянъ (итал. Сая) — то же, что «камка хрущатая», полущелковая, протканная золотомъ ткань, а затѣмъ и одежда изъ этой ткани.
- Сбродовичи — см. прим. 30.
- Сверстаться — поровняться.
- Сверстный — равный, подходящий.
- Сворохнуться — пошевелиться.
- Святогоръ — см. прим. 51.
- Святые Горы — см. прим. 22.
- Сдивоваться — удивляться.
- Семья, семейшка — общее название супруговъ въ отношеніи другъ друга.
- Середа — поль.
- Сила — войско.
- Сиротать — лишать родителей.
- Скорбить — доводить до скорби.
- Скурлатъ — шерстяная ткань разнаго цвѣта.
- Слава идетъ — молва; *славу тѣтъ* кому-нибудь — пѣть въ честь умершаго.
- Слезить — вводить въ слезы.
- Смертушка — смерть.
- Смородина (рѣвка) — см. прим. 45.
- Смѣта — счетъ.
- Снарядный — нарядный.
- Сокольникъ — см. прим. 83.
- Сокротиться — укротиться, смириться.
- Сокрушиться — одѣться.
- Соловей Будиміровичъ — см. прим. 31.
- Соловей разбойникъ — см. прим. 46.
- Соловый — блѣдно-желтый.
- Сорочинскій — сарацинскій, арабскій; *юра Сорочинская* — см. прим. 22.
- Спрогдворить — проговорить.
- Спустить — отпустить.
- Спѣть — глаголъ, выражающій *тѣ-нѣ* спускаемой тетивы или стрѣлы.
- Ставѣрь Годиновичъ — см. прим. 24.
- Стаметъ (аксамитъ) — бархатъ.
- Становитый — статный.
- Старина, старинка, старинуха — пѣсня про *старину*, былина.
- Статья — 1) свойство характера, качество, выпавшее кому-нибудь на долю; 2) самая участь, судьба.
- Столованье — пированье.
- Стольничать — быть стольникомъ.
- Сторожокъ — спускная дверь.
- Стоялый — 1) давно стоявшій (эпитетъ меда); 2) гдѣ есть стойло (эпитетъ конюшни).
- Стредомірскій (панъ) — Сепдомірскій (воевода Юрій Мишневъ).
- Стрѣта — встрѣча.
- Ступа, ступокъ — тихій шагъ.
- Ступень — ходъ (въ игрѣ).
- Сумляться — сомнѣваться.
- Супротивиться — драться, вступать въ бой.
- Супротивникъ (супротивница) — равный по силѣ или по другому свойству противникъ, а также вообще ровня.
- Супротивъ — 1) напротивъ; 2) *супротивъ* кого силой, красотой — ровня.
- Суханъ Домантьевичъ — см. прим. 3.
- Сходня, сходенька — гѣстница.
- Сцапина — царापина.
- Счудиться — сотвориться (о чудѣ).
- Счудоваться — быть пораженнымъ чудомъ.
- Съ-подъ — изъ-подъ.
- Сыгрышъ — музыка, напѣвъ.
- Сыта (медвяная) — жидкій пчелиный медъ.
- Сыть — то, чѣмъ бываютъ *сытѣ* («волчья сыть».)
- Сѣдаты — сѣдой.

Т.

Тавлеи (tabula) — шашки, шахматы.
 Тайниціи — потайной.
 Тать — воръ.
 Толкучіи — сталкивающіи ся.
 Тоневья — тони, рыболовныя сѣти.
 Торoki — дорожный мѣшокъ, сума за сѣдомъ.
 Тѣщитъ ся — истощаться.
 Тугаринъ Змѣевичъ — см. прим. 13 и 17.
 Тудятъ ся — прятаться; *тулица* — тулящійся, прятающійся.
 Туръ — зурь, волю.

У.

Увалитъ ся — провалитъ ся.
 Углище — Углячь.
 Угодитъ — понасть.
 Угожество — красота.
 Уграживать — угрожать.
 Угрязывать — см. погрязывать.
 Укладный — язъ закаленного жельза.
 Укрючины — уключины, въ которыхъ ходятъ весла.
 Укрѣпа — крѣпость.
 Улещать — ластиться.
 Уливаться — заливаться.
 Уловный — гдѣ кто уловленъ, найдень.
 Умильный — умѣлый, вѣжливый, любезный.
 Уныльный — унылый.
 Упадка — упадокъ духа; *не съ упадкою* — безъ боязни.
 Уповодъ — приемъ.
 Управа — посадка.
 Уродствовать — проказить, чудить.
 Утонить (очи) — уставить.
 Утріе — утро.
 Утѣшенье (утишье) — тишина; <си-

нему морю на утѣшенье — чтобы было тихо.

Уѣда — кушанье.

Х.

Хайлице — пасть.
 Хамкать — лаять по-собачьи.
 Хапиловы — см. прим. 30.
 Хвалынское море — Каспійское.
 Хоробрый — храбрый.
 Хошь, захошь — хочешь, захочешь.
 Христовъ день — Свѣтлое воскресенье.
 Хрущатый (хрустящій, шелестящій) — жесткій, плотный.

Ц.

Царѣвъ — постоянный эпитетъ кабака.
 Цѣловальникъ — цѣловавшій въ знакъ вѣрности крестъ кому-нибудь.

Ч.

Чашничать — быть чашникомъ.
 Чебурацкій (?) — эпитетъ свища.
 Челомъ-битчикъ — челобитчикъ.
 Червлѣный — багряный, пурпуровый.
 Червчатый — красноватый.
 Черनावушка — см. прим. 96 и 114.
 Чернедь — чернь.
 Чернизина — черное пальто.
 Черный дьяконъ — іеродіаконъ.
 Чивье — рукоятка.
 Чингалище — книжка.
 Чоботъ — полусапожекъ, сапогъ.
 Чурила Пленковичъ — см. прим. 61.

Ш.

Шалыга, шеленуга — плеть съ
обязанной пулей, кистень.

Шеломъ—шлемъ.

Ширинка—полотенце.

Шишира—праздношатающийся.

Шляпа (колпакъ) земли гре-
ческой—дорожная съ широкими
полями.

Шопоткомъ—шопотомъ.

Шпенекъ—пряжечная шпилька.

Щ.

Щапить—щеголять.

Щаить—щеголь.

Щелейка—горное

Щепливый (щепел-
гольской).

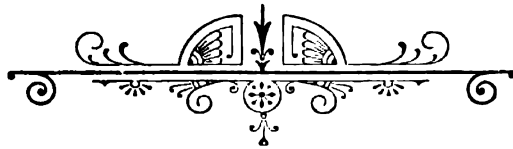
Щевомъ щепить—

Я.

Ярлыкы скорописчаты — гра-
моты.

Яровчатый—яворчатый, изъ де-
рева явора.

Ясакъ—вѣсть, голосъ, зовъ.

Тавлен (та)
маты.
Тайницъ
Тать—в
Толку

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ

○

КНИГЪ БЫЛИНЪ.

„Кому не извѣстны эти эпическія русскія произведенія съ ихъ оригинальнымъ, чисто народнымъ языкомъ, смѣлыми, яркими и образными оборотами рѣчи, съ ихъ глубокой поэзіей? Намъ думается, что эта **КНИГА БЫЛИНЪ** можетъ оказать особыя услуги въ качествѣ семейнаго чтенія, къ которому прислушиваются вечеромъ дѣти и взрослые, уютно собравшись за столомъ. Взрослыхъ поразитъ поэзія образовъ, удивительная сила и мѣткость языка, тонкій юморъ, обиліе сравненій и параллелей, вызываемыхъ этими былинами въ человѣкѣ, знакомомъ съ памятниками и исторіей всеобщей литературы. Для дѣтей здѣсь впервые откроется міръ русскаго богатырскаго эпоса; разъ запавъ въ дѣтское воображеніе и память, могучія фигуры этого полумифическаго, полуисторическаго міра навсегда останутся въ нихъ запечатлѣнными. Нельзя не порадоваться въ этомъ отношеніи за нашихъ дѣтей. Сокровища русской народной поэзіи достаются имъ теперь легко и просто, тогда какъ въ „наше“ время только-что начиналась еще разработка этихъ сокровищъ, и мы почти впервые знакомимся съ ними на университетской скамьѣ. Народная поэзія драгоценна тѣмъ, что она даетъ каждому возрасту то, что можетъ быть имъ воспринято. Вотъ почему мы думаемъ, что **КНИГЪ БЫЛИНЪ** должно быть отведено мѣсто во всякомъ русскомъ домѣ“.

„Московскія Вѣдомости“ 1880 г. № 77.

Благопріятные отзывы о **КНИГЪ БЫЛИНЪ** дали и многіе другіе органы печати: „Новое Время“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Годось“, „Правительственный Вѣстникъ“. „Вѣстникъ Европы“, „Нива“, „St.-Petersburger Zeitung“ и проч.